

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Альберт ЛИХАНОВ
Эх вы!..
Повесть-эпитафия 6
- Сергей МИХЕЕНКОВ
Солдатский маршал
Роман-биография 30
- Дмитрий ИГУМНОВ
Палатка. Рассказы 110
- Виктор СБИТНЕВ
Смерч. Рассказы 136

Поэзия

- Юрий КЛЮЧНИКОВ
Девятый вал
вселенских судных вод 3
- Виктор БРОНШТЕЙН
Скопили годы радость встреч... 26
- Евгений ГУСЕВ
Великий двор 107
- Поэтическая мозаика 121

Дневник современника

- Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 148

Очерк и публицистика

- Александр АЙВАЗОВ
Как нам преодолеть
новый кризис? 161
- Юлия ЗАРЕЦКАЯ
Размышления о науке
в эпоху рынка 171
- Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА
Политкорректность:
школа молодого бойца 180
- Сергей БЕЛОУСОВ
От сталинских реформ
к современному
реформированию 193

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Александр ОГНЁВ
Отрывок некогда
славной газеты 197

Слово читателя

“Мы делаем добрые дела” 205

Критика

Станислав КУНЯЕВ
“В борьбе неравной
двух сердец” 228

Капитолина КОКШЕНЁВА
“Всё испытывайте...” 253

Евгений ШИШКИН
Милые черты
знакомого портрета 259

Юрий ПАВЛОВ
“Есенин” без Есенина,
или Путь в беспутье 263

Алексей АРТЕМЬЕВ
Слово о “Слове” 273

Александр БОБРОВ
Солнечный круг 283

Александра БАЖЕНОВА
О неоценённом человеке 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов
Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова
Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
Подписано в печать 31.05.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,6. Заказ №2459. Тираж 9500 экз.
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ ВСЕЛЕНСКИХ СУДНЫХ ВОД

* * *

Ушли из глаз наскучившие лица,
из памяти — сумятица и гул.
Такое чувство, будто все страницы
судьбы своей ты вспять перевернул

в тетрадку нелинованную детства,
где заново любую быть пиши.
А там война, стремительное бегство
в блаженный рай саратовской глуши.

...Такая белизна, что очи ломит.
Раздумья все ушли из головы.
Нет ничего на белом свете, кроме
вот этой тишины и синевы.

Пусть не нова идиллий сельских тема,
и отрезвленья суть совсем не в том,
что из провинциального эдема
ты возвратишься в сумасшедший дом

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович родился в 1930 году в г. Лебедине Сумской области. Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем русского языка и литературы, завучем и директором средней школы. В Новосибирске работал радиокорреспондентом, главным редактором радиокomiteта, Западно-Сибирской студии кинохроники, Сибирского отделения издательства "Наука". С середины 80-х годов начал печататься в местных и столичных журналах и издательствах. Живет в Новосибирске.

большого города, где жизнь невыносима...
Твоих скитаний истинная суть,
что есть у нас в душе святая сила
из ада в рай листок перевернуть.

НЕ ВЕРЬ

Не верь, Иван, министру-вору,
не верь любому крохобору,
ни той, что рядом тащит гору
житейских мелочных забот.
Верь самому себе, разине,
своей обманутой России,
её непостижимой силе.
И эта вера нас спасёт.

РАССВЕТ

В плену у тьмы уже невыносимо,
но нам самим не выбраться на свет.
Приходит час всеобщей Фукусимы,
иных путей у нас, наверно, нет.

Рассвет похож на траурное знамя,
Планета завершает чёрный плен.
Мир замер в ожидании цунами
как Божьего решения всех проблем.

Последний Ангел к мужеству зовёт,
Земля мужает подвигом и кровью.
Нам остаётся отразить любовью
девятый вал Вселенских Судных вод.

15 июня 2011 г.

ТАНГО “ВОСПОМИНАНИЕ”

Легенда памятных пластинок.
...Аллеи клёнов и осинок.
Парад беретов и косынок
истосковавшихся невест.

Провинциальные подарки.
Входной билет в центральном парке.
Там под зонтом фанерной арки
Играет духовой оркестр.

Послевоенные картины:
привет брюнетки-Аргентины
одной из маленьких блондинок.
А рядом лейтенант-скала.

Грудь в орденах за пол-Европы.
Он с ней нетерпелив и робок.
Ей шепчет о любви до гроба,
той, что его лишь и ждала.

* * *

Не в ладах с любым попутным ветром,
я пою, пока ещё пою,
как об этом пишут, “в стиле ретро”.
На судьбу не жалею свою.

Не ропщу на то, что всюду плохо,
права нет на выборы эпох.
Да и сам я — целая эпоха
на распутье нынешних дорог.

Делаю попытку за попыткой
в стороне от всех партийных драк
сшить своей строкою, словно ниткой,
в клочья превращённый красный флаг.

ОКТЯБРЬ

Час приходит суету отбросить,
дать покой ногам, рукам, локтям...
Здравствуй, затянувшаяся осень,
Ясноглазый пушкинский октябрь.

Суть не в том, что Пушкин снова в моде,
даже если всюду злая мгла.
Главное, что в дачном огороде
все мои закончены дела.

Над стихами целый день склоняться
есть возможность, затопивши печь.
А могу весь день в лесу слоняться
и спиной в сухие листья лечь.

Запахи земли вдыхать дремотно,
вверх глядеть, где облик Божий мглист,
слушать, как легко и беззаботно
покидает ветку жёлтый лист.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

ЭХ ВЫ!..

Повесть-эпитафия

*Памяти Гены Черданцева
из села Карпово Алтайского края*

1

Явился он на свет Божий в красивом краю.

В хрусткие морозы и летними ясными утрами, когда воздух, и без того чистый в этих местах, становился уж и вовсе хрустально-прозрачным, а тучи и даже лёгкие облака разбегались по-над землёй, в далёкой дали являлись взору розовые далёкие вершины.

Горы, отстоящие от здешних полей и лугов, может быть, за сотни километров, вдруг показывали своё чудное обличье, маня собой, обещая невиданную красу, даль немереную и какое-то невнятное волшебство. И Славик, как и полоумный Митяйка, и разный народ из всяких классов — от малышей до парней, опушённых по щекам да под носом лёгким мужчинским признаком, да и взрослый люд, в эти — не дни даже, а малые часы, — выйдя на улицу, как-то тише становился, задумчивее, какая-то в каждом возникала тихая радость или, может, ожидание чего-то хорошего, красивого, ярко-возвышенного. Как те далёкие отсюда, но ведь светящиеся же, нездешнего цвета, розовые горы.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького, многих других отечественных и зарубежных наград. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

Все они, жители их села, замирали, глядя вдаль, и Славик замирал, и походил на всех, как и все в эти мгновения походили на него: ни о чём он не думал, ничего такого не воображал, и хотя розовые горы что-то же всё-таки обещали, ничего ни от кого не ждал.

Просто глядел, глядел до слёз, и было благостно на его душе — вот и всё.

Словно кто-то всемогущий показывал картинку, но этот же всемогущий — раз! — и задергивал, точно занавес, всё это видение: ветер крепчал, горы слегка шевелились, вздрагивали, розовое затушевывалось белым снегом или серым туманом, и всё мигом исчезало.

Будто шутили свыше над этим сельцом и жителями его, — а, наверное, ещё и над народом соседних деревень, посёлков поболее и даже городов, — точно всем им говорили, не произнося ни слова, а лишь показывая: поглядите, поглядите, порадитесь, почему бы не порадоваться, а потом... живите дальше, как жили...

Впрочем, может быть, Славiku всё это просто казалось? И никто не замирал, не затихал, не становился тише и задумчивее, а это просто ему всё так мнилось. Ну ещё, ясное дело, Митяйке — а с него чего взять, полоумного? Вдруг как кинет его — на пол, если дома, а то и прямо в снег, коли зимой, или в грязь по весне — и ломает, выгибает всяко, а он кричит, даже не кричит, воем воеет, хрипит, потом затихает, умолкает, хнычет, как малыш... Припадочный.

Славик любил его... Да, да, именно так.

Он ещё совсем малым дитём увидел впервые Митяйкин припадок, и взрослые, не то что ребяшня, отскочили в сторону, чтобы вдруг окостеневавший, становившийся железным Митяйка, мотнув ногой или рукой в судорожном, каком-то слепом и, ясное дело, бессознательном движении, не свалил с ног, — так вот, увидев Митяйкин приступ совсем малым, он не отбежал в сторону и, хоть его окликали, остался стоять неподалёку от головы припадочного и всё вглядывался в его лицо, в его широко разверзнутые, но ничего не видящие глаза, и был в маленькой, согнутой Славинной фигурке, похожей на знак вопроса, и впрямь вопрос, не имеющий ответа.

Когда Митяйка отошёл и заснул, маленький Славик наклонился к нему и неумело погладил по голове.

Казалось, припадочный ничего не ощутил и не заметил, но потом, когда прошло время, люди стали замечать, что немолодой уже и такой неудачный сын одинокой старой женщины по отчеству Глебовна, — имя-то её уже позабыли, только пара старух, путаясь, впрочем, что-то припоминали — то ли Ольга, то ли Мария, — в общем, люди стали примечать, что Митяйка, сын дряхлой Глебовны, мычащий, едва говорящий несколько невнятных слов, о чём-то курлычет с малолетним Славиком, который и сам-то ещё не в ладах с внятными разговорами, а поди ж ты — двое, не умеющих толковать, объясняются в чём-то и, объясняясь этак неловко, друг дружку понимают и друг дружке радуются.

2

Мать Славину звали Анной, по-деревенски — Ньюра, и носила она на себе, никак не могла избавиться, странное клеймо: пришлая.

Привёз ее в село жених, Славин отец Николай, справный в ту пору парень, из деревни, даже деревеньки, довольно далеко отстоящей от здешних мест. И кстати всё это случилось, — по крайней мере, так судили мудрые старухи на отшлифованных их задами завалинках, — потому что деревни поменьше помирали скорее, будто как торопились.

Народ оттуда съезжал кто как мог. Даже, рассказывали, горели те беззащитные малые деревушки, и не всегда от бродячего хулиганья, которого хоть и развелось великое множество, — всякие там туристы да бездельники, — но в такую-то даль эта публика добиралась редко. Дороги зарастали кустарником или ровнялись с полями; на новых картах умершие деревни не метились, так что умирали они от старости и загорались, по всей вероятно-

сти, от шаловливых молний. Те, кто всё же — больше люди от власти — добирались по случаю до этих деревень, вернувшись, других туда ехать отговаривали: мол, всё там будто после войны — стоят одни печи с трубами, ровно Мамай прошёл.

Ну вот, Нюра и была родом из такой дальней, где-то поближе к горам, деревеньки, и всегда, как погода остывала и розовые вершины зажигались вдали, выходила на крыльцо или останавливалась — на дороге ли, во дворе ли, — и слёзы катились по её лицу неостановимо.

В первые годы своей жизни в избе мужа, которому она досталась от покойных родителей, пришлая Нюра вела себя беспокойно, и был даже случай, когда она, уже на сносях как раз своим первенцем Славой, вдруг исчезла. С ночи.

Николай проснулся поутру, обнаружил своё одиночество, молча пометался по двору, потом пошёл на конюшню, тогда общественную, колхозную, попросил коня помоложе да и отправился в сторону гор.

Вернулся он в сумерки. Беременная Нюра неудобно сидела в седле, опустив подбородок на старый плюшевый жакет, Николай шёл рядом, держа лошадь за узду и тоже понуро свесив голову — будто что у него случилось. И, в общем-то, никто бы и не обратил внимания на этот эпизод, кабы не Митяйка, который, невнятно перебирая слова, среди коих было и предположительное “навверное”, произнесённое им невразумительно и невнятно, вроде как “тля-вель-о”, объяснил любопытствующим, будто Нюра убегала в свою родимую деревеньку.

Кто-то заверил: ну ясно дело, она же пришлая, не тутошняя, кто-то просто пожал плечами, а кто-то и рукой махнул на безумного Митяйку, сына Глебовны, имени которой никто не помнил.

Потом родился Славик.

Родила его Анна в районном роддоме, — всё чин-чинарём, привезла вместе с Николашей на грузовушке, которую выделил председатель колхоза.

Стали они жить и трудиться дальше. Николай, как вроде с рождения ему предназначено — трактористом, Нюра — дояркой. С образованием у обоих, как говорится, ни то, ни сё: Коля доучился в детстве аж до седьмого класса, а у Нюры и вовсе получилось всего-навсего полных шесть классов — оба со справками, даже не со свидетельствами. А дети пошли — стало и вовсе не до образования. Но и ещё: родив второго ребенка — через три года после Славика, косоглазенькую Матрёшу, Анна вынуждена была покинуть ферму — ведь чтобы доить, надо подниматься ни свет ни заря, а тут дитя грудное. Побегала она с Матрёшей на перевязи под грудью к коровкам, поддерживала её в убогой комнатёнке, надсаживая сердце возле коровёнок, не доить которых или, хуже того, недоить — смертный грех перед безгласной скотиной, а издала несётся еле слышный и всё слабеющий голосок плачущей малютки-доченьки...

И они с Колей решили: Нюре надо уйти, раз такое дело. Куда? А никуда!

Стала свободной птицей, никому, кроме семьи, не нужной. Да малость поторопились они. Потому что колхоз принялись разрушать невидимые из деревни новые власти. Собралось какое-то собрание, всем велели голосовать, и скоро после этого каждому работающему дали бумажку, в которой обозначалось — сколько паёв на сколько соток он будет иметь в личном владении.

Не где именно, от какого столбика или кустика до какого, а только — сколько. Вот и владей, как хозяин. Народ попробовал добраться до сути, но, чтобы доискаться, требовались деньги на землемера, который бы все разделил, на адвокатов-нотариусов. Да и как поделишь-то? Одному — удобья и хорошая пашня, другому — овраг. Пошумели и угомонились без всяких, к разъяснению дел, действий.

Ну да и что переживать? Нюре всё равно ничего не досталось, потому что к тому времени она из хозяйства ушла. Пай, точнее, бумажка, не внушавшая почтения, досталась только бедняге Коле.

Всё это происходило незаконно, но в законах малограмотный народ не разбирался.

В дошкольные свои и начальные школьные лета окружающую действительность Слава принимал с неизбежностью первооткрытия и естественной симпатией. Когда родилась Матрёша, ему самому-то было три годика от роду; когда следующая сестрёнка Настёна — только пять, когда Алёнка — семь, а Гришутка — девять. Последним появился маленький Семён — кулёк лупоглазый.

Со временем ничему его окружающему Славик уже не удивлялся, а даже как-то с малых лет от него притомился, наблюдая, как маманя, родив младенца и едва докормив его до каши, снова округлялась, снова ждала дитя, а потом съезжала из села дня на три, будто в короткий отпуск, и отец, повздыхав, опять то ли лошадь занимал, то ли, в последние-то годы, уговорив какого-нито владельца “Жигуля” за бутылку-другую поехать с ним в райцентр, возвращался с новым семейным пополнением.

Так что в Славином сознании не Новый год, не Рождество были зарубками и шажками к взрослению, а двух- или трёхлетние фазы, в результате завершения которых в доме появлялся новый человек, на удивление нынешним временам — все справные да здоровые.

Слава любил своих младших сестриц и братьев любовью простой, можно сказать, обыкновенной. Никто из взрослых его не приучал к этой любви, не читал сказок и назидательных сочинений, где старший братец всегда опора и защита младшеньких, наоборот, младшеньким доставалось от мамы наравне со старшеньким, едва они вступали в возраст, когда пора соображать и подчиняться.

Пока был Славик совсем мал и один, мама нянькала его и целовала, а папка подбрасывал к потолку их коричневой от старости избёнки. Как он поделился с косоглазенькой Матрёшей этой родительской лаской, ему и не заметилось — опять же по возрасту и потому как не пожалеть Матрёшу было нельзя. Больше того, он сам-то, ещё крохой, ощутил радостное ответственное чувство старшинства, подтаскивая от печки тёплые бутылочки с жидкой кашей, оттаскивая в тазик пелёнки-подгузники младшей сестрёнки, а потом и подавая бедной Матрёше свои первые команды.

И Настёна, и Алёнка, да и Гришка с Семёном являлись в Славином мире по природному естеству и никакого отвержения не порождали. Просто он однажды постоял возле больших амбарных весов во дворе фермы, ржавеющих от безделья, сам встал на них, чтобы измерить собственный вес, положил на круглую, приваренную основу плоскую гирию с прорезью, на неё ещё одну и ещё — и вот тогда, совсем неожиданно и вовсе не по-детски, подумал, что сестрёнки его и братишки, пятеро по числу, похожи на эти плоские гирьки, которые, рождаясь, сперва уравнивали, а теперь уже и перевешивают его собственную, Славинову жизнь.

Но и на весы эти он встал и подумал так уже в одиннадцать с небольшим своих лет, в пятом классе, когда и не такие ещё мысли приходят в голову подрастающему народу.

Трое, четверо, наконец, шестеро детей при совершенной необеспеченности родителей трезвомыслящие реалисты называют русским сумасшествием, безответственностью, бессмыслием, и будут правы.

Нюра и сама себя обзывала дурой, особенно выпивши и особенно при общении с Митяйкой.

Припадочного мужика неопределённых годов вообще признавали только дети и сильно пьяные взрослые, в трезвом виде от него отворачиваясь и всячески его обходя. Анна иногда с Митяйкой беседовала, особенно, конечно, летом.

Летнее время во всякой деревне благо, но и бескрайняя работа — сперва сев, потом прополка, окучка, потом уборка, а если свой огород, на котором растёт всякий овощ, то ещё и полив — по утрам да вечерам.

Они, конечно, ухайдакивались от работы, и Николай, и Анна, но это было поначалу, ещё до развала колхоза, пока живы стояли хоть худенькие, да тракторишки, и Николаю приходилось и пахать, и убирать, и возить бидоны с молоком от фермы. На Анну приходился огород и семейство — сколько наварить-то надо, да ещё скотинка какая-никакая — и коровёнка с телёнком, и поросята, и куры да гуси.

Однако постепенно работа в колхозе, потом на — частной уже — ферме сокращалась и сокращалась, заработки Николая вместе с ними тоже, и всё чаще он никуда не торопился, потому что его никто никуда не звал.

Жило так почти все село, похоже, уподобившись многим деревням русским, и народ наседал на огороды. Они всё же кормили. Ну, и домашняя скотина. Откормишь бычка или телочку, осенью мясо можно продать перекупщику, а то и самому на рынок отвезти. Но за прилавков там пробиться — настоящая головная боль. Ещё на подходе к нему чуть за рукав не хватают черноглазые мужики да парни, предлагают тут же купить — и цену назначают, которая, в лучшем варианте, вернёт истраченное, если всё-то пересчитать — и корма, и хлопоты, и всё, что ни назовёшь...

Появлялись перекупщики и прямо в селе, с ними стоило сговариваться, потому что скотину они и увозили живьём, а уж там...

Стоял, правда, ребячий и бабий рёв возле фермы, куда для удобства сгоняли всю скотину и грузили ее в крытые длинные, нерусского вида грузовики... И то! Прощались ведь не с чем-то бессмысленным, а с родной животинной, не только выращенной и вскормленной, но ещё и полюбленной, как всякое живое и близкое существо.

Одна старуха, отревевши и дождавшись с остальным народом, когда грузовик удалится, подняв столб пыли, будто столб дыма, проговорила, задумавшись:

— Будто на войну отправляем! Эдак же было!

— Не на войну, — поправил её какой-то шибко умный, в джинсах, селянин, бывший в поддании, — а на бойню!

— На бойню, на бойню, — не сломалась старушка. — Значит, на войну...

Расходились от фермы молча, угрюмо, как, наверно, расходятся предатели, сделавшие своё чёрное дело. Если, конечно, предатели вообще сходятся или расходятся где-нибудь...

Однако говорится это всё к тому, что, получив деньги за проданную скотину, по всей деревне начинался пьяный гул, который продолжался и день, и два, и три, пока не иссякал, не выдыхался, а Бурёнки, Маньки, Фроськи уже, глядишь, завершили своё пребывание на земле в кишках ненасытного городского люда. Так что плакать или переживать больше уже не было толку.

Семья Нюры и Николая не отставала от деревни. И всё ещё было бы ничего...

5

Потом оказалось, что молоко с остатков местной фермы далеко возить, и скупают его дешевле, чем стоит его надоить. Частники, несколько бывших сельских семей, вконец разоряться не пожелали, скотинку разом сдали перекупщикам, и через зиму приземистое продолговатое здание, когда-то светившее внешней побелкой — посерело, окна повыбились — или стёкла растащили? — и полегла наземь павшая колхозная ферма, словно мёртвая коровушка, враз осевшая, покинутая всеми, отвергнутая плоть.

Потом, дело было ядрёной зимой, опять появились торгаши, да ещё какие вежливые, приятственные — в чёрных, здесь небывалых автомобилях на больших колёсах, обходительные и, в общем, щедрые: они скупали паи. Те самые блеклые бумажки с подвыцветшими печатями, согласно которым земля, неизвестно где находящаяся, но всё же принадлежащая, например, Николаю, вдруг обрела цену. Надо же!

Народ с ликованием принял скупщиков и нотариусов, так что цены по ходу дела слегка упали, а если привередничать, так и сильно упали, но зато обернулись наличной денежкой, и опять загуляло село во все тяжкие, по-

ка — кто с умом, а кто и вовсе без оно́го, до конца не снесли эти денежки в местный магазинчик, процветавший на неожиданно бойком бизнесе.

У семьи Николая и Анны паёв было меньше, чем у прочих, поэтому и печалиться им досталось вроде как покороче, хотя и о чём тут печалиться, если деньги — дают, а земля, прописанная в бумажке, — чистой воды наваждение и вымысел?

Николай при этом проявил силу воли. Была у него мечта — во имя спасения многодетной семьи и одоления тягот — построить по весне крольчатник, потому как известно, что кролики плодятся скоро, кормятся простой травой, быстро вырастают и дают диетическое мясо, не говоря о пухе, из которого, при желании, старухи навьют тебе и шапочек малышне, и варежек, и носочков — носи, не хочу!

И он своего достиг!

О, это была настоящая перемена их жизни! Деньги понадобились на несколько нетолстых длинных брёвен, на доски — несколько всего кубов, ну, да на пять кроличьих пар, которые, по расчётам тракториста, через тридцать дней должны были удвоиться, потом утроиться, потом учетвериться, и всё это в геометрической прогрессии, о чём он догадывался по воспоминаниям о математике седьмого класса и по своей собственной крестьянской догадливости.

И всё пошло как по-писаному. Сарай он сколотил, кроликов завёл, а уж детская команда под управлением Славы столько молочая да клевера натаскивала с окрестных лужаек, что кролики не поспевали поедать.

В июне явился первый приплод, щедрый против скромных предположений. Семья словно ожила. Отец весь светился, за столом только и разговоров, что о кроликах, детей одарили забавой — дать каждому крольчонку имя, и спор, кто и как выглядит под каким именем и кто над кем из этих милых зверушек шефствует, не утихал даже за обедом.

Переменилась и Нюра.

Она уже давно ходила неопрятная, молчаливая, как будто придавленная. Чем? Бескрайней своей семьёй? Огородом и домашней скотиной, про которую и зимой, и летом надобно думать каждую минуту? Тоской от утраты девичьего дома, деревушки, исчезнувшей с лица земли?

Но для женщины крестьянской породы всё это обыкновенно и если не радостно, то не в тягость и не в смертельную тоску ведь — каждому, как известно, на роду написано то, что написано. Миллионы женщин живут именно что так, не гонясь за комфортом, за бездельной жизнью перед телевизором. Ну, правду-то говоря, скорее — жили раньше. Теперь, сокращаясь день изо дня, по причине естественной, то есть помирая, живые вдруг, всё собрав и продав, убежали в города к своим детям, внукам, правнукам, в уголок на сундуке, всё равно как, лишь бы подальше от вековой и горькой, без сна и отдыха, деревенской бабьей доли.

Даже не в виде разговоров, недовольства, слёз, — а их-то целый океан! — а в виде духа какого-то рьяного, какого-то тумана, мги душевной бродит ныне по-над русскими селениями эта не то что мечта, а простая необходимость обещаясь, не истратить остатки жизни на что-то смутное, бедное, несобящее, хоть и называемое землёй родной, а то и ещё возвышеннее — родиной. Да уж какая-то такая Родина, когда где-то вёрст за полтора-двести — вот тебе и горячая вода из крана, и тепло от батарей, никаких тебе дров. И зарплата у детей, хоть и невелика, может, но два раза в месяцок — вынь да положь, гражданин-работодатель, хоть, понятное дело, на работу-то и не просто пристроиться...

Смута эта уж давно обрела реальную силу, которой подчиняются не только целые семьи, но и целые деревни, посёлки и даже малые города, где если кто и остаётся — так совсем уж старый люд, дряхлые пенсионеры, которые, однако, скоро уж вымрут, освободят свои углы да избы, и земля наша родимая — что? — зазеленеет снова? Займётся небывалым цветом нераспаханных угодий? Затянется нежным по весне осинником, годным, однако, в некотором будущем на спички?

Смута эта, обретающая силу решений, слома судеб, суеты переездов и обретения новых несчастий, овладевала и Нюрой, да ещё и кличка — пришлая! — усугубляла смуту эту, но...

Нюра понимала всё-таки, что с шестью классами и малышкой по лавкам, да и с мужем-трактористом, никуда ей с места не стронуться. И здесь доживать, пока не выросли дети, не распрямили крылышки свои, а там, может, взлетят, хоть и не высоко, а далёко — и авось утянут с собой...

Тем, похоже, и утешалась, ни с кем и нигде словом о том не обмолвившись.

6

И зачем он только вздумал устроить этот крольчатник, да ещё, как оказалось, уже не на своей земле? Эвон как вывернуло: бумажки, бумажки, ничего не значащие пай, неизвестно как и кем делённая земля, а продал, получил хоть какую денежку — и тебя уже не спросят, а сразу означат: вся скупленная земля стала чьей-то, у нее есть хозяин, и он не позволит на его земле что-то строить или, того пуще, разводить.

В общем, к осени, когда обычно сеют озимь — но в селе давно ничего и никто не сеял — к воротам дома Николая дома подвалило фасонистое авто, оттуда выскочили двое мордастых, уголовного вида хахалы и, вызвав отца, которого тут же окружила его малолетняя рать, приступили с допросом: — Это твой, хозяин, крольчатник за околицей?

Сперва Николай был радостно откровенен:

— Мой! — вишь, семья-то?

Но на семью мордвороты не глядели — глядели на взрослого отца.

— Но у кого же ты испросил разрешения-то? Строиться?

— А чё, — смугился Николай, — надо спрашивать? Земля-то ничья! Общая!

— Общая? — заржали приезжие. — Какая она общая, если ты свой пай продал. Теперь чья-то! Так что давай! Без лишних разговоров! Сноси! Оттуда пашня начинается, а у земли теперь есть хозяин. Через неделю начинаем, поторопись, не то... Сам знаешь!

И как Николай ни подбирал слова, что надо ему хотя бы до заморозков дотерпеть, те пришлые только хохотнули:

— Предупреждён, значит, извещён!

Слава, конечно, был возле отца при этом нахальном наезде, но когда тот пошёл в бывший сельсовет искать защиты у власти, остался дома.

Отец вернулся просто чёрный, в глазах у него взблескивали слёзы, а губы тряслись. В таких семьях не говорят с глазу на глаз, а только сразу всем, и отец с порога объявил:

— Не буду сносить! Не буду! Не имеют прав! Мы многодетные! Что нам, подыхать?

Нюра стояла во дворе с младенцем, он зашёлся рёвом, будто первый всё понял. Это был Григорий, Сеня ещё не планировался. Ему слаженно подвыли Алёнка с Настёной, мать прикрикнула на них, ведь они заревели просто за компанию, и спросила:

— Может, послушать? Ведь всё потеряем!

— А власть на што? — испуганно воскликнул Николай, и слезинки выкатились у него на щёки.

— Власть на што? — повторил неуверенно и прибавил: — Я участковому заявление написал! Об угрозе!

— Охо-хо, Коляша, — проговорила Нюра дерзким тоном. — Какая власть? Какой участковый? Али ты ослеп?

Во дворе толокся Митяйка. Никто не видел, как он зашёл — да и стоял он тихо, только после Нюриных слов что-то стал лопотать:

— Афицлоликовтозаплате!

Слава перевел:

— Говорит, кроликов спрячьте.

— А куда? — заголосил отец. — И почему? Там для них всё специально построено!

День закончился тем, что Славе, Матрёне и Настёне с Алёнкой дали принести в избу по паре самых маленьких крольчат, но они насорили за вечер

и утро своих шариков, Нюра заругалась, и всех их опять же снесли обратно, потому что пока было тихо и никто ни с чем к крольчатнику не приступал.

Через три дня про угрозу забыли, через неделю над ней посмеивались. А недели через две проснулись от громкого стука в окно. Стучал Митяйка.

Всклоченный, напуганный, полуодетый, он чего-то мычал, и когда Николай, а за ним Нюра и Славик выскочили на дорогу, то увидели, как за околицей полыхает крольчатник.

Отец схватил ведро с водой, Нюра закричала, запричитала, выбрались из постелей Матрёна, Настя и Алёнка, только Гришка спал, и все они кинулись к жалкой своей собственности.

Строение полыхало сразу со всех сторон, войти в него было невозможно, кролики безмолвно исчезли в огне, хотя их было ведь уже много — геометрическая прогрессия природы действовала безотказно, и Николай, закончив все ладом, мог бы чувствовать себя хоть каким, но всё же победителем.

В Славу это всё врезалось будто ножом: огонь, быстро сожравший доски стен, чуть дальше догоравшие поперечины, скорое обрушение и целый столб красный искр, поднявшийся в чернеющее осеннее небо. И все они, кричащие криком: отец, мать, три сестрёнки и, может быть, громче всех орущий он сам. От отчаяния, от несправедливости, от чьей-то тяжёлой чужой силы, которая, не считаясь с ними, уничтожила этот несчастный сарай и несчастных безмолвных кроликов, у которых ведь и голоса-то нет!

Эти семь освещённых пламенем и бедой лиц, — с ними прибежал и Митяйка, — эта беспомощность их общая, их ненужность никому, Славу ломали изнутри: он искал и не находил ничьей защиты, а отец казался ему точно таким же, как и он, слабосильным мальчишкой, только возрастом постарше — а во всём остальном таким же беспомощным, слабым, сломленным.

Потом как-то разом наступила тишина. Балки давно рухнули, догорая, доски превратились в уголья, подходить к пепелищу и рыться в нём было бессмысленно. Они постояли ещё с полчаса — минут сорок, пока огромных размеров кострище не уgomонился вконец, и поплелись к дому.

Митяйка двигался первым, что-то бормоча. Нюра и Николай шли обнявшись следом, девчонки следовали одна за другой, гуськом, и за ними, замыкая шествие и чуть поодаль, брёл Славик.

Лицо и грудь его ещё горели от пожарница, а спина мёрзла, даже леденела.

И тут его поразила тишина. Село спало, не соизволив даже встрепенуться, а над головой сияли, низко опустившись, огромные звёзды. Казалось, какое-то надземное многоглазое существо с любопытством таращится на этих людей, на их беду, которая вдруг свалилась ни за что, ни про что, и никто не подумал придти им на помощь.

Славик поотстал ещё, остановился, огляделся во все стороны. Плотная темнота обступала его, только от бывшего крольчатника изредка прорывались не всполохи, а просто промельки света; звёзды смотрели равнодушно, и чёрная земля под ногами сливалась с небом.

И Славик подумал неожиданно, что ничего не изменится в этом мире, если не станет и его, а не только каких-то маленьких и беспомощных крольчат. Что и он — как крольчонок, а может, и просто песчинка, исчезнет в один миг — и мир не содрогнётся.

И ещё он подумал, что с этим ничего нельзя поделать.

7

Родители напились, да так шибко, как никогда ещё не бывало в их доме.

Выпивали они и раньше, крепко тоже выходило, но в этот раз получилось что-то небывалое. Маманя и раньше понемногу гоняла самогон — покупали сахар, дрожжи, получалась у них прозрачная водичка, оба говорили — та же водка, только крепче почти вполтину, а по цене так во много крат дешевле — тратиться на магазинное, с наклейками, они не любили.

Гриша, когда все вернулись, всё спал и улыбался во сне. Славик ещё завидовал бессмысленному младенцу: и пожар, и кроликов — всё проспало

невинное дитя. А отец тем временем, как был, полуодетым, налил полстакана и слил в себя. Потом ещё добавил. Обождал, пока старший сын протянет огурец.

Оба они буквально тряслись — и отец, и мать, сели на лавки друг против друга, даже не омылись от пожарной копоти, и принялись догонять друг дружку. Стакан за стаканом.

Отец уснул, бросив голову на столешницу. Нюра, некрасиво шарашась, разводя руки в стороны, будто разом ослепнув, нащупала взрослую кровать возле малышовой Гришкиной, бухнулась навзничь и умолкла.

Слава с сестрами молча глядели на повергнутых родителей. Неясно, что испытывали неговорливые сестрицы по возрасту своему, может, и ничего — ведь ранее детство не судит родителей, а принимает такими, какие есть. Славик же судить не смел, и будь постарше, может, в этот раз, как и родители, налил бы себе прозрачного пойла. Его всё ещё колотило, и он пошёл умываться, долго лил воду на лицо, на всю голову, на руки — пока постепенно дрожь возбуждения и горести сменилась дрожью остуды. Не было в его владении средства, которым располагают взрослые и которое выключает всё и сразу — и мысли, и движения.

Около полудня загудела, затрубила корова Манька. Славик и без этого напоминания знал, что мать пропустила утреннюю дойку, и животине тяжело, даже больно, и попробовал родительницу окликнуть. Нюра только повернулась на бок и проворчала что-то нескладное.

Пришлось Славiku брать в руки ведро, подсаживаться под корову. Та облегчённо вздохнула после первых струй, неумело сдоенных малышкой, но ничем не выразила своего недовольствия — ведь дойщик был ей существом известным и неврадным, значит, допустимым.

Слава подоил Маньку рукой не то чтобы неумелой, скорее непривычной; до сих пор мать, щадя его мужское преимущество, к корове не подталкивала, ждала, когда дочки подрастут, научила только, как это делается, дала малость сдоить разок-другой, на пожарный, так сказать, случай. Да вот он и прибрёл — этот случай.

Придя в себя, мать его дойку не оценила, ничего вообще не сказала, растолкала мужа, сели вроде как обедать. Подрезала хлеба, и снова они стаканы свои наполнили.

Щи-то так и остались, почитай, недоеденными. И снова свалились родители в глубокий сон, а скорей-то в самодельный наркоз, и снова дети промолчали — теперь уж расплозились по своим углам и делам на улицу, в огород да баньку. Да, вот ещё: Григорий гукал и радостно пускал пузыри, пока что в лежачих родителях не нуждаясь, потому как принял его прямо в руки старший брат и накормил кашей, а младшие сестрёнки по очереди тютюкались с ним, то на полу, то в огороде — приодев потеплее по нежаркой уже погоде.

Ещё, грешным делом, Славик подумал тогда, что, подрасти девчонки на год-два, так они вседетским своим сборищем и с хозяйством помалу сладят — вовсе без взрослых. Тут же себя осёк. Как это без взрослых? Корову-то не только доить надо, но и кормить — где теперь, когда вся земля кому-то отведена? В лесу? Дак и лес, может быть, уже чужой. Ходить по опушкам, подкашивать зелень, таскать в мешках? А свиньи? Им заваривай комбикорм и картоху, иначе охудеют — какой прок? А куры? А гуси?

Ну и всё остальное — как? Стирка, глажка, дрова на зиму... Да и школьные дела — вот-вот не он один учеником станет, но и сестрицы по очереди.

Малым детям, особенно по нынешним временам, поздно вато даётся чувство беспокойства не то что за других, а за самих же себя — и неясно до конца, благо это или родительская беспечность, однако ведь и дети детям рознь. Одни в благодати купаются и беззаботстве, другие, вот как Славик, окунаясь в заботу по нужде, а то и по отчаянию...

Впрочем, поначалу никакого отчаяния не было, а была разделённая со взрослыми скорбь. Жалость к кроликам и сарайке, обида, нанесённая неведомо кем, ведь мордвороты на форсистой машине только чьи-то гонцы, просто угроза, может, даже и исполнители угрозы, но приказал-то кто-то, из их

избёнки незримый, владелец земли, которая всегда была общей, а, значит, их тоже. Но теперь — отторгнутая навсегда. Почему, по какому праву?..

8

О ту пору Слава готовился в четвёртый класс, и ох как не всё ещё в нём устоялось. Да что там! Иные гоголи и после полной школы-то — чистые дети, ничего о жизни не разумеющие, а мыслями своими порхающие, точно легкокрылые бабочки: ни забот тебе, ни тревог. Чистое, безоблачное детство!

Слава уже и в третьем классе сельской школы, где все дети собрались от земли, от семей если и не работащих, то жизнью отягощённых, озабоченных тревогами и беспокойствами — выделялся какой-то большей, чем у других, сдержанностью, строгостью к самому себе и жёсткостью не только в отношениях с другими, а ко всему окружающему.

Казалось на первый взгляд, что он робел, но это было не так.

Нельзя сказать, что он от других ребят отгораживался, или от ученья — нет, он просто не ликовал малолетским ликованием в случае учительской похвалы, а опускал глаза, едва розовел, и получалось, будто хорошая оценка предназначалась не ему, а кому-то третьему... Он никогда не торопился с выражением благодарности — смотрел недоверчиво, словно пропуская доброе мимо себя, над собой и ожидая ещё чего-то, какого-то, может, подвоха. В ответ детское окружение, сотоварищи по классу, Славу выделяли ответной к нему осторожностью, точно между ними и им была какая-та канава, наполненная водой.

В общем, товарищество его было очень сдержанным — он не подпускал к себе близко, пожалуй, никого, и никто этому не удивлялся, хорошо зная, что этот мальчонка, стриженный под ёжика — и не у парикмахера, а материнскими ножницами, — из слишком уж многолетней семьи, и ему после уроков надобно не валять дурака, а скорее бежать домой.

Той осенью, когда сгорел крольчатник, да, считай, через день-два после пожара, но ещё до начала школьных занятий, на сельской улице послышался какой-то приглушенный, явно чужого происхождения рокот, и народ, кто мог, конечно, и кто был дома, первым делом, конечно же, ребятня, высыпал на улицу, дивясь увиденному.

По ней этак надменно, пружинисто и осанисто, на громадных рифлёных колёсах катила железная красота, сияя новой зелёной покраской, сверкая стёклами водительской кабины и задрав над собой острые, сверкающие лезвия целой щетины плугов.

Невиданный трактор, чужестранный гость этот, катился за всё той, знакомой уже, фасонистой машиной, которая притормозила возле пепелища бывшего крольчатника. Сердце у Славы затрепетало — он ведь побежал за этим трактором, чтобы подивиться невиданному чуду, а тот приехал не только удивлять...

Окно в джипе приоткрылось, чья-то рука махнула вперёд, указывая на угольные останки сарайки, чужестранный трактор легко пыхнул, свернул с дороги, изготовился будто, опустил рога плугов и легко двинулся вперёд, без всяких усилий окончательно стерев с лица земли остывшие уголья выстрадавшего отцом и беспощадно спалённого кем-то добра.

У него, наверное, были тысячи лошадиных сил, у этого тракторища! Он катил по прямой, переворачивая добрую землю, снося и засыпая ею же всякую поросль вроде репейника и осинового подроста, и мощь его не могла не вызвать простого удивления чьими-то золотыми умами, придумавшими такое чудо!

Слава глядел на всё это чуть впереди и в стороне от других ребят, и смутные, несовместимые чувства бродили в нём — и восхищение трактором, и ненависть за его лёгкую расправу с угольями крольчатника, и поражённость такой мощью и лёгкостью, которую ни он, да и никто из людей постарше его, не видел в тракторах наших, прежних.

Он долго смотрел влед огромному зелёному жуку, бороздящему поле за околицей, подождал, пока он вернулся, развернулся, загребая плугами

очередную широкую полосу, и отправился вновь вперёд, почти к самому горизонту.

Когда Славик, глубоко вздохнув перед тем, обернулся, чтобы идти домой, он едва не уткнулся в отца. Николай стоял у него почти за спиной, и опять в глазах у него что-то взблескивало и дрожало.

— Американец, наверное, — сказал он неуверенно сыну и обнял его, поворачиваясь вместе с ним к дому. — Или немец...

Они прошли несколько шагов.

— Мне на такой не работать, — сказал отец, горестно усмехаясь.

— Да? — равнодушно спросил Слава. — А чего?

— Грамотёнки не хватает, — ответил отец тоскливо. — Да и много ли трактористов-то нужно при такой машинице? Посмотри, как волокёт! Какая скорость! Какой захват! За три дня всё перепашет.

Они ещё постояли. И ещё чуток посмотрели на зелёную машину, становящуюся то меньше, то больше, и не бредущую, не ползущую по пашне, а почти что летящую.

9

Когда хозяйство хиреет постепенно, нарушения его не так заметны. Ну, к осени порезали гусей, чего тут особенного, закон такой, их всегда к морозам режут. Потом куры передохли от какой-то заразы, пришлось изредка в магазин бегать Славе — за яйцами. Дак всё равно же за хлебом ходить надо. Иногда, с похмелья, маманя требовала красненького, это был какой-то “портвей”, в магазине Славе его благосклонно отпускали, понимая, что это он не себе. Да ведь он и деньги платил.

Эта фраза требует объяснения, потому что денег в селе вообще-то было мало. Исправно их получали пенсионеры, ещё точнее — пенсионерки, потому как старичков окрест почти не осталось. Остальные, рабочего возраста народ, потерявший свои несчастные должности, что на ферме, что в поле, порастратив выручку за скупленные паи, приноровился магазинные продукты брать в долг, рассчитываясь, когда бабушки-пенсионерки дождутся своего ежемесячного почтальона. Какие-никакие, пусть тонким ручейком, но денежки в село притекали теперь почти только через старичьё, и их в основном доставало, чтобы покрыть торговые кредиты. К тому же магазин был давно не сельповский, а частный, как и всё вокруг оказалось в одночасье частным, и умел ждать возвратов, чтобы снова обновить свои запасы да получить навар, без которого не бывает никакой торговли, особенно лукавой частной.

Надо заметить, что к таким государственным, как кое-кто считает, на хлебникам вроде пенсионеров пристёгивались многолетние семьи. Что-то им на каждое дитё причитается — много или мало, трудно определить, часто сие зависит от местности, но всё же причитается, и Нюра — особенно подвыпивши, — бывало, могла возгордиться незнамо чем и сообщить мужу и малолетнему своему отряду, что всё же деньги-то в семье получает одна она за свои материнские усилия.

Николай в ответ то смеялся как-то безрадостно, то опускал голову, а то и вовсе из избы выходил, осерчав. Ведь такой вот неделикатной гордостью жена его и мать его детей корила, получалось, отца за то, что у него нет работы.

Но маманя была всё же и права. Вот в школу надо и сумку, и тетради с ручками, и учебники. Ничего же этого нельзя получить без денег. Да и новую одежду, ботинки, носки-рубахи всякие да курточки — кто их даст в кредит?

Конечно, в каждом доме хранился где-то неприкосновенный запас, опять же у старух — на похороны, на поминки, но деньги эти если и вынимались, то в крайней нужде. Впрочем, в Славиной семье старых людей не было.

Скоро в школу пошла Матрёна, и село сразу заприметило эту жалкую детскую пару: Слава, всегда серьёзный, неулыбчивый, но вежливый паренёк, и испуганная, косоглазенькая его сестрёнка, будто задумчивая, не торопящаяся — ни ходом своим, ни словами, которые надо произнести. Даже самые простые слова приветствия.

Будто меткой какой клеймены эти двое ребятшек из дома, взрослые жизни которого тоже отчуждены неизвестно по каким причинам от всего остального села.

Со стороны могло показаться, что селение являло мудрую терпеливость к этому гнездовью — двое взрослых и шестеро ребят — и осмысленно не трогало их своим радением, которое не всегда ведь бывает разумным, а чаще — навязчивым, тяжёлым, принуждающим не к одному, так к другому. Но на самом-то деле люди, лишённые привязки к собственной земле и работе на ней, не соединённые состраданием, рассыпались в прах пусть из не крепкой, но всё-таки общности — теперь уже всяк за себя; а то, что с другим — это другого и забота.

Даже в школе, куда Слава и Матрёна приходили на долгий день, учителя, из которых, к несчастью, никто не выделился своим добросердечием, интереса к брату и сестре не проявляли, лишь мельком регистрируя их присутствие в детской редеющей толпе. А косогазенькая первоклашка после своих уроков, которые заканчивались раньше, тихо дожидалась на скамеечке, пока не закончатся уроки у брата. Потом они вместе как-то неторопливо, будто задумчиво, вышли на улицу и медленно, не по-детски, двигались в сторону родной избы.

Селом владело равнодушие, как овладевает оно неразумной скотиной перед заклинанием...

10

Дитя ко всему скоро привыкает — к хорошему и плохому, оно ведь не умеет сравнивать свою жизнь с каким-то там образом. Оно просто живёт рядом с грешащими у них на глазах взрослыми и где-то в глубокой глубине и великой тайне утешается тем, что имеет, радуясь незримой и неприязательной радостью, а даже и страдая от родни своей — но страдает скоро, будто бы торопливо, одолевая минутное отдаление, с тем чтобы вновь припасть к главному — к любимым рукам, к прощению, к поразительно неразумным взрослым, прощая их за этакую странную непутёвость и великую русскую беду — потерю всякого разума от оголтелого, бестормозного пьянства.

С наступлением морозов закололи кабанчика и зиму одолевали не хуже всех: мясо да картошка в достатке, дрова для печи заготовлены с лета — никто не голодал.

А под сытую еду чего же и самогончиком не осветлить своё тусклое существование? Не помечтать о каком-никаком чуде, вдруг бы пришедшем вот в эти старые дощатые двери? В виде внезапной перемены нравов, например, возвращения всеобщего труда, а не царства безделья? Перемены власти — этой беспощадной и бессердечной — хоть бы и в виде увольнения на веки вечные бессменных при таком режиме сельских начальников, которым лишь бы самим жить да гужеваться, а остальной народ — хоть сдохни до единого!

Такие смутные речи, едва не каждый день, слышал Слава, и никого они не трогали, кроме, видно, произносивших их почти что наперегонки матери и отца.

Но они были — мать и отец-то, вот что! И хоть надоели порядком Славе их каждодневные всем недовольства, он научился каким-то макаротом отключаться от взрослых слов и просто поглядывать на родителей, просто есть, думая о чём-нибудь своём и даже переговариваясь с младшим народом о разных детских заботах.

Получалось, что взрослые, когда выпивали, жили одной жизнью, а дети — другой; и хотя это не походило на привычки и правила русских женщин, Нюра все меньше заботилась о детях, доверив это занятие старшему сыну, и всё больше наслаждалась свободой своего волеизъявления, где разговор был главным смыслом, чоканье стопками — главным событием, а по-слеобеденный тяжёлый сон — забвением во благо.

Потихоньку-помаленьку Славе пришлось освоить подстирку за малышами их уделанных штанишек, готовить еду для маленьких — не станешь же

их кормить свиной. А ещё глажка постиранного, подтопка печи, особо — зимой, когда не раз приходится подбрасывать дрова. Ну, и обиход скотины. Если мать утром всё-таки выдаивала корову, то на вечернюю дойку собирала своё брвенное тело с трудом. Единственное, к чему Славик не был причастен — это изготовление самогона. Но тут свою вахту выдерживал папа. Как ни худо себя чувствовал, а это производство не запускал.

Однако добро, как известно, воссоединяется с другим добром очень недоверчиво, трудно. А вот худо к худу — бегом бежит, изо всех сил торопится.

Каким-то простым способом нашёл папа Николай себе друзей — такую же ненужную пару. Жизнь теперь переменялась, и очень даже часто никто к обеду Славу с Матрёной не ждал, а, наоборот, забыв всякие свои обязанности, Нюра с Колей к обеду-то как раз и пропадали, оставив на хозяйстве пятилетнюю Настёну. Та, ясное дело, гордилась ответственными поручениями, но с Алёной, а потом и с новорожденным Гришей ничего поделаться не могла. Только пасла их. Как гусей.

Поэтому ход Славика и Матрёши из школы ускорился, да и Матрёша больше не прохладилась на лавочке в школьном коридоре, а, частенько оскальзываясь на снегу, по братовому указанию торопилась домой раньше него, чтобы до его приятия командование прихода на себя.

Новые сотоварищи Николая и Нюры были — не внешне, конечно, а по жизни — как две капли похожи на них. Степан когда-то заведовал птицефермой, хотя не имел по этой части образования, за что и был уволен. Маня, жена его, была дояркой — так и животноводство в селе давно и успешно похерили. Детей у них было только двое, но они оказались постарше, чем отряд Нюры и Николая, уехали в город и там учились на кого-то, родителям непонятно.

Ну, в общем, и они спелись. Или спились? Это бы вышло слишком просто. Нет, их соединяли невидимые нити, кроме, конечно, похожей ненужности. Нюру как-то возбудило сообщение о Маниных детях — дочери и сыне. Та всё гордилась ими, и какой разговор у них ни заводился, завершался всегда одним и тем же. Вот сынок Вася записался на курсы водителей и метит получить права. Хотя о машине пока речи нет! Но ведь молодец же, молодец! А вдруг — что привалит? Конечно, главное, на какую работу устроится, став этим, как его... менеджером, но ведь ещё и другое бывает, а? Вдруг станет удачно. На богатенькой горожанке! Они же там, поди-ка, почти все богаче наших!

Или вот дочка, Оленька. Хороша собой, учится славно, получает стипендию. Будет юристом — о-о-о! Чего это такое, Маня не очень понимала, но ведь все слышат, что эти юристы теперь везде сидят, вон и на троне тож, так что главное ей пожелание — не промахнуться. Надёжного бы женишка, да раньше времени не обмишуриться, в подоле бабке и деду не принести — куда им будет деваться?

Все эти беседы, опять же под неизменного друга-первачка, волновали Нюру, подавали надежду Николаю, и не раз, не два, возвращаясь врасстыпыр, скользя и падая то в снег, а то в грязь, родители, владеющие значительным детским ресурсом, восклицаниями да междометиями убеждали себя в правоте семейной линии.

- Вот Славка-то! А?
- Да и Настёна! Вот погоди!
- Алёнка! Красавица!
- А чем Гринька? Ха-ха!

В пьяных этих восклицаниях не очень-то и скрывалась родительская любовь к своему детскому стаду, сладить с которым им пока удавалось без сильных, в общем, хлопот.

Может, это все слагалось из их собственной в себе неуверенности? Когда человек не знает, что будет с ним самим, он ищет спасения в чём-то и в ком-то другом. А на кого ещё положиться в своих чаяниях, как не на собственных детей?

Сельская школа, куда по утрам брели Слава с Матрёшей, была невелика и, в общем, умирала. Учеников всего-то меньше пяти десятков — от первачков до выпускников, да учителей и всех прочих школьных работников, включая директора и уборщиц, с десятков наберётся. Может быть, потому директор вынужден был лично, за отсутствием физкультурника, организовать баскетбольную секцию, в которой выделил младшую группу. Туда записался и Слава.

Но баскетбол — игра хоть и коллективная, дружеская, а всё же полная всяких там столкновений, отталкиваний в борьбе за мяч. А Слава всего такого не любил по причине своего характера. Можно заметить, дескать, какой там ещё характер в четвертом-то, пятом классе. Любые характеры ещё только высовываются, как по весне щетинка новой травы из-под опавших прошлогодних листьев, и всё можно переменить, любой характер. Всё, конечно, верно, но если человек к этому сам стремится, желает перемениться, самого себя хоть малость, а переделать. А если — нет? И если никого рядом нет, чтобы посоветовать, подвинуть, подтолкнуть?

Одиночество в шумной и суетливой толпе, отчуждённость даже в собственной семье, среди самых родных, когда люди смотрят, а ничего не видят, и всегда-то не было редкостью, но теперь...

Одним словом, Слава бегал и прыгал, в борьбе за мяч толкался и падал, сам толкал других, но было ему всё это безрадостно, не мило, и увеличение командного счёта от забитого им мяча меньше всего трогало его. Зато толкотня злила и обижала. Время от времени он без всяких причин пропускал занятия и в результате отставал от других.

В общем, Слава в спортзале не блистал. Но секцию всё же не бросал. Наверное, потому, что она была единственной. Он ясно сознавал, что в школе можно скрыться от дома, от бесчисленных забот, которые валились на него теперь каждый день без передыха, и был всё-таки рад потолкаться тут, среди таких же, как он, ребят.

Но если быть до конца честным, то надо было при этом признаться в маленьком собственном предательстве. Когда он возвращался, косоглазенькая Матрёна печально смотрела на него, вся какая-то опавшая, похожая на маленькую старушку — ведь в его отсутствие домом управляла она, кроме, конечно, дойки да корма свиньям, и волей-неволей Слава ругал себя и жалел её, потому что она была на три года младше его.

Он начинал торопиться, и малыши крутились вокруг него, будто малые планетки вокруг небольшого солнца — кто миску подтащит, кто ведро для дойки, кто начнет подметать голиком порядком ухаюдаканный пол, и Слава начинал ощущать смысл собственного существования, на время как-то теряя тревогу о гуляющих родителях.

Они приползали по-разному. То поздно вечером, а то и ночевали в гостях, так что являлись поутру.

Но жизнь в доме всё-таки шла. Не такая, как под взрослым приглядом, но всё же... Никто не голодал, и корова не мычала недоеная. А дети если и плакали, то не из вредности своей, а по житейской надобности — младшие, нечаянно обделавшись, а те, кто постарше, ушибившись обо что-нибудь, упав нескладно или ещё по какой другой мальшовой причине.

То ли родители от детей, то ли дети от родителей медленно, но неуклонно отдалялись. Будто льдина оторвалась от берегового припая. Вот только не ясно всё же — кто берег, а кто — льдина...

Только одна душа являлась к ним с чистой заботой — но какая душа-то? Припадочный Митяйка.

Он открывал дверь без всякого стука, и малышня, неумело ещё говорящая, очень дружно и радостно встречала его громким кликом.

Это был общий возглас радости, даже ликования, а Митяйка, вообще-то дядя Митя, распахивал щербатый рот, из которого тянулась длинная нить густой слюны, мычал, издавая невнятные звуки, произносил малопонятные слова и междометия, которые детям были вполне доступны, потому что в общем и целом они выражали доброжелательство.

Митяйка махал руками, скидывал шапку, но шубейку или пальтецо — в зависимости от времени года — никогда, и так усаживался на лавку, лопотал, лопотал, шумно, неясно, а малая толпа приплясывала перед ним: то стояла смирно, то смеялась, хлопала в ладоши, падала на задницу, то пиццала и плакала, и всё это враз, одновременно, на разные голоса. Толпа, она и есть толпа — она походила малость на что-то всё-таки общее, единое, на какое-то многоглавое существо с одной всё-таки радостно возбуждённой душой.

Явление Митяя детскому люду иногда и затягивалось, он о чём-то, ему одному понятном, бормотал малым своим почитателям — теперь они подходили к нему по очереди, и гость прижимал их к себе, гладил по головкам, капал на них слюной, но не встречал отторжения в ответ, а только одну лишь любовь получая. Может, оттого, что взрослых-то, собственной персоной папаню и маманю, они хоть и видели, но такого свободного доступа к ним, как к Митяйке, всё же не имели.

Дело кончилось печально. Однажды Митяйка хлопнулся на пол, ни с того ни с сего ударил его припадок, ногами и руками стал молотить об пол, да и головой, будто все эти органы одеревенели, утеряти мягкость плоти, потому что колотили в пол именно как деревянные, изо рта полез огромный слюнявый пузырь.

Дети расступились, ошеломлённые, никто, пожалуй, кроме Славы, до тех пор не выдвигал Митяйкиных приступов. Гришка заплакал, забившись в угол — он к тому времени уже выучился ходить, — остальные глядели на гостя сжавшись, отодвинувшись, с испуганным любопытством и сочувствием.

Было Митяя с десяток минут, потом он утих, кое-как сел. Слава подал ему кружку с тёплой водой, тот её выпил и заплакал.

Заплакала и малышня. Славик тоже не удержался. Было всем им, конечно, жаль Митяя, обидно, что такая страшная у него болезнь, отделившая его ото всех, даже от малых ребят.

И ещё о чём-то непонятном плакали все они...

Митяйка встал на карачки, потом в полный рост и, что-то гугня, вышел из избы. После этого он хоть и приходил к ребятам, но совсем уж ненадолго, минут на пять-десять. Слушал радостные вопли, лопотал что-то своё, вроде рассказывал о жизни. И удалялся.

12

А потом Нюра снова понесла. Славик не сразу разглядел, что мама опять округлилась, но заметил, что стали они с отцом меньше пить. Чаше стали дома бывать, и это его обрадовало. Дойка и корм для свиней опять вернулись к взрослым. Матрёша опять дожидалась брата после уроков, хотя к той поре она уже подросла и занятия у неё длились почти столько же, сколько у Славы. Но от привычек отказываются с трудом.

А Славик теперь почаще ходил на баскетбол.

Попробовал он записаться и в школьную библиотеку — чего там записываться, ихняя же учительница после уроков по часу сидела в комнате с книгами. Но были эти книжки все какие-то не новые, с пожелтевшей бумагой и картинками выцветшими, и не очень привлекали школьный народ. Слава взял книжку-другую, попробовал углубиться, но дома его то и дело отвлекали хозяйские заботы, и он вернул книжки обратно, а новых не взял.

Он знал, что это плохо, но думал, может быть, первый раз о себе: как он будет жить, когда вырастет, куда и как пойдёт, ведь без хорошей грамоты нынче никуда, и надо бы читать, а в старших классах ещё и на компьютере научиться.

Но всегда какое-то раздвоение в себе находил.

Одно дело — понимание. А второе — делание. И вот это делание наваливалось на понимание, все эти хлопоты и заботы. И понимание отступало куда-то вдаль, на потом.

Слава давно уже понял, что в селе ни за что не останется, а то как ма-маня с папаней — таким же придётся стать. Но дальше этого он пока ничего не знал и не понимал. Особенно когда спрашивал себя совсем не по-дет-

ски: а что будет с Матрёшей, куда она? А с Настёной, Алёнкой, Гришуткой? И неизвестным дитём, которого ещё только запланировали мать с отцом?

Ходил в такие дни и часы Славик какой-то пустой, что ли. Смотрел на людей, а их не видел. Говорил, а и сам себя не слышал.

Горькое горево как будто изнутри к горлу подползало от простой мысли, что ходу у него не будет никогда, а всегда будет дума о пьющих матери и отце, а дальше — о Матрёше и всех остальных, потому что ему всех их жалко, и всё! А чтобы самому добиться хоть малого, надо не пожалеть их. Пожалеть себя. И сильно чего-то захотеть.

Слава уже давно знал, что как только начинает задумываться, жизнь вокруг становится хуже. Всякая мысль о самом себе превращается не в счастье, не в надежду и будущую возможность, а как раз в невозможность. Единственное спасение — не думать.

И он пробовал. Старался. Но не получалось.

А маминого укороту ненадолго хватило. Снова они принялись за прежнее. Опять — сначала за обедом, потом уходили — появилась у них в друзьях ещё пара пьющих семей. Шлялись по гостям, потом зазывали гостей к себе. Мальшняя, как мебель, задвигалась в угол, мать с утра мастерила закусь, а когда являлись гости, теперь не помалу, шум стоял, даже ор, и мужики, не смутясь присутствия детей, курили, не выходя на волю, потому как жаль было прерывать интересные разговоры.

Не разговор — толковище. И совсем не интересное, а глупое, все об одном и том же — как тяжело жить.

Слава, наверное, уж на память разучил несуразные и без конца повторяемые речи, и одного не мог никак понять — почему эти взрослые, да и отец, и сама мать не понимают, что она на сносях? Как же им его-то не жалко, будущего младенца?

Обижаясь за этого неведомого человека, он поначалу молча уходил на баскетбол. За ним увязывалась Матрёша, и он знал, что ей хорошо от того, что часа два просидит в спортзале, глядя, как бегают его команда. Но сам-то он горевал. Ну как же! Опять одни! А он сбежал!

И чего делать?

Нет, не сразу, а много стерпев и много исполнив домашних хлопот за мать с отцом, надумал Слава однажды сказать им своё слово.

Это было поутру, когда они, хоть и с похмелья, но понимают, о чём речь, а ему сейчас в школу, и времени — три минуты...

Он сказал:

— Бросьте пить!

Не знал, как это сказать, перебирал всякие слова, чтоб, может, с подходом, а получилось грубо, хотя и прямо. Повторил:

— Бросьте пить!

Они даже приостановились, поражённые. Но это длилось чуть больше мгновенья. Мать держала в руке влажное полотенце — руки вытирала. Этим полотенцем и заехала Славе прямо в лицо. Не больно, а обидно. И прокричала, как прокаркала:

— Яйца курицу не учат!

Слава заплакал, схватил сумку, а на пороге обернулся и крикнул яростно и громко:

— Бросьте пить!

И прибавил:

— Ребёнка пожалей!

О! Это была не речь деревенского несмышлёныша! Получился какой-то приговор! Какая-то угроза матери, и от кого? От сына-пятиклассника.

Он заметил, как она побледнела и кинулась за ним с полотенцем, да отец перехватил её, остановил.

Слава побежал в школу. И только промчавшись метров двести, остановился. Подождал Матрёшу. Она догнала, запыхавшись, сообщила:

— Мирятся! Наливают!

После уроков он не хотел возвращаться домой, а куда в селе-то денешься? Да и Матрёша, всё понимая и чувствуя, одна не шла, не отставала,

и косенькие глаза её, блеклые, светло-голубые и какие-то жалкие, выражали терпение, кроткое смирение.

Его поразила тогда материнская встреча. Едва он угрюмо, не ожидая ничего доброго, переступил порог, мать кинулась к нему, обняла и заплакала:

— Прости, сынок! Прости! Но ты же видишь — одни мы! И никому не нужны! Отец сколько лет без работы! И как быть — никто не скажет!

Слава ко всякому готов был, но не к такому взрослому разоружению, хоть от мамы несло, как всегда, а может, и посильней, чем обычно.

Он растерялся, выпустил из рук свою школьную сумку, крепко схватился за мать и тоже заплакал, даже завыл — такой жалости он не испытывал ещё...

Раньше жалел малышня и любил её, безответную, а родителей во всём корил, хотя ведь в основании-то и их любил, но любил, как казалось, только с его стороны — взрослые вроде совсем перестали обращать на него внимание. И с каждым новорождённым всё меньше доставалось ему не то что добрых слов, но даже ободряющих взглядов.

Его будто зачислили, без его согласия, во взрослые люди и не спрося свалили на него разные тяготы. Всё реже с ним разговаривали, отдавая только приказы, а чаще и без них обходясь, зная, что на старшем лежат, почитай, всякие, без разбору, семейные грузы, которые он волокёт без лишних споров и обсуждений...

И вот он потерял их почти — отца и мать. Перестал чувствовать, знать, что он им нужен просто так, и стал будто бы замерзать в ответ. За словами “мать” и “отец”, как Славе казалось, всё меньше и меньше оставалось интереса к нему, а у него интереса к ним. Одни попойки, неубранность в доме, непорядок во всём, даже в виде небольшой скотины, не говоря про детей... И он не выдержал... И вот она... И вот они...

На этом и закончилось короткое семейное объяснение. Мама плакала, и Слава плакал, а отец сидел, сжав голову, тупо глядя в столешницу, и сын понял, что отец опять пьяный. И он сказал, не требуя, а умоляя:

— Мама! Не пейте!

Нюра отступилась от сына, пошатываясь, присела к столу, нашла гранёную стопку самогона, но остановилась — глядя на немудрёную эту посудинку, шибко сподручную для русского самоубиения...

13

А потом родился малыш, его нарекли Сеня, то есть Семён, и хотя даже не шибко образованный Слава беспокоился о его здоровье по причине сплошных родительских выписок, явился он на свет Божий, будто во зло всем рассуждениям на эту тему, крепким, здоровым и радостным.

Семейный мир переменялся; даже самый малый из предыдущих, Гриша, почувствовал новое его качество. Всё как будто бы закружилось вокруг Сени, разумеется, вместе с мамой, да и Нюра с какой-то странной готовностью вдруг переменялась, решительно закрыв всякие пьянки-гулянки и отвергнув новые знакомства, не проходившие без надоевших пьяных утех.

Она и внешне переменялась — рыхлая кожа лица обтянулась, морщины разошлись, и она посвежела, оказавшись вполне ещё молодой женщиной. Переменялось и её поведение — она вдруг притягивала кого-нибудь из своих детей и целовала, целовала, гладила по голове, будто спохватилась, поняла, наконец, что собственные её, кровные детишки недоцелованы и недоласканы. И тут сразу выстраивалась очередь, первое место в которой получали, не считая Семёна, малой Гришутка, Алёна, Настёна, Матрёша, а уж в последний черёд сын Слава, почти мужик, почти взрослый человек, во всяком случае, умелый хозяин в доме.

Славик от маминых поцелуев хоть и уклонялся, показывая детскому обществу особое всё же в нём положение, но душа-то, по-прежнему детская, как то обваливалась в низ живота, сердце вздрагивало и колотилось чаще, и он, хоть и уклонялся, отбивался даже, а сам улыбался и ликовал.

Раза три-то в день, это точно, — утром, в обед и перед сном — вся малышовая рать окружала улыбающуюся, приветливую, молодую новую мать и с лопотаньем, восклицаниями и радостным писком сотворялось это ликование любви и гармонии, и даже отец с удивлением взирал на эти сцены, молча, без всяких слов качая головой. Слава видел, как иногда в отцовых глазах блистают слёзы. Тогда старший отворачивался, а почти взрослый сын его, перешедший в пятый класс, жалел этого человека за его немногословность, за то, что он живёт без работы, без надежды на неё. И к тому же ведь эти радостные пока сцены можно и по-другому оценить: ещё одно грузило себе на шею нацепил, как с ними со всеми выплывешь в бездонном-то море без зарплат — только на детские пособия?

Счастливая пора, которой, сам того не ведая, Сеня одарил семью, продолжалась до тех только пор, пока Нюра кормила его грудью.

Потом она обвязалась чистым платком, подала Сене первую кашку, поглядела, не срыгнёт ли, не замазается ли животиком, но парень удался на славу, закалённый, видать, в суровых маминых боях, и взрослые отметили это крепким застольем.

Происходило оно не на глазах у детского мира, а где-то вдали, и перед уходом, взволнованная, видать, предстоящим, но всё же помолодевшая, с сияющими глазами, мама поглядела на Славика, на Матрёшу, снова на Славу, что-то значительное обдумывая про себя, и сказала, обратившись всё же к Матрёше, что она просит её покормить Сеню тогда-то и тогда-то, сменить его пелёночки, когда начнёт кряхтеть, обмыть водой из чайника, но не горячей, и прочие, прочие ненужные, конечно же, подробности.

Этим Матрёша как бы назначалась заместителем мамы по вопросу о Сене, а Слава, который давно и прочно заслужил положение хозяина, мог слегка и вздохнуть.

Слава слушал почти радостное мамино воркованье, опустив голову и понимая, что всё начинается сызнова.

Когда они с отцом уже стояли в дверях, оглядывая оттуда своё славное воинство, вполне трезвые, хорошие, но — вот беда! — радостно возбуждённые предстоящим, Славик сказал им на прощанье, как бритвой полоснул:

— Не пейте!

Взрослые враз потухли, отвернулись от сына и от всех, кто стоял за его плечами, от своего сладкого, зависимого и доброго мира, распахнули дверь и крепко её за собой закрыли. Даже захлопнули.

Славик неожиданно для себя подумал о них совсем по-взрослому: нет, они не жертвы, раз им никого не жалко, они не хотят сохранить самих себя — хотя бы для своего же собственного детского стада.

Они уклоняются от чего-то важного и для всех обязательного.

Они, наконец, предают.

И ещё он подумал: надо их остановить.

14

Всё оставшееся словно спрессовалось в один бесконечно длинный день, а, может быть, даже просто в одну мысль, которая не отпускала Славу. Он вставал с ней и ложился, тоже погружённый в неё, и всё, что вокруг, отошло в сторону.

Собственно, переменись хоть немного Нюра с Николаем, да хоть просто остановись, задумайся, оглянись они — и всё ещё могло бы развернуться по-другому. Но родители словно с цепи сорвались. Каждый день — то дома, то в гостях, у таких же, как они бедолаг, людей совершенно нового склада.

...Слава сказал им ещё раза три:

— Не пейте!

— Не пейте!

— Перестаньте пить!

И все потом вспоминали, особенно Матрёша: три раза. В последний раз прибавил:

— А то я повешусь!

Мать зыркнула на него, ничего не ответив, и опять прошло несколько дней — одинаковых своей похожестью.

В школе Слава совсем замолк, и учителя, добрые души, предпочли его не трогать — не спрашивали на уроках, не требовали ответов, не вызывали к доске. Вообще не говорили с ним.

Ещё Славик перестал ходить на баскетбол.

Как заведённые солдатики, братец и сестрица шагали по утрам в школу, а после уроков двигались домой. Дверь в воротах их дома захлопывалась и вновь отворялась утром, когда надо было следовать на уроки. Не считая, конечно, ходьбы взрослых — куда-то в гости и откуда-то из гостей.

В тот день Славик с Матрёшей, как обычно после уроков, сперва обеспокоились беспомощным живым миром; брат — накормил скотину, сестра обиходила Сеню. Отца с матерью не было. Первый раз брат и сестра ушли из дому, оставив детей одних. Ими управляла Настёна.

Потом старшие учили уроки.

Дальше Слава стал куда-то собираться, и Матрёша увязалась за ним, хотя он нестрого приказывал ей остаться с младшими. Но ведь Настёна уже хозяйничала тут одна: значит, похозяйничает ещё малость.

Была поздняя слякотная осень, ребята шли, оскальзываясь, и Славик молчал, хотя Матрёша пробовала его разговорить.

Село раньше было большим, но теперь оно сжалось, скукожилось, многие дома выпали, будто зубы во рту когда-то молодого хозяина.

Ребята пришли в чужой дом, там их знали. Конечно, и мама с папой, вскипячённые выпитым, радостно приветствовали своих чад нетрезвыми междометиями. Но Слава не поддался ни на какие знаки симпатии и сказал:

— Пойдёмте домой!

Нюра замахала руками, а отец захохотал.

— Что ты! — сказала нетрезво Нюра. — Или мы малые дети? Когда надо, придём!

Славик произнёс дрожащим голосом:

— Хватит пить!

И тогда пьяный Николай, вихляя, подгрёб к сыну и прилюдно хлопыстнул ему по лицу.

Слава страшно побледнел. И крикнул два раза:

— Эх вы!.. Эх вы!..

Матрёша потом рассказывала, что попробовала взять Славу за руку, и он сначала дался — но рука у него тряслась, и весь он дрожал. Он руку свою у Матрёши не выдернул, а осторожно утянул.

Обратно шли молча.

Возле дома, голосом построжавшим и взрослым, Слава велел Матрёше идти к Сёме и ребятам. И зачем-то неумело поцеловал её в лоб.

Она заплакала — это было неспроста. Но не возразила, послушалась — там малышня требовала пригляда.

— Счас приду! — ободрил её Славик. И отправился куда-то к сарайке.

15

Родители пришли поздно, дети спали, кроме Матрёши, и она попробовала растолковать матери, что Славы чего-то нет дома, уже давненько, а Нюра на это улынулась:

— На сердитых воду возят...

Наутро Матрёша подняла тревогу — Слава никогда не убегал из дому. Родители, слегка пришедшие в себя, обыскали двор и ничего не поняли, послали Матрёшу в школу, может, он туда, где-то переночевав, направился? Но сестрёнка его в школе не обнаружила, зато учителя присоединились к поиску, позвонили в милицию.

Когда участковый на старом мотоцикле с коляской, где сидела Матрёша, подъехал к избе, отец уже стоял над телом Славы, лежащим во дворе на подкинутой под него телогрейке.

Отец нашёл его неподалёку от дома, в лесочке, сильно поредевшем в по-

следние годы. Он висел в верёвочной петле на крепком кленовом суку и уже давно ооченел.

Было ещё довольно рано, грязь прихватил первый морозец, и она смирилась, притворилась простой землей.

Но небо! Небо будто высветилось до самых высоких глубин, и вдали от этой чистоты и ясности снова развиднелись далёкие розовые горы, к которым хочется идти, бежать, лететь, ведь там, наверное, можно найти покой и радость.

Слава любил смотреть в ту сторону...

16

На похороны сошлось почти всё село, потому что все удивлялись такой смертью.

Хоть покойных не клянут, да ещё в миг похорон, взрослые говорили, что наказывать пьющих родителей собственной смертью — суцая блажь и недостойный выход: сейчас все пьют.

Дети же не голодали? И старшие в школе! И маленькие здоровые!

На поминках мама и папа выключились раньше всех.

Косоглазенькая Матрёша, когда разошлись взрослые, уложила малышей спать. Настал её черед. Никто не плакал, не ёрился, все притихли. Будто признавали Матрёшу старшей.

Уторкав малышню, она вышла во двор.

В замерзшем, околевшем дворе стоял, качаясь и подняв голову к небу, Митяйка, дядя Митя.

С неба глядел круглый зрачок белой луны. А Митяйка качался. И было тихо.

И вдруг кто-то завыл.

Матрёша подумала, что какая-то прохожая собака. Но вой был не собачий. Скорее — волчий, очень жуткий.

Девочка поняла — это воеет Митяйка, и заплакала...

Но что с них возьмёшь: один — припадочный больной, ни за что не объяснит, почему воеет.

А другая — девочка, потерявшая брата.

17

Я должен был написать эту повесть. Не мог не написать, потому что, может, хоть она станет памятником Славику.

Продрогший до звона деревянный крестик на его могилке, сколоченный полоумным Митяйкой, и слова этой эпитафии — дай то-Бог, чтобы они прошибли хоть кого-нибудь!

Р. С. По неполным данным государственной статистики, с 2007 по 2011 год в России покончили самоубийством 14 157 несовершеннолетних.

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

СКОПИЛИ ГОДЫ РАДОСТЬ ВСТРЕЧ...

* * *

Мы знаки созвездий, мы выше планет,
Мы гордость вселенной, мы не электроны,
Но кто бы мы ни были, Новый Завет
Льёт в души больные живительный свет,
И гаснут природы слепые законы.

* * *

Китай увозит русский лес,
В нём гибнут сказки и виденья.
Где зверь бродил, ликует бес
И стонут пьяниц привиденья.

Пересыхают ручейки,
Редуют реки Прибайкалья,
И с чьей-то вражеской руки
В лесах снуёт орда шакаля.

БРОНШТЕЙН Виктор Владимирович родился в 1951 году в Иркутске. Окончил Иркутский политехнический институт. Автор трёх книг стихов: "Гул небесный" (2008), "Солёный привкус детства" (2008), "Соль жизни всей" (2009). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Потоки встречного “шмутья”
В нас бьют, разрушив все плотины,
Ремёсла гаснут. Нет жнивья.
Вывозят женщин и картины.

Нас душат вещи, топит муть,
Что день и ночь с экранов льётся,
“Прессует” пресса: “Позабудь,
Что русским твой народ зовётся!”

* * *

Пока что ветераны есть
В России, гневающей Бога,
Жива солдат великих честь,
Их ратных подвигов не счесть...
Но тьма всё гуще у порога.
Не уходите, ради Бога!

ВТОРОЙ “ТИТАНИК”

Казалось всем на корабле,
Что праздник вечно будет длиться;
Пушай скрежещет лёд во мгле —
Причины нет не веселиться!

Вот так же Родина моя
Смеётся,
В выборы играет...
А капитанская семья
В надёжных шлюпках восседает.

* * *

Речка резво теченьем сверкала,
Время медленно в юность текло,
Но стихов ты моих не читала,
И по ветру мой пыл разнесло.

Озорно мы порою купались,
Я нырял к тебе с криком: “Держись!..”
Лишь вчера мы с тобой попрощались,
А прошла уже целая жизнь...

* * *

По телевизору твердят:
Конец, мол, света где-то рядом.
К нам астероиды летят,
Зловещим облаком грозят,
Нас травят пессимизма ядом.

Пуская в космос корабли,
Сулили счастье нам Советы,
И дружно радио, газеты
И олимпийские победы
Здоровый дух наш берегли.

Теперь сменило бодрый дух,
Пустопорожнее веселье,
А души, словно лёгкий пух,
Колышет ветер запустенья.

* * *

Не до страшных сомнений вселенских,
Когда за полночь лесом бредёшь
И вдали от огней деревенских
Зверя, птицу ль нежданно вспугнёшь.

Или свист вдруг пронзительный слышишь,
Ох, не надо во тьме никого..
А к утру, когда на люди выйдешь,
То-то на сердце станет легко!

* * *

Памяти Г. Гайды

Скопили годы радость встреч
И нежность поцелуев.
Их трудно в памяти сберечь —
Убыток неминуем.
Но стая белых голубей
Над крышей детства кружит.
И брат кричит мне: “Не робей,
На небесах в сто крат светлей,
Ни страха нет, ни стужи!”

* * *

Казалось, что бабушки будут всегда
Шершавой ладонью разглаживать детство.
Но вёсны бурлили, смывая года,
Я в пенье ручьёв слышал времени бегство.

Я рано заметил бескрайность небес,
Себя ощущая летящей искрою
Сквозь ветрено-тёмный пугающий лес.
О страхе своём лишь сегодня открою.

За няню, за мать, за отца, за себя
Нас бабушки грели, добры и суровы.
Война прокатилась — мужей истребя..
В любви к нам спасались несчастные вдовы.

Два дома лежало на бабке моей —
Её дочерей, и родной, и приёмной.
Увы, большевистский был норов у ней
С металлом команд, по-крестьянски упорный.

Мы строим ходили, туда и сюда,
Но всё-таки были одеты и сыты.
Но как сверх талонов бывала еда —
Подобные тайны во времени скрыты.

Как жаль, что нам песен не пел соловей,
О Боге молчала стальная эпоха.
А вместо хоругвей портреты вождей
Взирали на нас, провинившихся, строго.

* * *

Поэт очень редко живёт, как монах —
Церковных обрядов начётчик.
Вселенский он чувствует гибельный страх,
Как в штопоре замерший лётчик.

Спасение лётчика — верный штурвал...
И друг-парашют наготове.
Смогу ли я выдержать мира обвал,
Паля на восторженном слове?

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ II

Глава четырнадцатая

ГИБЕЛЬ ФРОНТОВ. ВЯЗЬМА — ОКТЯБРЬ 41-ГО

“Жёсткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника...”

Наверное, это был самый сложный, самый трагичный период в истории Великой Отечественной войны. Да и в жизни Конева тоже. Немецкие танковые клинья, прорвавшие линии обороны наших войск и смявшие, разметавшие за несколько суток в жесточайшей схватке армии обоих наших фронтов, Западного и Резервного, оказались в нескольких десятках километров от пригородов Москвы. Командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева, допустившего серьёзные просчёты в ходе боёв на Ржевском и Вяземском направлениях и фактически утратившего связь с рассечёнными на части и окружёнными армиями, обречёнными на уничтожение, ожидала участь генерала Павлова.

Однажды кто-то из иностранных журналистов во время интервью, об итогах Берлинской операции, когда танки I-го Украинского фронта первыми ворвались в столицу фашистской Германии, спросил маршала, что, видимо, эти события и были *высшей точкой его военной судьбы...*

Окончание. Начало см. в №5 за 2012 год.

— Нет, — ответил маршал. — Какая же это высшая точка? Высшая точка моей военной судьбы — это Москва, Московское сражение, когда терпели поражение от немцев, потом погнали их от Москвы.

Вышей точкой судьбы, таким образом, для Конева были не успех, не слава, а ответственность, исполнение долга на грани невозможного. Дни жесточайшего противостояния, когда именно на подмосковных рубежах решалось, кто кого.

Окрылённый относительным успехом под Духовщиной, внеочередной звездой в петлицы и новым назначением, Конев принялся готовить свои армии и соединения к предстоящим боям.

На центральном участке советско-германского фронта установилось временное затишье.

По плану “Барбаросса” немецкие войска должны были войти в Москву 1 октября.

Ещё 4 августа Гитлер прилетел в Борисов, в штаб группы армий “Центр” и провёл там совещание. Фюрер слушал доклады своих фельдмаршалов и генералов, командующих армиями и танковыми группами и решал с ними главный вопрос: где, на каком участке Русского фронта сосредоточить основные усилия — наступать на Москву или вначале всё же взять Киев? Он заявил:

— Я рассчитывал, что группа армий “Центр”, достигнув рубежа Днепр–Западная Двина, временно перейдет здесь к обороне, однако обстановка складывается так благоприятно, что нужно ее быстро осмыслить и принять новое решение. На втором после Ленинграда месте по важности для противника стоит юг России, в частности, Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских... Поэтому операция на юго-восточном направлении мне кажется первоочередной, а что касается действий строго на восток, то здесь лучше временно перейти к обороне.

Экономической концепции войны воспротивился главный на тот момент оппонент Гитлера фон Бок. Командующий группой армий “Центр” хорошо понимал, что главная цель — разбить русские армии, истребить Красную армию как таковую — ещё не достигнута. Русские ускользнули и из-под Минска, и из-под Смоленска, что ничего не даст и поворот танковых групп на юг и на север. Фон Бока и его сторонников из числа фронтовых генералов, реально оценивавших обстановку, беспокоило, кроме вопросов тактики, главное: пока Красная армия не разбита, продвигаться вглубь России опасно; необходимо навязать противнику, его основным силам решающее сражение. Основные же силы русских, по данным разведки, концентрировались на фронте группы армий “Центр”.

— Наступление на восток в направлении Москвы будет предпринято против основных сил противника, — заявил фон Бок. — Разгром этих сил решил бы исход войны.

“Тайфун”, по замыслам немецкого командования, должен был стать завершающей стадией “Барбароссы”. План “Тайфуна”, разработанный штабами с особой тщательностью, учитывал, казалось, всё. Но этой операции, грандиозной по своим масштабам и массе вовлечённых в неё войск, количеству боевой техники и вооружения, история уготовила иную судьбу.

Немецкая группировка насчитывала 1 800 000 солдат и офицеров. Их вооружение: более 14 000 орудий и миномётов, 1 700 танков. В ближних тылах для обеспечения группировки, изготовившейся к броску на Москву, были сосредоточены многочисленные склады с боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами и обмундированием. 2-й воздушный флот — 1 290 самолётов различных типов — занял наиболее удобные аэродромы и базы. Некоторые зарубежные историки называют цифры, которые значительно выше общепринятых. К примеру, американский исследователь Второй мировой войны Дэвид Гланц утверждает, что в последний и решающий бой на Москву Гитлер послал своих солдат, вручив им 3 350 танков и

2 770 самолётов. С учётом трофейной техники и вооружения, а также частей, формально принадлежавших в этот период группам армий “Север” и “Юг”, но действовавших в полосе наступления центральной группировки, возможно, так оно и было. Получив в распоряжение такой ресурс, равного которому за всю историю войн не имел ещё ни один военачальник, фон Бок, до этой поры довольно осторожный, готов был броситься вперёд даже с открытыми флангами. Ему казалось, что такую махину не остановит никто. Разведка подогревала его мечты: главная группировка советских войск стоит непосредственно перед ним, а дальше — пустота.

Читая немецкие документы того периода и дневники фон Бока, Гальдера, Гудериана, воспоминания офицеров, командовавших в период московских боёв полками, батальонами и ротами, а также рядовых солдат вермахта и СС, невольно приходишь к мысли о том, что все они не вполне отдавали себе отчёт, с кем имеют дело.

Гигантской группировке фон Бока, которой предстояло исправить историческую ошибку Наполеона, а именно — разбить русские войска и с триумфом войти в Москву, — противостояли три фронта: Западный (генерал-полковник Конев), Резервный (маршал Будённый) и Брянский (генерал-полковник Ерёмко).

По данным Института военной истории, силы советских фронтов насчитывали 1 250 019 человек.

В центре обороны стояли армии Конева. Их было шесть: 16-я (генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский), 19-я (генерал-лейтенант М. Ф. Лукин), 20-я (генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков), 22-я (генерал-майор В. А. Юшкевич), 29-я (генерал-лейтенант И. И. Масленников), 30-я (генерал-майор В. А. Хоменко).

Армии к тому времени стали небольшими. Согласно решению Ставки, к осени практически был завершён переход к системе небольших армий в пять, максимум шесть дивизий без корпусных управлений. По штату от 29.07.41. дивизии, в свою очередь, тоже были уменьшены почти на 30% и теперь имели в своём составе 11 634 человека. К 17 сентября из стрелковых дивизий изъяли вторые артполки. В распоряжении командира дивизии для огневой поддержки полков оставался один артполк при 16 орудиях калибра 76 мм и 8 — 122 мм. Сократилось также количество автомобильного и гужевого транспорта. Таким образом, к началу осеннего немецкого наступления на Москву советская стрелковая дивизия, укомплектованная по полному штату, в полтора раза уступала немецкой пехотной по всем основным показателям, а по орудиям и миномётам в 2,1 раза.

Кроме того, многие дивизии с августа практически не выходили из боёв, проводя частные наступательные операции, и не имели даже сокращённого штата.

Когда Конев объехал свои войска и на месте ознакомился с обстановкой, когда воочию увидел то, о чём докладывали командармы, — растрёпанные в летних боях дивизии, маршевые роты, поступающие из тыла необученными и безоружными, когда батальонами командуют лейтенанты, на взводах в лучшем случае сержанты из резервистов, многие бойцы не знают материальной части винтовки, не хватает специалистов — пулемётчиков, миномётчиков, артиллеристов, — в общем, когда новый комфронта понял, на какое хозяйство его определила Ставка и судьба, с присущей ему энергией принял ся наводить порядок. Уже 19 сентября был издан приказ по фронту о переходе на сокращённые штаты и полном укомплектовании подразделений. Приходилось идти на самые радикальные меры, чтобы повысить боеспособность войск. К примеру, были расформированы 170-я и 98-я стрелковые дивизии, а их остатками и матчастью доукомплектовали дивизии 22-й армии, нуждавшиеся в пополнении и оснащении.

“Мне было ясно, что войска Западного фронта ослаблены, — вспоминал маршал, — имеют недостаточную численность, были полки, которые насчитывали всего 120 человек, в некоторых дивизиях осталось по 7–8 орудий. Мы испытывали недостаток в артиллерии, в противотанковых средствах, даже бутылок с горючей смесью не хватало, а в то время они были основным

средством борьбы с танками. Были и такие части, где не доставало стрелкового оружия. К моменту, когда я принял фронт, запасный полк, например, совсем не имел винтовок. Дело не в том, что кто-то этого не предусмотрел, а в том, что немцы разгромили ряд складов, находившихся на территории Белорусского военного округа, и оружие приходилось доставлять с центральных складов, которые были от Москвы на большом удалении”.

14 сентября 1941 года Сталин срочно вызвал Конева в Ставку. Новый комфронт прервал свою поездку по подразделениям и прибыл в Москву.

Конев: “Встреча со Сталиным происходила в присутствии членов Государственного Комитета Оборона. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск. Однако в ходе дальнейшей беседы обсуждению подвергся ряд вопросов, непосредственно не относившихся к фронтовым делам, — это были общие вопросы строительства Советской Армии. Обсуждался также вопрос о награждении командиров орденами, не следует ли создать отдельные ордена для командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также офицерского состава. Сталин спросил, как я смотрю на то, чтобы установить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и присутствовавшие члены Государственного Комитета Оборона. Сталин тут же поручил начальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулёву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Советской Армии”.

Эти воспоминания маршал надиктовал уже после написания “Записок командующего фронтом”. Прошли годы, миновали времена, и уже стало возможным кое-что (пока ещё немного) осмыслить по-новому. И неважно, что, видимо, по инерции маршал называет Красную армию Советской Армией. Суть в другом.

Самое тяжкое своё поражение Конев испытал именно тогда, под Москвой, когда ему был передан Западный фронт.

Конечно, когда только что назначенного на должность комфронта, прибывшего с передовой, где не хватало винтовок и бутылок с горючей смесью, в Ставке начали спрашивать, что он думает по поводу учреждения орденов Суворова и Кутузова, ему, обескураженному, ничего другого не оставалось, как отвечать по существу заданного вопроса. И надеяться на то, что разговор всё же вернётся к более насущному.

Но: “Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки”.

Конев вернулся в штаб фронта в Касню. На душе было неспокойно. Начальник штаба фронта генерал Соколовский тут же подал донесения авиационной и агентурной разведки: противник, прикрываясь вьялыми действиями на фронте своей обороной, производит активную перегруппировку в своём тылу; установлен подход к фронту новых частей, в том числе танковых и моторизованных, в частности, в районе Духовщины на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня—Кардымово и на левом крыле 20-й армии. Армейская и дивизионная разведка подтверждала эти данные.

В ту же ночь штаб подготовил директиву для командармов: активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки на всех участках; действовать сильными разведотрядами, главным образом ночью; держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовывать работу штабов; уточнить группировку противника, стыки подразделений, резервы перед фронтом армий.

Конев-мемуарист очень деликатен. Нет в его книгах попытки переиграть какое-то сражение или бой задним числом и навязчивой идеи поиска виновных. Вот и здесь он словно бы мимоходом говорит о создании прочной обороны *с выводом войск в резерв*. Что это означало? А означало это то, что войска обучались маневру отступления, отходу на резервные позиции. Второе: как бы ни было тяжело на передовой, но командиры частей и соединений получили приказ комфронта создавать собственные резервы, и резервы

создавались. Вскоре это поможет некоторым дивизиям и полкам вырваться из окружения с минимальными потерями, более успешно действовать во время обороны и в момент прорыва.

Имел некоторый резерв и командующий: дивизии, которые были особенно ослаблены и нуждались в пополнении и вооружении, он приказал вывести во второй эшелон и пополнять их по мере поступления из тылов маршевых подразделений. Вооружали их тем, что поступало из оружейных и артмастерских, а также передавали новую технику, винтовки и автоматы, выделенные Ставкой для оснащения и усиления Западного фронта. Основные грузы, обещанные фронту — пушки, гаубицы, миномёты, грузовики, пулемёты, автоматы, винтовки, гранаты и бутылки с КС, — как говорят военные, с прибытием задерживались.

Поскольку новой техники и вооружения поступало мало, Конев приказал отремонтировать и поставить в строй всю покалеченную, но вывезенную с поля боя технику, особенно танки и артиллерийские орудия, миномёты. Ремонтировалось и стрелковое вооружение. Особенно не хватало пулемётов — чтобы перекрыть надёжным огнём особенно беспокойные и опасные участки обороны.

Конев: “Несмотря на принятые меры, плотность обороны и в противотанковом отношении, и в артиллерийском была явно слабой. Ощущался острый недостаток стрелкового вооружения”.

В конце семидесятых годов в одной из деревень, входившей в 41-м году в Смоленскую область, мне удалось отыскать бывшего старшину, воевавшего под Вязьмой и попавшего там в плен. Ефим Трифонович Половой осенью 41-го года призывался уже на четвертую войну. Сейчас бы такого назвали профессиональным солдатом. Таковым он по существу и был. На призывной пункт он прибыл в форме, в которой полгода назад прибыл из Западной Белоруссии. Затем, когда из запасного полка их маршевый батальон прибыл на передовую, он, кроме кадровых офицеров, командиров рот, был единственным, кто имел военную форму. Возможно, именно поэтому ему дали винтовку. Большинство были вооружены винтовками старого образца, по три-четыре винтовки на отделение, из них половина учебные, с рассверленными патронниками. Когда стали приближаться к передовой, всем выдали по тридцать патронов, даже тем, у кого не было винтовок, и по три запала для гранат образца 1914 года. “Когда те запалы раздавали, — вспоминал Ефим Трифонович, — я спросил: а где же, мол, гранаты? Там, сказали, на передовой, там и гранаты, и винтовки, и пулемёты. На передовой, сказали, всё получите. Получили...” А получил Ефим Трифонович 8 октября 1941 года контузию и осколок в бедро размером с ладонь, который ему вытащили уже в лагерном лазарете. Чудом выжил в плену. Вернулся в свою родную деревню и всю жизнь вспоминал свой единственный бой под Вязьмой, который начался утром на рассвете 8 октября и закончился для него около полудня того же дня.

За неделю до немецкого наступления начальник Генерального штаба маршал Шапошников позвонил по “Бодо”:

Шапошников: — В связи с переходом вас к временной обороне Верховный Главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Конев: — Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование ещё не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

Шапошников: — Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев: — Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнев. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать её мотострелковой дивизией”.

Шапошников попросил охарактеризовать выделяемые дивизии: численный состав стрелковых полков и танкового полка 1-й мотострелковой ди-

визии. Как оказалось, он насчитывал 45 танков, правда, все танки старых образцов.

Любопытная деталь. Во-первых, диалог начальника Генштаба и комфронта демонстрирует проблему, которая в первый период войны буквально по рукам и ногам связывала командный состав Красной армии, — несамостоятельность в принятии тех или иных решений, полное отсутствие командирской инициативы. Шапошников действует как офицер по особым поручениям Верховного Главнокомандующего. Ни больше ни меньше. И во-вторых, Конев, хорошо понимая ситуацию и то, что отказать он не может, пытается затянуть сроки передачи дивизий. Можно предположить, что он ожидал: немцы ударят раньше, чем истечёт пятидневный срок. Затем, когда его дипломатия не удалась, делает ещё одну попытку хоть что-то выторговать: оставить ему 10-ю танковую, пополнить её и реорганизовать в мотострелковую.

Но в разговоре с маршалом Шапошниковым Конев отступает до определённого рубежа. Более того, несколько дней назад со смутной душой возвратившийся из Ставки, где ожидал иного, более конкретного разговора о предстоящих боях, комфронта обрушивает поток информации на начальника Генерального штаба в надежде на то, что отреагирует хотя бы он, профессиональный военный.

Шапошников: — Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую, кроме 64-й, можете дать в резерв Ставки?

Конев: — Из стрелковых дивизий выделить больше никого не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Прошу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Всё, что могу сделать для их укомплектования, сделаю из внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу. Ваши указания — побольше выделить резервов — сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулемётного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130–200 человек. Ваши указания приму к исполнению и всё, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но ещё стабильность не достигнута. Поэтому резервы на правом фланге иметь крайне необходимо, но сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой на направлении Ивашков на участке 22-й армии с тем, чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Прошу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Всё”.

Беспокоило Конева и ещё одно довольно серьёзное обстоятельство. Армии Резервного фронта частично стояли слева, южнее Ельни, прикрывая район Спас-Деменска и Кирова по оси Варшавского шоссе. Взаимодействие с южным соседом было слабое. Успокаивало то, что значительная часть войск Резервного фронта стояла вторым эшелоном в затылок его дивизиям. Позже выяснится, что это не так...

Немцы атаковали 2 октября на рассвете. День “Т” начался мощной артподготовкой. Затем в наступление пошли танки и лёгкая бронетехника с пехотой. В небе повисла штурмовая и бомбардировочная авиация. Сразу по нескольким командным пунктам, в том числе и по месту расположения штаба Западного фронта, были нанесены бомбо-штурмовые удары. Связь с некоторыми частями и соединениями нарушилась и не была восстановлена уже никогда, вплоть до окончательного их разгрома.

Вопреки ожиданиям, противник ударил в наименее защищённое место — в стык 30-й и 19-й армий. Вторым эшелоном, надёжно прикрывая стык, все эти дни напряжённо готовилась к обороне недавно сформированная 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина — полнокровные кадровые дивизии. Но буквально накануне начала операции “Тайфун” по приказу Генштаба армия почти в полном составе была снята с обустроенных и

пристрелянных позиций и начала грузиться в эшелоны для отправки на юг, в район Харькова.

3-я танковая группа Гота ударила из района севернее Духовщины и совместно с пехотными дивизиями 9-й полевой армии Штрауса повела наступление на Сычëвку, явно угрожая правому, внезапно оказавшемуся открытым флангу 19-й армии Лукина. Танковый клин начал охватывать Вязьму с севера, а затем, оттеснив и частично смяв войска 30-й армии Хоменко, и с северо-востока.

Исследователи вяземской катастрофы 1941 года говорят о том, что в полосе прорыва шириной до 16 километров, где стояла 162-я стрелковая дивизия и примыкавшие к ней — справа полк соседней 242-й стрелковой дивизии 30-й армии и слева полк 244-й стрелковой дивизии 19-й армии, — удар наносила группировка, состоявшая из восьми дивизий.

Одновременно были атакованы порядки Резервного фронта на участке, прилегающем к Варшавскому шоссе. 4-я танковая группа при поддержке пехотных частей 4-й полевой армии, прорвав оборону войск маршала Будëнного, вышла на шоссе. Часть сил ринулась к Юхнову, а часть начала загигать основание клина в сторону Спас-Деменска, охватывая Вязьму и всю группировку находившихся здесь войск с юга и юго-востока. Возникла реальная угроза окружения основных сил Западного и Резервного фронтов. Немецкий историк Пауль Карель в одной из своих книг, посвящённых походу Гитлера на Москву, об этом наступлении не без восхищения сказал: “Это был, наверное, самый выверенный план за всё время войны, и всё в нём работало как часы”.

С атакованных участков командармы сообщали о прорыве и попытках латания брешей резервами и усиленным огнём артиллерии. С каждым часом положение становилось всё хуже.

19-я армия. Лукин сообщает о том, что обозначился прорыв на его правом фланге, на стыке с 30-й армией. Принял меры по воспреещению охвата своего правого крыла, оказавшегося оголëнным. Перебрасывает резервные части и артиллерию со слабо атакованных участков. “Связи с 30-й армией не имею”.

30-я армия. Хоменко докладывает: противник силою до двух пехотных полков при поддержке большого количества танков и до 120 самолëтов прорвал оборону 162-й и 242-й стрелковых дивизий. Полки дерутся изолированно. Противник наносит бомбовые удары по городу Белый и железнодорожной станции Канютино. “Прошу помочь авиацией фронта”.

В 18.00 три группы пикирующих бомбардировщиков по 14–16 машин нанесли удар по командному пункту Конева в Касне. В налёте также участвовали бомбардировщики Ю-88, ими было сброшено несколько тяжëлых бомб весом 1 000 кг. Одной из таких бомб разнесло в щепки здание, в котором располагались оперативный отдел управления ВВС фронта и шифровальное отделение. Десятки убитых и раненых. Среди погибших 20 офицеров штаба, из них три полковника.

3 октября по приказу Конева Лукин и Ершаков (20-я армия) контратаковали частью своих сил на Сафоново и Красный Холм.

16-я армия. Рокоссовский докладывает о том, что его дивизии продолжают удерживать район Минского шоссе. Противник контратакован и отброшен на исходные. “Перед фронтом армии противник имел свыше двух пд в первом и до восьми пд и двух тд во втором эшелонах”.

Рокоссовский твердил об этих танковых и пехотных дивизиях второго эшелона из сводки в сводку, и это сбивало с толку штаб. Главный же удар противник развивал севернее автостреды, в районе Холм-Жирковского. На фронте 16-й армии немцы лишь демонстрировали наступление, сговывая силы с расчетом, что противник не осмелится ослабить этот участок и перебросить силы в район прорыва. В своих мемуарах маршал Рокоссовский довольно сдержанно рассказывает об этих боях. Основное место в воспоминаниях о вяземской истории занимают описания того, как управление 16-й армии, получив приказ Конева, плутало по окрестностям Вязьмы, потом едва не попало под огонь немецких танков в самой Вязьме, а потом с боями пробивалось к Можайску.

Сведения, поступающие от командармов, складывались в довольно противоречивую картину. Наметился явный прорыв в направлении на Белый и станцию Каномино. Но одновременно Рокоссовский настаивает на том, что вдоль Минского шоссе противник накопил во втором эшелоне огромное количество войск, и их состав и конфигурация построения свидетельствуют в пользу того, что это и есть главная ударная группировка.

Противоречивость сведений, неясность ситуации, а также, возможно, нерешительность комфронта способствовали тому, что вскоре поправить положение оказалось почти невозможным.

Фронтные резервы по-прежнему находились в районах сосредоточения близ Вязьмы.

Утром 3 октября в 5.00 в штабы 19-й и 30-й армий ушёл приказ, согласно которому объединённая группировка этих двух армий, стык которых проломило бронированное копьё “Тайфуна”, должна была произвести частичную перегруппировку и контратаковать прорвавшегося противника. Основная роль в намечавшемся контрударе возлагалась на фронтной резерв, сведённый в объединённую группировку. Командование этой группировкой Конев возложил на своего заместителя генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

Ударная группа состояла из одной стрелковой, одной кавалерийской и одной мотострелковой дивизии (69 танков), а также трёх танковых бригад, в которых насчитывалось 172 танка. Удар оперативной группы генерала Болдина должны были поддерживать войска 30-й армии.

Из донесений генерала Болдина, сохранившихся в архиве Министерства обороны РФ, видно, что наше командование, к сожалению, даже к исходу 3 октября не имело представления, насколько серьёзная угроза нависла над войсками и судьбой фронта. Болдин доносил в штаб фронта о “танковых группах силами 15 и 40 танков”, прорвавших оборону 30-й армии и вышедших в район севернее Вязьмы. Реальность была в стократ (в буквальном смысле этого слова и этого числа) страшнее.

Части оперативной группы Болдина не смогли сосредоточиться для согласованного удара, а потому, выдвигаясь навстречу противнику, вступали в бой по мере соприкосновения с ним, то есть по частям, разрозненно. К тому же опергруппа не располагала достаточным количеством противотанковой и зенитной артиллерии. Действовать пришлось одновременно на двух направлениях.

Немецкая разведка быстро определила состав и положение оперативной группы генерала Болдина. 4 октября на боевые порядки контратакующих частей обрушил всю свою мощь 8-й авиакорпус группы армий “Центр”.

Тем временем генерал Лукин храбро и стойко отражал новые и новые атаки на своём фронте. Против него действовало до семи пехотных дивизий при поддержке 150 танков. Пока противнику не удалось пробить или опрокинуть порядки его дивизий. 5 октября 19-я армия продолжала удерживать свои рубежи к северу от Минского шоссе.

В этот же день, 4 октября, с южного крыла пришло известие, смысл которого потряс всех офицеров штаба Западного фронта: противник, частично смяв и рассеяв, а частично отеснив войска 33-й и 43-й армий Резервного фронта, сделал глубокий прорыв в районе Спас-Деменск—Ельня.

И. С. Конев: “Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20-я, 16-я, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского”.

И. С. Конев: “В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-й, 16-й и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но

не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по “Бодо” с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создается на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на Гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на Гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30-й, 19-й, 16-й и 20-й армий”.

Фразу Конева по поводу того, что Сталин выслушал его тревожный доклад, “но не принял никакого решения”, историки потом интерпретировали как растерянность Верховного.

Что ж, возможно, Сталин на какое-то время растерялся. Но, как теперь стало известно, Сталин тут же позвонил Жукову в Ленинград:

— У меня к Вам только один вопрос, — сказал Верховный, — не можете ли сесть на самолет и приехать в Москву. Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах.

Директиву на отвод войск Конева получил только в ночь с 5-го на 6-е октября. Почти сутки Ставка думала, что предпринимать! А время — даже часы и минуты — работало в тот период не на Красную армию. Той же директивой Западному фронту передавались 31-я и 32-я армии. Но теперь они были не в помощь Военному совету фронта, теперь, когда предстояло отводить, снимать с позиций из-под носа, из-под огня противника, дивизии и отводить их под непрерывным обстрелом артиллерии, они были только обузой.

И. С. Конева: “Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона...”

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

“Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения... Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне* он писал, что “необученные войска не способны отступать, они могут только бежать”. Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости, несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко заплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта... имели только конную тягу, то оторваться от противника войска были не в силах, так как прерасходство в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления — от Спас-Деменска.

В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19-й, 20-й и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болди-

* “Севастопольские рассказы”.

на. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска...

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма—Москва, не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство”.

К сожалению, и замедленная реакция Ставки и Генштаба на донесения Конева, и действия самого Конева в период Вяземского сражения 41-го года выстраиваются в цепь последовательных ошибок, результатом которых стало неминуемое — окружение армий, гибель, пленение сотен тысяч, катастрофа.

В 1966 году, к 25-летию битвы под Москвой, к печати готовился сборник воспоминаний её участников. По этикету тех лет основу книги должны были составлять тексты главных действующих лиц, т. е. маршалов и генералов. Так и получилось.

Представляю, как непросто было составителям: взять интервью, если герой по какой-либо причине не может написать воспоминания сам, литературно обработать их, а потом согласовать с другими участниками сборника, чтобы не случилось, не дай-то бог, нелепицы, когда один вспомнит о том, что было или чего не было, не так, как все остальные...

С особым вниманием Жуков читал статью Конева. В притухшую топку соперничества двух маршалов обстоятельства бросили свежую охапку дров...

Жуков сделал ряд существенных замечаний. Первое: что Иван Степанович напрасно не включает в число окруженных 16-ю армию. И это справедливо: вне кольца оказалось только ее полевое управление во главе с Рокоссовским. Второе: Жуков отводил упрек Конева по поводу того, что “во всем виновата Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт”. Жуков настаивал: “...соотношение сил давало возможность вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае, избежать окружения и полного разгрома...”. Третье: Жукова буквально взорвала фраза Конева: “Бежать было некуда — сзади Москва”. “Как известно, — написал Георгий Константинович 15 августа 1966 года в своём письме в Воениздат, — сражение методом бегства не ведется. И тогда, когда назревает тяжелая обстановка (угроза окружения), опытный полководец должен отвести войска на тыловой рубеж, где вновь оказать врагу организованное сопротивление”. Четвёртое: на упрек Конева в адрес Резервного фронта, что “прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта”, автор письма, как мне кажется, справедливо возразил: “Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении — это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках”.

Что ж, эта история ещё раз убеждает нас в том, что с последними залпами война не заканчивается.

Не все упреки маршала Жукова маршалу Коневу состоятельны. Не все справедливы. К примеру, Конев совершенно прав, говоря об отсутствии роли Ставки и Генштаба в координации действий трех фронтов, прикрывавших московское направление, о том, что на сутки было задержано разрешение на отход войск Западного фронта. Ведь некоторым дивизиям, полкам, группам, да и просто одиночным красноармейцам и командирам нескольких минут не хватило для того, чтобы пройти мимо немецкого поста, выскольз-

нуть по ещё свободному коридору из кольца, избежать смерти, плена и вечного клейма пропавшего без вести.

Очень противоречивыми оказались и эпизоды “Воспоминаний и размышлений”, где Жуков повествует о днях его прилёта из Ленинграда в Москву и назначения на новую должность командующего войсками Западного фронта.

Глава пятнадцатая

О ТОМ, КАК ЖУКОВ СПАС КОНЕВА

“Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...”

В ночь на 6 октября штабная группа во главе с Коневым и членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным прибыла в район Гжатска. Они тут же разыскали штаб Резервного фронта. Штаб размещался в блиндажах и землянках в лесу восточнее Гжатска. Однако на КП маршала не оказалось. Семён Михайлович ночевал в уютном домике на окраине города. Подходы к домику охранялись автоматчиками и танком КВ.

Вот тут-то и узнал Конев: то, что произошло с его войсками в районе Вязьмы, не могло не произойти. Штаб Конева был уверен в том, что за порядками 19-й и 30-й армий, надёжно прикрывая их стык и обеспечивая оперативную глубину обороны, стоит 49-я армия Резервного фронта. В штабе Западного фронта сетовали лишь на то, что ни Ставка, ни Генштаб не обеспечили взаимодействия двух группировок, вынужденных действовать практически на одном рубеже. Но тут выяснилось куда худшее. Стало понятным и то, почему не был поддержан удар оперативной группы Болдина...

И. С. Конев: “... как выяснилось в разговоре с Будённым, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, 49-я армия, находившаяся на вяземском оборонительном рубеже за сутки до наступления главных сил группы армий “Центр”, за сутки, повторяю, была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск—Сычёвка не оказалось”.

Вообще история с переброской 49-й армии, если рассматривать её в общем контексте событий, выглядит довольно мутной, если не сказать большего. Посудите сами: в самый канун немецкой атаки, и именно там, где намечен основной прорыв и ввод в дело главных сил (3-я танковая группа генерала Гота), построенная глубокоэшелонированная оборона ослабляется отводом целой армии. Причём кадровой, хорошо укомплектованной и оснащённой. При этом немецкое командование выстраивает свои атакующие части практически в один эшелон, без резервов, как будто наперёд зная, что никаких войск в глубине обороны русских нет, что главная задача — прорвать передовые линии. Так и произошло. К исходу второго дня наступления танки Гота углубились в оборону Западного фронта, разрезав его на стыке 19-й и 30-й армий на 50–60 километров. В образовавшуюся брешь шириной до 40 километров хлынули моторизованные и пехотные дивизии, части усиления. Они стремительно развивали удар, и вскоре охватили части 19-й, 16-й и 20-й армий, выйдя им во фланг и в тыл. 49-й армии не оказалось именно там, где она нужна была в эти дни более всего.

Надо признать, что приказы и распоряжения, исходившие в дни сражения под Вязьмой и из Москвы (Ставка, Генштаб), и из Касни, а потом и из Красновидова, катастрофически запаздывали. Порой они не учитывали реального положения дел. В то время как немецкие штабы работали на опережение.

Уже в Красновидове, в штабе Западного фронта, происходит событие, которое впоследствии настолько разноречиво описано в мемуарах главных её действующих лиц, что до сих пор нет единого мнения о том, что же в действительности произошло.

И здесь уместнее всего было бы предоставить слово тем самым главным действующим лицам.

Маршал Василевский, в то время заместитель начальника Генерального штаба: “Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я... 5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий”.

В те же дни, как уже известно, Сталин отзывает из-под Ленинграда Жукова и посылает его... И вот здесь вопрос: куда и кем он посылает самого надёжного и исполнительного своего генерала?

Маршал Жуков, в то время генерал армии (из первой редакции “Воспоминаний и размышлений”): “Подъезжая на рассвете к полустанку Обнинское (105 километров от Москвы), увидел двух связистов, тянувших кабель со стороны моста через реку Протва, и спросил:

— Куда тянете, ребята, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — ответил простуженным голосом солдат громадного роста с густо заросшей бородой.

Пришлось назвать себя и сказать, что я ищу штаб Резервного фронта и С. М. Буденного.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, мы Вас в лицо не знаем, так и ответили. Штаб фронта Вы уже проехали. Он два часа тому назад прибыл и остановился в домиках в лесу на горе, налево за мостом. Там охрана Вам покажет, куда ехать.

— Ну, спасибо, друг, выручил, а то пришлось бы долго разыскивать, — ответил я солдату.

Развернувшись обратно, через 10 минут я был в комнате Мехлиса, у которого находился начальник штаба фронта генерал Боголюбов. Мехлис говорил с кем-то по телефону и кого-то распекал.

На вопрос: “Где командующий?”, начальник штаба фронта Боголюбов ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, чего бы плохого не случилось с Семеном Михайловичем.

— А Вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров, но офицеры еще не вернулись.

— Что известно из обстановки? — спросил я генерала Боголюбова.

Мехлис, обращаясь ко мне, спросил:

— А Вы с какими задачами к нам?

— Приехал к Вам по поручению Верховного разобраться в обстановке, — ответил я.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговора с Боголюбовым я ничего не узнал о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал через Малоярославец, Медынь в сторону Юхнова, имея в виду, что там, на месте, скорее выясню обстановку.

(...)

Проехав до центра города Малоярославец, я не встретил ни одной живой души. Не то люди еще спали, не то уже бежали дальше, в тыл страны. В центре, около здания райисполкома, увидел две легковые машины типа “Виллис”.

— Чьи это машины? — спросил я у спавшего шофера. Шофер, проснувшись и часто заморгав, ответил:

— Это машина Семена Михайловича, товарищ генерал армии.

— Где Семен Михайлович?

— Отдыхает в помещении райисполкома.

— Давно вы здесь? — спросил я у шофера, который окончательно проснулся.

— Часа три стоим, не знаем, куда нам ехать.

Войдя в райисполком, я увидел дремлющего С. М. Буденного, видимо, более двух-трех суток не брившегося и осунувшегося.

С Семеном Михайловичем мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти трагические дни.

— Ты откуда? — спросил Буденный.

— От Конева, — ответил я.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи... Вот сижу здесь и не знаю, где мой штаб. — Я поспешил порадовать Семёна Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на 105 километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Боголюбовым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

— У нас не лучше. 24-я и 32-я армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, с целью обхода с востока.

<...> В районе Калуги меня догнал на машине офицер штаба Резервного фронта и вручил телефонограмму начгенштаба Шапошникова, в которой было сказано: "Верховный Главнокомандующий приказал Вам немедленно прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом".

Развернув машину, мы тотчас же поехали в обратном направлении — в штаб Западного фронта. Утром 10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в 3–4 километрах северо-западнее Можайска.

<...> В штабе работала комиссия Государственного Комитета Обороны в составе Молотова, Ворошилова, Василевского, — разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному Комитету Обороны... Во время комиссии ГКО и моего разговора с ней вошел Булганин и сказал, обращаясь ко мне:

— Только что звонил Сталин и сказал: как только придешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил.

Я позвонил, по телефону ответил лично Сталин:

— Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить Вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности, — ответил я Верховному.

— А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и мне нужно иметь там вспомогательные управления, — доложил я Верховному.

— Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, Можайской линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии обороны. Берите скорее все в свои руки и действуйте.

— Хорошо. Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара немцев на Москву.

Войдя в кабинет, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным. Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвел 16-ю армию, как было приказано, в лес, восточнее Вязьмы, а отвел только штаб армии. Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от Вас такого приказа не было. Было приказано отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что и выполнено.

Лобачев (член Военного Совета 16-й армии):

— Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него.

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобраться позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино; второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на калининское направление; третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на можайском направлении. Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву”.

В более поздней редакции мемуаров, найденной в архиве Жукова, Георгий Константинович выправил эту историю, и теперь она преподносится в таком виде: “Меня вызвали к телефону. Звонил Сталин:

— Ставка решила освободить Коневу с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил Сталин.

За разгром противником Западного фронта, которым командовал Конев, Верховный намерен был предать его суду. И лишь мое вмешательство спасло Коневу от тяжелой участи. Надо сказать, что до Курской битвы Конев плохо командовал войсками, и ГКО неоднократно отстранял его от командования фронтом”.

Тут Жуков, конечно же, излишне пристрастен. Несправедливость его оценки опровергается следующим фактом: за успешные действия в период Московского сражения 1941–42 годов командующий войсками Калининского фронта был награждён орденом Кутузова I-й степени и медалью “За оборону Москвы”. Жуков, о чём он неоднократно говорил и сам, был награждён только медалью. Так что Государственный Комитет Обороны достаточно высоко оценил командные способности генерал-полковника Конева.

Константину Симонову история отстранения Конева от командования войсками Западного фронта и спасения от расстрела будет пересказана Жуковым ещё более красочно и ещё дальше от правды. “Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Коневу и Ерёмченко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится. Тогда Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Коневу моим заместителем.

Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Коневу? Что он, ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу. Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выеха-

ла к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом”.

В действительности все произошло иначе.

После того, как Конев разыскал на окраине Гжатска маршала Будённого и с ужасом узнал об отводе 49-й армии, по приказу Генштаба покинувшей укрепленный рубеж обороны в глубине передовых линий Западного фронта на стыке 19-й и 30-й армий, события развивались следующим образом.

И. С. Конев: “На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки Молотов, Ворошилов, Василевский и другие. По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к Можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию...”

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собранные в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...

Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по “Бодо” 15.45. 10.10.41 года”.

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении. Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом”.

Заметьте, подписи Жукова на документе нет.

Еще один участник того, в буквальном смысле судьбоносного совещания в Красновидове и член комиссии в своих воспоминаниях даёт несколько иную, отличную от жуковской, но не противоречащую коневской, версию назначения командующего войсками Западного фронта.

Маршал Василевский: “Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта”.

Значит, Жукова в штабе Западного фронта и вовсе не было?

Кто же тогда спас Конева? Да никто. Потому что никто его и не соби-рался арестовывать. Потому что стало очевидным: промедли ещё немного, и козлами отпущения станут и сами судьбы...

Вот и вся интрига. Не будь впоследствии 57-го года и злополучного пленума ЦК КПСС, Жуков рассказал бы в своих мемуарах о крушении под Вязьмой Западного и Резервного фронтов и своём назначении на должность комфронта совершенно иную историю.

В гибели под Вязьмой фронтов, прикрывавших Москву, Сталин Конева не винил. Возможно, именно поэтому столь мрачен был в день пребывания в штабе Западного фронта Молотов. И, возможно, нервная реакция Ворошилова на появление Рокоссовского оказалась такой бурной. В 1965 году маршал Конева рассказывал о событиях тех дней Симонову: “Именно тогда он позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице: “Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение!”

Доверился кавалеристам...

Кавалеристами были не только Будённый, Ерёменко и Ворошилов, но и Рокоссовский. Конева же по специальности был артиллеристом.

Вот и причёсывал кавалерист маршал Ворошилов кавалериста генерала Рокоссовского. После боя. Как старший — младшего. Так было принято на фронте.

Сейчас историки говорят о том, что якобы Конева, понимая, куда идут события и чем всё кончится, намеренно вытаскил Рокоссовского из окружения. Вряд ли это так. Но события сложились именно в такой сюжет.

Глава шестнадцатая

СЕВЕРНЕЕ МОСКВЫ. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 41-го

“...Его стремление воевать было огромно”.

В ту же ночь 12 октября Военный совет объединённого Западного фронта решил направить Конева на калининское направление с целью объединения армий и частей, действовавших на правом крыле. Немцы к тому времени окончательно сломали сопротивление наших войск на рубеже Сычёвка—Ржев и устремились на Калинин. Наши же войска, находившиеся в районе Торжка и Калинина, действовали разрозненно, не имея общей задачи. К тому же туда продолжали выходить из-под Сычёвки, Оленино части 22-й, 29-й, 31-й и 30-й армий. Из них предстояло сформировать правое крыло Западного фронта, сомкнуть его с Северо-Западным фронтом. Противник продолжал развивать удар на Торжок и Бежецк с выходом в тыл Северо-Западному фронту и одновременно нашим войскам, действовавшим на московском направлении. Миссия Конева заключалась именно в том, чтобы предотвратить угрозу развития удара противника на Ярославль.

Вечером он въехал в горящий Калинин. Только что закончилась очередная бомбёжка. Пока разыскивал военкомат, не увидел ни одной зенитки. Да и войск в городе не было. Как вскоре выяснилось, в распоряжении военкома имелся истребительный батальон, сформированный из коммунистов и комсомольцев города. Батальону выдали десяток учебных винтовок, с которыми те несли караульную службу, охраняя особо важные объекты. Когда Конева попросил военкома доложить обстановку, тот мрачно и коротко сказал:

— Войск нет. Город защищать нечем. В городе начинается паника. Кто-то распространяет слухи, что за Волгой в стороне Лихославля высажен парашютный десант, что немцы движутся на Калинин и вот-вот будут здесь. — И указал на окно.

Там, на улице, у входа в военкомат колыхалась толпа. В основном женщины и дети. Чемоданы, баулы, узлы... Военком тут же пояснил, что это офицерские семьи — требуют немедленной эвакуации в тыл.

— А у меня — ни одного грузовика. Даже лошадей нет.

Слух о том, что в Калинин приехало высокое начальство — генерал! — тут же разлетелся по городу, и толпа у военкомата начала расти. Люди негодовали по поводу того, что город брошен войсками, что многие руководители и целые службы благополучно выехали ещё накануне, вывезли свои семьи и даже имущество.

Конеv после войны рассказывал, как ему удалось успокоить женщин и детей и заставить их в эту ночь разойтись по домам.

Спустя несколько минут, когда толпа уже готовилась брать военкомат приступом, мимо неё охрана пронесла разобранную солдатскую койку с узлом белья. На крыльцо вышел военком и сказал, что генерал двое суток не спал — это соответствовало действительности — и что он ложится отдыхать, а завтра будут решены все вопросы, касающиеся эвакуации, что члены семей военнослужащих будут отправлены в тыл в первую очередь. Люди начали расходиться.

Однако отдыхать Коневу не пришлось и в эту ночь. Когда толпа разошлась, Конев приказал военкому проводить его в обком партии. Там его встретил секретарь обкома И. П. Бойцов. Секретарь тоже не спал, вместе с членами обкома и активом занимался подготовкой области к партизанской борьбе на оккупированной территории. Западные районы были уже под немцами.

Разговор между Коневым и Бойцовым оказался кратким. Уже через час, по тревоге, был поднят актив городской и областной парторганизации с задачей: эвакуировать население, создать отряды ополчения, подготовить город к обороне.

Уже за полночь в обкоме Конева разыскал офицер связи и доложил: на железнодорожную станцию прибывают эшелоны с 5-й стрелковой дивизией, командир дивизии подполковник Телков находится на вокзале и ждёт дальнейших указаний. Конев знал эту дивизию. Её отводили в тыл на пополнение и доформирование, так как в предыдущих боях она понесла большие потери. Однако боеспособности она не потеряла и по меркам 41-го года была вполне пригодна к выполнению боевой задачи. В полках насчитывалось до 450 активных штыков. Он тут же отдал распоряжение: пополнять батальоны 5-й стрелковой дивизии за счёт жителей города призывного возраста. Уже через полчаса на мосту через Волгу стояли посты, которые буквально выдёргивали из потока беженцев молодых мужчин. Из них тут же формировали маршевые роты, вручали оружие и направляли на позиции.

На вокзале Конев встретился с подполковником Телковым. Вид у того был непарадный. Осунувшееся, почерневшее от усталости лицо, но подтянут и собран. Но доклад подполковника обрадовал: арtdивизион имеет некоторое количество орудий и боеприпасы, а утром прибудет эшелон с танками. Эта небольшая, потрепанная дивизия, первой поступившая в его распоряжение в район Калинина, в действительности стоила полнокровной. Из короткого разговора с подполковником он узнал, что дралась она с первого дня войны, сохранила свой костяк и сибирский дух. Да ещё имела пушки и даже некоторое количество танков!

Прямо с вокзала, отдав необходимые распоряжения подполковнику Телкову, Конев поехал на КП командарма 30-й армии. Доклад генерала Хоменко тоже был нерадостным. Конев уточнил расположение частей армии, приказал включить в состав армии 5-ю стрелковую дивизию, которая в это время спешно занимала окопы на южной окраине Калинина. Задачей 30-й армии было не допустить прорыва немцев вдоль Московского шоссе на Клин.

Затем выехал в сторону Селижарова и разыскал КП 22-й армии генерала Юшкевича. Здесь, как вскоре выяснилось, обстановка была более или менее спокойной. Изучив на карте конфигурацию обороны армии, приказал командарму срочно, на грузовиках, перебросить 256-ю стрелковую дивизию генерала Горячева в район Калинина и занять пустующий участок фронта по восточному берегу Волги с задачей не допустить наступления противника по Бежецкому шоссе на Бежецк и Ярославль.

Генерал-майор Василий Александрович Юшкевич был из тех командармов, которым Конев доверял. Он знал: такие, как Юшкевич, прошедшие же-

стокую школу жизни, умеют ценить доверие, умеют воевать и держаться в самых безнадежных ситуациях.

22-я, в августе правифланговый сосед 19-й армии, действуя на торопецком направлении, попала в окружение и, не растеряв основных сил и вооружения, с боями вышла в район Андеополя. Вот и теперь, уклоняясь от удара “Тайфуна” и выполняя приказ штаба Западного фронта об отходе, генерал Юшкевич отвёл дивизии из-под Осташкова на Селижарово на заранее подготовленный рубеж и прочно закрепился.

Ещё до приезда в район Калинина заместителя командующего войсками Западного фронта генерала Конева из состава правифланговой группировки были изъяты 5-я, 133-я, 110-я, 119-я и 243-я стрелковые дивизии и переброшены на Можайскую линию обороны. После того как немцы замкнули кольцо под Вязьмой и приступили к ликвидации окружённой группировки армий и частей Западного и Резервного фронтов, на Наро-Фоминском, Малоярославецком и Можайском направлениях войск, способных противостоять “Тайфуну”, попросту не оказалось. Существовала реальная угроза захвата Москвы. Если бы окружённые под Вязьмой не продержались сутки-двое, отвлекая на себя основные силы группы армий “Центр”, и если бы фон Бок смог выделить для продолжения наступления хотя бы один танковый корпус, они прошли бы к Москве колонной, не съезжая с шоссе.

У Конева была тяжелейшая задача — стабилизировать положение на правом крыле огромного и самого напряжённого в тот период фронта. Тем самым предстояло одновременно решить две задачи: первую — остановить продолжавшие наступление корпуса 3-й танковой группы и 9-й полевой армии; вторую — обеспечить стык с Северо-Западным фронтом.

Именно в эти дни в районе Калинина была ликвидирована брешь и предотвращена угроза широкого охвата Москвы с севера.

Катастрофически не хватало войск, чтобы противостоять танковым атакам противника. Резервы Ставки начали поступать чуть позже. А в середине октября фронт пришлось латать тем, что оказалось под руками: истребительными отрядами, наспех сформированными из калининских добровольцев, батальонами НКВД. К счастью, из-под Сычёвки и Белого продолжали выходить из окружения разрозненные части и отдельные группы разбитых дивизий. Некоторые сохранили оружие и тяжёлую технику. Из них формировали роты и батальоны и тут же вводили в бой.

Любопытна запись, сделанная фон Боком в своём дневнике 12 октября, именно в тот день, когда Конев, прибыв в Калинин в качестве заместителя командующего войсками объединённого Западного фронта, метался с одного КП на другой, пытаясь организовать взаимодействие армий и дивизий и выстроить линию фронта.

Фёдор фон Бок: “Гудериан пока наступать не может; как и Вейхс (2-я армия), он занят ликвидацией брянских “котлов”.

“Котел” под Вязьмой “сжегился” еще больше. Число пленных выросло до огромных размеров. Потери противника в живой силе и технике также очень велики.

Правое крыло наступающей в восточном направлении 4-й армии заняло Калугу. Корпус, находящийся в крайней оконечности северного крыла 9-й армии, достиг позиций противника на западе и на севере от Ржева и прорвал их силами своего правого крыла.

3-я танковая группа заняла Старицу. Сейчас танковая группа напрямую подчинена группе армий и получила от нее приказ двигаться на Торжок, чтобы не позволить русским, противостоящим внутренним крыльям группы армий, отступить на восток. Одновременно 3-я танковая группа должна захватить Калинин и удерживать Старицу и Зубцов”.

Когда танки немцев начали продвигаться к Калинину, Конев, мгновенно поняв замысел противника, принял решение отбить их коротким контрударом силами правифланговых частей. В районе Ржева оборону держала 29-я армия генерала Масленникова. Активных действий она пока не вела и, по замыслу Конева, “могла, прикрывшись незначительными силами, перегруппироваться и нанести удар с запада в тыл противнику, наступающему на

Калинин”. 29-я армия должна была наступать вместе с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизией генерала Горячева. Дивизия уже вышла на исходные. В первый же день, сразу с КП генерала Юшкевича Конева поехал в штаб 29-й. Командарм принял его холодно. По всей вероятности, Масленников понял, что контратаковать противника — дело слишком опасное и на девяносто девять процентов безнадёжное. А потому приказ Конева он вначале согласовал с наркомом НКВД Лаврентием Берией. Затем позвонил в штаб Западного фронта Жукову. Но Жуков приказ своего заместителя не отменил. В результате Масленникову свою армию всё же пришлось выдвигать к Калинин, но марш был осуществлён не по южному берегу, как приказывал Конева, а по северному. К тому же в районе сосредоточения авангарды дивизий первого эшелона подошли с опозданием. В результате согласованного удара не получилось. Противник ворвался в Калинин.

Только спустя годы, изучая дело Берии, Конева узнал многие детали истинных причин того, почему же в октябре 41-го так неудачно действовали подчинённые ему генералы и их войска. То, что Масленников, будучи командующим 29-й армией, сохранял за собой высокую должность заместителя наркома НКВД, Конева прекрасно знал и тогда. Именно это и сдерживало его от мгновенной реакции в адрес слишком независимого командарма. Но неприязненное отношение к своему подчинённому Конева, по всей вероятности, испытывал весь период их совместной службы. Сохранилось оно и после войны. Злопамятство не было даже слабовыраженной чертой характера Конева. Как все вспыльчивые люди, он быстро забывал то неприятное, что исходило от того или иного человека или было связано с ним, особенно если это был подчинённый. Но генерал Масленников был подчинённым особенным. С первой же встречи в штабе 29-й армии Конева понял, что ему предстоит работать *под присмотром*. Чекиста Масленникова генерал Конева хорошо знал по службе в Белорусском военном округе, где тот в 37-м году занимал должность первого заместителя командующего войсками НКВД округа. Тогда многие командиры полков, дивизий и корпусов спали на твёрдых подушках, под которыми лежали табельные револьверы, и ждали стука в дверь...

Как только пали Ржев и Калинин, в штабах было зачитано решение Ставки об аресте и предании суду командующего 31-й армии генерал-майора Далматова, начальника штаба армии полковника Анисимова, начальника политотдела армии полкового комиссара Медведева. Наверху потребовались козлы отпущения. Их, разумеется, тут же нашли.

Армии Далматова с самого начала не везло. Сказывались и весьма скромные полководческие данные её командующего. Во время немецкого наступления севернее Минского шоссе часть войск была передана в оперативную группу генерала Болдина. 110-ю и 119-ю стрелковые дивизии Жуков перебросил в центр Западного фронта. Поэтому, когда немцы подошли к городу Ржеву, оборонять ржевские позиции оказалось просто некому. Остатки разрозненных подразделений 31-й армии, теснимые противником, были задержаны заградотрядами стоявшей в затылок 29-й армии. Полевое управление во главе с Далматовым находилось в Ржеве. Оборона города, а также эвакуация имущества и армейских складов была поручена ему. Но никакой обороны, да и эвакуации складов из города, не получилось. И без того тяжёлые обстоятельства усугубил взрыв моста — во время авианалёта сдетонировали заряды, заложённые под опоры. Поэтому многое, что уже невозможно было вывезти, уничтожили на месте. Потом следствием будет установлено, что прямой вины генерала Далматова и его штаба в оставлении военного имущества и складов боеприпасов двух армий — нет. Военный совет 29-й армии, переподчинивший себе остатки 31-й армии, как оказалось, сам проявил нераспорядительность, допустил паникёрство и неустойчивость своих первых эшелонов, при этом никаких приказов о вывозе военного имущества из Ржева не отдал.

Опытный в таких обстоятельствах заместитель наркома НКВД генерал Масленников ещё до оставления Ржева от имени Военного совета 29-й армии направил в Военный совет Западного фронта ходатайство о привлечении к судебной ответственности виновных. Ими были назначены Далматов и

его заместители. Однако в Генштаб из Главной военной прокуратуры вскоре ушло письмо следующего содержания: учитывая тяжёлые условия на фронте и положительные характеристики на “названных лиц”, следствие пришло к выводу, что “оснований для предания их суду нет”, и предложило дело о них “решить в дисциплинарном порядке”.

12 октября полевое управление 31-й армии перешло в резерв Западного фронта и расположилось в районе Торжка. 15 октября по приказу Жукова оно временно было преобразовано в штаб его заместителя генерала Конева. Потому что Конев в это время действовал практически в одиночку с несколькими офицерами и личным водителем. Ни начальника штаба, ни оперативного отдела. Позднее при создании 17 октября Калининского фронта по ходатайству Конева Ставка приняла решение о восстановлении полевого управления 31-й армии, которому были подчинены 119-я, 133-я стрелковые дивизии и 8-я танковая бригада. 19 октября командующий фронтом дополнительно включил в состав армии 183-ю стрелковую, 46-ю и 54-ю кавалерийские дивизии, отдельную мотострелковую бригаду, а 133-ю стрелковую дивизию вывел в свой резерв. В тот же день командование армией принял генерал Юшкевич.

Конев действовал решительно и быстро. И вскоре фронт в районе Калинина окреп настолько, что начал беспокоить противника частыми контратаками.

Что касается бывших членов Военного совета 31-й армии первого состава, то они получили новые назначения с понижением в должности: Далматов был назначен командиром 134-й стрелковой дивизии Западного фронта, полковник Анисимов стал командиром 130-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Полкового комиссара Медведева Конев оставил в штабе Калининского фронта на должности начальника организационно-инструкторского отдела полевого управления. Все трое служили до конца войны и неоднократно были награждены орденами и медалями.

Вот так разрешилась судьба генерала и двух полковников РККА, которых под горячую руку могли расстрелять в те кровавые дни 41-го.

Калинин в планах немецкого командования занимал особое место: город представлял собой, кроме всего прочего, крупный коммуникационный узел — здесь сходились Октябрьская железная дорога, шоссе Ленинград—Москва и водный путь по Волге с выходом на канал Волга—Москва, а также шоссе, ведущие на Ржев, Волоколамск, Бежецк. С захватом Калинина немцы связывали дальнейшее развитие наступления в направлении на Москву, а также на промышленные центры СССР — Ярославль, Рыбинск, Иваново.

13 октября 1-я танковая дивизия противника атаковала позиции ополченцев и одного из полков 5-й стрелковой дивизии в районе Рябево—Мигалово.

Расклад сил в этом бою был таков.

1-я танковая дивизия вермахта атаковала после мощного авианалёта и артподготовки. Дивизия к тому времени имела два танковых полка, два панцергренадерских полка, артполк, разведбатальон, противотанковый батальон, сапёрный батальон и батальон связи, а также части обеспечения. 11 танков, в основном средних типов. Артиллерия — 160 стволов различных калибров. Около 12 000 солдат и офицеров. Её поддерживала 6-я танковая дивизия: около 170 танков и два полка мотопехоты, усиленной артиллерией и крупнокалиберными пулемётами.

Кого им противопоставил Конев? Несколько батальонов калининских ополченцев: рабочие заводов и фабрик, служащие различных учреждений, студенты и курсанты высшего военно-педагогического института. Рядом с ополченцами — роты курсантов школы младших лейтенантов. Два батальона НКВД. И полк 5-й стрелковой дивизии. Основным оружием оборонявших город были винтовки и бутылки с зажигательной смесью. При этом и того, и другого не хватало. Бывшие ополченцы вспоминали, что их собрали на стадионе “Динамо” за несколько часов до немецкой атаки, выдали канадские винтовки системы Росса и по несколько горстей патронов — 80–100 штук. Ни пулемётов, ни гранат у ополченцев не было.

Вечером немцы заняли западную окраину Калинина. Начались уличные бои, перестрелки через Волгу и схватки за Горбатый мост.

Тем временем Конев гнал сюда, к городу, на атакованный участок, всё, что можно было снять с других участков и что поступало к городу из тыла: 8-ю танковую бригаду, батальоны 256-й стрелковой дивизии и лёгкий артполк, 46-й мотоциклетный полк.

Особенно яростная схватка произошла у Горбатого моста. Немецкие танки попытались с ходу перескочить через Волгу и ворваться в город. Но их встретили огнём. И тогда немцы пошли в обход, через Тверецкий мост. Там их уже ждали артиллеристы 256-й стрелковой дивизии. Оставив у моста четыре горящих танка и несколько грузовиков, колонна повернула назад.

Но соотношение сил было не в пользу обороняющихся. Немцы произвели перегруппировку и после очередного артобстрела при поддержке штурмовой авиации начали теснить подразделения 5-й стрелковой дивизии и ополченцев.

Утром 14 октября во фланг немцам из Заволжья ударила 256-я стрелковая дивизия генерала Горячева, с ходу смяла противника и передовыми отрядами захватила железнодорожный мост. В городе шли уличные бои. Немцы, пользуясь численным превосходством, а также тяжёлым вооружением, постепенно отжимали наши войска к реке Тьмака.

Утром 15 октября бои шли уже на восточной окраине Калинина.

До сих пор не утихают споры о чуде под Москвой. Что же произошло с немецкой машиной, отлаженной и настроенной для действий практически в любых условиях? Советские войска трёх фронтов были ликвидированы и пленены в гигантских “котлах” под Брянском, Рославлем и Вязьмой. За полмесяца до “Тайфуна” советский фронт был ликвидирован в районе Киева. Всё! Разгром! Виктория! Drang nach Osten наконец-то удался! Впереди столица гуннов, их промышленные районы, наполненные рудой и бесплатной рабочей силой, и — никаких войск!

Командование группы армий “Центр” было практически уверено в успехе предстоящего наступления в районе Валдая. Ни фон Бока, ни командующих 9-й полевой армией генерала Штрауса и 3-й танковой группой генерала Рейнхардта не смущало разделение главных сил группы на несколько направлений. Донесения разведки и показания военнопленных не обещали особых трудностей германским войскам. Противник, согласно разведанным, имел впереди слабо выраженную очаговую оборону и располагал лишь отдельными частями НКВД и милиции, не прикрытыми ни артиллерией, ни другим тяжёлым вооружением.

То, что произошло дальше и что продлилось до весны 42-го, стало для немцев большим потрясением.

Уже в октябре 41-го левое крыло группы армий “Центр” было остановлено на взмахе, а затем его начали щипать и подрубать короткими контратаками и глухой обороной части правого крыла Западного фронта.

После захвата Калинина и остановки в районе восточных окраин города и Волжского водохранилища 3-я танковая группа и 9-я армия получили дальнейшую задачу атаковать в направлении на Вышний Волочек. Началась операция по окружению советских войск в районе Валдайской возвышенности. Штаб Конева тут же разгадал маневр противника, который и дальше пытался действовать широкими охватами, и упрёдил его. Торжок, который стал первой крупной целью Тюрингско-Гессенской 1-й танковой дивизии, был основательно укреплен. При подходе к району Торжка немцы были контратакованы. Контратаку они отбили, но вынуждены были остановиться. Спустя сутки боевые охранения советских частей заметили, что немцы начали окапываться. Характер войны изменился.

Конев, внимательно следивший за продвижением противника в направлении Торжка, приказал атаковать немецкую группировку, растянувшуюся по узкому коридору, пробитому её авангардом в северо-западном направлении. Операцию успешно провела 133-я стрелковая дивизия генерала Швецова и части 29-й армии.

Конеv всегда радовался встрече с земляками. Издали узнавал вологодский или архангелогородский лёгкий говорок. Интересовался, откуда родом и не случилось ли бывать в Никольске, в Великом Устюге или в его родном Лодейном. А тут оказалось, что командир 133-й стрелковой дивизии свой, вологодский, из-под Кадуя, что на реке Суде.

Василий Иванович Швецов воевал с августа месяца, его дивизия отличалась под Ельней. А теперь, глядя на карту, разложенную перед ними, вздохнул и сказал:

— Не думал, что отступать придётся до родных мест. Лихославль, Бежецк... — Карандаш в его руке скользнул вверх, на северо-восток. — А там уже Устюжна рядом и мой Кадей. Некуда уже дальше отступать, товарищ командующий.

— Ну вот что, дорогой земляк, — уловив настроение командира дивизии, сказал Конев, — считайте, что это ваш последний рубеж. Дальше, Василий Иванович, вас родина не пустит.

Задачей 133-й дивизии Швецова было атаковать колонны противника прямо на шоссе, на марше, подрубить основание прорыва, оседлать дорогу и удерживать её, пока не подойдут основные силы.

Генерал Швецов свою задачу выполнил блестяще. Немецкие колонны были буквально сметены внезапной атакой.

Позже немецкий историк напишет: “В германских подразделениях начал сказываться недостаток в боеприпасах. Солдаты вермахта были переутомлены тяжелыми маршами по проселочным дорогам, когда приходилось продвигаться по колено в грязи. Вскоре 1-я танковая дивизия была отозвана с полпути к Торжку обратно в Калинин. Наступление захлебнулось. Во второй половине октября значительная часть подвижных соединений 3-й танковой группы перешла под Калинин к обороне. 41-й моторизованный корпус еще некоторое время пытался пробиться к Торжку, но успеха не достиг и был отведен в тыл”.

Всё же удивительно: о нехватке горючего — ни слова...

Здесь, в трагических неудачах под Вязмой и в первых успехах под Калинин, оттачивался тактический почерк будущего маршала.

Коневу всегда “везло” с противниками. Перед ним и в 41-м, и в 42-м, и в 43-м, и в последующие годы, до самых последних залпов, стояли опытные немецкие генералы, искусные тактики, лучшие полководцы Германии — Гот, Рейнхардт, Модель, Хейнриц, Кемпф, Манштейн.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов, пришедший в ВВС из гражданской авиации и за кратчайший период времени создавший авиацию дальнего действия, оставил прекрасную книгу мемуаров. Человек он был сдержанный, суровый и достаточно строгий в оценках и характеристиках. Познакомился он с нашим героем как раз в период битвы за Москву. Октябрь, ноябрь, вплоть до первых чисел декабря 41-го — этот период для Конева был окрашен мрачным цветом поражений. Можно только догадываться, как тяжело он переживал катастрофу своего войска под Вязмой. А. Е. Голованов о Коневе написал следующее: “Нелегко дался ему начальный период войны, а вернее, первые год-полтора... И всё-таки не сломали его имевшие место неудачи, его стремление воевать было огромно. Совершенствуя и совершенствуя свой полководческий талант, он добился того, что овладел управлением вверенными ему войсками в такой степени, что стал проводить по плану ставки Верховного Главнокомандования смелые, решительные, успешные операции на окружение крупных сил врага, их пленение и уничтожение. Характер у маршала Конева был прямой, дипломатией заниматься, прямо надо сказать, он не умел. Комиссар ещё со времён гражданской войны, он привык общаться с солдатскими массами. В войсках его звали солдатским маршалом. Он мог вносить и вносил Верховному немало различных предложений и отстаивал свою точку зрения по ним. Был смел и решителен, отправляясь подчас непосредственно в батальоны и роты для личного руководства боем, оставляя штаб фронта, а следовательно, и управление войсками. После внушения со стороны И. В. Ста-

лина о недопустимости подобных явлений послушался его и такие выезды в дальнейшем прекратил, оставшись, однако, при своём мнении.

Осенью 1942 года в моём присутствии, в разговоре с Верховным, он поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, это единоначалие, доказывал он...

— Нужно, чтобы командир отвечал за всё состояние своей части... Командный состав доказал свою преданность Родине, и он не нуждается в дополнительном контроле. Я скажу больше, наличие института комиссаров есть элемент недоверия нашим командирам, — заключил он.

Решением Политбюро институт комиссаров был упразднён. Что касается личного отношения Сталина к Ивану Степановичу Коневу, то могу сказать, что отзывался он о нём всегда положительно, хотя и указывал ему и на его недостатки”.

Чудо под Москвой... Оно возникло из множества составляющих. Из того, о чём было уже сказано. И из того, о чём читатель узнал из фрагментов воспоминаний бывшего комбата 133-й сибирской стрелковой дивизии Александра Чайковского и младшего лейтенанта Иннокентия Щеглова. И из того, о чём долгое время не принято было говорить. В том числе и из твёрдости, а подчас и жестокости приказов, которые подчас кажутся невыполнимыми, особенно теперь, когда можно сопоставить возможности и боевой ресурсе тех, кому эти приказы отдавались. Но тогда, под Наро-Фоминском, Серпуховом, Тулой и Калинином был иной час, и иной музыкой было наполнено пространство, пропахшее ужасом отступления, которое всё никак не удавалось остановить. И приказы выполнялись не всеми и не всегда. Но стало очевидным: если эти жестокие приказы не будут выполняться, то завтра враг сомкнёт кольцо вокруг Москвы.

16 октября. Этот день стал, пожалуй, самым тяжёлым в обороне Москвы. Как известно, в Москве началась паника. Из города бежало начальство, вывозило на грузовиках свои семьи, продовольствие и ценности. На Калужской заставе произошли стихийные погромы. Люди останавливали машины с бегущим начальством, сбрасывали на землю имущество, избивали беглецов невзирая на их чины и ранги.

А здесь, под Калинином, немцы внезапно атаковали на Торжок. Танковая бригада полковника Ротмистрова из оперативной группы Ватутина замешкалась и вовремя не прибыла на исходные, чтобы развить удар во фланг 1-й танковой дивизии противника, прорвавшейся по Ленинградскому шоссе и развивавшей удар на Торжок. Ротмистров передоверил выполнение задачи танковому полку майора Егорова, но и тот не выполнил приказа. Тем временем немцы прорвались к селу Марьино и овладели переправой через реку Логовеж. До Торжка им оставалось 20 километров. Ротмистров, уклоняясь от боя, продолжал отводить свою бригаду за Лихославль. Конев, получив донесение об отводе танков от Ленинградского шоссе в тыл, был взбешён и приказал Ватутину немедленно арестовать Ротмистрова и предать суду военного трибунала “за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с бригадой”. Ватутин исполнил приказ Конева по-своему: “Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185-й стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!” О том, как танкисты оперативной группы Ватутина, части 185-й стрелковой и вторые эшелоны сибирской дивизии генерала Швецова исправляли положение, отчасти рассказано в воспоминаниях комбата Чайковского. Подкрепление подоспело в самый пик сражения на шоссе, когда стрелковый батальон и артиллеристы уже выдыхались, израсходовав боеприпасы и потеряв больше половины своего состава убитыми и ранеными. Конев их пригнал к Медному вовремя. Так комфронта помогал своим подчинённым избавляться от трусости. Что было, то было.

Судьба сложится так, что Конев и Ротмистров почти всю войну, с непродолжительными перерывами, будут служить рядом. Почти одновременно

станут маршалами. Летом 43-го 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова приказом Ставки будет выведена из состава войск Степного фронта и брошена вперёд, на укрепление дрогнувших позиций Воронежского фронта. Действия армии окажутся неудачными, танковые корпуса в первый же день потеряют большую часть танков и самоходных артиллерийских установок, много экипажей. Но в январе-феврале 44-го мехкорпуса 5-й гвардейской танковой армии Ротмистров блестяще выполнит приказ командующего войсками 2-го Украинского фронта генерала Конева и замкнут у Звенигородки кольцо вокруг Корсунь-Шевченковской группировки генерала Штеммермана (XI армейский корпус). О Ротмистрове снова заговорили как о способном командире. А ведь тогда, в октябре 41-го под Калинином, по ходатайству Конева Ротмистров в два счёта мог пополнить число расстрелянных...

В эти же дни вполне мог появиться и другой документ — ходатайство о привлечении к ответственности командующего 29-й армией генерала Масленникова. И было за что. Но замахнуться на самого заместителя наркома НКВД Конев, видимо, не осмелился. Хотя спустя годы, вспоминая кризис под Калинином, всё же признался: “На 29-ю армию возлагалась самая ответственная задача — отрезать группировку врага в Калининне от главных сил 9-й немецкой армии и во взаимодействии с 30-й и 31-й армиями разгромить её. Однако командарм Масленников, как видно было из его приказа, понял задачу по-своему. Он предусматривал лишь создание кордона, преграждавшего пути отхода противнику на юго-запад, полагая, что Калинин будет взят войсками других армий. В результате гитлеровцы форсировали Волгу в районе Акишево и, захватив на её левом берегу плацдарм, начали распространяться к северу и северо-востоку, пытаясь прорваться вдоль железной дороги Ржев—Торжок. Для прикрытия этого направления мне пришлось выдвинуть на рубеж Высокое — река Тьма 188-ю стрелковую дивизию из резерва фронта”.

Положение командарма Масленникова было особым. И то, что командарм 29-й мог себе позволить приказы штаба фронта понимать и исполнять *по-своему*, не могло не возмущать командующего, отвечавшего за всё Калининское направление. Пройдут годы, закончится великой Победой война. Закончится и эпоха господства в стране всеильного министерства во главе с маршалом Берией. Коневу, которому всегда доставались самые трудные участки всех войн и битв, судьба пошлёт быть председателем военного суда над Берией. “Так вот, когда арестовали Берию, — рассказывал Иван Степанович, — то в его сейфе обнаружили несколько подстрекательских донесений командующего 29-й армией, освобождавшей Калинин, сподвижника Берии генерала Масленникова на Конева. Имелось в виду, ошельмовав меня несправедливо, добиться отстранения от командования фронтом. На этих грязных сообщениях была резолюция Сталина: “Не верю, возражаю”.

Конечно, Конев навсегда сохранил чувство благодарности своему бывшему Верховному за веру в него и как в полководца, и как в человека.

Глава семнадцатая

КАЛИНИНСКОЕ “СИДЕНИЕ”. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 41-го

“Задача фронта — очистить от противника район Калинина...”

К двадцатым числам октября оборона на правом крыле Западного фронта стабилизировалась. Из тыла и внутренних округов подошли свежие дивизии. Продолжало поступать пополнение — по железной дороге и на грузовиках, а иногда и пешим ходом из запасных полков к фронту шли и шли маршевые роты. Усиливалась огневая мощь дивизий. Войска зарывались в землю, создавая глухую глубокую оборону в несколько эшелонов.

Захватом Калинина немцы сильно затруднили возможность маневра всему Западному фронту. Труднее стало проводить перегруппировку войск из района Валдая к Москве, осложнилось взаимодействие между центром и се-

верным флангом Западного фронта. Это вынудило командующего войсками фронта генерала Жукова ходатайствовать о создании отдельного фронта в районе Калинина.

Скоро Конев докладывал в Генеральный штаб о бое на Ленинградском шоссе, в ходе которого были разгромлены колонны немецкой танковой дивизии. Докладывал Конев прямо в Генштаб, минуя штаб Западного фронта. О первой победе и первых богатых трофеях хотелось доложить самому. Иван Степанович свои успехи преподносить умел. В Москве ещё не утихла паника, в верхах царило настроение подавленности, а тут такое известие... Пытался дозвониться и в Ставку, но дивизионный телефонист смог связаться только с Генштабом. Ему ответил генерал Василевский. Выслушал и тут же предупредил:

— С вами сейчас будет разговаривать товарищ Сталин.

Конев ещё плотнее прижал к уху трубку. После небольшой паузы послышался знакомый глуховатый голос:

— Здравствуйте, товарищ Конев. Мне доложили об успехах в районе Калинина. Это правда?

— Да, товарищ Сталин. Авангарды сорок первого моторизованного корпуса третьей танковой группы противника остановлены и опрокинуты атакой наших частей на участке шоссе Калинин-Медное. Захвачены богатые трофеи и пленные. К северо-востоку от Калинина создан сплошной фронт.

— Как работает связь? Вы откуда звоните?

— С дивизионного командного пункта генерала Горячева, товарищ Сталин.

— Пора обзаводиться своим. Ставка приняла решение создать отдельный, Калининский фронт и поручить его вам. Вы не возражаете?

— Нет, товарищ Сталин, не возражаю.

Вспоминая тот разговор с Верховным, маршал Конев писал, что «первые создавался фронт, управление которым начиналось с единственной реальной личности — командующего фронтом». «Пока в моём распоряжении, — писал маршал, — были лишь офицер для поручений полковник И. И. Воробьёв, адъютант майор А. И. Саломыхин и два шифровальщика». А ещё в его непосредственном подчинении был сержант-связист, который всюду за своим генералом носил радиостанцию. «Правда, я поначалу мог опереться на штаб 256-й стрелковой дивизии, на её замечательных офицеров во главе с генералом С. Г. Горячевым. Они оказали мне неоценимую помощь в самые критические дни».

Директива Ставки последовала в тот же день и поступила телефонограммой уже вечером в штаб 259-й стрелковой дивизии, где постоянно находился заместитель командующего войсками Западного фронта, а с этого дня командующий войсками вновь созданного Калининского фронта.

Штаб Калининского фронта обосновался в Змееве близ Калинина. В городе хозяйничали немцы. Но Конев намеренно не стал отводить свой штаб в глубокий тыл. Тем более что северо-восточные кварталы по-прежнему контролировались частями Красной армии.

Связисты быстро наладили телефонную и телеграфную связь. Теперь с Генштабом и Ставкой Верховного Главнокомандования можно было разговаривать по прямому проводу и оперативно получать указания.

Развернулись большие инженерно-саперные работы по развитию обороны в глубину. Строились противотанковые заграждения на танкоопасных направлениях, создавались противотанковые районы, и в первую очередь в направлении Медного, Ново-Завидова, Бежецка, откуда в любой момент можно было ожидать удара противника.

Подтягивались резервы фронта. Местное население работало на строительстве противотанковых рубежей. Мужчины призывного возраста получали винтовки и тут же становились в строй воюющих подразделений.

Ставка требовала отбить у противника Калинин.

Наступление началось 21 октября.

К этому времени немцы успели подтянуть к городу дополнительные силы и значительно уплотнить оборону по всему периметру калининской дуги.

Главной ударной силой противника по-прежнему были танки. Конев же располагал несколькими десятками танков различной модификации. В основном они принадлежали 8-й танковой бригаде полковника Ротмистрова.

19 октября, за два дня до атаки на Калинин, командующий группой армий “Центр” записал в своём дневнике: “Я сказал Штраусу, что Калинин еще долго будет оставаться “кровоточащей раной” армии, если в этот район не подойдут сильные пехотные части. Потом я сказал ему, что центры приложения главных военных усилий армии должны находиться по обе стороны от Старицы. Штраус высказал предложение послать “хотя бы один танковый корпус” на север от Калинина в направлении Бежецка. Я ответил, что для этого еще не настало время, но что он — в соответствии с ранее полученным приказом — должен проводить разведку боем в этом направлении. Еще слишком рано говорить, куда лучше нацелить острие наступления 9-й армии — на Бежецк или на Торжок. Так как враг перед фронтом 16-й армии продолжает цепляться за свои позиции, есть большая вероятность того, что объектом наступления 9-й армии останется Торжок”. 20 октября: “9-я армия смыкает свои ряды и медленно движется на север. 3-й танковой группе пришлось отозвать свои части, посланные в направлении Торжка, и задействовать их в боях с противником, который со всех сторон атакует Калинин”. 21 октября: “Под Калинином русские продолжают атаковать”.

Директива, отданная фон Боком своим войскам, действовавшим в районе Калинина, была следующей: “9-я армия и 3-я танковая группа должны не допустить отвод живой силы противника, стоящей перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии (выделено мной. — С. М.), взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем — уничтожить противника. 3-я танковая группа с этой целью, при удержании Калинина, как можно быстрее достигает района Торжок и наступает отсюда без задержки в направлении на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мста на восток. Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашин — Бежецк — Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин — Старица и южнее до подхода частей 9-й армии”.

Итак, обе стороны готовились к наступлению.

20 октября Конев отдал четырём своим армиям приказ о переходе в наступление:

“...2. Войскам Калининского фронта (...) главными силами окружить и уничтожить группировку противника в районе Калинина, между рекой Волгой и Московским морем, и к исходу 21.10 овладеть г. Калинин, не допустить перегруппировки противника для наступления на юго-восток, на Москву...”

Далее командармам расписывался порядок наступления, направление атаки, время и пункты выхода на конечные цели.

Немцы успели основательно подготовиться к обороне. Свои позиции они уступали только перед явным преимуществом противника. Но и, отходя, как правило, контратаковали и в большинстве случаев возвращали первоначальные рубежи. Атаки длились несколько дней. К концу октября армии Калининского фронта выдохлись. Продвижение вперёд было незначительным. Конечная цель наступления — освобождение Калинина — не достигнута. Отдельные группы зацепились за юго-восточные и северные окраины города, но, понеся большие потери, вынуждены были отойти на исходные.

Эта книга — попытка написать биографию маршала. Но маршала без солдат не бывает. Солдаты, бойцы, красноармейцы, рядовые, сержанты, старшины, лейтенанты, капитаны — они, по большому счёту, и есть часть биографии маршала. Привожу фрагмент воспоминаний бывшего пулемётчика 185-й стрелковой дивизии В. С. Флёрова.

Давайте перенесёмся из ближнего штабного тыла в ту среду, которая непосредственно на местности, в окопах и среди развалин городских кварталов, исполняла приказы командиров и пыталась сделать реальностью замыслы штабов.

Василий Сергеевич Флёров, бывший пулемётчик 26-го пульбата 1319-го стрелкового полка 185-й дивизии: “...Два наших расчёта, прикрывая фланг

батальона, участвовали в одном из штурмов городских окраин. Пехотинцы ворвались в город, продвинулись на два-три квартала, и мы затащили станки в немецкие окопы. Здесь были огневые точки с укрытиями под домами, несколько отрытых в полный рост окопов в 5—7 метров длиной. Мы установили пулемет, чтобы можно было вести огонь вдоль улицы. Кругом беспорядочная стрельба: винтовочная — наша, треск автоматов — немцев. Позади частокол разрывов минометных мин, а впереди хлопки ручных гранат и разрывы снарядов. Я лег у пулемета, а братва ринулась осматривать немецкий блиндаж, обследовать соседние ДОТы. Пожар в доме через улицу разгорался, я оттащил пулемет в тень. Меня все время грызла мысль о возможной контратаке. Впереди нарастала стрельба, сквозь грохот пробивались крики, по дворам и огородам к нам, размахивая винтовками, бежали солдаты. Обзора справа фактически не было, все закрывали домишки, сараи, сарайчики и прочие хозяйственные постройки. И тут я увидел нечто, заставившее меня вскочить: дом, обычный маленький деревянный дом городской окраины как бы лопнул изнутри, и из облака не то дыма, не то пыли просунулась лобовая часть немецкого танка.

Немцы бросили в контратаку танки, против которых мы были беспомощны. Я закричал, выпрыгивая из окопа, ко мне бежали солдаты расчета. Мы подхватили станкач, завернули за дом, перебежали на другую сторону улицы, прикрываясь дымом пожарища, повели огонь в ту сторону, где, сокрушая постройки, ворочался немецкий танк. Выпустили ленту, раздалась команда: "Отходи!" Опять волокли станкач через поле, усеянное мелкими воронками. Мы оглохли от близких разрывов, но пулемет не бросали, хотя потеряли последнюю, третью коробку с нерасстрелянной лентой. Для нас все обошлось без потерь, а у соседей из 16 человек осталось только трое...

Никакого опыта уличных боев у нас не было, выбить немцев мы могли, но удержаться не удавалось. После этого стали готовить подручные противотанковые средства: брали пять обычных ручных гранат РГД, у четырех свинчивали ручки и прикручивали эти гранаты к пятой телефонным проводом. Так получалась связка, которая, попав под гусеницу, могла ее перебить и остановить вражеский танк.

29 октября 1-й и 3-й батальоны ночью штурмовали кварталы северо-восточной окраины Калинина. Немцы бросили в контратаку танки и авиацию. Уже днем пришлось отойти на исходные позиции. В этом бою, как рассказывали, командир полка майор Казак личным примером воодушевлял бойцов.

На следующую ночь новая атака — и все вновь повторилось, опять противник восстановил положение. 2-й батальон, который мы поддерживали, тоже должен был идти в наступление, но приказ отменили, послали другой батальон, а нам приказали спешно заняться изготовлением связок гранат. Как впоследствии выяснилось, командир дивизии получил сведения, что немцы попытаются танками протаранить нашу оборону у шоссе на Бежецк, и наш батальон оставили как резерв командира дивизии, как противотанковый заслон. Но, видимо, немцам было не до наступления на этом участке фронта.

Сковав немцев под Калинином, 185-я стрелковая дивизия, не добившись большого успеха, тем не менее, вместе с другими соединениями помогла другим фронтам.

... "Калининское сидение", как потом называли бойцы почти месяц боев под Калинином, закончилось. 15 ноября началось новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Одним из направлений главного удара был Клин. И нашу дивизию, числившуюся в резерве командующего Калининским фронтом, перебросили туда".

Неудача октябрьского наступления на Калинин имеет множество причин. Военные историки называют и весьма распространенную в 41-м году практику введения в бой сил и огневых средств не единой мощной группировкой, согласованной по времени, а частями. Именно начальный период войны оставил в истории множество примеров того, когда даже крупные группировки, вводимые в дело "пачками", терпели поражение от противника, который уничтожал их также последовательно, частями.

Ответный удар противник нанёс 2 и 3 ноября на стыке 29-й и 31-й армий, пытаясь вновь прорваться к райцентру Медному, захватить плацдарм на северном берегу реки Тверцы и оседлать участок Ленинградского шоссе, тем самым нарушив коммуникации обороны Калининского фронта. Немцев встретили сосредоточенным огнём на заранее подготовленных и укрепленных позициях. Два дня пехотные дивизии VI-го армейского корпуса генерала Фёрстера при поддержке авиации, танков, артиллерии, миномётов и штурмовых орудий безрезультатно пытались таранить советскую оборону. На третий день, опасаясь прорыва, Конев приказал всё же отвести войска на рубежи нижнего течения реки Тьмы. Это были тыловые позиции, которые в создавшихся обстоятельствах представляли наиболее выгодную оборону. Маневр удался. Танки и пехота Фёрстера дальше не прошли ни на шаг. Следующую атаку немцы предприняли в районе Селижарова. Произошло это 6 ноября на участке 22-й армии генерала Вострухова. Противнику удалось смять оборону 22-й армии, прорваться к Селижарову и захватить город. Но Конев тут же ввёл в дело свой резерв: 54-ю дивизию полковника Есаулова и 8-ю танковую бригаду полковника Ротмистрова. Немцы были отброшены.

Ноябрь на Калининском фронте прошёл в серии взаимных ударов.

Однажды во время боёв на селижаровском направлении, в самый их пик, когда Конев бросил резерв, во время одной из контратак, были захвачены пленные. Ещё до начала допроса и по одежде, и по снаряжению сразу заметили — к фронту прибыла свежая часть. Допрос пленных, а затем агентурные сведения подтвердили догадки: немцы начали переброску войск в район южнее Калинина — накапливают крупную группировку перед фронтом 30-й армии.

Армия генерала Хоменко прикрывала клинско-солнечногорское направление, протяжённость её фронта составляла 70 километров. Боевой состав: стрелковая и мотострелковая дивизии, танковая бригада, моторизованный и запасный полки. Вторые эшелоны и резервы отсутствовали. Оборона носила очаговый характер, промежутки между опорными пунктами составляли три-четыре километра. Немецкая разведка, конечно же, перед наступлением тщательно обследовала местность, по которой 3-й танковой группе и частям 9-й полевой армии предстояло осуществить второй, завершающий этап наступления на Москву.

Правды ради надо заметить, что командарм-30 своим донесением предупреждал штаб Калининского фронта о том, что перед его фронтом в последние сутки противник ведёт переброску войск, в том числе крупных танковых соединений, что армия ослаблена предыдущими боями, нуждается в пополнении и усилении огневыми средствами, особенно противотанковой артиллерией. К сожалению, Конев не придавал информации генерала Хоменко должного значения.

Немцы атаковали 15 ноября.

И. С. Конев: “Оно развёртывалось в обычном для немцев стиле — атака пехоты и танков при массовой поддержке авиации”.

Удар пришёлся на 30-ю армию Калининского фронта и на 16-ю — Западного. Противник таранил стык фронтов, обнаружив здесь самое слабое место в советской обороне и перспективное для развития удара с целью охвата Москвы с севера.

Одновременно под Тулой и Алексинем группа армий “Центр” перешла в наступление, охватывая тульскую и серпуховскую группировку наших войск с целью замкнуть гигантское кольцо окружения южнее Москвы.

Снова, как и в первых числах октября, на карту ставилось всё.

В первый день 5-я стрелковая дивизия, на которую пришёлся основной удар танкового клина, удержала позиции. Противник понёс большие потери в танках и живой силе. Но давление нарастало. Немцы подошли к Волге. Чтобы не подвергать 5-ю дивизию, стойко державшуюся на своём рубеже, угрозе охвата со стороны соседей, где наметился прорыв фронта, Конев при-

казал генералу Хоменко отвести дивизию за Волгу. Одновременно на угрожаемый участок начал переброску резервов.

Исследователи московского сражения считают это решение комфронта “обоснованным, но запоздалым”. Возможно. Но, тем не менее, 30-я армия в момент наивысшего накала боёв была усилена 185-й стрелковой, 46-й кавалерийской дивизиями, 8-й танковой бригадой и отдельным мотоциклетным полком.

К исходу 16 ноября 5-я стрелковая дивизия заняла заранее подготовленный рубеж на левом берегу Волги и отразила все попытки противника форсировать реку на этом участке. 21-я танковая бригада, 2-й моторизованный и 20-й запасный стрелковый полки продолжали вести тяжелые бои на рубеже Городня, Красная Горка, не допуская прорыва противника к мостам через Волжское (Иваньковское) водохранилище. Южнее водохранилища, у переправы через р. Ламу, дралась 107-я мотострелковая дивизия полковника Чанчибадзе с приданными частями усиления. К вечеру противник усилил нажим, бросил в бой до 60 танков и штурмовых орудий, потеснил полки Чанчибадзе и форсировал Ламу, овладев опорными пунктами Дорино и Гришкино. Мосты через переправы во время отхода были взорваны. Но это не остановило немецкого наступления, а лишь задержало его.

Спустя сутки, 17 ноября к исходу дня, войска 30-й армии действовали уже в трех расчлененных группировках: за Волгой — у Поддубья, Судимирок, Свердловка; на южном берегу Волжского водохранилища — в районе Ново-Завидовского и Завидова; восточнее р. Ламы — на участке Дмитрово, Гришкино. Брешь между группировками, действовавшими в районах Ново-Завидовского и Дмитрова, увеличилась до 20 километров.

И. С. Конев: “Для уяснения обстановки и оказания помощи командующему 30-й армией я направил в его штаб исполняющего обязанности начальника штаба фронта, генерал-майора Е. П. Журавлева. Туда же прибыл и член Военного совета Западного фронта Д. А. Лестев. Гитлеровцы нажимали. Их авиация непрерывно бомбила войска и тылы армии. В один из налетов фашистских стервятников бомба попала в избу в Завидове, где находились Хоменко, Журавлев и Лестев. Был ранен Журавлев и убит Лестев. Это была очень тяжелая утрата — Лестев пользовался большим авторитетом, стойкий коммунист, душевный человек и мужественный воин.

К 17 ноября положение на фронте еще более обострилось. Противник упорно теснил фланговые армии Калининского и Западного фронтов”.

17 ноября Ставка приняла решение передать 30-ю армию в состав Западного фронта. Жуков со свойственной ему решительностью отстранил генерала Хоменко от должности командарма и назначил на его место генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

Дмитрий Данилович Лелюшенко, талантливый командир, танкист, Герой Советского Союза, к тому времени только что вернулся из госпиталя. В октябре в районе Можайска он был тяжело ранен. Жуков, обладавший феноменальной способностью из массы военачальников выбирать, а в критический момент буквально выхватывать нужных ему людей и расставлять их на нужные места, точно определил, кто сможет справиться с ситуацией в районе Волжского водохранилища.

Впоследствии генерал Лелюшенко будет успешно командовать 30-й армией в ходе многих операций на ржевском и других направлениях в составе Калининского фронта. Затем война разведёт пути двух генералов, но в 44-м снова сведёт на 1-м Украинском. Конев будет командовать фронтом, а Лелюшенко — 4-й танковой армией. Конев уже назовут в войсках “Солдатским маршалом”. А Лелюшенко — “Генерал “ВПЕРЕД!” Но это будет не скоро...

А тогда, в середине ноября 41-го, когда центр тяжести боёв сместился в полосу Западного фронта, Коневу было поручена задача действовать таким образом, чтобы противник не смог снять для усиления своей ударной группировки ни одной дивизии, ни одного танка.

Говорят, что именно в эти дни Конев завёл себе палку.

Ох уж эта палка! О ней порой говорят больше, чем о том, что действи-

тельно тогда решало судьбу фронта в районе Калинина и Торжка. Мол, генерал Конев был настолько неотёсан и груб, что выстругал себе специальную палку, чтобы бить ею прощтрафившихся командиров. Что ж, давайте же разберёмся и с палкой.

Слово — очевидцам.

Генерал Громов: "...мы дрались на Калининском фронте. В конце 1941-го, в начале 1942-го, трагическая, кошмарная обстановка была. Длина фронта — 580 километров. В одном месте "мешок" подозрительный. И танки лезут со всех сторон. Каждый день меня "расстреливал" Конев за то, что я танки не отражаю. Я Конева в душе уважаю. Он грубоватый, как топор, может врезать палкой, но довольно быстро отходил, иногда понимал, что не прав. Как он меня распекал! "Это что же вы делаете? Вы чем командуете? Вы знаете, что такое Ил-2? Да он если "эрэсом" по танку даст, танк переворачивается!" — "Товарищ командующий, я просил всех командармов, кто какую новинку получит, особенно танки немецкие, доставлять мне на полигон, чтобы я мальчишек приучал, и мы сами бы понимали, что за штука вина и как ее раскусить". Как же он меня пушил: "Хоть ты и национальный герой, но я тебе спуска не дам!" У него было такое представление, что Ил-2 — идеальный самолет, и как только появится, от его выстрелов, от "эрэсов" все летит. Но ничего подобного. Может гусеницу разорвать, если попадет в слабое место, вмятину хорошую сделать. Вот когда на нем противотанковые бомбы появились, ПТАБы, другое дело..."

Свои мемуары бывший комбриг и командующий ВВС Калининского фронта написал очень откровенно, правдиво, особо не оглядываясь на авторитеты и высокое положение тех, с кем в годы войны был рядом и на равных. Палкой от Конева, видимо, попадало и ему. Но об этой пресловутой палке генерала он упомянул без обиды, без злобы. Притом отметил одну из замечательных человеческих черт характера своего бывшего командующего — незлопамятность, отходчивость. Однажды Конев, став свидетелем невыполнения одним из лётчиков-истребителей приказа, тут же распорядился: "В расход!". Громов рассудил по-своему: понимая, что в воздухе в момент боя с лётчика может овладеть минутная слабость, объявил тому наряд вне очереди и ни в коем случае больше не попадаться командующему на глаза. Но через несколько дней Конев увидел того лётчика и спросил Громова, почему тот не выполнил его приказ. "Выполнил, — сказал Громов. — Вы приказали его *в расход*, вот он на кухню и пошёл..." Конев только головой покачал и больше к этой теме не возвращался.

Но вернёмся к палке. Потому как она всё же была.

И — снова слово непосредственному свидетелю.

Из рассказов Главного маршала авиации А. Е. Голованова писателю Феликсу Чуеву.

"Александр Евгеньевич отмечал, что Конев был удивительно храбрым человеком. Командуя Калининским фронтом, он получил донесение, что одна из рот оставила свои позиции и отошла. Иван Степанович поехал туда и, лично руководя боем, восстановил положение. "Правда, — говорил Голованов, — я был свидетелем, как Сталин ругал его за такие поступки и выговаривал ему, что не дело командующего фронтом лично заниматься вопросами, которые должны решать, в лучшем случае, командиры полков, но храбрых людей Сталин очень уважал и ценил".

— Я тебе скажу следующее дело, — продолжает Голованов, — Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: "Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!"

Сталин, конечно же, знал о палке Конева. Но ни разу ему не выговорил. Видимо, разделял его прямоту и желание решать некоторые проблемы, минуя трибунал.

Палка же, как рассказывает дочь маршала Наталья Ивановна, у Конева появилась по причине того, что в этот период у него обострились некоторые застарелые болезни. После вяземской катастрофы обострилась язва желудка. Вернулась боль в ноге, да такая, что иногда по несколько дней хро-

мал. Ещё до войны, готовясь к какому-то смотру войск, упал с коня и повредил ногу. Вот и завёл себе, как в народе говорят, третью ногу...

Сталин Конева растил как полководца. Многое ему прощал, особенно на первых порах. Он видел в нём будущего блестящего тактика, будущего победителя тех, кто пока был не по зубам Красной армии и её штабам. Той же любовью он любил Жукова, Рокоссовского, точно так же будет формировать Черняховского и Голованова. Влияние Сталина на Конева было огромным. Хотя во время войны встречались они не так уж и часто. Можно предположить, что Конева постоянно чувствовал Верховного Главнокомандующего рядом. Но эта тень его не угнетала, напротив, вселяла уверенность в собственные силы и решения.

Однажды в кабинете Сталина появились два новых портрета — Суворова и Кутузова. В тот день Верховный проводил совещание, и участники совещания обратили внимание на портреты прославленных русских полководцев. Начался разговор. Сталин сам подбросил щепок в огонь, зная, что среди его генералов и маршалов нет единства. Между двумя фельдмаршалами действительно всегда существовало и донныне существует некое историческое соперничество. Одни, как вспоминают участники того памятного разговора, отдавали предпочтение Суворову, другие выше ценили мудрость и осторожность Кутузова. И тогда Сталин внимательно посмотрел на Конева, приглашая к разговору его. В то время Конева в сталинском кабинете был человеком редким, вёл себя сдержанно. Конева сразу назвал Суворова, отметил в нём такие полководческие качества, как быстрота и внезапность действий, сказал, что Суворов не проиграл ни одного сражения, разбивая всякого врага, с которым ему приходилось иметь дело. Верховному очень понравилась то, с каким жаром и искренностью отстаивал свою позицию Конева.

Сам Сталин своего предпочтения не высказал. Но когда появились полководческие ордена, высшим стал всё же орден Суворова.

Конева будет награждён этим орденом дважды, оба I-й степени: в августе 1943 года и в мае 1944 года.

В мае 1945 года Конева будет вручать этот орден командующему 12-й армейской американской группой генералу Омару Брэдли.

Дважды будет удостоен и ордена Кутузова I-й степени.

Среди генералитета эти ордена подчас ценились выше “Золотой Звезды” Героя Советского Союза. Особенно в среде генералов и маршалов-фронтовиков.

Сталин, внимательно наблюдая за тем, как его питомец мужает в боях и на равных дерётся с лучшими генералами и фельдмаршалами Гитлера, ревниво ограждал Конева от нападков со стороны, от всяческих неприятностей, которые могли помешать главному. Точно так же он относился и к другим своим любимцам — Рокоссовскому, Жукову. Он считал себя их создателем, творцом. Так оно и было. И когда несправедливо умаляли заслуги кого-то из них, воспринимал это как личное оскорбление.

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: “Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конева и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населенного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал “шапку” приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. “Шапку” занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные. Я опять пошел в машбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным, неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст!

В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил “шапку”, заголовок написал сокращенно: “Ком. 1 УФ”, упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развертывали заголовки. Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безымянный приказ? Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать все заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти”.

Такие, как Конев, не стремятся к наградам и звёздам. Такие стремятся к победам. А ордена и звёзды на петлицы и на погоны приходили сами собой, с победами. Личная храбрость дополняла характер будущего полководца теми бесценными чертами, которые обычно завершают портрет героя. И если порой доклад можно было подсластить пиллолей и преувеличить значимость скромной победы, представив её как нечто более значительное, чем отличались во время войны почти все штабы без исключения, то личную храбрость и умение держать себя в руках в самых скверных обстоятельствах имитировать было невозможно. Солдат знал, чем пахнет окоп и как ёкает селезёнка, когда надо было подниматься в атаку или когда перед окопом появлялась “бронеединица” противника.

В ноябре под Калинином был момент, когда Конев поднял роту в контратаку, и положение на угрожаемом участке было восстановлено как раз благодаря этой неожиданной стойкости отступающего, наполовину разбитого и рассеянного подразделения.

Конев сам был храбр и умел ценить храбрость своих подчинённых. Он чувствовал солдатскую душу.

Ноябрьское наступление, проводимое немцами как второй этап операции “Тайфун”, так же, как и октябрьский бросок на Москву, своей цели не достигли. Противник был остановлен.

Красная армия накопила силы и готовилась к контрудару.

Калининский фронт выполнил приказ Ставки.

Фельдмаршал фон Бок, все эти дни не покидавший своего передового командного пункта и лично руководивший последним решающим броском на Москву, как отметил в дневниковой записи за 22 ноября Гальдер, “со своей невероятной энергией он всеми силами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии и 3-й танковой группы ничего путного уже не получится. Войска здесь выдохлись... Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только может”.

Последний батальон, который действительно мог решить судьбу Москвы, тем временем находился под Калинином. Но снять оттуда его фон Бок так и не осмелился. Этот батальон день и ночь не выходил из боя, его непрерывно атаковал батальон противника, принадлежащий одной из стрелковых дивизий Калининского фронта.

Командующий группой армий “Центр” начал получать из штабов своих армий и соединений тревожные донесения: его войска не могли больше продвигаться вперёд, а то, что в результате жесточайших боёв достигнуто, оплачено слишком большой кровью германских солдат. Переутомлённый и больной, фон Бок запросил главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича об остановке операции. Браухич, зная, что Гитлер отреагирует на такое известие слишком нервно, ответил, что “не в его компетенции принимать такое решение”. Бои продолжились. Фон Бок, видимо, чувствовал, что русские вот-вот предпримут нечто такое, что германским войскам ещё не доводилось испытывать во время похода на восток.

И фон Бок, и фон Браухич на своих постах продержатся недолго, вскоре они будут отстранены от командования войсками и отправлены — один в резерв, другой на лечение.

Глава восемнадцатая

БИТВА ЗА КАЛИНИН И МОСКВУ. ВПЕРЕД!

“... Принято к исполнению, нажимаю вожью!”

В дни калининского “сидения” в жизни Конева произошло некое событие, которое впоследствии изменит всю его личную жизнь. Однако вначале он не придавал этому событию особого значения.

Все эти дни, как вспоминал адъютант командующего Саломахин, они жили в просторной избе. Обед им готовила хозяйка. Саломахин приносил тушёнку, хлеб, и хозяйка варила им картофельное пюре, сдобренное тушёнкой. Тем немногочисленный штаб Калининского фронта и питался. Когда у Конева обострилась язва желудка, он попросил Саломахина найти опрятную женщину, которая умела бы хорошо и более разнообразно готовить и которая бы согласилась ещё и убираться в его комнате. Не мог он заставлять своих сослуживцев, будь это даже рядовой боец тыловой части, принуждать ухаживать за собой. Денщикество он возненавидел с 1916 года, когда в 212-м полку вынужден был терпеть власть глумливого фельдфебеля.

Саломахин отправился в расположение тыла 30-й армии. Разыскал заместителя по тылу, сказал: так, мол, и так, нужна скромная, работающая, чистоплотная.

— Есть такая? — спросил он тыловика.

— Есть, — тут же ответил тот. — Антонина Васильевна Петрова. Самая что ни на есть образцовая. Имеет благодарность по службе. Только ты сам с нею договаривайся. Если согласится, я отпущу.

— А где она, твоя Антонина Васильевна?

— Да вон она. — И офицер кивнул на буфетчицу.

Рассказ Антонины Васильевны Коневой (Петровой) в пересказе дочери Наташи Ивановны Коневой: “В штабе фронта, куда Антонину привез адъютант Саломахин, была комната командующего. В ней стоял заваленный картами стол, деревянная скамья, узкая железная кровать, накрытая солдатским одеялом, а под кроватью тапочки. В комнате было пыльно, неудобно. Мама тут же начала наводить порядок и чистоту. Вошел командующий — высокий, худой и очень усталый, как вспоминала мама. Он куда-то спешил и на ходу надевал шинель. Посмотрел на молоденькую девушку, растерянно стоящую посреди прибранной комнаты, и сказал очень мягко, несмотря на суровый вид и привычку отдавать приказы: “Ну, будь хозяйкой”, — и почти сразу уехал.

Их близкие отношения начались спустя полгода после этой встречи.

Он к ней долго присматривался, расспрашивал о родных, о ее жизни до войны. Она с самого начала понимала, что приглянулась командующему. Отец все больше привязывался к этой милой, кроткой с виду, но с сильным характером девушке. Молоденькая Тоня обладала той женской преданностью и надежностью, теплом и добротой, которых ему не хватало в другой жизни, с женщиной, что “не умела ждать”.

На первый взгляд, типичная ситуация. Полевые жёны были и у Рокоссовского, и у Жукова, и даже у многих командармов. Война, какой бы долгой она ни была, в конце концов закончилась, и генералы вернулись в свои семьи, к законным жёнам.

Но для Конева фронтовая любовь стала судьбой.

Антонина Васильевна Петрова родилась на хуторе Мухино Торопецкого уезда Псковской губернии в многодетной крестьянской семье. Вот откуда и трудолюбие, и умение делать любую домашнюю работу. Тем не менее Антонина смогла окончить сперва начальную школу, а потом и среднюю. В шестнадцать лет с подругами уехала в Москву, на заработки. Устроилась в Наркомат леса, буфетчицей. На паях с подругой снимала комнату. Вскоре началась война. Подруги пошли в военкомат. Их направили в 31-ю армию. Во время вяземского сражения 31-я армия была сильно потрепана и отошла в район Ржева. Когда началось отступление и паника, кто-то из штабных офицеров приказал весь женский персонал отправить на грузовиках в Москву. В военкомате девчат начали агитировать пойти работать на заводы. Но они снова попросились на фронт. Их направили под Калинин, в 30-ю армию.

Когда случались свободные минуты, Конев просил Антонину рассказать о своей родине. Она рассказывала, какой красивый край — окрестности Торопца — Жижичское озеро, где сохранилось имение композитора Мусоргского, каменные холмы, поля, засеянные льном, прозрачные, как небо, реки... Конев слушал её и представлял свою родину — засыпанные снегами леса, кондовые дома Лодейна, лица земляков. Эта простая псковская девушка подарила ему то, что, как ему казалось, он потерял уже навсегда.

Живому человеку на войне — не только война...

В ночь на 1 декабря 1941 года в Ставке решалась судьба не только Калининского фронта, но и всей битвы под Москвой. Как рассказывал маршал Жуков в своих мемуарах, после тщательного и всестороннего изучения характера и результатов боев войск фронта Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых на различных направлениях 27–29 ноября, неэффективен и в дальнейшем он не принесёт тех результатов, которые нужны теперь.

Ещё накануне Коневу позвонил Сталин, поинтересовался обстановкой и пока в общих чертах, без обозначения конкретной даты, сказал, что Калинин в ближайшие дни должен быть взят.

По замыслам Ставки и Генштаба предусматривалось одновременное нанесение ударов силами Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов с целью разгрома ударных группировок противника, действовавших севернее и южнее Москвы с охватом всей западной группировки. Контрнаступление предполагало создание контррешей, почти в зеркальном их виде.

Маршал Конев: “В соответствии с замыслом Ставки командующие фронтами принимали свои решения. Жуков решил нанести главный удар на клинском и истринском направлениях, разбить основную группировку противника на правом крыле фронта, а ударом на Узловую, Богородицк — фланг и тыл группировки Гудериана на левом крыле фронта. На правом крыле удар в общем направлении на Клин наносили войска 30-й армии, 1-й ударной армии, 20-й, 16-й армий. Должен сказать, что Западный фронт был усилен 1-й ударной армией, 20-й армией, а на левом крыле 10-й армией.

Войска Калининского фронта, не имея, повторю, превосходства в силах и средствах над противостоящей им 9-й армией противника, вместе с тем занимали исключительно выгодное оперативное положение, глубоко охватывая с севера вражеские войска, наступавшие на Москву.

В результате активных действий наших войск в октябре — ноябре 1941 года 9-я немецкая армия развернулась, точнее, мы ее заставили развернуться, фронтом на северо-восток. Войска Калининского фронта нависали над ней. Мы знали, что 9-я армия развернута на широком фронте в одну линию, все ее войска втянуты в сражение и уже начали выдыхаться. Момент для начала контрнаступления был самый подходящий”.

Маршал Жуков (“Воспоминания и размышления”): “Командующий фронтом генерал И. С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению Калининском.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой.

И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И. С. Коневу по “Бодо”:

“Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен”.

Затем А. М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

“Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвертого”, — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчета Ставки и дать заверение, что он соберет все для удара.

“Иду на риск”, — заметил И. С. Конев все же в заключение”.

Возможно, Жуков таким образом хотел показать нерешительность Конева и то, что тот не был посвящён в главную суть операции, что вся машина войск, двинувшихся вперёд, попросту понесла в том же направлении и войска Калининского фронта... Не случайно упомянул и о советах Василевского, которые тот дал Коневу накануне наступления: откуда что снять и где что усилить...

Видимо, все эти размышления были связаны с тем, что первыми начали наступление всё же войска Калининского фронта. Не было у Ставки уверенности в том, что декабрьские удары перерастут в наступление всех трёх фронтов, прикрывавших московское направление. Вот и решили: пусть начнёт Конев, а там посмотрим.

Сам Конев тоже понимал, что 5 декабря может превратиться в 14–16 ноября, когда тоже пытались контратаковать и здесь, на севере, и под Серпуховом, в центре, но ничего не вышло, только израсходовали резервные дивизии.

Вот почему вырвалось это: “Иду на риск”.

Но Конев продолжал забрасывать Ставку и Генштаб просьбами о пополнении людьми и в особенностях танками. Но все основные резервы к тому времени уже были переданы Жукову, и Калининскому фронту дать было попросту нечего.

Конева иногда упрекают за то, что не смог окружить калининскую группировку немцев, что взял город штурмом, с большими потерями, что, мол, как начал наступление — не совсем удачно, — так и дальше пошло, и всё уткнулось в Ржев и дальше Ржева наступление не развивалось.

На первый взгляд, так оно и было. Но при более тщательном рассмотрении проблемы причина топтания на месте наших войск, полукольцом охвативших Калинин, весьма банальна — не хватало сил. В отличие от Западного фронта, который перед контрударом получил из резерва несколько армий, танковых бригад, артполков и дивизионов “катош”, Коневу передали всего одну стрелковую дивизию. Чуть позже, когда недостаток сил стал очевидной причиной неудач в ходе начавшегося наступления, сюда направили ещё два отдельных танковых батальона. Вот это больше походило на крохоборство. И только когда Ставка приказала Жукову вернуть 30-ю армию в состав Калининского фронта, у Конева появилась возможность более свободного и широкого маневра.

Накануне, 12 декабря, Сталин позвонил Коневу.

— Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют, — сказал Верховный. — Вместо того, чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы, как крохобор и кустарь, вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от вас, чтобы крохоборскую тактику вы заменили тактикой действительного наступления.

В трубке зашуршала тишина. Надо было докладывать.

— Докладываю: все, что у меня было собрано, брошено в бой. Группировка наших войск состоит из пяти стрелковых дивизий, одной мотобригады, превращенной в дивизию, одной кавалерийской в составе 300 активных сабель. Танковые батальоны удалось собрать только в составе легких танков к исходу 10 декабря. Дело осложнила оттепель. Через Волгу тяжелые танки переправить не удастся. Лично не удовлетворен командармом 31-й армии Юшкевичем. Приходится все время толкать и нажимать, в ряде случаев принуждать под угрозой командиров дивизий. Две стрелковые дивизии направлены для усиления. Сегодня к исходу дня сосредоточилась одна. Требуется на приведение в порядок — раздачу оружия, освоение оружия — два-три дня. Вторая дивизия — разгрузилось два эшелона. Ваши указания поняты, приняты к исполнению. О противнике: противник, кроме обороняющихся 161 и 162 пд, подбросил частично 129 пд, один полк 110 пд. Сегодня в Чуприяновке уничтожили два батальона дивизии неустановленной нумерации. Кроме того, вчера авиация отмечала движение от Пушкино на Калинин до 800 машин. Все эти силы противника значительно потрепаны нашими действиями. Все контратаки врага успешно отбиваются. В боях захвачено пятьдесят орудий, из них восемь тяжелых — калибр 150 мм, 203 мм, 305 мм. Много другого имущества. Все.

— Какая последняя у вас обстановка?

— Сегодня овладели Марьино, Чуприяново. Идет бой за овладение Салыгино, Гришкино. В Гришкино ворвались наши танки. На участке Мозжарино, Гришкино до двух полков противника. В остальном без изменения. Все.

— Больше вопросов нет. Я думаю, что вы поняли данные вам установки. Действуйте смело и энергично. Все. До свидания.

— Понял, все ясно, принято к исполнению, нажимаю всю.

— Все. До свидания.

Такие наставления, которые время от времени Верховный главнокомандующий делал своим командующим, как правило, действовали магически. Дальнейшие события к северу от Москвы свидетельствуют о том, что должное впечатление они произвели и на Конева.

Маршал Жуков в “Воспоминаниях и размышлениях” действиям своего соседа справа посвятил немало строк. В частности: “В первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника, но опрокинуть врага не смогли. Лишь после десятидневных упорных боев и изменения тактики наступления войска фронта начали продвигаться вперед. Это произошло после того, как правое крыло Западного фронта разгромило немецкую группировку в районе Рогачево—Солнечногорск и обошло Клин”.

Их соперничество никогда не исчезало. И когда они воевали под Москвой, и когда подходили к Берлину, и спустя десятилетия, когда засели за ме-

муары. При этом Жуков не скупился на оценки. Конев оказался более сдержанным.

Первый значительный успех наметился на южном участке фронта: 30-я армия генерала Лелюшенко ударом из района северо-восточнее Клина отбросила войска 3-й и 4-й танковых групп. Противник откатился на линию шоссе Клин—Солнечногорск и начал немедленную эвакуацию войск и тяжелого вооружения в тыл. 20-я армия Западного фронта одновременно атакует по своему фронту, левее. Армией командует генерал Власов. Войска 30-й армии хлынули вперед и захватили район Клина. Задвигался весь фронт.

16 декабря в 11.00 по московскому времени части 29-й и 31-й армий вошли в Калинин. В составе многих подразделений были бойцы калининских истребительных батальонов, к тому времени зачисленные в полки 5-й и 256-й стрелковых дивизий в качестве рядовых красноармейцев, младших командиров, лейтенантов и политработников. Они дрались за родной город с особым азартом и ожесточением.

Впереди были ещё годы и годы войны. Десятки освобождённых городов. Вначале России, потом Украины, Молдавии, Чехословакии, Польши, Германии... Конев станет почётным гражданином многих из них. Радость освобождённых граждан, которые благодаря советскому солдату вновь станут хозяевами своих городов и своей судьбы, будет безмерной. Но Калинин останется в памяти маршала навсегда. После войны он будет приезжать сюда по приглашению местных властей и граждан города, встречаться с ветеранами, своими боевыми товарищами.

В боях за город, в попытке отстоять этот выгодный для себя опорный пункт с хорошо развитой системой обороны противник израсходовал последние свои резервы. Армии Калининского фронта продвигались вперед, преследуя отступающего врага.

Однако это не был бег побеждённого противника. Немцы отходили. И только на отдельных участках удавалось окружать разрозненные подразделения и уничтожать их в коротких ожесточённых схватках.

Средний темп продвижения войск вперед в эти дни составил 6 километров в сутки. Для пехоты, более того, пешей пехоты, которая составляла основную массу войск Калининского фронта, такой темп был удовлетворительным. Жуков, с присущей ему энергией гнавший вперед войска соседнего Западного фронта, имел примерно такой же темп марша на запад.

С продвижением войск вперед сужалась протяжённость фронта. В таких случаях боевые порядки уплотняются. Но этого не происходило. Армии таяли. Потери убитыми, ранеными, больными, пропавшими без вести росли.

В январе наступление фронтов начало постепенно замедляться. Ресурс дивизий иссякал. Армии Западного фронта уперлись в юхновский и гжатский рубежи обороны противника. Войска генерала Конева какое-то время продолжали обтекать сильно укрепленный Ржев, но противник предпринял серию контратак, и армии остановились.

5 января 1942 года в Ставке состоялось заседание. Сталин выслушал своих наркомов, маршалов и генералов и настоял на продолжении наступления. Главный удар намечалось нанести силами двух фронтов, Западного и Калининского, с целью охвата и разгрома группы армий "Центр". Второй удар планировался на севере, где войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояло выполнить задачу снятия блокады Ленинграда.

Жуков и заместитель Председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенский выступили против плана январского наступления. Первый заявил, что наступающие войска уткнулись в мощную, заранее подготовленную оборону противника на выгодном для него рубеже, что разумнее сконцентрировать усилия на одном направлении, западном, передав ему как командующему войсками Западного фронта все имеющиеся резервы и средства. Второй — что "государство в данный момент не располагает материальными ресурсами для обеспечения одновременно всех девяти фронтов".

Но Верховный настоял на своём.

Встречался ли Конев со Сталиным в канун нового наступления или позже, об этом сведений в архивах не обнаружено. В журнале посещений кремлёвского кабинета Конев не значится. Для сравнения: фамилия Жукова только в феврале фигурирует четырежды.

Одновременно с московским контрнаступлением крупные победы были одержаны на севере под Тихвином и на юге в районе Ростова. По выражению Жукова, у многих в те дни шапки были набекрень от удач, от хороших известий с фронтов, которые потоком шли в Ставку и Генштаб. Но в отличие от многих штабных, высокопоставленных штатских и полувоенных, Жуков прекрасно понимал, что происходит на фронтах и что может произойти в ближайшее время. Многим казалось, что теперь Красную армию не остановить, а у вермахта исчерпан весь ресурс, что теперь немцы побегут до Берлина... Этим же настроением был подвержен и Сталин. Попытка Жукова и Вознесенского просветлить туман наступательно-победной эйфории желаемого результата не дали.

Верховный заметил, что недостаток сил и огневых средств можно компенсировать “умелыми действиями войск”, а именно: “...заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении... и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением”.

Метод концентрации артиллерии на участке прорыва, а затем её наступления вместе с пехотой до тех пор, пока не будет взломана оборона противника на всю её глубину, Конев отрабатывал ещё до войны. Под Духовщиной, Ярцевом и Калинином неоднократно пытался применить его в ходе наступательных действий своих войск. Однако в полной мере сделать это было невозможно — у артиллеристов просто не было достаточного количества боеприпасов. Заводы, эвакуированные из центральной России, ещё не наладили ускоренный выпуск снарядов для пушек и мин для миномётов. Конечно, когда нечем стрелять, *умелыми действиями* делу не особенно поможешь. Но когда боеприпасы на огневые позиции всё же доставлялись, расходовать их нужно было с умом. Известно, что бывший фейерверкер отводил артиллерии особую роль в бою, а потому перед боем умел держать артиллеристов, что называется, в тонусе.

Глава девятнадцатая

РЖЕВ, ОЛЕНИНО, ВЯЗЬМА...

“...Я убит и не знаю, наш ли Ржев наконец?”

Командир 6-й немецкой пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал пехоты Хорст Гроссман после войны написал книгу о боях подо Ржевом. Книга называется “Краеугольный камень Восточного фронта”. Само название книги свидетельствует о степени важности, которую германское командование придавало обороне так называемого Ржевского выступа, образовавшегося в ходе зимних боёв 42-го года. Хорст Гроссман, дивизия которого дралась в районе Ржева, писал: “Шаг за шагом отходила с боями 9-я армия от Калинина на юго-запад в направлении Ржева, южнее — другие армии на запад. 3 января 1942 года четыре северные армии группы армий “Центр” встали на общую линию Юхнов—Медынь—Боровск—Лотошино—Алексино—Ельцы—Селижарово (южнее Осташкова). Но на правом крыле группы армий “Север” зияла брешь почти в 45 километров. Термометр показывал минус 40 градусов! Тяжелые бои на всем фронте. И все же измотанным и замерзающим войскам, несмотря на чудовищное напряжение от численно превосходящих, отлично подготовленных для зимней кампании и хорошо вооруженных сибирских дивизий, удавалось держать цельную, правда, слабую и тонкую, линию обороны. Только постепенно отступая, командование армии могло спасти фронт от его расчленения и уничтожения по ча-

стям. Только используя гибкую тактику, было возможно отбивать атаки и не допустить прорыва”.

7 января 1942 года штаб Калининского фронта получил новую директиву Ставки: охватываемыми ударами по сходящимся направлениям из района северо-западнее Ржева на Сычёвку и Вязьму отсечь основную группировку немецких войск группы армий “Центр”; одновременно левое крыло Западного фронта, ведя позиционные бои в центре, наступает на Вязьму, срывает юхновский выступ, перехватывает Варшавское, Гжатское и Вяземское шоссе. Планировался захват Ржева, Сычёвки, Гжатска. Наступающие группировки двух фронтов должны были соединиться в районе Минского шоссе северо-западнее Вязьмы. Директива Ставки была довольно амбициозным проектом 1942 года. В ней, как в зеркале, отразилось настроение, царившее в тот период в Кремле, в Ставке и в подземных казематах станции метро “Кировская”, где размещался командный пункт Генерального штаба с узлом связи и другими службами.

В штабах Калининского и Западного фронтов, на которые ложилась вся тяжесть столь масштабной операции, картина предстоящего наступления виделась не такой радужной, как в Москве. Чем ближе к передовой, тем меньше энтузиазма. Это понятно. В снежных окопах первой линии бойцы думали о том, чтобы вовремя старшина доставил термосы с горячей кашей и патроны, да чтобы не молчала артиллерия и миномёты, когда ротный даст приказ наступать на ближайшую деревню...

Немцы тем временем усиленно укрепляли занятый рубеж. Войска были отведены на линию Юхнов—Гжатск—Ржев—Селижарово, вывезена техника и тяжёлое вооружение. Здесь шло строительство опорных пунктов, инженерных сооружений, коммуникаций. Расчищались дороги и ближние аэродромы. На пределе возможного работала железная дорога, день и ночь из тыла поступали необходимые войскам грузы, новое вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты. Немцы руководствовались директивой месячной давности. Называлась она так: “Директива ОКХ относительно задач сухопутных войск на Востоке”. В основной части своей актуальности она не потеряла: “Группа армий “Центр” после завершения операций в районе Москвы должна так эшелонировать свои войска, чтобы быть в состоянии отразить удары русских против участка фронта, выдвинутого в направлении Москвы, и против своего левого фланга. Для защиты растянутого фланга группа должна предусмотреть приведение в боевую готовность резервов в районе южнее Осташкова”.

Как и в декабре, первым позиции противника атаковал Конев.

Для проведения операции в районе Старицы и севернее Ржева была сосредоточена ударная группировка в составе двух общевойсковых армий и кавалерийского корпуса, усиленная артиллерией и небольшим количеством танков.

Первой в наступление пошла свежая 39-я армия генерала Масленникова. Оборона противника была сразу же прорвана на всю её тактическую глубину. Авангарды, преодолевая незначительное сопротивление немецких гарнизонов и отдельных опорных пунктов, начали обходить Ржевскую группировку с юга. Через две недели полки первого эшелона 39-й армии стояли уже под Сычёвкой, готовясь к штурму железнодорожного вокзала. Из Сычёвки в Вязьму срочно был эвакуировано полевое управление 9-й армии. Командующий армией генерал Штраус отдал своим войскам, оборонявшим район Сычёвки, приказ город ни при каких обстоятельствах не сдавать, так как именно через сычёвскую железнодорожную ветку шло снабжение 9-й армии. Сам он со своим штабом отбыл в Вязьму. Вязьма тоже оказалась вдруг не тыловым местом, к ней, охватывая город с запада, юга и юго-востока, приближалась ударная группировка Западного фронта: 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова и части 33-й армии генерала Ефремова.

После прорыва в образовавшуюся брешь Конев ввёл 11-й кавалерийский корпус полковника Горина и 2-ю армию генерала Швецова.

Наступление шло в тяжелейших условиях морозной и снежной зимы 42-го года. Леса, болота, реки, овраги, бездорожье. Орудия разбирали и везли на

саях. Тяжёлая артиллерия отставала, и зачастую опорные пункты приходилось брать без достаточной огневой поддержки. Несмотря на всё это, ударная группировка Калининского фронта к 26 января 1941 года продвинулась вперёд на 110 километров и перехватила Минское шоссе западнее Вязьмы. Задача была выполнена. Кавалеристы, седлая автостраду, отрывали в снегу окопы, сооружали снежные валы, обливали их водой, устанавливали у дорог противотанковые орудия. Уже слышалась впереди, западнее Вязьмы, канонада. Там навстречу им шли ударные части Западного фронта. Казалось, кольцо вокруг сорока немецких дивизий вот-вот замкнётся и с самой мощной армейской группировкой противника будет покончено.

13 января Гальдер сделал в дневнике очередную запись: “Наиболее тяжёлый день!

В районе Ржева крупные силы противника проникли на стыке между 6-м и 23-м армейскими корпусами в наше расположение и наступают на железную дорогу Ржев — Сычевка. В Сычевке идут бои за железнодорожную станцию. Таким образом, мы лишились единственной магистрали для снабжения 9-й и 3-й танковых армий.

Последствия этого невозможно предусмотреть”.

В это время Жуков гнал вперёд свои армии, он буквально толкал в спину своих командиров и командиров дивизий. Успех правого соседа его подхлёстывал. Верховный, как бы между прочим, в телефонных переговорах ронял слово-другое о том, как хорошо наступает Конев. Сталин был тонким психологом, хорошо знал характер своих генералов. Иному подчас и морали читать не надо, достаточно сказать об успехах соседа, и кровь его закипит.

33-я армия Западного фронта, воспользовавшись узким коридором, почти не занятым войсками противника, вошла в прорыв и вскоре оказалась на окраинах Вязьмы. “Нажимайте, — напутствовал Жуков Ефремова 21 января. — Можете отличиться на этом как никогда”. Но в начале февраля короткими согласованными ударами под основание прорыва немцы отрезали 33-ю от тылов. Началась медленная агония окружённых, лишенных подвоза, эвакуации раненых, возможности свободного маневра. Генерал Ефремов вместе со своим штабом тоже оказался в окружении. 33-я продержится до середины апреля. Ставка не давала разрешения на выход. Когда начнётся таяние снегов и вскроются реки, в одночасье сделав дороги непроходимыми, а реки превратив в моря, армии разрешат выход. Во время боя на прорыв неподалёку от села Климов Завод (ныне Калужская область) тяжело раненный генерал Ефремов застрелится, чтобы не попасть в плен. Генерал Ефремов вошёл в историю Великой Отечественной войны как храбрый генерал, не бросивший своих солдат перед лицом смерти и разделивший участь большинства из них.

Кавкорпус генерала Белова, с боем пробившийся в район Вязьмы через Варшавское шоссе, которое контролировал противник, тут же был отсечён. В прорыв не смогли войти стрелковые части, артиллерия и танки. Только кавалерия.

Соединиться с кавалеристами Калининского фронта ни группировка Ефремова, ни части Белова так и не смогли. Действовали они несогласованно, разрозненно, единого командования не имели.

В середине января, когда под ударами армий Калининского фронта трещал и распался фронт 9-й армии, когда в окружении оказался 23-й корпус, и генерал Штраус начал запрашивать штаб ОКХ о немедленном отходе, Гитлер отправил его в тыл “по причине болезни” и на его место назначил генерала танковых войск Моделя. Моделю было запрещено отступать. Более того, задачей нового командующего было восстановление положения на начало января. Моделя в немецком Генштабе называли “гением обороны”, а ещё “мастером отступлений”. В боях под Ржевом и Вязьмой он окончательно закрепил за собой обе легенды. Впоследствии, благодаря своей необыкновенной энергии, интуиции и точному расчёту в принятии мгновенных решений, а также бесстрашию, приобретёт третью — “пожарный фюрер”. Он покончит с собой в апреле 45-го, запертый американцами в рурском “котле”. Человек долга и чести, как о нём после войны скажет бывший его

сослуживец, военный историк Вильгельм фон Меллентин, он будет выполнять свой долг до конца с присущей ему беспримерной дисциплинированностью. К тому времени фельдмаршал, командующий группой армий “Б” — двадцать одна дивизия — 15 апреля он отдаст приказ о прорыве самых боеспособных групп на восток, подальше от русских, 17-го издаст приказ по группе армий об увольнении из вооружённых сил младших и старших возрастов, а 18-го застрелится, перед этим приказав адъютанту похоронить его там, где упадёт его тело...

Генералу Моделю только что исполнился 51 год. Русскую кампанию он начал командиром 3-й танковой дивизии, в октябре возглавил XXXI моторизованный корпус. В октябре 41-го передовые части корпуса заняли Зубцов, Старицу, Погорелое Городище, а затем первыми ворвались в Калинин. Его танки гасили все контратаки 31-й и 29-й армий. Он не позволил Коневу сомкнуть вокруг “шверпункта” Калинин. А потом так и не отдал Ржева. Кроме высоких полководческих качеств, Модель обладал и другими — он был убеждённым нацистом. Именно 9-я армия первой начала массовые облавы на подростков и молодёжь на оккупированной местности с целью их отправки в рейх в качестве бесплатной рабочей силы. Вербовать бельгийских, французских и швейцарских рабочих для Германии было экономически невыгодно — тем нужно было платить, предоставлять хорошие бытовые условия для проживания. А русских можно было содержать в свинарниках и кормить баландой и заставлять работать под страхом смерти. Конев знал, как немцы обращаются с местными жителями. Насмотрелся и на сожженные деревни, наказанные немцами за то, что молодёжь, чтобы не быть угнанной, пряталась с лесу. Видел повешенных, пытавшихся бежать из вагонов на отправку.

Коневу и Моделю долго придётся стоять друг против друга на ржевском рубеже. Летом 43-го, произведя искусный маневр отхода, Модель со своей 9-й армией займёт исходные на левом, северном крыле Курской дуги, а Конев расположит свой Степной фронт на южном фланге. На этот раз судьба разведёт их.

Основная тяжесть боёв за Ржев легла тоже на Калининский фронт. Ударные группировки великолепно выполнили свою задачу — прорвали оборону противника и охватили её группировки. Теперь предстояло завершить операцию — полностью блокировать район Ржев—Вязьма—Юхнов и добивать группу армий “Центр” в гигантском “котле”. Но замысел такого масштаба невозможно было осуществить наполовину выбитыми, усталыми дивизиями. Ровно через год сталинградская история покажет, насколько это непросто и какая нужна подготовительная работа, чтобы состоялось более скромное окружение с последующим разгромом противника.

Однако проба сил, первая тренировка штабов и войск на охват крупных сил противника состоялась именно здесь. Более того, практические непрекращающиеся сражения на ржевско-вяземском выступе, как теперь стало совершенно очевидным, было частью Сталинградской битвы: немцы были связаны постоянными атаками наших войск так, что не смогли перебросить на юг, в район Сталинграда, ни одного тактического соединения.

И если быть уверенным в том, что так оно и было, монолог героя стихотворения Александра Твардовского “Я убит подо Ржевом...” воспринимается не как завешание *безымянно* погибшего и не как своего рода завешание жертвы войны, бессмысленной бойни, как это трактовалось некоторыми литературоведами и публицистами, а как монолог героя, выполнившего свой солдатский долг до конца, по сути дела победителя во имя будущей, более значительной, быть может, великой победы, но при этом не претендующего на славу победителя. Миссия Калининского фронта, а затем и части войск Западного фронта была именно такой. Пока на юге не решилась судьба Сталинграда.

15 января с некоторым опозданием вперёд двинулась 22-я армия генерала Вострухова. Тем не менее, она быстро развивала удар на юг и юго-восток, стремительно охватывая противника в районе Оленино. В окружении оказалось семь немецких дивизий.

В помощь войскам двух фронтов Ставка бросила в наступление право-фланговые 3-ю и 4-ю ударные армии Северо-Западного фронта, подчинив их штабу Калининского фронта. Эти армии в январе 42-го действовали довольно успешно, очистив от противника обширный район и углубившись за запад до 250 километров. Они освободили города Торопец, Андреаполь, Западная Двина, уничтожили крупный опорный пункт немцев Пено и перехватили железнодорожный перегон Ржев—Великие Луки. 3-й ударной командовал генерал Пуркаев, а 4-й ударной — генерал Ерёмченко, только что прибывший из отпуска.

Для Андрея Ивановича Ерёмченко назначение на армию было понижением в должности после командования Западным, Центральным, Брянским фронтами. Но там его хронически преследовали одна неудача за другой. В основном — в виде сильных противников, таких, как генерал Гудериан. Ерёмченко лично Сталину обещал разбить “подлеца Гудериана”, но был им разбит сам, к тому же тяжело ранен. Сталин недолюбливал Ерёмченко, и в первую очередь за склонностью к лёгким обещаниям. Однако 4-й ударной армией в ходе Торопецко-Холмской операции, действовавшей совместно с 3-й ударной, удалось достигнуть, пожалуй, самого значительного успеха в этот период боёв. Ерёмченко умело и энергично вёл свои войска, быстро очищая от противника озёрный и лесной край западнее Осташкова. Уже к концу января ударная группировка этих двух армий охватила с юга Демянскую группировку немцев и вышла к Витебску. Для сравнения: если бы так действовали армии Западного фронта, к примеру, на оси Варшавского шоссе, то они к этому времени стояли бы под Рославлем и Ярцевом у Смоленска.

Войска Конева и Жукова, несмотря на все трудности, граничащие с объективной невозможностью выполнить то, что приказывала Ставка, благодаря своему упорству, способности действовать на грани возможного, а точнее, невозможного, поставили группу армий “Центр” и правое крыло группы армий “Север” в тупик.

Январь 42-го стал пиком атак в районе дуги Вязьма—Ржев—Холм. Казалось, ещё чуть-чуть...

Но роль личности в истории всё же велика. Новый командующий 9-й полевой армией сумел совладать и с собственными нервами, и с порученным ему участком фронта.

В конце января Модель предпринял ряд мер по деблокированию войск, окружённых в районе Оленино, и одновременно перехватил узкий коридор, по которому ударная группировка, пробившаяся к Вязьме (29-я, 39-я армии и 11-й кавалерийский корпус), осуществляла подвоз. В какой-то момент Конев понял, что новый командующий противостоящей ему наступающим войскам 9-й армии переиграл его. Армии Западного фронта выходом в заданные районы запаздывали. Чтобы спасти ситуацию, Конев приказал генералу Лелюшенко срочно перебросить свои дивизии с левого фланга, где ситуация была более благополучной, на правый, чтобы предотвратить окружение глубоко ушедшей вперёд и растянувшей свои коммуникации ударной группировки. Но тут случилось то, чего комфронта никак не ожидал от одного из лучших своих командармов.

Генерал Лелюшенко вдруг отказался выполнить приказ, сославшись на то, что дивизии вымотаны боями и бесконечными маршами, что некоторые из них ещё в пути. 30-я армия, согласно приказу Конева, должна была выйти на правый фланг к исходу 23 января. Сроки были нереальными. Лелюшенко, видя непреклонность Конева, обратился напрямую в Ставку. К тому времени в 30-й армии осталось три дивизии. В некоторых полках — по 85—100—120 активных штыков. Армия только что вышла из жестоких боёв под Погорельем Городищем и представляла собой жалкие остатки того, что было брошено в бой полтора месяца назад. Он изложил все свои соображения, при этом заметив, что “ожидаемого тов. Коневым эффекта, при указанных обстоятельствах, армия дать не может”.

Но Лелюшенко видел перед собой армию, Конев — фронт, у которого появились серьёзные проблемы, а Ставка — угрозу всей Ржевско-Вяземской операции, и приказала командарму-30 следовать указаниям комфронта и, не медля, занять северный участок фронта.

Генерал Лелюшенко был опытным и храбрым командиром. Но то ли в нём выиграло что-то субъективное (Герой Советского Союза, получивший Золотую Звезду в 40-м за удачный прорыв на “линии Маннергейма”, да и не Конев, а другой командующий, другого фронта поставил его на армию), то ли в действительности армия находилась в крайне плачевном состоянии, но факт есть факт — обратился за приказом через голову. Однако Конев сумел в себе подавить вспышку гнева, владеть собой он умел. Передал Лелюшенко две дивизии и направил на правый фланг, выручать из беды 29-ю армию генерала Швецова.

Забегая вперёд, замечу, что с Лелюшенко Конев дойдёт до Берлина. Характеры их притрутся. Война постепенно отбирала лучших. К 44-му окончательно отобрала. Рыбалко и Лелюшенко, два командующих танковыми армиями, как два свирепых ветра, послушные воле маршала, будут сметать всё на пути I-го Украинского фронта. И Конев подпишет представление одному из лучших своих командармов ко второй звезде Героя. Но это произойдёт не скоро.

А тогда, в 41-м, приходилось драться на пределе сил, отдавать невыполнимые приказы и исполнять их.

Модель замкнул кольцо окружения вокруг 29-й армии. Все попытки Лелюшенко пробиться к окружённому полному успеху не имели. Захватывали одну-две деревни, закреплялись в них, потом противник отбивал одну из них. Потом снова возвращали её. Силы истощались.

Ставка требовала от командующих войсками Западного и Калининского фронтов продолжения наступления. Жуков топтался перед Юхновом и Сухиничами. Конев не мог взять Ржев. В начале февраля немцы в результате серии согласованных ударов с применением танков, штурмовых орудий и авиации отбили ударные группировки Калининского и Западного фронтов от Вязьмы.

Стало очевидным, что положение на фронте изменилось. Противник в результате мощного контрнаступления наших войск отошёл на восток, занял заранее подготовленный рубеж обороны, произвёл перегруппировку сил, подтянул резервы и приступил к добросовестному выполнению стоп-приказа Гитлера, который гласил: ни шагу назад! Немцы зарывались в землю до весны, до нового наступления.

Но Модель не ждал ни весны, ни лета, он наступал. В феврале немецкие войска начали дробить на части “котёл”, который к тому времени они сформировали вокруг 29-й армии.

8 февраля в 5 часов 50 минут утра Коневу позвонили из Генштаба. Командующий узнал голос Василевского.

— Как дела у Лелюшенко? Что у Швецова? — спросил Василевский.

— У Лелюшенко сегодня в течение всего дня и ночи идёт напряжённый бой. Противник оказывает упорное сопротивление, жертвуя силами, которые здесь находятся. Сегодня особенно активизировалась авиация противника по боевым порядкам Лелюшенко, Швецова и по тылам до Мологино. К исходу дня Лелюшенко окончательно очистил от противника Соломино. 359-я стрелковая дивизия ночью наступает на Лобзино. 363-я, 371-я и 375-я ведут бои за Ножкино, южнее Кокошкино, отбили неоднократные атаки противника силою до батальона с тремя-пятью танками. 174-я наступает на Тимонцево, Кокош, обеспечивая армию слева и разворачивает проход.

— Что говорят пленные?

— По показаниям пленных, захваченных на разных участках наступления, перед фронтом армии Лелюшенко действуют 86-я, 216-я пехотные дивизии, полк СС, части 251-й пехотной дивизии. Пленные показывают, что главная позиция обороны немцев Соломино—Клепинино—Кокош—Большое Косачёво. Следовательно, эта главная позиция сломана, уничтожены основные узлы в Соломино и в Клепинино. До Швецова осталось три-четыре километра. Сегодня отдан приказ во что бы то ни стало преодолеть эти последние километры и соединиться со Швецовым.

— Как себя чувствует Швецов? Что там у них? Жмут?

— Жмут, товарищ Василевский. Несколько часов назад получил от не-

го донесение. Его НП в Каменцах уничтожен. До двух полков пехоты с семью танками наступают на его опорные пункты Ступино, Звягино, Окороково. Пробирается навстречу Лелюшенко. Швецов слышит бой южнее Волги и видит разрывы снарядов артиллерии Лелюшенко в районе деревень Жуково и Бугрово. Я отдал приказ Швецову упорно драться в окружении до подхода Лелюшенко и частью сил пробиваться навстречу Лелюшенко. Прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу усилить Лелюшенко ещё тридцатью танками, из них двадцать Т-34 и десять КВ, причём КВ, лично убедился, могут быть использованы хорошо вдоль дорог.

Никаких танков для Лелюшенко, чтобы вызволить из окружения остатки 29-й армии Швецова, Конев не получил. Ставка делила свои усилия между Западным, Калининским и Северо-Западным фронтами, между желанием овладеть Юхновом и Вязьмой, Ржевом и Холмом. Желаящий получить всё не получает ничего...

В середине февраля остатки 29-й армии оказались сдавленными в Мончаловских лесах западнее Ржева на территории размером менее двадцати квадратных километров. Немцы уже свободно простреливали расположение частей генерала Швецова из артиллерии и тяжёлых миномётов, поражая любые цели. Самолёты-разведчики непрерывно висели в воздухе, корректируя огонь наземных частей.

Ставка в это драматичное время приказывает Коневу все свежие резервы, прибывающие из тыла, бросить в направлении Холма, в помощь 3-й ударной армии генерала Пуркаева. Ещё 9 февраля Василевский Пуркаеву передал по телефону приказ Верховного: “Учитывая наличие сил в армии в данный момент, основными задачами на ближайший период поставить — срочно, прикрывшись со стороны г. Великие Луки, овладеть городом Холм и одновременно во взаимодействии с войсками Северо-Западного фронта окружить и уничтожить демянскую группировку противника. Повторяю — разгром демянской группировки противника и овладение Холмом при прочной обороне на великолукском направлении являются основными и единственными задачами армии на ближайший период”.

Армиями командовали из Ставки и из Генштаба, порой даже не ставя в известность комфронта. Да что там армиями — дивизии, бригады выдёргивали из-под руки, чтобы перенаправить их удар в *нужном* направлении.

Ещё в начале февраля Ставка приняла решение объединить усилия двух фронтов, Западного и Калининского, с целью более тесной координации действий и оперативного принятия необходимых решений для успешного проведения Ржевско-Вяземской операции. Было образовано ранее существовавшее Западное направление. Командование войсками общего направления Ставка возложила на Жукова.

Порой случалось так, что штаб Жукова отдавал один приказ, Конев настаивал на своём. Так случилось и с выходом из окружения 29-й армии. Жуков приказал Швецову выходить в полосе 22-й армии, так как противник там держал слабую группировку. Но Конев настаивал на прежнем направлении, юго-западном. 17 февраля в помощь окружённым был выброшен батальон десантников. Одновременно выслана ударная группа из состава 81-й танковой бригады — 10 танков и рота автоматчиков.

Выход остатков 29-й армии начался в ночь на 18 февраля. Несколько суток тянулись из лесов обозы с медсанбатами, шла усталая, измученная бессонницей, нескончаемыми стычками с противником, голодная и холодная пехота. Основной поток вышел на позиции обороны 39-й армии. Некоторые группы пробились к боевым порядкам 30-й армии Лелюшенко.

По некоторым сведениям, вышло чуть более 6 000 человек. Тяжёлое вооружение было выведено из строя и брошено. Часть орудий закопана в землю. Последние дни солдаты кормились мясом убитых и павших от истощения и непомерных нагрузок лошадей.

Потери 29-й армии составили 14 000 человек. Убитыми, пленными, ушедшими в партизаны, оставшимися в деревнях.

Среди тех, кому посчастливилось выйти к своим, была группа писателей. Среди них Александр Фадеев и Борис Полевой. Фадеев о той кошмарной по-

ездке на фронт не написал ни строчки. Да и вспоминать не любил. Насмотрелся. А Полевой оставил следующие записи.

“Все здесь простреливается даже не из орудий, а из минометов. Бьют по скоплению людей, бьют по кострам, по любому дымку. Не брезгают и отдельным бойцом, если он зазевался на открытом месте.

Ходим только по лесу. Странный это лес. Он весь посечен и поломан снарядами и минами. По ночам на машинах с величайшей осторожностью, без огней, по дорогам, выющимся по дну промерзших оврагов, подвозят боеприпасы. Продукты бросают с самолетов, но больше все мимо. Выкапываем из-под снега лошадей кавалерийского корпуса, побитых здесь еще осенью, пилим замерзшую конину, строгаем ее ножами на тонкие куски и, натерев чесноком, а на худой конец хвоей, чтобы отбить запах тления, откусываем и глотаем, стараясь не дать ей растаять во рту...

В полку по сотне, а то и по несколько десятков активных штыков...”

Западный фронт понёс ещё более серьёзные потери. В окружении оказался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, части 4-го воздушно-десантного корпуса полковника Казанкина, Западная группировка 33-й армии. Корпуса долго будут скитаться по лесам, удерживать обширный район в партизанских лесах Смоленщины. Но 33-ю армию ждала горькая судьба. В апреле, когда, наконец, генерал Ефремов получил разрешение на выход, немцы сожмут “котёл”, ударят по советским войскам на марше, рассеют выходящие колонны. Генерал Ефремов будет сражаться до последней возможности и, когда станет очевидной угроза пленения, застрелится.

Одновременно против 11-го кавалерийского корпуса немцы бросили две пехотных дивизии. Но генерал Соколов сумел вывести из-под удара своих конников. Вместе с частями 39-й армии они вели бои в полуокружении до лета.

Директивы, которые шли и шли из Ставки, заклинали войска Калининского фронта об одном: “...ликвидация ржевско-гжатского-вяземской группировки противника недопустимо затянулась”; “уничтожить оленинскую группировку, захватить Ржев, овладеть Белым...” Группировка войск Калининского фронта усиливается резервами: гвардейским стрелковым корпусом, семью стрелковыми дивизиями, четырьмя авиаполками. Казалось бы, мощь!

Но по ту сторону фронта тоже шла, кипела работа по укреплению передовых линий и тылов. Резервы для некоторых боевых участков доставлялись на самолётах прямо из Германии, Чехословакии и Франции.

Только что получивший звание генерал-полковник Модель, казалось, дневал и ночевал на передовой, появляясь то на НП командира батальона, то в расположении истребителей танков, то на собрании офицеров дивизии.

Командир 6-й пехотной дивизии, стоявшей под Ржевом, генерал Гроссман рассказывал такой случай. Гитлер имел обыкновение вмешиваться в дела командующих армиями и группами, перебрасывать дивизии и корпуса туда, куда считал нужным он. Вступив в командование 9-й армией, Модель решил покончить с этим раз и навсегда. Ему, как командующему наполовину проваленным направлением, необходима была полная свобода действий. Но Гитлер не изменял себе и однажды решил воспользоваться правом главнокомандующего и на участке действий 9-й армии. Начальник штаба Группы армий “Центр” по телефону сообщил Моделю, что “Гитлера очень беспокоит советская угроза Вязьме, поэтому он решил не использовать XLVII танковый корпус, дивизию “Дас Рейх” и 5-ю танковую дивизию для наступления под Сычёвкой, а отвести их в резерв для использования в районе Гжатска. Испугавшись, что армию заставят наступать по двум расходящимся направлениям, 19 января Модель, кипя гневом, примчался в Вязьму из Ржева, а оттуда на самолёте вылетел в Восточную Пруссию. Модель добился личной встречи с Гитлером в обход фон Клюге, своего непосредственного начальника. Сначала он попытался изложить свои аргументы в спокойной и рассудительной манере Генерального штаба, но обнаружил, что логика на фюрера не действует. Модель чуть не пришёл в отчаяние, ему пришлось искать слова, которые дадут ему моральное превосходство над главнокомандующим германской армии. Уставившись на Гитлера сквозь монокль, Модель

грубо потребовал ответа: “Мой фюрер, кто командует 9-й армией, я или вы?”. Гитлер был потрясён столь открытым вызовом новоиспечённого командующего армией. Он попытался прекратить спор, прямо приказав использовать войска фон Фитингофа в районе Гжатска. Модель покачал головой: “Это меня не устраивает”. Растерявшийся диктатор наконец ответил: “Хорошо, Модель. Поступайте, как знаете, но вы отвечаете своей головой”.

Этот эпизод невольно заставляет подумать над тем, а смог ли бы кто-либо из советских генералов подобный диалог держать со своим Верховным? Разве что Жуков. В период московского противостояния, в октябре 41-го, когда в Ставке и в Генштабе царила всеобщая растерянность, когда Сталин, как последний свой резерв, вызвал из Ленинграда генерала Жукова, и тот, мгновенно овладев ситуацией, начал сращивать отдельные группировки, армии, дивизии и полки в фронтовое объединение.

Конев, имея твёрдый внутренний стержень, не всегда его демонстрировал. Но случались эпизоды, когда он был непреклонным и в разговоре со Сталиным. Такой разговор произойдёт зимой 43-го. На приказ Верховного наступать Конев ответит резким отказом, заявит о неготовности войск к полномасштабному наступлению, о том, что, наступая без основательной подготовки, армии понесут неоправданные потери, а достижения будут сомнительными... Так отвечать Сталину было нельзя. И через несколько дней Конев будет отстранён от командования войсками фронта. Но об этом мы расскажем в своё время.

Ржев и Холм, Вязьма, Сычёвка, Гжатск... Об эти бастионы ещё год будут разбиваться волны наступающих армий Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов, омывать их солдатской кровью. Английский историк Лиддел Гарт, размышляя о неудачах советских фронтов в схватке с группой армий “Центр” и “Север” в 1942 году, очень точно заметил, что немцы очень удачно в этот период применили тактику удержания городов-бастионов: “Эти города-бастионы были мощными препятствиями с тактической точки зрения. В стратегическом отношении они также имели большое значение, поскольку представляли собой узловые пункты путей сообщения. Немецкие гарнизоны этих городов не могли воспрепятствовать проникновению русских войск в промежутки между ними, но, блокируя пути сообщения в этих пунктах, мешали русским развить успех прорыва. Таким образом, эти города-бастионы выполняли точно такую же функцию сдерживания, на которую были рассчитаны форты французской линии Мажино. Во Франции эти укрепленные позиции смогли бы выполнить отведенную им роль, если бы цепь фортов вдоль французской границы не обрывалась на полпути, что дало немцам возможность обойти их с фланга.

Поскольку Красной Армии не удавалось подорвать оборону городов-бастионов в такой мере, чтобы вызвать их падение, глубокие клинья, вбитые советскими войсками в промежутки между ними, позже обернулись для Красной Армии недостатком. Естественно, оборонять эти клинья было труднее, чем города-бастионы, и поэтому для удержания их требовалось большое количество войск. Вклинившимся русским войскам постоянно грозило окружение в результате ударов во фланг из удерживаемых немцами бастионов.

К весне 1942 года линия фронта в России имела так много глубоких зубцов, что походила на изображение береговой линии Норвегии с ее многочисленными фиордами, далеко проникающими вглубь суши. Тот факт, что немцам удавалось держаться на “полуостровах”, красноречиво говорил о возможностях современной обороны. Этот урок, как и оборона русских в 1941 году, опровергал поверхностные выводы о возможностях обороны, которые были сделаны на основе легких успехов наступающими при действиях против слабой обороны или исходя из тех случаев, когда наступающая сторона имела решающее превосходство в вооружении либо встречала плохо обученного и растерявшегося противника. Опыт зимней кампании 1941 года также подтверждал что наибольшая опасность для обороняющихся кроется в начальной стадии боев и с течением времени уменьшается, если обороняющиеся выдержат шок, вызванный угрозой уничтожения в условиях окружения, и не сдадут немедленно своих позиций.

При ретроспективном рассмотрении становится ясно, что запрет Гитлера на сколько-нибудь значительный отвод войск способствовал восстановлению у немцев веры в свои силы и, вероятно, спас их от крупного поражения, а его требование придерживаться “крутовой” обороны дало им важные преимущества в начале кампании 1942 года”.

Итак, всё усилия сдвинуть немецкую оборону, все попытки вклинения с целью раздробить, расслоить, изолировать опорные пункты противника с последующим их уничтожением наталкивались на упорную оборону 9-й армии.

На фронтах наступил период напряжённого противостояния. Частные операции с целью овладения тем или иным городом, будь то всё тот же Ржев, или Холм, успеха, как правило, не имели. Они приносили лишь новые потери в живой силе и вооружении.

Обе стороны готовились к летней кампании.

Глава двадцатая

“ОЗВЕРЕВШИЕ СОКОЛЫ” КОНЕВА

“...искупить свою вину кровью”.

10 мая 1942 года во исполнение приказа Народного комиссара обороны СССР был издан приказ войскам Калининского фронта: “...в целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных ударов авиация Калининского фронта объединяется в единую воздушную армию с присвоением ей наименования “3-я воздушная армия”.

Командующим армией был назначен Герой Советского Союза генерал-майор авиации Громов. Срок формирования 3-й воздушной армии отводился минимальный — пять суток. Вся ответственность за выполнение приказа НКО, в том числе и за сроки, возлагалась на генерала Громова.

Через пять дней Громов доложил Коневу о выполнении приказа.

Громов сиял от радости. А Конев ликовал — теперь у него под рукой будет своя воздушная армия!

В состав 3-й воздушной армии входили: две штурмовые авиадивизии — 7 полков, три истребительные — 8 полков, одна ближнебомбардировочная авиадивизия — 4 полка.

Кроме того, в мае 1942 г. в 3-ю воздушную армию вошло шесть отдельных авиаполков и две отдельные корректировочные авиаэскадрильи.

В подчинении командующих общевойсковыми армиями оставалось по одному смешанному авиаполку. Они выполняли задачи в интересах армий. В основном это были задачи разведки и связи.

В оперативных сводках группы армий “Центр” с этого момента всё чаще и настойчивей появляются тревожные сообщения: “Положение в воздухе: на всём участке XLVII-го корпуса противник вёл крупные воздушные операции с многочисленными бомбардировками”; “на участке V-го армейского корпуса железнодорожная линия восточнее станции Алферово разрушена бомбардировкой...”.

В мае, когда противник перешел в наступление в районе Великих Лук и Холма, Конев приказал Громову массированными ударами авиации действовать в интересах правofланговых 3-й и 4-й ударных армий.

В июне началось обострение в районе Ржева, Белого и Оленино.

Однажды в штаб фронта приехал Громов. Ездил командующий 3-й Воздушной армией по фронтным дорогам на своём “кадиллаке”, подаренном ему президентом США за героический перелёт через Северный полюс в Америку. Вошёл, поздоровался с Коневым и сказал — так, мол, и так, есть у меня друг, зовут Иваном, лётчик от бога, но авантюрист и гусар, за что может поплатиться штрафбатом...

Только что вышел приказ № 227 от 28.07.42.: “Сформировать в пределах фронта от одного до трёх штрафных батальонов. В пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью”.

— А что натворил твой Иван? — спросил Конев.

Иван Фёдоров прилетел на фронт самовольно. Во время испытательных полётов, нарушая инструкцию, несколько раз нырнул под мост над Окой, надеясь на то, что за это его накажут увольнением из конструкторского бюро и высылкой на фронт. Но когда пролетал под мостом в очередной раз, увидел, что охрана открыла по машине огонь. Видимо, из опасения, что он может повредить мост. И тогда он решил лететь на запад. Где-то под Калинином, в районе Клина, базировался аэродром авиадивизии, которой командовал Михаил Громов. К нему и решил махнуть, ещё не зная, что его друг теперь командует воздушной армией. Но горячего хватало только до ближайшего аэродрома. Он сделал промежуточную посадку в Монино. 419 километров — без карты. Сел, огляделся. Моросил мелкий дождь. Погода явно нелётная. На аэродроме пусто. Только на дальней площадке возле двух бомбардировщиков стоит заправщик. Подрулил к нему. Солдат заправляет самолёты. Сказал ему: “Эй, друг, срочно надо лететь. Заправь, пожалуйста”. Тот сослался на разрешение коменданта аэродрома. Фёдоров кивнул: есть, мол, разрешение коменданта... Вытащил пистолет, направил его на заправщика и сказал: “Ты в бога веруешь?” Тот начал заправлять. Но попросил, чтобы он оставил расписку. Заправился. Взлетел в последний момент, когда от КП по полю к заправке уже мчался “форд” охраны. А вот и Клин. Сразу отыскал аэродром. Место знакомое. Осмотрелся, нет ли истребителей. Чужого могли сбить без предупреждения. Небо чистое. Чтобы привлечь внимание человека, который сейчас ему был нужен больше всего, начал выделять фигуры высшего пилотажа. Генерал Громов как раз проводил совещание с командирами авиадивизий и авиаполков. Прибежал дежурный и доложил, что какой-то сумасшедший, явно “не из наших”, закладывает над “взлёткой” немыслимые виражи. Все вышли посмотреть. И невольно залюбовались. Самолёт был действительно чудной, новый ЛаГГ-3. Некоторое время они смотрели на него, он — на них. Потом сел. Докладил, обращаясь к Громову: “Товарищ генерал! Лётчик-испытатель Фёдоров прибыл на фронт в ваше распоряжение!” В тот же день Громов послал на авиазавод телеграмму: “Лётчик-испытатель вашего завода майор Фёдоров с согласия Народного комиссара временно переведён для выполнения спецзаданий по боевой работе в истребительную авиацию Калининского фронта”.

Конев выслушал Громова и сказал:

— Так-так... Значит, твой друг Иван дезертировал, так сказать, на фронт. А ты за наркома расписался. Так?

— Выходит, так.

— Но не с этим же ты ко мне пожаловал?

— И с этим тоже. У меня сейчас таких, как Иван, набралось человек двадцать. Кто спяну стрельбу в расположении соседней части затеял, кто женщину не поделил, кто от боя уклонился. Отправлять их в штрафбат, в пехоту, чтобы они там в первом же бою, на сухопутье... как-то не по-хозяйски. Пусть в небе искупают свою вину. До первой крови. Есть такие полёты, такие задания, которые... Ну, сами знаете.

— Да кто же с такой ордой справится? Кто за них отвечать будет?

— Иван справится.

Конев задумался. Покачал головой: мол, всегда у тебя что-нибудь из ряда вон... Но идея Громова ему понравилась.

В тот же день он позвонил Сталину и изложил свою идею по поводу того, чтобы проштрафившиеся лётчики дрались в составе своих воздушных армий, что для отбытия наказания целесообразно не посылать специалистов лётного дела в пехоту, а создавать в ВВС свои собственные штрафные части и подразделения. Сталин слушал Конева примерно так же, как Конев — Громова. Выслушав, задал тот же вопрос:

— Кому можно поручить командование этими разгильдяями?

— Есть такой человек. Я считаю, первую эскадрилью можно поручить майору Фёдорову.

— Этому анархисту? Который бросил важный военный завод и дезертировал?

— Он дезертировал на фронт, товарищ Сталин.

— Да, да, знаю. Он храбрый человек. Думаете, справится? Одно дело — личная храбрость, а другое — командовать такими же, как он.

— Справится, товарищ Сталин.

4 августа 1942 года Верховный подписал приказ Ставки ВГК о том, что с сего дня в воздушных армиях вводятся штрафные эскадрильи. Для многих проштрафившихся лётчиков, по разным причинам попавшим под суд военного трибунала, это было спасением. А советские ВВС получили эскадрильи и целые авиаполки, способные выполнять приказы, которые до этого считались невыполнимыми.

Так майор Фёдоров стал командиром первой штрафной эскадрильи 3-й воздушной армии Калининского фронта. Через некоторое время эскадрилья разрослась в смешанный авиаполк. В него входили бомбардировочные и штурмовые эскадрильи. Но основу составляли всё же истребители. Фёдоров часто вылетал на задание сам. Позывной у него был — “Анархист”.

Немцы знали о необычной эскадрилье. Не раз в бою видели их работу. Прозвали их “фалконтимирами” — озверевшими соколами. В единоборство с ними вступали только опытные асы.

После войны Иван Евграфович Фёдоров любил рассказывать такую историю, связанную с “крёстным отцом” штрафной эскадрильи генералом Коневым: “Лётчиков-штрафников одели как простых красноармейцев и присвоили всем без исключения звание “рядовой”. Полномочия мне дали большие: за малейшую попытку неповиновения расстреливать на месте. Я, слава Богу, этим правом не воспользовался ни разу.

Помню, командующий фронтом Иван Степанович Конев поставил перед Громовым задачу прикрыть с воздуха истребителями участок фронта в виде выступа, или “аппендикса”, километров 18.

Видимо, немецкое командование решило там создать плацдарм. Приказ Конева был такой: “Если хоть одна немецкая бомба упадет на наших пехотинцев, приеду — отдам под трибунал...”

Составили очередность и стали летать “шестерками”, барражируя над этим чертовым “аппендиксом”*. Была облачность. Летали так: группа прилетает, когда у нее кончается горючее, ее сменяет другая...

Вдруг звонит мне Громов:

— Кто у тебя летал в 9 часов утра?

— Ломейкин, Гришин... (мой друг). Они только что сели.

— Всю “шестерку” Конев приказал расстрелять и в 14.00 доложить об исполнении. Наши войска не были прикрыты с воздуха...

Я так думаю, что, возможно, из-за облачности пехотинцы не увидели наших истребителей. Дело принимало дурной оборот. И я говорю:

— С кем же воевать будем, если своих же под расстрел? Они четыре дня назад сбили одиннадцать самолетов. Я против этого, тем более что лётчики не виноваты...

Скоро на аэродром приезжает сам Иван Степанович Конев на трофейном “опель-адмирале”. Кроме него, в машине еще какой-то подполковник. Конев злой, настроен на скорую расправу, кричит мне: “Знаешь, кто ты такой?” Отвечаю: “Знаю — сталинский сокол”. Конев опять: “Знаешь, кто ты такой?” Приехавший с ним подполковник торопится сорвать с меня ордена. У меня “маузер” с 25 патронами. Думаю: “Кажись, приходит время застрелиться...”

Между тем Конев приказал выделить взвод автоматчиков (“расстрельная команда”). Поодаль уже вырыты могилы, не в длину, а в глубину, чтоб предатель или штрафник лежал в земле, согнувшись в три погибели. Ритуал такой казни был хорошо отработан СМЕРШем.

Несмотря на такую нервную обстановку, я, стараясь быть спокойным, в кратком докладе все же убедил Конева, что тщательная проверка показала, что лётчики район прикрывали, прикрывали за облаками и в расчетное время, и что их с земли или блиндажа могли не увидеть... Страха я тогда не ис-

* Речь идёт от Ржевско-Сычёвском выступе.

пытывал. Конев посверкал глазами, успокоился и сказал: “В первый раз отменяю свое решение”.

Мои штрафники за все время боев в воздухе сбили около 400 самолетов, не считая сожженных на земле, но эти победы им не засчитывали. Фотоконтроля тогда не велось... Так и воевали “за общую победу”. Сбитые штрафниками самолеты в штабе “раскладывали” по другим полкам, что было в порядке вещей, или вообще не засчитывали. Вот и получалось: “Каков пошел, таков и воротился”.

Что было, то было.

В другой раз Конев поинтересовался у Громова, как воюют его “озверевшие соколы”.

— Да вот, воюют. Остановить невозможно, — ответил Громов. — Иван “девятку” сколотил. Все — асы. Осмелели. Летают за линию фронта на “свободную охоту”.

— Кто им это разрешил?

— Никто. Товарищ Сталин лично дал ему позывной. “Анархист”! Но дерётся мастерски. Благодаря им у нас потери в воздушных боях сократились почти вдвое.

И рассказал Громов командующему вот какую историю.

Разведка в авиаполках была поставлена хорошо, и лётчики прекрасно знали расположение немецких аэродромов. “Девятка” Фёдорова вылетела ближе к вечеру. Аэродром отыскиали быстро. С высоты двадцати метров бросили вымпел — банку из-под тушенки с шестерней для веса и куском белой материи. В банке записка по-немецки: “Вызываем на бой по числу прилетевших. Не вздумайте шутить. Если запустите хоть на один двигатель больше — сожжем на земле”. Немцы условие приняли. Первый “мессер” взлетел, второй. Иван кричит по радию: “Гришка, твой пошел!” — “Есть мой!” — отвечает Гришка. Немец шасси убрал — наш уже рядом. Набрали высоту, разошлись — и бой начался. Иван первого сбил, бросился помогать товарищам.

Конев выслушал Громова молча. Рассказ ему понравился, но виду он не подал. Спросил:

— И что ты обо всём этом думаешь?

— Что думаю? Хорошо летать “девяткой”. Отработали они этот метод ведения боя до совершенства.

Конев покачал головой и сказал:

— Всё же эти полёты, на ту сторону, запрети.

— Уже запретил, — с тоской ответил Громов.

Вскоре на базе штрафной эскадрильи начали формировать полк. Судимость с лётчиков снимали.

Конев вызвал в штаб майора и сказал ему:

— Пиши отчёт. Предлагай, что делать со штрафниками.

— Предлагаю всех немедленно отпустить по родным полкам. Это — первое. Второе: лучших представить к правительственным наградам. Четверых — к званию Героя Советского Союза.

— Вот и пиши представления. — И вдруг спросил: — Слыхал я, что и жена воюет?

— Да. Анна Артемьевна. Летать её учил сам, так что в бой отпускать не боюсь. На её счету три сбитых немца.

— Пиши и на Анну Артемьевну.

Летом началось новое наступление на Ржев и Зубцов. 3-я воздушная армия успешно действовала перед фронтом 29-й и 30-й армий. Задача для лётчиков была непростой: взламывание глубокоэшелонированной обороны противника перед фронтом нашей ударной группировки в полосе прорыва и на флангах на всю глубину. Решение этой задачи возлагалось на штурмовиков и бомбардировщиков. Истребители прикрывали их действия, а также действия наступавших наземных войск, в том числе танковых частей и артиллерии. Удары наносились большими группами, эшелон за эшелон.

В первый день наступления шестерка ЛаГГ-3 во главе с гвардии капитаном Лавейкиным, тем самым, которого Конев сгоряча чуть не расстрелял

за уклонение от боя, вступила в схватку с восемнадцатью бомбардировщиками. Группу бомбардировщиков прикрывали двенадцать “мессершмиттов”. Но они замешкались и не сразу бросились наперехват, оставив бомбардировщики без прикрытия. ЛаГГи воспользовались заминкой, атаковали строй немецких “юнкерсов”, сбили несколько машин. Остальные начали беспорядочно сбрасывать бомбы. Когда бомбардировщики повернули назад, завязался бой с истребителями противника. Капитан Лавейкин сбил одного “мессершмитта”, другого поджёг молодой лётчик из недавно прибывшего пополнения.

Особые надежды в начавшемся наступлении Конева возлагал на штурмовые эскадрильи самолётов Ил-2, считая их универсальными и совершенными боевыми машинами для поддержки пехоты. В одном из штурмовых полков командиром звена служил Георгий Береговой, будущий космонавт СССР.

Группа “Илов” сделала несколько удачных заходов, поразила цели и взяла обратный курс. Уже на аэродроме обнаружилось, что среди вернувшихся нет машины лейтенанта Берегового. Где он, что с ним, никто не знал. Прошло трое суток, и Георгий вернулся целым и почти невредимым. Но — не на самолёте, а на грузовике одной из стрелковых дивизий.

А произошло вот что. После последнего бомбометания он израсходовал не весь боезапас. Делать ещё один заход на цель — внизу всё горело — бессмысленно. Отделился от группы, которая уже ложилась на обратный курс. Сделал “горку” и тут заметил эшелон, шедший к фронту из немецкого тыла. Боевой разворот. Пошёл вдоль железной дороги, догнал эшелон. Атаковал. Разворот. Снова атаковал. Отметил прямое попадание серии бомб в паровоз. Паровоз сошёл с рельсов и потащил под откос и состав. Надо было возвращаться. Вывел свой штурмовик в горизонтальный полет, и тут почувствовал тряску. Мотор работал с перебоями. Была пробита система водяного охлаждения. Сразу начало падать давление масла. Мотор в любое мгновение мог заглохнуть, и тогда самолёт “клонет” вниз. Земля — рядом, высоту набрать не успел. Выход один — садиться. Но внизу территория, занятая противником. Дотянуть хотя бы до нейтральной полосы, там заметят свои...

Но мотор заглох раньше. Машина заметно теряла скорость и пошла со снижением. Внизу лес. В школе военных лётчиков учили: на лес садиться так же, как на взлётную полосу. Плоскости уже рубили верхушки деревьев. Удар, другой, скрежет металла, треск дерева... Когда очнулся, увидел застрявший среди деревьев фюзеляж своего Ил-2, дымящийся мотор улетел далеко вперёд, кругом срубленные деревья...

Отстегнул лямки парашюта. Начал выбираться из кабины. Снизу тянуло едким дымом. Отдышался. А к обломкам машины уже бежали красноармейцы. Быстро вытащили стрелка старшину Ананьева. У старшины были обожжены ноги. Его тут же положили на санитарную подводу и отправили в лазарет. Лейтенант Береговой денёк погостил у пехоты. Принимали в окопах хорошо. На прощание пехотинцы выделили ему машину и отправили в полк.

В сущности, обычная история, какие на фронте происходили каждый час, каждую минуту. О таких происшествиях командующему войсками фронта не докладывали.

Глава двадцать первая

ЗАПАДНЫЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЫ

“...я не мог считать это решение справедливым”.

В августе 1942 года Конева назначили командующим войсками Западного фронта. Жуков в должности заместителя Верховного Главнокомандующего отбыл в Сталинград.

Центр тяжести боёв, основные свои усилия на Восточном фронте немецкое командование переместило туда, на юг, в низовья Волги. Но 70 дивизий

зий, которые по-прежнему стояли на центральном направлении и угрожали новым походом на Москву, заставляли Ставку держать здесь крупную группировку и по возможности постоянно усиливать её резервами и другими расходными ресурсами войны.

Как вспоминал И. С. Конев, “в течение осени и зимы 1942-го и начала 1943 года Западный фронт в основном решал задачи обороны рубежей, достигнутых в начале 1942 года. Мы проводили частные операции, сковывая неприятельские силы, чтобы исключить возможность их переброски отсюда. В это время, как известно, развертывались бои под Сталинградом. Должен заметить, что ни одной дивизии с Западного стратегического направления и, в частности, с участка, противостоявшего Западному фронту, немецко-фашистское командование на сталинградское направление не перебросило. Враг рассчитывал, видимо, что после успешной операции под Сталинградом вновь создастся благоприятная обстановка для обхода Москвы с юга и нанесения фронтального удара крупной группировкой, которая находилась в обороне против войск Западного фронта. Советское Главнокомандование, со своей стороны, разработало и подготовило план, в соответствии с которым, в случае подхода противника, советские войска должны были стремительно перейти в наступление. Были созданы ударные группировки, были даны направления ударов, но мне, к сожалению, эту задачу выполнить уже не пришлось”.

Лето под Ржевом прошло в непрерывных боях. Очередное наступление Калининского и Западного фронтов с целью разгрома ржевско-вяземско-гжатской группировки противника натолкнулось на встречный удар противника. Немцы провели операцию по ликвидации юго-западнее и западнее Вязьмы группировок кавгруппы Белова и остатков десантного корпуса. Затем приступили к ликвидации холм-жирковского выступа. Выступ занимали 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус генерала Соколова. Они действовали в районе между Белым и Сычëвкой, образуя так называемый “второй фронт”, который сильно досаждал противнику, не позволяя ему действовать здесь более свободно. 9-я полевая армия приступила к проведению операции “Зейдлиц”. В операции были задействованы двадцать три дивизии, а также авиация. Широко применялись спецподразделения, в том числе русские формирования — отдельные батальоны и роты из числа перебежчиков и военнопленных, согласившихся воевать на стороне Германии против Красной армии и большевизма.

6 июля 1942 года войска Моделя замкнули кольцо вокруг армии Масленникова и кавкорпуса Соколова. В окружении оказались также левофланговые подразделения 41-й армии и правое крыло 22-й армии. Выход окружённых какое-то время осуществлялся через коридор в районе Нелидова. Но спустя несколько дней нелидовский коридор был перехвачен. Начались отчаянные бои на прорыв. Конев приказал атаковать со стороны Нелидова на встречу прорывающимся из “котла”. Всё оказалось тщетным. Когда все меры были исчерпаны, Конев приказал вывезти из окружения полевые управления на самолётах.

На спасение штабов вылетела эскадрилья “У-2”. Тщетно кружили они над лесными полянами, пытаясь сесть. Три самолёта из девяти разбились при посадке. Остальные всё же выполнили задачу, если удачно. Генерал Масленников вылетел из “котла”, поручив командование своему заместителю генералу Богданову. Когда лётчик предложил командующему потесниться и забрать своего заместителя, возникшую неловкую паузу прервал Богданов: “Прорвёмся. Нужны самолёты. Много раненых”.

Генерал Богданов был тяжело ранен во время боя на прорыв. Утром генерал Богданов и начальник политотдела 39-й армии дивизионный комиссар Шабалин свели остатки своих дивизий и частей 11-го кавкорпуса в полк. По некоторым источникам, сводный полк насчитывал до 5 000 человек. И пошли на прорыв.

Из окружения на разных участках фронта мелкие группы и одиночки выходили весь август. Всего вышло около 18 000 человек. В “котле” погибли, пропали без вести и оказались в плену более 40 000 человек. Среди по-

гибших заместитель командующего 22-й армии генерал-майор А. Д. Березин, командир 18-й кавалерийской дивизии генерал-майор П. С. Иванов, начальник штаба 39-й армии генерал-майор П. П. Мирошниченко. Генерала Иванова немцы похоронили со всеми воинскими почестями. Существует две версии гибели генерала Иванова. Первая: командир дивизии погиб во время боя на прорыв. Вторая: получив ранение в бою на прорыв, застрелился на глазах у окруживших его немцев. Генерала Богданова, умершего от тяжёлого ранения в госпитале, похоронили в Калининне.

Это сейчас мы знаем, что генералы погибли смертью героев, восхитив даже врага. А тогда, когда Коневу докладывали о чудовищных потерях, у многих в голове стоял гул: а вдруг попали в плен... Плен — хуже смерти.

В конце апреля войска облетела весть о гибели под Вязьмой генерала Ефремова. Ефремов застрелился, чтобы не попасть в плен. И генералы знали, как надо поступать в безвыходной ситуации.

Несмотря на понесённые потери, войска обеих фронтов вскоре были пополнены и приступили к выполнению очередной наступательной операции. Директива Ставки от 16 июля требовала от войск Калининского и Западного фронтов в срок с 28 июля по 5 августа 1942 года “очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржева, Зубцов и территории к востоку от р. Вазуза в районе Зубцова, Карамзино, Погорелого Городища, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны в районе Ржева и Зубцова”.

Ржев не отпущал Конева. Уже больше полгода держал в кровавых объятиях. Вцепился и он в него.

Артиллерия Калининского фронта взревела 30 июля. Тучи снарядов и мин различного калибра завершали свои стремительные траектории в полосе немецкой обороны, в том числе и в кварталах Ржева, выковыривая из ДОТов и окопов огневые точки противника. Генерал Н. М. Хлебников, в то время командующий артиллерией фронта, вспоминал: “Мощь огневого удара была столь велика, что немецкая артиллерия после некоторых неуверенных попыток ответить огнём замолчала. Две первые позиции главной полосы обороны противника были разрушены, войска, их занимавшие, — почти полностью уничтожены”.

В самый разгар (первой) Ржевско-Сычёмской наступательной операции Ставка приняла решение: возложить на генерала армии Жукова “руководство всеми операциями в районе Ржева”.

Типпельскирх, подводя итог оборонительным мероприятиям августа 1942 года, писал: “Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара”.

Основная тяжесть атак легла, как и прежде, на 30-ю армию генерала Лелюшенко.

23 августа войска Западного фронта совместно с левофланговыми дивизиями 29-й армии Калининского фронта, наконец, ворвались и очистили Зубцов. Захватом Зубцова была завершена (Первая) Ржевско-Сычёмская операция.

Но бои продолжались.

В этот же день в журнале боевых действий Калининского фронта записано: “Командарм 30-й решил перейти в наступление с задачей во взаимодействии с 29-й армией уничтожить Ржевскую группировку противника и овладеть Ржевом”.

Азартный Лелюшенко, наблюдая успех соседей, — 29-я армия вышла к Волге между Ржевом и Зубцовом — уже не мог остановиться. Вскоре его дивизии вышли к Волге, с ходу форсировали её и захватили плацдарм на правом берегу в пяти километрах западнее Ржева.

Когда Конев возглавит войсковые объединения Западного фронта, он стоит перед Верховным, чтобы ему — “для удобства управления войсками” — передали 29-ю и 30-ю армии, разумеется, вместе с ржевским участком фронта.

Ржев на целый год стал его судьбой. Он так и не смог сломить Моделя и ступить на руины города освободителем.

Вступив в новую должность, а по сути дела, вернувшись на то направление, которое оставил в октябре 41-го после катастрофы под Вязьмой, Конеv обратился к Сталину с неожиданным предложением — остановить намеченную гжатскую операцию, “накопить снаряды, привести войска в порядок, отремонтировать танки и самолёты и организовать заново удар 29-й и 31-й армиями с юго-востока и 30-й армией с северо-запада”. Конечную цель, ставшую делом чести, Конеv сформулировал так: “Сомкнуть кольцо южнее Ржева”.

Сталин прислушался к мнению Конева и согласился с приостановкой наступательных действий. На фронте наступило временное затишье.

9 сентября на рассвете 30-я армия после полуторачасовой артподготовки атаковала позиции противника в районе Ржева. На этот раз артиллерии удалось подавить огневые точки, и стрелковые части с ходу заняли несколько кварталов на северо-восточной окраине города. Уличный бой — бой особый. Противники зачастую сходятся вплотную. Между перестрелкой и рукопашной схваткой паузы в несколько секунд. Обе стороны дрались с ожесточением обречённых, и потому никто не хотел уступить. Командир 6-й пехотной дивизии, оборонявшей Ржев, впоследствии вспоминал об этом дне: “Из всех дней борьбы за Ржев этот был жесточайший... подразделения, действовавшие в месте прорыва, были так обескровлены, что дивизию приказано было сменить...”

Илья Эренбург, автор знаменитого лозунга “Убей немца!”, в те дни написал: “Мне не удалось побывать у Сталинграда... Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоявшие больше человеческого жизней, но не было, кажется, другого, столь печального — неделями шли бои за пять-шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да за крохотный бугорок...”

Ветеран 52-й стрелковой дивизии 30-й армии бывший командир огневого взвода Пётр Алексеевич Михин вспоминал о схватке в немецкой траншее: “В траншее чуть ли не по колено в воде, под водой наши и немецкие трупы, что-то мягкое и скользкое еще шевелится под ногами, а ты, балансируя на этом неровном дне окопа, увертываешься от смертельных ударов и изо всех сил наносишь их сам. Кто кого. На этот раз наша взяла. Немцы перебиты. Но и нас осталось мало. Не успели отдышаться, как свежими силами теперь уже немцы атакуют и выбивают нас из траншеи. Мы снова ползем через трупное поле назад в свои окопы. Немцы стреляют в спины, и трупное поле пополняется. В отличие от старых трупов тела убитых лежат, как живые, как будто заснули...”

Антонина Васильевна по-прежнему была рядом. Теперь, и до окончания войны, “ординарец Тоня”, как в шутку называл её Конеv, будет следовать за своим командующим всюду, куда бросит его фронтовая судьба, а вернее, куда направит Верховный Главнокомандующий. Заботливая, хлопотливая, она будет находить его со своими термосами даже в окопах, на передовых дивизионных и полковых НП, чтобы, следуя предписаниям врачей, генерал вовремя поел горячего. Он привыкнет к её ненавязчивой заботе, к умению всё предусмотреть и всё предупредить. Будет восхищаться её природным тактом и растить в себе новое чувство, которое осталось безответным с женщиной, которую он всё ещё любил, но которая уже не была единственной.

Их взаимные чувства, которые уже прорастали в них, поглощали их, проверит война, испытают годы разлуки. Всё у них будет, прежде чем произойдёт окончательное слияние в одну судьбу, в одну радость и в одну боль.

В современной историографии множатся мнения и досужие домыслы о том, почему да как так случилось, что ни Жуков, ни Конеv так и не смогли одолеть немцев на ржевском выступе и взять город, что все операции были либо спланированы бездарно, либо так же бездарно исполнены, что генералы под руководством Сталина положили перед ржевским выступом миллион,

а то и полтора миллиона солдат, а результат оказался нулевым, и что Ржев, по сути, город воинской славы не Красной армии, а вермахта...

Перед Жуковым и Коневым стояли лучшие генералы Гитлера. В окопах сидели те, кто прошёл Францию, Польшу и Норвегию. Они прекрасно владели оружием, знали, что такое дисциплина и чувство товарищества, владели собой и готовы были умереть за великую Германию. А богу войны угодно было найти такое поле, где неприятели могли бы сходиться многократно, чтобы состязаться в своей жестокости и свирепстве, в преданности родине и верности солдатскому долгу. И такое поле бог войны нашёл под Ржевом.

К началу октября немцы не только не смогли что-то выкроить и перебросить из центра на юг, где Гитлер готовил решающий бросок с целью отрезать промышленные районы СССР от нефти, но вынуждены были усилить свою группировку ещё двенадцатью дивизиями. Некоторые из них прибыли с юга. Генерал Гроссман писал, что 18-й гренадерский полк его 6-й пехотной дивизии в боях за Ржев потерял всех ветеранов, пришедших в Россию в 1941 году, а в целом в его дивизии, только в августовских боях, потери составили 3 294 человека.

Немцы жертвовали богу войны под названием “Ржев” многое. Они отказались от запланированной операции под Сухиничами, от наступления на Юхнов. Они отдали Зубцов и плацдармы на Волге. Они уплотняли свои боевые порядки от Велижа до Гжатска. Мокли в окопах, болели малярией, терпели засилье вшей и нашествие комаров. Мирились с тем, что партизаны в здешних лесах и деревнях — это неистребимо. И всё это ради одного — удержать в своих руках твердыню, святилище — Ржев.

Известно, что одновременно с операцией под кодовым названием “Уран” — наступление советских войск под Сталинградом — штабы спланировали операцию “Марс” — наступление с целью ликвидации немецкой группировки на ржевско-вяземском выступе.

Конфигурация фронта в низовьях Волги очень сильно напоминала дугу в её верховьях. Немцев магически влекла Волга. Как будто на левом её берегу их ожидало нечто, что, подобно копыту судьбы, магическим образом могло решить судьбу войны в их пользу.

Известно, что и та, и другая операции планировались при непосредственном и решающем участии заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Жукова. Масла в огонь, вокруг которого застыли в ритуальных позах, протянув руки, наши историки, подлили американский историк Дэвид Гланц. Американец произвёл сложные расчёты и вывел: по уровню подготовки, по количеству дивизий и накопленных ресурсов (боеприпасы, вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты) “Марс” выглядел внушительнее и мощнее “Урана”. Во всяком случае он называет эти операции “близнецами”.

Но генерала Моделя не постигла судьба генерала Паулоса. Модель сумел отворотить рок, нависший над 9-й армией в виде армий Западного и Калининского фронтов с их амбициозными планами покончить с ржевско-вяземским выступом, угрожающим Москве.

В двадцатых числах октября 1942 года Жуков, занимаясь планированием операций-“близнецов”, побывал на Калининском фронте. Заезжал ли он в штаб Западного фронта к Коневу, неизвестно. Но доподлинно известно другое: они в этот период не раз встречались у Верховного. В журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина только в сентябре они встречались дважды: 28 и 29 числа. Оба раза к Сталину Конев входил вместе с командующим войсками Калининского фронта генералом Пуркаевым, а также своим начальником штаба генералом Соколовским и членом Военного совета фронта Булганиным. Всякий раз совещания проходили в присутствии не только Жукова, но и Василевского. В октябре в кабинете Сталина Конев не появлялся. А в ноябре — снова три встречи почти в том же составе.

Так получилось, что в военной историографии “Марс” — самая засекреченная операция. Многие архивы этого периода закрыты. До сих пор не опубликована директива Ставки ВГК о целях и задачах операции. Лишь в последние годы в печати начали появляться некоторые исследования, проли-

вающие свет на эту таинственную звезду. А ведь масштабы “Марса” действительно были колоссальными. Приготовления к сталинградскому сражению выглядят куда скромнее.

Западный и Калининский фронты в черте Московской зоны обороны располагали следующей группировкой: 1 млн 890 тыс. солдат и офицеров, 24 682 орудий и миномётов, 3 375 танков и 1 170 самолётов. Сталинградская группировка к середине ноября 1942 года располагала более скромным ресурсом: 1 млн 103 тыс. солдат и офицеров, 15 501 орудий и миномётов, 1 463 танков, 928 самолётов. Цифры взяты из советского издания “Истории Второй мировой войны” и, конечно же, приблизительны. Но тенденция очевидна. Справедливости ради необходимо отметить, что и протяжённость фронта в районе проведения операции “Уран” была меньше, и плотность обороны там была помощней. Во время операций такого рода воюет не весь фронт и не на каждом километре войска атакуют и обороняются. Войска концентрируются и уплотняются там, где это необходимо.

Фронтам Конева и Пуркаева противостояла группа армий “Центр” под командованием фельдмаршала фон Клюге: 79 дивизий, все дивизии немецкие. Ржевский выступ, как и прежде, держала 9-я полевая армия генерала танковых войск Моделя: 16 пехотных, 5 танковые, 2 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия. Уже в ходе боёв сюда было переброшено из резервов и с других участков советско-германского фронта 10 дивизий. Соотношение сил складывалось в нашу пользу.

Задачи новой Ржевско-Сычёвской операции были теми же, что и в начале года. Армии Западного и Калининского фронтов охватывающим ударом должны были прорвать фронт в двух местах, окружить 9-ю немецкую армию, разрезать её по частям и уничтожить.

Планировал операцию “Марс” Жуков. В своих мемуарах он недвусмысленно говорит об этом. Известно, что и в период боёв он бывал в войсках, в частности, на северном участке, в районе Великих Лук, где действовала 3-я ударная армия генерала Галицкого. В этой операции армия Галицкого добилась значительного успеха — освободила город Великие Луки, захватила большие трофеи.

Наступление несколько раз откладывалось из-за плохой погоды. Началось 25 ноября. Артподготовка проведена при плохой видимости и существенных результатов не дала. Пурга накрыла всё пространство. Пехота пошла в атаку и вскоре была встречена плотным огнём противника. 20-я армия всё же смогла пробить брешь в обороне противника на глубину 10 километров и ширину 3—4 километра. В прорыв были введены вторые эшелоны — стрелковый корпус и подвижная армейская группа в составе кавалерийского и танкового корпусов. Однако противник предпринял ряд контратак и закрыл брешь резервами. Часть войск оказалась в окружении и вырвалась оттуда лишь спустя несколько суток, потеряв много личного и конского состава, а также почти все танки.

8 декабря 1942 года последовала новая директива Ставки войскам Западного и Калининского фронтов: к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районах Ржев, Сычёвка, Ленино, Белый.

Жуков, находившийся в районе наступления в качестве представителя Ставки и наблюдая неумелое руководство войсками некоторых командующих, недавно назначенных на свои должности, тут же заменил некоторых из них. Полномочиями он обладал большими, характером крутым. Коснулись кадровые перестановки и Западного фронта. Командующий 20-й армией генерал Кирюхин был заменён на генерала Хозина. Кирюхин действительно не справился с управлением войсками во время атаки 25 ноября и в последующие дни. Но замена его на Хозина оказалась равноценной. Заменены были командиры танковых корпусов. А 41-й армией Калининского фронта Жуков в дни повторной, декабрьской атаки командовал сам.

Новые бои ничего, кроме новых потерь и разочарований, не принесли. Единственным утешением для выживших стало то, что они в эти зимние дни сковали здесь, на ржевском выступе 30 немецких дивизий.

Тем временем на юге, в районе Сталинграда, армии Юго-Западного,

Донского и Сталинградского фронтов трепали 6-ю немецкую армию и дивизии союзников Гитлера — румын, итальянцев, венгров.

9-я армия Моделя была измотана до крайней степени. Она так и не сможет восстановить свои силы и вскоре будет отведена с ржевско-вяземского выступа, уступив его практически без боя.

Страна праздновала победу под Сталинградом.

В сущности, если рассматривать проблему всего фронта от моря до моря, если видеть её исторически, то праздновать можно было и победу на ржевском выступе. Но...

Под Ржевом и Гжатском зализывали раны, проводили перегруппировку, исследовали причины неудач и провалов.

А в Ставке уже велась работа по подготовке новой операции Западного, Калининского, Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов на февраль 1943 года.

Из воспоминаний И. С. Конева: “Зимой 1943 года я был снят Сталиным с командования Западным фронтом в обстоятельствах, при которых я не мог считать это решение справедливым. Как командующий фронтом я получил целый ряд настороживших меня сведений о том, что немцы предполагали совершить отход с того выступа, который они тогда занимали перед Москвой.

Разумеется, я не мог пройти мимо этих сообщений, обязан был их проверить и быть готовым к тому, чтобы принять свои меры на случай, если немцы действительно начнут отход с этого выступа. Было бы нелепо и обидно, если бы мы с опозданием узнали об их отходе, получив бы эти сведения тогда, когда уже ничего не смогли бы предпринять, и отходящие немецкие части были бы уже в пятидесяти километрах от нас. А это вполне могло случиться, если не провести предварительной проверки полученных нами сведений.

Если бы проверка показала, что намерения немцев соответствуют нашим сведениям, — мы могли бы впоследствии при достаточной бдительности и подготовленности ударить по войскам противника в самый невыгодный для них момент начавшегося отхода, преследовать их по пятам, наносить им потери, нарушив весь их план.

Проверяя полученные сведения, я предпринял на фронте частные операции. Сначала операция была проведена с 5-й армией, которой командовал тогда генерал Я. Т. Черевиченко. Надо признать, что операция, проводившаяся армией Черевиченко, оказалась неудачной. Мы понесли неоправданные потери, и вообще она была плохо организована. Черевиченко плохо справился со своими обязанностями командующего армией, и я имею основания сказать, что он подвел меня как командующего фронтом.

После этой неудачи у меня возник конфликт с Булганиным, который был в то время членом Военного совета Западного фронта. Хотя Черевиченко действительно плохо провел операцию, часть ответственности за это, разумеется, легла и на командование фронтом, в первую очередь на меня. Но я, сказав Черевиченку все, что считал необходимым, оценив его действия достаточно жестко, тем не менее воспротивился намерению Булганина сделать Черевиченку таким “козлом отпущения” и такой ценой самортизировал возможные неприятности со стороны Ставки.

После неудачи с 5-й армией я уехал на южный участок фронта в армию И. Х. Баграмяна. Там разведывательно-наступательная операция прошла в целом удачно. Мы захватили пленных, получили нужные нам сведения, заняли несколько узлов обороны. Однако развивать наступление дальше мы не могли. Да, собственно говоря, я с самого начала не считал возможным проводить крупную операцию с далеко идущими целями, поскольку для этого у нас не было сил и прежде всего техники, не только танков, но даже достаточного количества артиллерии и боеприпасов. При всем желании и старании я не мог сосредоточить даже на главном участке прорыва ста орудий на километр фронта.

И вот, когда эта частная, удачно закончившаяся операция была в основном завершена, на командном пункте Баграмяна, где я тогда находился, раздался звонок от Сталина. Сталин раздраженным тоном спросил меня, почему я не развиваю наступление. Я ответил ему, что у меня для этого нет

необходимых сил и средств. Он стал настаивать. Я оставался при своем мнении. Он сказал:

— Смотрите, как действуют ваши соседи, как наступает Воронежский фронт! А вы!

Надо отдать должное Воронежскому фронту, он действовал в это время действительно весьма удачно, но справедливости ради следует отметить, что против войск этого фронта стояли в тот период не немецкие части, а войска немецких союзников, по целому комплексу причин в тот период куда менее боеспособные, чем немецкие части.

Отвечая на упрек Сталина в адрес Западного фронта, я сказал ему, что там, перед Воронежским фронтом, один противник, а здесь перед нами — другой, полноценные немецкие дивизии, собранные в большой кулак.

Это было действительно так. Немцы к этому времени держали под Москвой большую силу, кулак, которым в любой выигрышный момент могли ударить по Москве, если бы мы предоставили им такую возможность. На Западном фронте противник сосредоточил против нас более тридцати полнокровных дивизий. Мое решение не развивать в глубину ту частную операцию, которую провела армия Баграмяна, в значительной степени объяснялось тем, что мы не вправе были рисковать на таком участке фронта, который отстоял еще совсем недалеко от Москвы.

Когда я сказал, что перед нами другой противник, Сталин очень рассердился и резко сказал мне:

— Ну, конечно, вы не можете. Перед вами, конечно, особый противник. Сказал и бросил трубку.

Через 24 часа после этого разговора, еще находясь в армии Баграмяна и “ползая” там по переднему краю, чтобы дополнительно уточнить некоторые интересовавшие меня вопросы, связанные с возможностью отхода немцев, — а надо сказать, что я вообще, пока был на Западном фронте, весь его “исползал” по переднему краю, — так вот, именно там, — говорю об этом только потому, что это в какой-то мере усугубляло степень моей обиды, — я узнал, что пришло решение Ставки о снятии меня с командования Западным фронтом с формулировкой “как не справившегося с обязанностями командующего фронтом”.

Не буду говорить о том, насколько тяжело я это переживал, это и так понятно. Правда, не подать вида и сохранить выдержку мне, хотя с трудом, но удалось.

Баграмян переживал эту историю не меньше меня. Он присутствовал при моем предыдущем разговоре со Сталиным всего 24 часа назад и, узнав о моем неожиданном снятии, пытался душевно поддержать меня, совершенно открыто и прямо заявил, что считает принятое Ставкой решение неправильным и несправедливым.

Я немедленно выехал в штаб фронта, сдал фронт генералу Соколовскому, который был начальником штаба Западного фронта, и поехал в Москву.

У меня сложилось впечатление, что мое снятие с фронта не было прямым следствием разговора со Сталиным. Этот разговор и мое несогласие были, что называется, последней каплей. Очевидно, решение Сталина было результатом необъективных донесений и устных докладов со стороны Булганина, с которым у меня к тому времени сложились довольно трудные отношения. Сначала, когда я вступил в командование фронтом, он действовал в рамках обязанности члена Военного совета, но последнее время пытался вмешиваться в непосредственное руководство операциями, недостаточно разбираясь для этого в военном деле. Я некоторое время терпел, проходил мимо попыток действовать подобным образом, но в конце концов у нас с ним произошел крупный разговор, видимо, не оставшийся для меня без последствий.

Состояние у меня было тяжелое, но чувства раскаяния я не испытывал. Я оставался при своем мнении, что правильно поступил, приостановив наступление. С нашими силами против той группировки немцев, которая была перед нами, в большом наступлении успехов мы иметь не могли. Могли занять кое-какие населенные пункты, для отчетности, и на взятии этих нескольких пунктов размотать силы фронта. Уложить людей недолго, наступ-

ление их быстро съедает. Ничего серьезного не добившись, фронт в итоге мог поставить себя под угрозу даже в обороне”.

Сталин, к несчастью, имел весьма распространённую слабость, которой подвержено большинство диктаторов, — он любил подхалимов, позволял им опутывать себя паутиной своей тягучей липкой лести. А значит, в какой-то мере и управлять собой. Правда, эту паутину он умел быстро, в один мах, рвать и принимал совершенно независимые решения. Проклинал подхалимов. Но потом снова позволял им приближаться и заниматься прежним ремеслом. Иногда сам приближал их к себе. Слишком сладкозвучны были их песни...

Подхалимы и интриганы напевали Верховному и о Коневе.

Возможно, некоторую роль в отстранении Конева от командования войсками Западного фронта сыграла вспыльчивость Сталина. Вспыльчивость, импульсивность — одна из родовых черт характера диктатора. Кавказ! Но на этой нежной струне кто-то сумел сыграть очень тонко и вовремя.

После отстранения от командования фронтом он приехал в Москву и, как впоследствии вспоминал, “три дня не вылезал из дому, нигде не показывался”. Но время лечит. И Конев вскоре пришёл в себя. Пошёл в Генеральный штаб, отыскал генерала Бокова и узнал от него, что происходило на фронтах. Генерал-майор Ф. Е. Боков служил в Генштабе в качестве заместителя по оргвопросам. Так сложилось, что разработки Генштаба (“канцелярии”, по выражению Сталина) Верховному докладывал именно он. Маршал Шапошников часто болел, Василевский мотался по фронтам.

Неожиданно в кабинет Бокова вошли командующий войсками Волховского фронта генерал Мерецков и член Военного совета фронта Мехлис. Она знали о смещении Конева с должности комфронта. Мехлис внешне ничем не выказывал своих эмоций, но внутренне, и это Конев сразу почувствовал, был удовлетворён произошедшим. Мерецков спросил:

— Что ты тут делаешь? За назначением?

— Ничего не делаю. Свободен.

— Как свободен?

— Сам знаешь, как... С фронта снят. Впереди — ничего определённого. Вот, зашёл узнать, как дела у моего преемника Соколовского.

— А какое-нибудь назначение получил?

— Пока нет. И это и угнетает, и раздражает больше всего. Пускай бы с понижением в звании, в должности, но — лишь бы на фронт.

— А ко мне на армию пойдёшь?

Конев усмехнулся:

— Суворов в лучшую свою пору, когда турок громил, корпусом командовал. А ты говоришь, пойду ли на армию...

Вошёл дежурный офицер и сказал, что товарищей Мерецкова и Мехлиса вызывают в Ставку.

— У нас сейчас встреча с товарищем Сталиным, — пояснил Мерецков. — Я ему напомню о тебе.

В то, что Мерецков действительно заведёт со Сталиным разговор об опальном генерале, Конев и верил, и не верил. Но Кирилл Афанасьевич сдержал своё слово. Вернее, всё произошло несколько иначе: у Мерецкова одной из армий командовал заместитель, хороший штабист, но в практических делах человек неопытный. И он попросил Сталина утвердить на должность командарма Конева.

Сталин внимательно взглянул на Мерецкова. Сразу ничего не ответил. И вдруг спросил:

— А что Конев, в каком он настроении?

— Настроение у него... Рвётся на фронт. Сказал: приму хотя бы и корпус.

Спустя час на квартиру Конева прибыл офицер по особым поручениям и вручил листок, на котором был написан номер телефона, по которому он должен позвонить в ближайшие часы.

Конев понял, что судьба его решилась. Метнулся в Генеральный штаб. Из кабинета Бокова позвонил по номеру, который ему был вручен. Послышался знакомый глуховатый голос:

— Товарищ Конев, здравствуйте. Как ваше настроение?

— Плохое, товарищ Сталин.

— Почему плохое?

— Я — солдат, в такое время солдат не должен сидеть дома, он должен воевать.

— Подождите. Дайте мне три дня на то, чтобы разобраться. Мы вас пошлём вновь командовать фронтом.

— Товарищ Сталин, если вы считаете, что я не могу справиться с командованием фронтом, то я готов ехать командовать армией. Надеюсь, что с этим я справлюсь.

— Я знаю, вы договорились с Мерецковым. Мерецков решил воспользоваться ситуацией... Нет, мы не можем себе этого позволить. Мы вас пошлём командовать фронтом. Подождите три дня, дайте мне срок разобраться. Желаю всего хорошего.

О дальнейших событиях И. С. Конев вспоминал так: “Через три дня я явился к Сталину и был назначен командующим Северо-Западным фронтом.

Направляя меня на фронт, Сталин резко и, я бы даже сказал, грубо отозвался об одном из моих предшественников на этом фронте, сказав, что тот “расстрелял веру своих солдат в победу”. Меня покорило от этой категоричности суждений. Всего неделю назад я испытал это на себе”.

Но это Иван Степанович сказал, диктуя свои воспоминания спустя многие годы. А тогда, в 43-м, он был счастлив новым назначением.

Что же произошло в феврале 43-го на Западном фронте? За что Сталин отстранил Конева от должности? Только ли придворные интриги стали причиной отлучения Конева от командования войсками?

С 22 февраля по 23 марта 1943 года левое крыло Западного фронта проводило наступательную операцию против жиздринской группировки 9-й армии генерала Моделя. Целью операции было “развить успех, достигнутый на южном стратегическом направлении и не допустить переброски туда немецких сил с центрального участка фронта”. Подобные операции, имевшие те же цели, в это время проводились соседними фронтами: Малоархангельская операция, Севская операция, Ржевско-Вяземская, Старорусская.

Жиздринская наступательная операция проводилась силами 16-й армии генерала Баграмяна. Задачи Баграмяну были поставлены серьёзные: прорвать фронт в восемнадцатикилометровой полосе в районе Запрудное, Высокая юго-западнее города Сухиничи и наступать на Жиздру, а затем на Брянск. Совместно с войсками Брянского фронта охватить и взять Брянск.

Армия имела в своем составе шесть стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду. Для усиления удара и развития успеха сюда же, во второй эшелон, прибыли 9-й танковый корпус и танковые бригады.

Приготовления наших войск, переброска достаточного крупных танковых резервов не прошли незамеченными противником. Немецкое командование спешно усилило свои войска в районе Жиздры и Сухиничей двумя пехотными дивизиями, а также перебросило на угрожаемый участок до 100 танков и штурмовых орудий, на предполагаемых местах прорыва сосредоточило противотанковую артиллерию.

22 февраля 1943 года 16-я армия перешла в наступление. Сразу стало очевидным, что противник успел создать здесь мощнейшую оборону. Везде, где войскам 16-й армии удавалось достигнуть каких-то успехов, тут же следовала контратака с танками и при поддержке авиации. К 28 февраля наши подразделения смогли захватить ряд населённых пунктов, превращённых противником в опорные пункты, и продвинуться в глубину до пяти-шести километров. Но Баграмян к этому времени ввёл в дело все свои дивизии и рассчитывал уже только на второй эшелон. Однако танковые части второго эшелона ему не подчинялись. Превратить вклинение в прорыв 16-я армия уже не могла — выдохлась.

Баграмян запросил резервов. Но Конев вводить в бой танковый корпус не решился. Что произошло, неизвестно. Скорее всего, Конев понял всю абсурдность проводимой операции и решил приостановить её на той стадии,

когда в мясорубку под Жиздрой ещё не был брошен танковый корпус генерала Шамина. Вооружённый в основном ленд-лизовскими танками “валентайн” с лёгким бронированием и слабой 57-мм пушкой, а также ещё более уязвимыми для немецкой противотанковой артиллерии отечественными Т-60, он не сыграл бы решающей роли, а только увеличил потери.

Немцы же усилили свою группировку 5-й танковой и двумя пехотными дивизиями, спешно переброшенными с ржевско-вяземского выступа.

Позже, в марте, когда Конеv будет проводить наступательную операцию под Старой Руссой, на севере, генерал Соколовский бросит 11-ю армию Баграмяна вперёд с той же целью, пытаясь развить успех на тех же направлениях. Но результат окажется тем же, только более кровавым.

Сталин, однако, положительно оценил действия 11-й армии, и вскоре она стала именоваться 11-й гвардейской.

Сам Иван Христофорович Баграмян, вспоминая кровавые дни и ночи под Жиздрой, в своих мемуарах написал: “Должен признаться, что уже в то время я видел, что причина невыполнения армией поставленной задачи сводилась не только к нашим упущениям. Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки. Тогда у всех нас были еще свежи достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной Армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен, и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на все новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу”.

Иван Христофорович был очень деликатный и очень осторожный человек. Он сказал, что мог.

А вот чем так подвёл Конева командарм 5-й армии Черевиченко, остаётся тайной.

О Черевиченко Конеv вспоминал со сдержанной неприязнью.

Генерал Черевиченко в годы войны прославился тем, что его 7-й стрелковый корпус успешно дрался в Берлине и брал рейхстаг. Егоров и Кантария — из 7-го корпуса.

Что же было до Берлина? В начале войны самая мощная на южном участке фронта 9-я армия оказывается разбитой и отступает. Её командующего генерала Черевиченко отстраняют от должности. Но вскоре он уже командует Южным фронтом. Доводит до катастрофы и фронт. И вот — на 5-й армии... С 5-й его убирают вместе с Коневым. В один день. Но если Конева вскоре возвращают, то Черевиченко в распоряжении Ставки находится до апреля 43-го. Потом его всё же снова ставят на командную должность — заместителем командующего фронтом. Но... не растёт жито на камне. Какое-то время он состоит кем-то при Военных советах армий и фронтов. В 44-м получает в управление Харьковский военный округ. И что же? В архивах хранится документ — приказ Сталина от 27 января 1944 года, в котором говорится о безобразном состоянии запасных частей округа: дезертирство среди бойцов, пьянство, воровство, мордобой среди офицеров; личный состав запасных частей голодает, бойцам не хватает даже хлеба, нет обуви, обмундирования... Этим же приказом Верховный отстранил Черевиченко от должности командующего округом. Но Черевиченко был другом Жукова. Вместе когда-то служили в кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. И Жуков, командуя войсками 1-го Белорусского фронта, нацеленного на Берлин, берёт старого друга к себе. Назначение произошло 27 апреля 1945 года.

Но ирония судьбы заключается вот в чём: в апреле 43-го генерал-полковника Черевиченко прислали Конеvu в качестве заместителя. Какое-то время служили вместе.

И. С. Конеv: “Конец истории с моим снятием с Западного фронта был такой. Уже в 1943 году после взятия Харькова, когда я командовал Степным фронтом, в Москве проходило специальное совещание членов военных сове-

тов, на котором рассматривались вопросы, связанные со взаимоотношениями членов Военного совета с командованием.

Говоря об отдельных случаях неправильного отношения членов Военного совета к командующим фронтами, Сталин как пример привел историю со мной и сказал:

— Вот в свое время с Коневым не разобрались, поторопились, сняли с фронта, а смотрите, как он сейчас воюет.

В такой форме им была признана несправедливость тогдашнего молниеносного решения о снятии меня с Западного фронта. Об этих словах Сталина на совещании мне доверительно рассказывал возвратившийся с совещания член Военного совета Степного фронта генерал И. З. Сусайков.

После того как мне удалось провести некоторые положительные, на мой взгляд, мероприятия на очень сложном и очень неблагоприятном для любого человека, оказавшегося там в роли командующего, Северо-Западном фронте, Сталин в июне месяце 1943 года вызвал меня и назначил командовать Резервным фронтом”.

Взаимоотношения Конева и Булганина были действительно отвратительными. Булганин как человек, понимающий политику партии, несомненно, глубже и правильней, всегда оставался ближе Сталину. Когда закончится война, это проявится особенно отчётливо. Маршалы, которых Сталин и любил, и опасался одновременно, будут отодвинуты на второй план. На первый выйдут партийцы. Любовь к военным в Кремле станет своего рода анахронизмом.

Но что же происходило на Северо-Западном фронте весной и в первой половине лета 43-го?

Ещё в январе Ставка разработала план наступательной операции под кодовым названием “Полярная звезда”. Полное окружение и уничтожение немецкой группировки (16-я полевая армия генерала Эрнста Буша группы армий “Север”) на демянском выступе. Затем, без оперативной паузы, глубоким ударом в направлении на Старую Руссу прорвать оборону противника и выйти в тыл Ленинградской и Новгородской группировкам немцев. Общее руководство ходом операции осуществлял Жуков. Войсками Северо-Западного фронта руководил маршал Тимошенко. Демянскую группировку отрезать от тылов и уничтожить изолированно не удалось. Немцы удержали “Рамушевский коридор” и вывели группировку из выступа. 4 марта 1943 года начался второй этап операции “Полярная звезда”, которая вошла в историю Великой Отечественной войны как Старорусская наступательная операция. Началась весенняя распутица, дороги распустило. Лыжные бригады пошли в бой в пешем строю. Танки свободно маневрировать не могли. Болота и реки стали непроходимыми. Явно неудачным был и сам замысел операции — повторное наступление на тех же направлениях, да ещё без средств усиления. При этом отставала даже та артиллерия и тяжёлая техника, которую войска имели. Немцы же, видя перегруппировку наших войск, значительно усилили свои оборонительные рубежи, особенно под Старой Руссой. Продвинувшись вперёд на 10–15 километров, войска Северо-Западного фронта подошли к Старой Руссе. Здесь произошла вынужденная остановка. Ставка изымала из состава фронта и в срочном порядке перебрасывала на юг, под Харьков, 1-ю танковую армию генерала Катюкова, другие части.

С Катюковым Конев судьба ещё сведёт. Но это произойдёт не скоро. Но самые блестящие свои операции и танковые удары генерал Катюков проведёт именно под командованием к тому времени уже маршала Конева.

Началась перегруппировка. Маршал Тимошенко был отстранён от командования войсками фронта. Это по его адресу Сталин выражался резко и грубо, посылая Конева туда, в северную грязь, в старорусские хляби поправлять положение.

В конце марта наступление окончательно выдохлось, и Конев приказал войскам зарываться в землю на достигнутых рубежах, как сообщалось в сводках Совинформбюро”, “южнее озера Ильмень”.

Закончилась жуткая бойня, продолжавшаяся с 4 по 19 марта. Исследователи этих событий говорят о том, что ежедневно наша группировка теря-

ла убитыми и пропавшими без вести по 6 444 человека, что в истории Великой Отечественной войны уровень потерь был превышен только однажды — в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции, когда произошло встречное танковое сражение.

...”Ординарец Тоня” и верный адъютант Саломохин были всегда рядом и здесь, под Старой Руссой.

Глава двадцать вторая

РЕЗЕРВНЫЙ СТЕПНОЙ ФРОНТ

“Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?”

Жаркое лето 43-го... На фронтах длилась оперативная пауза. С апреля обе стороны готовились к решающей схватке. Полем предстоящей битвы на этот раз выбрали так называемый Курский выступ — линию фронта от Думиничей на севере (ныне районный центр Калужской области) и до Харькова на юге.

И. С. Конев: “Эта врезавшаяся в наш фронт дуга была для Красной армии не просто неудобным обстоятельством. Она удлиняла наш фронт почти на 500 км и требовала для его удержания значительных сил. Дуга прорезала железнодорожные пути и перегоны, перехватывала шоссейные дороги, которые вели из района группы “Центр” в направлении Харькова и представляли для наших войск важные коммуникации, расположенные, к сожалению, по ту сторону фронта. Наконец, эта дуга могла служить противнику исходным пунктом для наступления как на северном фланге группы армий “Юг”, так и на южном фланге группы армий “Центр”. Особую опасность она представляла на случай, если было бы решено нанести контрудар из района Харькова против советских сил. При одновременном наступлении с юга и севера можно было отрезать в ней сравнительно большие силы противника и высвободить потом значительные немецкие силы”.

Собственно выступ, дуга проходила от Малоархангельска до Белгорода. Но, как всегда происходит во время стратегических операций, которые, по замыслу их авторов, образуют гигантскую центростремительную воронку, вбирающую, засасывающую в себя сотни и сотни километров окрестностей вместе с войсками, рубежами и коммуникациями, всё это пространство превратилось в колоссальное побоище. Курская битва происходила на землях нынешних Калужской, Орловской, Воронежской, Белгородской областей России и Сумской и Харьковской областей Украины.

Судя по журналу посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете, в 1943 году Конев Верховный вызывал к себе четыре раза. И все четыре посещения состоялись накануне операции “Кутузов”. Последняя беседа состоялась 24 июня. Началась она в 0.30, а закончилась в 2.35. Сидели долго. Десятью минутами раньше в кабинет к Сталину зашли Василевский, Антонов и Голиков. Его, командующего войсками Степного фронта, пригласили потом.

— Степной фронт, — сказал Сталин, обращаясь ко всем присутствующим, — должен сыграть важную роль в контрнаступлении.

Затем раскурлил свою трубку и взглянул на Конева. Кивнул в его сторону трубкой:

— Вы понимаете, товарищ Конев, какое назначение вы получаете в связи с обстановкой, которая складывается на южном направлении? Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности. Если противник прорвётся, вам необходимо отразить его удары и не допустить развития прорыва дальше на

восток как на орловском, так и на белгородском направлениях. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны. Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?

— Готов, товарищ Сталин, — ответил Конев.

— Хорошо, мы надеемся на вас.

И той, и другой стороне нужен был Курский выступ. И Ставка в Москве, и руководство вермахта связывали с удачным исходом дела на этом участке фронта свои дальнейшие планы ведения войны.

Биографы Конева рассказывают о подробностях разговора в кабинете Сталина несколько иначе. Сталин в разговоре якобы рекомендовал Коневу побывать в первом эшелоне, на Воронежском фронте, “чтобы быть в курсе обстановки, знать направление возможных ударов противника...” Но перед тем, как приступить к исполнению обязанностей командующего Степного округа, посоветовал слетать “к семье в Куйбышев”.

К семье он, видимо, ездил. Скучал по детям. Да и на Анну хотелось посмотреть.

Анна Ефимовна Конева, несмотря на то, что генеральская жена, работала в одном из военных госпиталей Куйбышева. Выполняла ту же работу, что и другие женщины из числа госпитальных служащих, — убирала, мыла, подавала, выносила, писала письма безруким, перетаскивала безногих.

Сейчас порой говорят: и как мы, страна, выдержали? Как победили? А победили единством. Все были едины. И искренни в своём единстве. Желание победить врага и освободить свою землю от иноземных приобрело силу молитвы, и эта всенародная молитва восходила к небесам с огромного просторства — одной шестой части земного шара. Это была молитва матерей о сыновьях, жён — о мужьях, дочерей — об отцах. Женщины молились, чтобы их мужчины поскорей вернулись домой. Но для того, чтобы они вернулись, им надо было одолеть врага. И они молили небеса об одолении врага.

Но главная битва происходила всё же на земле. Надо было сражаться. Действовать. И действовать лучше врага. Трудиться не покладая рук. Война — это тяжёлый труд, каждодневная, ежечасная изнурительная работа. В том числе и в тылу. Выполняли её все. В том числе и генеральские жёны. Впоследствии, по возвращении из Куйбышева Анна Ефимовна продолжила свою госпитальную миссию сестры милосердия в Москве.

Об Анне Ефимовне Коневой как о сестре милосердия рассказал мне каноник церкви Воскресения Христова, что в Тарусе на Оке, Николай Данилович Санкин. Его ранило в 44-м. Осколок близко разорвавшейся мины перерубил несколько рёбер и остановился под лопаткой. Товарищи вынесли на плащ-палатке. В полевых условиях человеку с такой раной чем поможешь? Отправили ближайшим поездом в тыл. В Москве санитарный эшелон остановился. Начальник поезда приказал снять мёртвых и тех, кого дальше везти было бессмысленно. До станции назначения было ещё больше суток пути. А этим, по его расчётам, жить оставалось несколько часов. Сняли с поезда и Николая Даниловича. Привезли в ближайший госпиталь. Стали готовить к операции. “А от меня смрад идёт, как от мёртвого, — вспоминал Николай Данилович. — Меня ведь ранило в разведке. Ползли — грязные, потные, а тут ещё кровью всего залило. Ни одежды, ни белья мне не поменяли. Каким принесли с нейтральной полосы, таким в палату в том московском госпитале и занесли. Лежу. Умираю. А уже равнодушие на меня напало. Смирился, что скоро помру. Даже боль утихла. И тут приходит женщина. Средних годов. Красивая. Принесла таз и принялась мне в этом тазу мыть голову. Как мне после этого хорошо стало, господи! А потом принесла другую воду и помыла мне ноги. Лежу, а самому стыдно. Как же так, думаю, такая красивая женщина и обмывает меня. Когда ушла, унесла воду, мне сосед по палате и говорит: “А знаешь, кто тебя обмывал?” — “Нет”, — говорю. “Это, братец ты мой, жена маршала Конева, Анна Ефимовна”. Когда мне сделали операцию, когда я очнулся и открыл глаза, первой, кого я увидел, была Анна Ефимовна. Я думал, что это ангел с небес спустился и смотрит на меня, живого. После войны я долго ей открытки посылал, поздравлял с празд-

никами и благодарил за её доброту. Редкой души человек. Теперь её нет. Молюсь за упокой её души”.

В 44-м Анна Ефимовна с детьми перебралась в Москву.

В “Записках...” И. С. Конев отмечает: “Как известно, в битве под Курском советские войска создали мощную, глубоко эшелонированную, хорошо организованную оборону с выгодным для нас соотношением сил сторон, поскольку мы готовились к преднамеренной обороне. И всё же противнику удалось на обоянском направлении вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 км. И лишь благодаря вводу в сражение двух армий Степного фронта — 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А. С. Жадова — вражеское наступление было окончательно остановлено”.

Войска окапывались на огромном пространстве. Отрывали километры траншей. Пилили лес, перекрывали накатником блиндажи и землянки. Артиллеристы обустривали огневые. Танкисты маскировали боевые машины. Рядом с солдатами работали тысячи жителей окрестных городов и деревень. Строили дороги, мосты.

Войска работали день и ночь. Ночью осуществляли переброску частей, техники, маскировали то, чего не должен видеть противник. Днём обустривали оборону.

Конев часто бывал на позициях. Смотрел, проверял, советовал, поправлял. Слушал разговоры солдат и командиров, их шутки, смех. Это были уже другие солдаты, другая армия. Вскоре об этом узнает противник. Над позициями иногда появлялась немецкая “рама”, делала круги, снижалась. Всё шло так, как задумано: немцы должны быть уверены в том, что русские готовятся к обороне.

10 июля 1943 года Степной военный округ был переименован в Степной фронт. Ставка определила его состав:

“Командующему Степным военным округом.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Включить в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую, 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мех. корпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мех. корпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 3-й, 5-й, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

2. Армии фронта развернуть согласно устным указаниям, данным Генеральным штабом.

3. Передвижение войск совершать только ночью.

4. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

5. О ходе перегруппировки доносить ежедневно шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, А. Антонов”.

Из устных указаний, поступивших шифром, следовало: приказ поступит перед самым началом сражения; передвижение производить только под покровом темноты; приказы отдавать устно; управление фронта передислоцировать на несколько десятков километров западнее, т. е. ближе к фронту.

Штаб расположился рядом с железнодорожной станцией Касторное. Если посмотреть на карту — то как раз в центре напротив Курского выступа. Если бы немцам удалось срезать выступ, то танки армейских групп “Центр” и “Юг” сомкнули бы свои клещи в районе Касторной.

Для обеспечения операции “Цитадель” Гитлер ещё в начале года провёл тщательную мобилизацию. Под ружьё поставили всех, кто до этого по разным причинам избежал призыва. В промышленности больше стали применять женский труд, “остарбайтеров” (бывших военнопленных и вывезенных из оккупированных территорий), а также труд рабочих, завербованных в соседних странах — Швейцарии, Франции, Бельгии. В войска начали набирать

поляков, чехов, словаков, французов, шведов. Идеологи и практики теории “чистой крови” в срочном порядке пересмотрели некоторые положения расовой теории и подправили многие пункты своих директив. Исчез из употребления термин “недочеловек”. Расширен список народов, составляющих семью арийских народов. Активизировал свою работу так называемый Смоленский комитет. Миллионными тиражами была отпечатана листовка, подписанная бывшим генералом РККА Власовым, который добровольно пошёл служить рейху и приступил к формированию частей Русской освободительной армии в составе вермахта. В дивизии СС широким потоком, в том числе и из концлагерей, пошли латыши, эстонцы, литовцы, белорусы, украинцы, русские, татары, калмыки, чеченцы и т. д. В результате тотальных мер Гитлеру, по различным подсчётам, удалось направить на фронт 600 тысяч немцев и поставить под ружьё 450 тысяч “восточных войск”. Пройдёт год, и Коневу придётся столкнуться с “русскими” частями СС. Для многих из последних день столкновения с атакующей Красной армией станет последним днём их существования и служения Гитлеру. Гитлеру необходимо было влить в воюющие армии около миллиона новобранцев. При том, что ему удалось наскрести немногим больше половины требуемого, была заново сформирована 6-я полевая армия, первый состав которой погиб и был пленён под Сталинградом — полностью восстановлены двадцать дивизий, в том числе и танковых, со “сталинградскими” номерами. В войска поступило новое вооружение. Модернизированный танк Т-IV, а также новый Т-V “пантера”, Т-VI “тигр”, самоходные орудия новых типов. Истребители танков получили новую 75-мм противотанковую пушку PaK40, которая с дистанции 1000 метров проламывала 120-мм броню, а следовательно, могла поражать любой советский танк. Люфтваффе получили модернизированный истребитель “Мессермитт-109G-6”, штурмовик “Хеншель-126В” и истребитель танков “Юнкерс-87G”, оснащённый двумя 37-мм пушками. Первую противотанковую эскадрилью пикировщиков Ю-87G накануне решающего наступления возглавил знаменитый ас Ганс-Ульрих Рудель.

Сокрушить “оборону Советов” должны были танковые клинья. Тактика, принёсшая череду побед в летних боях 41-го, в 42-м и совсем недавно, уже в 43-м под Харьковом и Белгородом, отработанная до совершенства генералами и экипажами стальных машин, должна была принести *факел* победы и в этой битве. Тем более что на этот раз Гитлер посадил свои лучшие экипажи на совершенно новые танки и самоходки.

Основу танковых клиньев немецкой армии составили Т-IV. Но теперь самый массовый танк Второй мировой войны выглядел иначе. Вместо короткоствольной пушки (“окурка”) в массивную башню была встроена 75-мм пушка с длиной в 48 калибров и дульным тормозом. Толщина лобовой брони увеличена с 50 до 80 мм. Для сравнения: советская модернизированная “тридцатьчетвёрка” имела к тому времени лобовую броню в 52 мм; 16-тонный английский “валентайн” — 60 мм; 32-тонный американский “шерман” — 76 мм. Новая “четвёрка” была оснащена противокумулятивной защитой в виде 5-мм экранов, надёжно прикрывавших ходовую часть танка. По замыслу конструкторов и “отца Панцерваффе” Гудериана эта машина должна составить серьёзную конкуренцию советской “тридцатьчетвёрке” на поле боя.

За полгода до Курского побоища с конвейеров немецких заводов сошли первые серийные образцы нового танка Т-IV “пантера”. В какой-то степени это была улучшенная копия советского Т-34. (Советские армии стояли ещё за сотни вёрст от границ Третьего рейха, а зловещая тень непобедимой “тридцатьчетвёрки” уже металась по Германии). Толщина лобовой брони “пантеры” составляла 85 мм. Борта и корму закрывала 40-мм броня. Вооружение “пантеры” состояло из мощной бронебойной 75-мм пушки с коническим каналом ствола длиной 70 калибров, оснащенной дульным тормозом. Ни один из советских танков, включая и ИС-2 со 120-мм лобовой бронёй, не мог выдержать выстрела бронебойного снаряда “пантеры” с расстояния 1000 метров. Экипаж мог производить 6–8 выстрелов в минуту. Кроме того, на борту имелись два пулемёта калибра 7,92. Эта машина по своим так-

тико-техническим данным превосходила все танки Второй мировой войны.

И, наконец, широко известный танк Второй мировой войны — Т-VI “тигр”. Тяжёлый танк “тигр” весил 56 тонн. Тяжёлый ИС-2 весил на десять тонн меньше и на тонну больше, чем “пантера”. Английский “черчилль” — 40 тонн. Экипаж 5 человек. Толщина лобовой брони 100 мм, бортовой — 80 мм, верха корпуса — 26 мм. Самым эффективным истребителем советских танков была до сих пор 88-мм зенитка, “восемь-восемь”, как её называли немецкие артиллеристы. Если цель появлялась в поле зрения расчёта “восемь-восемь”, то хороший наводчик поражал её с расстояния 2000 метров первым же выстрелом. Так вот, именно эту пушку получил “тигр”. На борту имелись также два пулемёта. “Тигр” был прост в управлении. Любой из членов экипажа при необходимости мог заменить механика-водителя. Чтобы не размазывать сверхмощный танк по дивизиям и корпусам, было принято решение о создании тяжёлых танковых батальонов как единой тактической единицы. Тяжёлые танковые батальоны имели три роты по 15 единиц каждая. Гитлер был в восторге от своего нового детища и справедливо говорил, что “один батальон... стоит целой нормальной танковой дивизии”. Единственным серьёзным недостатком этого танка была его дороговизна в изготовлении. Поэтому он не мог стать массовой машиной вермахта. Танковые части, действовавшие под Белгородом, Харьковом и Орлом, получили три батальона и четыре отдельных роты “тигров”.

Истребитель танков “фердинанд” имел толщину лобовой брони 200 мм. Толщина кормовых листов — до 85 мм. Два двигателя “майбах” по 265 л/с, каждый из которых автономно приводил в движение одну из двух гусениц. 88-мм пушка, которая на полтора километра свободно брала любой советский танк, даже в лоб. Весил этот стреляющий колосс 72 тонны. Скорость мог развивать до 30 км/час. “Чудо инженерного искусства” — так называли его немцы. За всю войну “Заводы Нибелунгов” в Сент-Валентине в Австрии успели изготовить 90 таких машин. Из них 85 участвовали в операции “Цитадель”. За пятьдесят дней боёв, пока длилась битва, немцы потеряли 39 “фердинандов”.

Гитлеру нужна была яркая и сокрушительная победа на Востоке. И ему казалось, что он готов её добиться.

50 дивизий изготовились для атаки. В их числе 12 танковых и 7 моторизованных. Около 10 000 орудий и миномётов. 2 758 танков и самоходных артиллерийских установок. 1 800 самолётов. 900 000 солдат и офицеров.

Накануне наступления немецким солдатам был зачитан приказ их фюрера:

“Солдаты!

В этот день вам предстоит участвовать в наступлении такого значения, что всё будущее войны может зависеть от его исхода. Более чем что-либо ваша победа покажет миру, что сопротивление мощи германской армии безнадежно... Могучий удар, который постигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть всё...”

В русских окопах замполиты проводили политбеседы, командиры взводов и отделений снова и снова штудировали по специально отпечатанным листовкам-памяткам уязвимые места новых сверхмощных немецких танков и самоходок: “Бей по танку и в лоб и в затылок — бросай связку бутылок”, “Из окопа метко и стойко бей по танку бронебойкой”. То же самое происходило на позициях в районах Касторного, Боброва, Россоши и Острогожска, где изготовился к бою резервный Степной фронт. Были оборудованы учебные поля, на которых “тридцатьчетвёрки” утжили учебные позиции, окопы и ходы сообщения, в которых лечили от “танкобоязни” пехотинцев. В войсках был зачитан приказ НКО СССР № 0387 от 24 июня 1943 года “О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника”. Согласно этому приказу, например, расчёты противотанковых ружей получали следующую премию за каждый подбитый или подожжённый танк противника: наводчик — 500 руб.; второй номер ПТР — 250 руб. Экипажам танка: механику-водителю и командиру орудия (баш-

ни) — по 500 руб. каждому; остальным членам экипажа — по 200 руб. каждому. Такую же премию получали огневые расчёты артиллерийских орудий. Каждый боец и командир за лично подбитый танк “при помощи индивидуальных средств борьбы” получал премию в 1000 руб. Если в уничтожении вражеского танка, говорилось в приказе, участвовала группа бойцов-истребителей танков, то сумму премии поднять до 1500 руб. и выплачивать всем участникам группы равными долями. В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится подлинник этого документа, на котором рукой Сталина сделана поправка в пункте № 4, где сказано о премии для “группы бойцов-истребителей танков”: сумма в 1000 руб. зачёркнута и вписана фраза “поднять до 1500 руб.”

Для информации: 1 кг говядины тогда стоил 12 руб.; масла сливочного — 25 руб.; хлеба ржаного — 1 руб.; хлеба пшеничного — 1 руб. 70 коп.; колбасы полукопчёной “Краковской” — 23 руб.; бутылка водки 50% — 11 руб. 50 коп.; папиросы “Казбек” — 3 руб. 15 коп.; духи “Красная Москва” — 28 руб. 50 коп.; ботинки мужские, хромовые — 140 руб.; костюм мужской — 367 руб.

Степной фронт не зря сосредоточили именно здесь, от центра дуги к югу, так что он левым своим крылом закрывал Белгородско-Харьковское направление. Сталин, так же, как и Гитлер, колебался. Его пугала неуязвимость новых немецких танков. Не выходили из головы слова начальника артиллерии маршала Н. Н. Воронова: “У нас нет пушек, способных бороться с этими танками”. Слишком многое ставилось на карту. Слишком многое.

Конев старался больше бывать в войсках. Особенно часто заезжал к танкистам. Бывал в корпусах, в батальонах, в ротах. Разговаривал с экипажами, наблюдал за их боевой учёбой. О стрельбе боевыми снарядами по движущимся целям, конечно же, и речи быть не могло, но обкатку механиков-водителей командиры подразделений проводили. Конев знал, что некоторые экипажи прибыли на фронт вместе с боевыми машинами. Иногда это были рабочие заводов, которые давно рвались на фронт, и вот их, наконец, отпустили. Технику они знали хорошо. Но на поле боя понадобится и другое.

Глава двадцать третья

“ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ”

“Победа в этой битве была одержана наступлением”.

Немецкой “Цитадели” советские штабы противопоставили сразу две наступательные операции: “Кутузов” — атака левого крыла Западного (генерал В. Д. Соколовский), Брянского (генерал М. М. Попов) и правого крыла Центрального (генерал К. К. Рокоссовский) фронтов; и “Полководец Румянцев” — атака Воронежского (генерал Н. Ф. Ватутин), правого крыла Юго-Западного (генерал Р. Я. Малиновский) и Степного (генерал И. С. Конев) фронтов.

Говорят, Сталин сам придумывал кодовые названия операциям, которые разрабатывал Генеральный штаб. Так ли это, нет ли, но тот, кто дал наступательной операции на южном фланге Курской дуги название “Полководец Румянцев”, был человеком не просто образованным. Этот человек хорошо знал русскую историю. И русскую, и прусскую. Главный смысл названия — “Полководец Румянцев” — был спрятан в подтексте.

Во-первых, Румянцевых в русской истории было несколько. Взял полководец. Полное имя — Пётр Алексеевич Румянцев-Задунайский. Генерал-фельдмаршал. Граф. Это не покорило Сталина, если он согласился с кодовым названием операции. Начинать свою военную карьеру в эпоху правления Елизаветы Петровны, завершил в эпоху Екатерины Великой. В чём же подтекст кодового названия? Во-первых, Пётр Алексеевич родился в Приднест-

ровые. Оно, если взглянуть на карту, было перед фронтом советской группировки, которая должна была решать задачи предстоящей операции. Во-вторых, в некий период своей службы, уйдя от дел военных, Румянцев был губернатором Малороссии, затем наместником Курского и Харьковского наместничеств. Походом ходил на Рейн, отличился в Семилетней войне в 1757 году в Курляндии, где отменно побил пруссаков. А уже через год смелой атакой захватил Кёнигсберг. Затем Кунерсдорфское сражение, в котором он со своей дивизией в развёрнутом строю штыковой атакой опрокинул лучшие прусские войска и произвёл, таким образом, перелом в ходе сражения, исход которого до этого момента был не ясен. Пётр Алексеевич в этой атаке шёл в первой шеренге. Король Фридрих, видя атаку русских, поспешил покинуть поле боя настолько энергично, что потерял впопыхах свою треуголку. Она и теперь хранится в фондах Государственного Эрмитажа. После Кунерсдорфа была осада и взятие Кольберга и т. д. Генерал-фельдмаршал был прозван Задунайским за успехи в русско-турецких войнах. Их в биографии полководца было две, и обе принесли славу России и посрамление её врагов и недругов. Особенно яркой была победа армии Румянцева под Кагулом в 1770 году, когда русские разбили вдесятеро превосходившее турецкое войско. Битва произошла 21 июля.

В своих мемуарах Конев как-то неявно говорит о том, где он находился в момент начала Курского сражения и в первые дни. Ясно только, что на своём командном пункте, т. е. в штабе Степного фронта, его не было. Душа солдата не вытерпела тыла, и он выехал вперёд, на КП генерала Ватутина. В случае обострения ситуации и прорыва немцев именно отсюда ему лучше было управлять своими войсками. “В период оборонительного сражения командование и штаб Степного фронта внимательно изучали те направления, откуда в большей степени грозила опасность прорыва немецко-фашистских войск. Я побывал на правом крыле Воронежского фронта в районе Курска и в самом городе”.

В первый день до наступления ночи немцы смогли преодолеть первую полосу обороны 71-й, 67-й, 52-й гвардейских стрелковых дивизий, продвинулись до восьми километров в глубину русской обороны, но вскоре наткнулись на 3-й механизированный корпус генерала Кривошеина, стоявший гвардейцам в затылок в качестве второго эшелона.

Донесения одно за другим поступали на командный пункт Воронежского фронта. Конев читал их вместе с Ватутиным и членом Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущёвым и представителем Ставки маршалом Василевским. Когда наступила первая ночь, и сражение немного утихло, остановившись на рубежах, достигнутых немцами в вечерние часы, генералы вздохнули с облегчением. Стало ясно, что противник начал вязнуть в обороне первого эшелона. С левого фланга, где наступали XI армейский и III танковый корпус оперативной группы “Кемпф”, от генерала Шумилова (7-я гвардейская армия) пришло донесение, что противник смог переправиться через Северский Донец и создал несколько плацдармов, что он остановлен и спешно проводит перегруппировку сил для нового удара.

Конев с особым вниманием принял это сообщение. Направление удара оперативной группы “Кемпф”, характер наступления, когда впереди шли танковые подразделения, а за ними в прорыв втягивалась основная часть войск, свидетельствовали о том, что противник экономит силы. Для чего? Вскоре стало ясно, что группа “Кемпф” должна обеспечить прикрытие всей операции на юге с восточного фланга. Если дать ей продвинуться вдоль Северского Донца через Корочу, то немцы отрежут левое крыло Степного фронта от Воронежского и блокируют возможность участия первого в сражении.

Позже, когда стали подводить итоги битвы, и ещё позже, когда поля сражений распахали под озимые и яровые, а генералы и маршалы засели за мемуары, просочились некоторые сведения, которые объясняют некоторые неудачи и просчёты советской обороны. К примеру, командующий 6-й гвардейской армией генерал Чистяков, любивший хорошенько покушать, в момент немецкой атаки решил позавтракать. В это время к нему на командный

пункт прибыл командующий 1-й танковой армией генерал Катукон и член Военного совета Попель. Катукон с Попелем приехали, конечно же, не на яичницу с ветчиной, а чтобы в момент начала немецкого наступления быть поближе к передовой. Но хозяин передового КП, демонстрируя своё гостеприимство, а также спокойствие перед битвой, настаивал на завтраке под яблонями. Этакая шляпа с черешнями перед возможной пулей в лоб... Попель вспоминал: “На столе была холодная говядина, яичница, графин с холодной, судя по запотевшему стеклу, водкой и, наконец, тонко нарезанный белый хлеб — командарм не изменял своему обыкновению”. И тут немецкая артиллерия начала пристрелку. Над яблонями, под которыми был накрыт стол, расплылось “пристрелочное облако шрапнели”. Прибежал помощник начальника штаба и доложил, “торопливо и неуверенно”, что немцы прорвали фронт и приближаются к командному пункту.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что этот сюжет вскоре стал известен в штабе Воронежского фронта. В 41-м таких генералов расстреливали. Если сравнить с “завтраком под яблонями” поведение во время прорыва немцев под Белостоком и Минском командующего 4-й армией генерала Коробкова, которого расстреляли вместе с командующим фронтом генералом Павловым, то можно прийти к выводу, что Коробкова казнили ни за что и что как офицер, командующий армией, Коробков был значительно выше и дисциплинированней Чистякова. Вот для таких командиров у Конева была вытесана палка... Невольно задумаешься о её нравственном оправдании, когда читаешь истории, подобные “завтраку под яблонями” на фоне “неожиданной” танковой атаки немцев. Но командующий 6-й гвардейской не был подчинённым Конева.

Особенно удручающими были сообщения о результатах налётов немецкой авиации.

Но были и радостные сообщения, которые постепенно начали выстраиваться в общую картину, свидетельствующую о том, что наступление противника вязнет в глубокоэшелонированной и тщательно подготовленной обороне. Войска держатся. Оборона и тверда, и эластична одновременно. Истребители танков быстро нашли слабые места немецких “пантер” и “фердинандов”. Пехота успешно противостоит самоходкам. Земляные сооружения, блиндажи и укрытия помогли пережить интенсивную артподготовку. О мощи артогня в полосе обороны 6-й гвардейской армии написал немецкий историк: “Подобной концентрации огня артиллерии и тяжёлого оружия на столь узком участке фронта в этой войне ещё не достигали. Между Белгородом и Герцовкой за пятьдесят минут было выпущено больше снарядов, чем за кампании против Польши и Франции, вместе взятые”. Поэтому беспокойство, выдержит ли первый эшелон, особенно пехота и противотанковые полки прямой наводки, артиллерийское наступление немцев и налёты штурмовой авиации, было обоснованным. Гвардейцы устояли.

С “фердинандами” тоже научились бороться. Часть из них осталась на минных полях. Несколько штук подбито истребителями танков. Пехота перестала бояться этих колоссов. Дело в том, что бойцы быстро поняли: “фердинанд” не способен маневрировать с той же лёгкостью, как это, к примеру, делают немецкие танки и штурмовые орудия “штурмгешютце”, кроме того, он не обладает противопехотным вооружением, у него нет ни одного пулемёта, а поэтому на близком расстоянии со своей жёстко закреплённой пушкой он безопасен, и его можно достать кумулятивной гранатой, подложить под гусеницы противотанковую мину или забросать бутылками с горючей смесью.

Сражения набирало силу. С каждым часом в него с обеих сторон волей командиров вовлекались новые и новые подразделения. Тысячи умирали под пулями и осколками, в огне и под взрывами бомб и снарядов, но десятки тысяч тут же сменяли их, продолжая нещадно истреблять друг друга. Немецкий историк Пауль Карель отметил: “Даже Сталинград, несмотря на его более апокалиптическую и трагическую ауру, не выдерживает сравнения с грандиозным сражением у Курска по количеству участвовавших в нём сил”.

И вот, наконец, наступил кульминационный момент сражения на южном участке дуги. В районе Поньрей 7 июля произошло встречное сраже-

ние. Противник остановился. 9 июля снова атаковал, теперь уже на обоим направлении на десятикилометровом участке фронта силами до 500 танков и самоходных орудий. Генерал Ватутин маневрировал резервами. Но таранный удар в районе Обояни остановить не удалось. Немцы углубились до 35 километров.

В районе Прохоровки немцы ввели в бой 4-ю танковую армию — 700 танков и штурмовых орудий. Гот, похоже, решил взять реванш за Сталинград. И у него на этот раз действительно получалось значительно лучше.

В какой-то момент произошло то, чего очень боялся Конев. Ставка начала растаскивать его группировку и бросать армии на угрожаемые участки. Годы спустя он с горечью напишет: "...ввод в сражение стратегических резервов по частям никогда не способствовал достижению крупных целей. Об этой говорит и история Первой мировой войны.

12 июля на рассвете из Ставки позвонили. Генерал Антонов с тревогой сообщил: на белгородском направлении противник силою до 200 танков при поддержке мотопехоты прорвал оборону 69-й армии и почти беспрепятственно продвигается в глубину. Коневу обстановка была известна, и он уже предполагал, что сейчас услышит от Антонова.

Его лучшие армии — 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская общевойсковая передавались в распоряжение Ватутина. Им предстояло совершить трёхсоткилометровый марш и занять исходные. 5-я гвардейская генерала Жадова развёртывалась в полосе обороны от Обояни до Прохоровки. А Ротмистров сосредотачивался севернее Прохоровки.

О том, что произошло с 5-й гвардейской танковой армией, историки спорят до сих пор. Армия вскоре практически перестала существовать. Часть танков была уничтожена немецкой авиацией ещё на марше. Часть погибла в сражении под Прохоровкой. Даже Сталин был взбешён, узнав о таких потерях, и назначил следствие. Генерал Ротмистров, ставший вскоре маршалом бронетанковых войск, обладал удивительной способностью выкручиваться из самых, казалось бы, висельных ситуаций. Удивительное дело: под началом Конева Ротмистров воевал хорошо и даже блестяще. Но как только оказывался далеко от палки командующего, дело у него буквально валялось из рук. В 44-м оказался на 3-м Белорусском фронте, и вот результат. Уже будучи маршалом бронетанковых войск, попал под горячую руку молодого генерала Черняховского и был уволен с фронта в тыл до окончания войны.

12 июля стало очевидным, что немцы на курском направлении выдохлись. 3 августа после мощной артиллерийской подготовки, при поддержке авиации в наступление двинулись войска Воронежского и Степного фронтов. Направление — Белгород и Харьков.

Конев в это время имел под рукой следующие силы: 69-я армия, 53-я армия с 1-м механизированным корпусом, 47-я армия с 3-м гвардейским механизированным корпусом, 7-я гвардейская армия, 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом. С разрешения Ставки в оперативное подчинение, в случае крайней необходимости, переходила 4-я гвардейская армия генерала Кулика.

Разжалованный, лишённый маршальских звёзд Кулик к этому времени дослужился до генерал-лейтенанта и успешно командовал одной из самых сильных армий, сосредоточенных на южном фланге Курской дуги.

В ходе начавшегося наступления в состав Степного фронта вернули 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и пополненную новой техникой, экипажами и вооружением 5-ю гвардейскую армию генерала Ротмистрова.

Накануне наступления на командный пункт Конева в Корочу приехали Жуков и Василевский. Оба к тому времени маршалы. Жуков получил маршальскую звезду в январе, Василевский в феврале, через несколько дней после присвоения звания генерал армии. Оба с новенькими орденами Суворова I степени.

Воинская же слава Конева в те дни только начиналась.

В Корочу Конев и прибывшие из Москвы маршалы обсудили итоги первого этапа сражения в районе Курска, а затем наметили план наступления войск Степного фронта. В ходе наступательной операции "Полководец Ру-

мянцев” должны вводиться в дело основные стратегические резервы, накопленные и сохранённые Ставкой к началу августа.

Конев, в душе понимая, что настает и его решающий час, который может стать часом славы и всего Степного фронта, и его личной, испытывал противоречивые чувства. С одной стороны — наконец-то и он переходит в наступление. Уже месяц томился в резерве, стоял в чистом поле, как Андрей Болконский со своим полком. Его армии и корпуса выдвигали вперёд, бросали под танковые клинья и бомбы немецкой авиации, чтобы выправить критическое положение, создавшееся у Ватутина. А теперь... С кем ему наступать?

Но Жуков сразу успокоил, перечислил армии и соединения, танковые и механизированные корпуса и бригады, которые передавались Степному фронту. Итог совещания в Короче Жуков подвёл так:

— Ваша задача, Иван Степанович, удар на смежном крыле Воронежского фронта в южном направлении. Прорвать оборону противника, рассечь его белгородско-харьковскую группировку и во взаимодействии с частями Юго-Западного фронта уничтожить противника в районе Харькова, очистить Харьковский промышленный район. — Маршал скользнул карандашом по карте на запад. — А дальше — Днепр. Если дела пойдут хорошо — Полтава и Кременчуг.

Впоследствии, когда И. С. Конев работал над мемуарами, он снова и снова переживал в памяти те дни и ночи в степи под Корочью. В Степном фронте, в той силе, которая стояла за спиной Воронежского фронта, он видел большие возможности, которые Красной армии тогда, летом 43-го, так и не удалось реализовать в полной мере.

Перед Коневым в районе Харькова и Белгорода стояла мощная группировка противника общей численностью до 300 000 человек, свыше 3 000 орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий и более 1 000 самолетов.

В июле-августе 41-го танки Гота сокрушали оборону 19-й армии, терзали стрелковые корпуса и дивизии, не успевшие развернуться в боевой порядок и занять оборонительные рубежи. Маятник войны качнулся в обратном направлении. И теперь Готу нужно было выдержать натиск войск генерала Конева. Разница состояла лишь в том, что обороняющаяся сторона к моменту схватки была развёрнута и имела хорошо укрепленные, заблаговременно построенные рубежи.

И 4-я танковая армия, и оперативная группа “Кемпф” входили в группу армий “Юг” под командованием одного из лучших фельдмаршалов Германии Эриха фон Манштейна.

В 4-ю армию, в свою очередь, входили два корпуса: LI армейский корпус в составе трёх пехотных дивизий и II танковый корпус СС обергруппенфюрера СС Пауля Хауссера. С последним Коневу тоже довелось сталкиваться в подмосковных полях в 41-м.

В оперативную армейскую группу “Кемпф” входили три танковых и одна пехотная дивизии. Одна из них, 7-я танковая, преследовала Конева от Витебска до Ржева. Один из танков этой дивизии он сам подбил из “сорокапятки”, брошенной артиллеристами на шоссе Смоленск—Витебск, когда немецкая колонна внезапно преградила путь штабному кортежу.

Первой атаковать противника должна была 57-я армия генерала Гагена. На семикилометровом участке для обеспечения прорыва было сосредоточена основная ударная мощь артиллерии. Плотность превышала 300 орудий и минометов на один километр фронта.

Рассекающий удар наносили две танковые армии Степного и Воронежского фронтов.

Это была уже другая война. В 41-м под Москвой одной дивизии, в которой едва насчитывалось по батальону активных штыков в каждом полку, приходилось удерживать участок фронта, втрое и вчетверо превышающий тот, который занимала армия Гагена.

Противник держался прочно. Тактическая полоса состояла из главной и вспомогательной. Общая глубина — до 20 километров. Главная линия —

двухполосная, глубиной 6—8 километров. Мощные опорные пункты оснащены всеми видами вооружений, между собой соединены ходами сообщения полного профиля. Вторая линия имела глубину 2—3 километра. Между ними промежуточные и отсечные позиции. Инженерные заграждения, минные поля. Противотанковые районы.

Артиллерийское наступление буквально сокрушило передовые оборонительные рубежи противника. Ветераны из стрелковых частей, которые первыми пошли в атаку, рассказывали, что первые пленные, которых они захватили в полуразрушенных окопах, находились в состоянии полной прострации. Некоторые так и не пришли в себя, навсегда потеряв рассудок. Такое Конев наблюдал в 41-м в своих окопах. Теперь всё изменилось.

В конце дня, когда уже определился характер боя — прорыв произошёл, — Жуков докладывал Сталину: “Сегодня, 3.8.43 войска Чистякова, Жадова, Манагарова, Крюченкина в 5:00 начали контрнаступление, которое проводилось с полным учетом опыта Западного и Брянского фронтов и было построено так:

5 минут огневой налет артиллерии, минометов, “катюш” и огня пехоты по переднему краю и всей глубине обороны противника.

35 минут контроль прицела и пристрелки орудий тяжелого калибра.

1 час 20 минут методическое подавление, разрушение целей и залпы “катюш”.

20 минут нарастающий до предельного режима артиллерийский и минометный огонь.

45 минут заранее спланированный артогонь по узлам сопротивления в глубине обороны противника.

Пехота с танками прорыва и орудиями самоходной артиллерии в атаку была поднята в 7.55, то есть в момент открытия артиллерией нарастающего до предельного режима огня, и, прижимаясь к огневому валу, пехота с танками и орудиями самоходной артиллерии через 20 минут прорвалась на передний край обороны противника.

Авиация в течение дня действовала по следующему плану.

Первый бомбовый удар был произведен по штабам, узлам и линиям связи для нарушения управления.

Второй, третий и четвертый бомбардировочные удары последовательно производились по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и резервам противника.

Первый удар штурмовиков произведен в 7.55, то есть в момент подъема пехоты в атаку, и продолжался непрерывно в течение двух с половиной часов с огневой задачей подавления артиллерии, минометов противника и огневых точек на обратных скатах...

Танковые армии Катукова и Ротмистрова, построенные в боевые порядки на выжидательных позициях, продвигали свои авангардные бригады непосредственно за пехотой, что обеспечило быстрый ввод главных сил танковых армий в прорыв после взлома тактической глубины обороны противника”.

Но уже на следующий день противник предпринял ряд контрмер, сопротивление усилилось. Гот начал перебрасывать резервы и пытаться закрывать ими прорывы, ликвидировать опасные вклинения. Однако напор был столь силен, что уже к утру 5 августа дивизии 7-й гвардейской армии генерала Шумилова вышли к Белгороду и начали обтекать город, блокируя все дороги и направления.

И. С. Конев вспоминал, что бои за Белгород имели ожесточенный характер. Немцы понимали, что они теряют с падением города, превращенного ими в твердыню.

Белгород переживал вторую оккупацию. Немцы вошли в город 24 октября 1941 года и стояли здесь до 9 февраля 1943 года, до своего сокрушительного поражения под Сталинградом. Но вскоре вновь отбили Белгород. Произошло это 18 марта 1943 года.

Конев торопил своих командармов первого эшелона. Вперёд! Вперёд! Ни в коем случае не сбавлять темпа наступления!

5 августа 7-я гвардейская армия и 69-я армия генерала Крюченкина штурмом преодолели укрепления по обводу Белгорода, ворвались в кварталы и быстро начали продвигаться к центру. К полудню стало окончательно ясно, что город взят.

В тот же день за сотни километров севернее по фронту, в деревне Хорошево близ Ржева, произошло вот какое событие.

Накануне Сталин решил выехать на фронт. Это была его первая и единственная поездка на передовую. Спецэшелон, на котором он отправился к месту назначения, был замаскирован под обыкновенный товарняк с пиломатериалами и дровами. Остановился в крестьянском доме. Вызвал к себе командующего Калининским фронтом генерала Ерёмко. В мемуарах Ерёмко эпизод встречи его со Сталиным 5 августа 1943 года описан во всех мыслимых и немыслимых подробностях. В самый разгар их беседы в дверь постучались, вошёл комиссар госбезопасности 2-го ранга, он же заместитель наркома внутренних дел Серов и доложил:

— Нашими войсками взят Белгород.

Сталин сразу заметно оживился, настроение у него поднялось. И вдруг он начал рассуждать примерно в таком духе: в прежние времена, когда русские войска где-то одерживали победу, во всех церквах били в колокола, славили победу и победителей.

— Как вы думаете о том, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли сегодня Орёл и Белгород?

Все ответили положительно.

Тогда Сталин позвонил Молотову:

— Вячеслав, распорядись... — И так далее. При этом предупредил, чтобы салют не давали без него. И тут же уехал в Москву.

Как только Левитан передал в эфир сообщение об освобождении городов Орла и Белгорода, в Москве, распродоточившись по разным районам, чтобы выстрелы были слышны везде, 124 горных орудия отсалютовали двенадцатью залпами.

Отличившимся дивизиям и частям Верховный приказал присвоить почётные наименования “Орловская” и “Белгородская”.

В штабах армий, корпусов и дивизий Степного фронта командиры писали реплики на награждение отличившихся.

В конце июня 1942 года Конев был награждён орденом Кутузова I степени, а через месяц — орденом Суворова I степени. Имя Суворова особенно вдохновляло его. Через год, даже немного раньше, в мае 44-го, он получит ещё один орден Суворова той же I степени. Для маршала они на всю жизнь остались самыми дорогими наградами родины.

Результаты наступления Степного фронта были потрясающими. Хотя И. С. Конев потом будет сожалеть об упущенных возможностях из-за раздёрживания Ставкой стратегических резервов. Прорыв углубился до 60–80 километров. Танковые армии продвинулись до 100 километров. Ширина прорыва составляла до 120 километров.

Группа армий “Юг” оказалась разрезанной на части. Фельдмаршал Манштейн был в панике. Он срочно перебрасывал на белгородско-харьковское направление свой главный ударный резерв: мотопехотные и танковые дивизии СС “Рейх”, “Мёртвая голова”, “Викинг”, из района Донбасса перегруппировывал 3-ю танковую дивизию, а также элитную дивизию “Великая Германия”. Сюда же по приказу Манштейна спешили и другие части усиления.

Вот как вспоминал атмосферу тех дней бывший помощник командующего фронтом генерал М. И. Казаков: “В один из тех горячих июльских дней на КП командующего 53-й армией неожиданно появился Иван Степанович. Ничего особенного в этом приезде, конечно, не было: Конев вообще большую часть времени проводил в войсках — таков его стиль. А тут у нас еще случилась какая-то заминка — темп наступления заметно снижался...”

— Перед вами и немцев-то, наверно, давно нет, а вы топчетесь на месте, — недовольно заметил Иван Степанович, выслушав командарма генерала И. М. Манагарова.

Мы хорошо знали обстановку, и я стал докладывать Коневу о состоянии наших войск, о противнике, об особенностях местности, на которой протекает сейчас бой...

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше во всем разберемся, — перебил меня Конев.

Фронтовые сборы недолги. Через несколько минут мы уже сидели в машине...

Хорошо помню необработанное пшеничное поле, на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт ушрался гребень высот. Там был противник..."

Дорога к Харькову не была для войск Степного фронта дорогой непрерывного марша вперёд. Бои, бои, бои...

И вот, наконец, подошли к Харькову.

6 августа Верховный утвердил план Харьковской наступательной операции.

За ходом операции следил представитель Ставки маршал Жуков. В ночь на 10 августа он получил из Москвы телеграмму следующего содержания: "Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катюкова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа".

Жуков тотчас выехал к Коневу. В план операции были внесены срочные коррективы.

Танковые армии устремились к указанным рубежам. Пехота Степного фронта тем временем выходила к северному и восточному оборонительным обводам Харькова. Сюда стягивалась артиллерия. На общем направлении, помогая танкам и стрелковым дивизиям, действовала авиация.

Манштейну необходимо было спасти 4-ю танковую армию Гота и оперативную группу "Кемпф", не допустить их окончательного разгрома. И Манштейн нашёл выход.

Воронежский фронт наступал так же стремительно, сломя голову, зачастую не особенно заботясь о закреплении захваченной территории и обеспечении флангов. И Манштейн наказал Ватутина за неосмотрительность: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18–20 августа — из района западнее Ахтырки немцы нанесли мощнейшие контрудары. Как вспоминал генерал Штеменко, в тот период начальник оперативного управления Генштаба, "всего в контрударах участвовало до одиннадцати вражеских дивизий, преимущественно танковых и моторизованных. Со стороны Ахтырки враг нацелился под самое основание нашего глубокого вклинения на главном направлении. В итоге ожесточенных боев 17–20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировки противника ухудшились".

Когда об этом доложили Сталину в ночь на 22 августа, он отреагировал мгновенно:

— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал Верховный генералу Штеменко. — Копию пошлите товарищу Жукову. События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам.

В своих “Записках...” И. С. Конев впоследствии корректно заметит: “В мою задачу не входит разбирать причины неудач”. И это ещё одна человеческая черта нашего героя.

В один из дней Конев приехал на передовой НП генерала Шумилова.

— Ну, что тут у вас, Михаил Степанович? По заводу лупите? — сказал он и наклонился к стереотрубе.

Одна из дивизий 7-й гвардейской армии вплотную подошла к Харьковскому тракторному заводу. Видно было, как пехота окапывается, охватывая полукольцом заводские корпуса.

— Приказ мои люди знают. Приказ доведён, — сказал Шумилов. — Как видите, тяжёлую артиллерию не применяем. А жаль, Иван Степанович. Вот если бы развязать моим гвардейцам руки да усилить танками...

— Нельзя. Размолотят твои гвардейцы завод, а вместе с ним заодно и город в два счёта.

— Это так.

Харьков было приказано брать, не причиняя городу значительных разрушений. А это означало — пехотой. Людьюми. Класть перед немецкими дотами и окопами людей. Вот что было невыносимо. И оба генерала, стоя на передовом НП и наблюдая, как копошится впереди, у корпусов Харьковского тракторного завода пехота, это прекрасно понимали.

Но понимали они и то, что они штурмуют *свой* город и отбивают у противника *свой* завод, где завтра будут ремонтироваться подбитые в бою “тридцатьчетвёрки” и КВ. Вот почему перед штурмом Харькова было принято решение: ни в коем случае не допустить, чтобы город переходил из рук в руки.

Впоследствии цеха Харьковского тракторного завода будут оперативно ремонтировать бронетехнику его армий и танковых корпусов. Боевые машины, получившие в бою увечья различной степени, будут быстро возвращаться в строй именно благодаря тому, что ХТЗ смогли захватить, не допустив значительных разрушений.

Многострадальный Харьков. Ветераны, а потом и историки назовут его “проклятым местом Красной армии”. Харьков до этого наши войска освобождали дважды: в 42-м и 43-м, в феврале. Но не удержали.

К концу дня Конев объехал все передовые НП своих войск и принял решение, что наиболее выгодное положение для штурма Харькова у 53-й армии генерала Маннагарова. К тому же для Ивана Мефодиевича Маннагарова эти края — родина.

Все эти дни Конев находился на передовом НП генерала Маннагарова. Узнав о месте нахождения командующего, сюда зачастили партийные руководители УССР. Они были недовольны затянувшейся осадой “второй столицы” Украины. Нетерпеливо спрашивали, когда начнётся штурм. Конев отмалчивался, не желая раскрывать оперативных сведений. Те воспринимали это как нерешительность командующего. Уезжали ни с чем, ещё более раздражённые.

Маннагаров как-то сказал, кивнув в поле, за которым в дыму виднелись городские кварталы:

— Вот бы, Иван Степанович, запереть их там.

Конев качнул головой:

— Силёнок маловато. — И подумал: если бы Ватутин не ввязался в танковые бои у Богодухова, да часть своих сил перебросил Юго-Западный фронт...

11 августа общевойсковые армии начали наступление. В первые же часы продвинулись вперёд и завязали бои в траншеях. На некоторых участках это были схватки, переходящие в рукопашные.

7-я гвардейская прорвалась в город с северо-востока. 57-я форсировала реку Роганку и смяла немецкую оборону на внешнем обводе. 69-я подавила узлы сопротивления в районах Черкасское, Лозовое и Большая Даниловка, штурмовала северные кварталы Харькова. 53-я захватила выгодные рубежи на северо-западной окраине города. Тем временем 5-я гвардейская танковая армия охватила харьковскую группировку противника с запада и юго-запада.

22 августа Манштейн понял, что Конева ему не остановить, что промед-

ление чревато окружением харьковской группировки, и, вопреки требованию Гитлера Харькова не отдавать ни при каких обстоятельствах, принял решение на отвод войск в южном направлении.

Конеv ждал этого момента, и как только разведка сообщила о том, что противник снимается с позиций и начал отход, приказал начать ночной штурм Харькова. Всю ночь на 23 августа в городе шли упорные уличные бои.

Утром Конеv проехал по улицам, заполненным дымом, гарью и его войсками, вернулся на КП и позвонил в Москву. Об успехах он всегда докладывал лично.

Было раннее утро, и он знал, что Сталин после долгой ночной работы в эти часы обычно ещё спит. Он позвонил Поскрёбышеву. Тот ответил:

— Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

— Да поймите же вы, нашими войсками освобождён Харьков! — попытался убедить он неумолимого секретаря.

Тогда Конеv решил позвонить по прямому телефону. Телефон долго не отвечал. Телефонистка, соединявшая его с кабинетом Сталина, начала волноваться.

— Звоните ещё, — настаивал он. — Звоните. За последствия отвечаю.

И вот в трубке послышался знакомый голос с хрипотцой:

— Слушаю.

— Звонит Конеv. Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

— Поздравляю! — тут же ответил Верховный радостным голосом. — Салютовать будем по первому разряду.

Теперь Конеv понимал, что заслужил не только доверие, но и любовь Верховного.

26 августа 1943 года Конеvu было присвоено воинское звание генерал армии. А на следующий день вышел указ о награждении его орденом Суворова I степени.

Впереди был Днепр.

ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

ВЕЛИКИЙ ДВОР

У ДЯДЬКИ ВАЛИ

У дядьки Вали — орден Славы,
Медаль Нахимова и крест
Какой-то западной державы.
— А это вот — за город Брест!

У дядьки Вали на ладони —
Осколок граммов в двадцать пять.
— Слышал, поди, об обороне?
Эх, не хотелось помирать!

Плеснув в стаканы “Русской” водки,
Ещё сказал, как бы не мне:
— Считай, что все мои погодки
Остались там, на той войне!

Затем он встал: — Махнём по малой
За пролетариев всех стран! —
Старик рукой своей трёхпалой
Берёт наполненный стакан.

ГУСЕВ Евгений — член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры РФ, автор тридцати книг поэзии и прозы, лауреат всероссийских литературных премий им. М. Ю. Лермонтова, им. Н. А. Некрасова, им. Н. М. Рубцова, творческих фестивалей МВД СССР и России. В 2010 году стал победителем Всероссийского литературного конкурса “Твои, Россия, сыновья” за книгу “Лики любви”.

— Восьмого, видимо, поеду
Сначала в Брест, потом под Клин!
...Очередной свой день Победы
Встречает дядька Валентин.

ПРОДАВЕЦ КНИГ

К поэзии чутьё утратил гордый век...

Я. Полонский

На улице Белинского
У рыночных ворот
Седой старик Ушинского
С Полонским продаёт.

От взглядов наглых олухов
Глаза не прячет дед.
У ног — Некрасов, Шолохов,
Рубцов, Есенин, Фет.

Стоит среди мазуриков
И записной шпаны.
Ни Лермонтов, ни Суриков
Им даром не нужны.

Жуковский с Ломоносовым
Сегодня не в чести, —
Отдал по ценам бросовым,
Назад чтоб не нести.

— В сознание безделушки нам
Вливают, словно яд.
Здесь о Крылове с Пушкиным
И слышать не хотят.

Сказал вчера: — Уматывай! —
Директор рынка мне...
Такой кошмар Ахматовой
Не снился и во сне.

Ошибся классик, — много ли
Осталось правды тут:
“Белинского и Гоголя
С базара понесут”?..

Стоит народ за редькою,
За хреном... А старик
Торгует книгой редкою,
Лик пряча в воротник.

В ДЕРЕВНЕ

А в деревенском доме печка
И рай небесный двум котам.
Приеду, дёрну за колечко,
Услышу бабкино: “Кто там?”

Усадит бабка под иконы,
На стол подаст, что Бог послал.
— Когда поешь, скидай погоны
Да спать иди на сеновал!

Глаза котов горят, как свечи.
Смешно и боязно слегка.
— Как в городе живут без печки? —
Бормочет бабка у шестка.

В сенях возьму пустую банку —
Успеть смородины нарвать.
На сеновальчике сквозь дранку
Тепло струится — благодать!

Просплю всю ночь, какое дело
Мне до парламентской борьбы!..
В деревне тихо. Солнце село.
Пойду-ка завтра по грибы!..

ВЕЛИКИЙ ДВОР

Деревня есть — Великий Двор,
Где я родился в прошлом веке.
Иду с оглядкой, словно вор,
По травяной густой аптеке.

Великий Двор, ты был велик,
Ты был учителем и другом.
В твой, изменённый хворью, лик
Смотрю с печалью и испугом.

Зарос бурьяном школьный сад,
А школа в августе сгорела.
Лишь колокольня, как солдат,
Стоит одна осиротело.

Нет малой родины моей,
Да и большой не будет скоро...
Что движет совестью людей,
Страну доведших до позора?

Стучит о дерево топор
В конце заброшенного сада.
Деревня есть Великий Двор,
Где три двора на два посада.

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

ПАЛАТКА

РАССКАЗ

В моей далекой юности на нашей небольшой улочке находилось несколько торговых точек. Главная — продуктовый магазин, ютившийся в замызганном здании, напоминавшем тесный барак, и три палатки. Одна палатка — керосиновая лавка, другая — маленькая булочная, а третья — с широким по тем временам ассортиментом продовольственных товаров, включая винно-водочные изделия. Эта палатка была особенной, хотя ничего особенного она из себя не представляла: небольшое деревянное строение, слегка покосившееся и давно, а может, и никогда не крашенное. От тротуара поднимались три ступеньки, пройдя которые покупатель оказывался перед стеклянной витриной, на которой и лежал “широкий” ассортимент: различные крупы, простенькие конфеты, сахар, соль. В витрине имелось небольшое окошко, через которое происходило общение продавца с покупателем. Популярность у жителей улицы этой торговой точки была не сравнима с другими.

Работали в палатке поочередно две продавщицы: молодая Люба и пожилая Людмила Ивановна. Люба обладала зычным голосом, громогласная, так что ее присутствие на рабочем месте сразу становилось известно всей улице.

Возле палатки почти всегда стояла небольшая очередь: три-четыре человека. В очереди рядили-судили о насущных событиях в стране, в мире и, конечно, на нашей улице... Здесь, в этой палатке, велась бойкая торговля водкой и пивом, причем в разлив. Бывшие фронтовики по пути с работы домой частенько задерживались у палатки. И Люба, и Людмила Ивановна давно знали о предпочтениях постоянных клиентов. После обмена приветствиями

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книги прозы “Рыжий”. Живёт в Москве.

действие проходило в беззвучном автоматическом режиме, нарушаемом лишь бульканьем разливаемой жидкости. Дозы у клиентов были разные, но существовал неписанный максимальный предел, который звучал так:

— Сто пятьдесят с прицепом.

Это означало: сто пятьдесят грамм водки и кружка пива.

Особенность доверительных отношений покупателей и продавцов состояла в том, что при каждодневном посещении палатки плата за выпитое не взималась. У продавщиц имелась специальная амбарная книга, в которую они скрупулезно записывали отпущенное в долг. Для каждого постоянного клиента была выделена персональная страница. Когда на работе наступал день получки, тогда и происходил полный расчет. Это было удобно и для продавщиц, и особенно — для мужского населения нашей улицы.

В витрине за стеклом справа от окошка стояла небольшая бадейка с солеными помидорами. Они выдавались посетителям в качестве бесплатной закуски.

Выполнив привычный ритуал у любимой палатки, мужики спокойно продолжали путь домой. Я не помню ни единого случая, чтобы в рабочий день на нашей улице повстречался пьяный! Даже в праздники традиционное застолье не перестало в пьянку!

Постепенно, с годами, на торговлю спиртными напитками стали накладываться ограничения, и пьянство выросло пропорционально этим ограничениям. Судить, где здесь причина, где — следствие, — не берусь...

Как и большинство мальчишек, мои друзья и сверстники мечтали поскорее войти во взрослую жизнь. Совсем недавно закончилась Отечественная война, и образы ее героических участников являлись для нас примером для подражания. Многие ребята нашей улицы мечтали после окончания школы поступить в военные училища. Это в будущем, но и в годы ранней юности очень хотелось хоть немного походить на взрослых мужчин, прошедших горнило войны.

Однажды кто-то из ребят предложил отметить приближающийся Первомайский праздник по-взрослому: выпить по стакану водки возле палатки, прямо на улице. Обсуждали это предложение не один день. Кто-то из ребят отказался участвовать в этом мероприятии, другие сначала решились, но потом струсили и стали оправдываться всякой несурезицей. После многодневного естественного отбора нас, смельчаков-придурков, осталось только трое: Вовка Осипов, Витуля Иванов и я.

Вовка был отчаянным парнем. В школе он учился плохо, но превосходно гонял голубей и с успехом разводил кроликов. Витуля очень походил на интеллигентного мальчика, но с заметной гнильцой... Нет, чтобы сразу отказаться от первомайской затеи, как это сделали другие ребята, — он же морочил нам с Вовкой головы до решающего часа и только тогда объявил, что не пойдет с нами, когда мы уже направились к знаменитой торговой точке.

У палатки стояла небольшая очередь — из женщин разных возрастов. Шел, как и обычно, разговор “за жизнь”. Мы заняли очередь, и стояли молча, естественно, волнуясь. Очередь шла очень медленно: женщины меж собой успевали поболтать, да еще и с продавщицей.

В тот день в палатке торговала Люба, покрывая своими громкими комментариями голоса покупательниц.

Итак, очередь двигалась медленно, но все же двигалась, и вот наступил наш черед. Мы с Вовкой вместе, плечо к плечу, поднялись на ступеньки, я просунул в окошко палатки зажатые в кулаке деньги. Дыхание у меня перехватило, но тут выручил Вовка:

— Два по сто пятьдесят и по помидорке, — механическим голосом произнес он.

Люба при этом не выказала замешательства и стала привычно отмерять заказанные граммы. Однако стоящие за нами в очереди женщины возмущенно загадели и воззвали к совести работника советской торговли:

— Ты совсем сдурела, Любка! Что делаешь? Посмотри как следует, кого спаиваешь. Ведь дети еще. Они же маленькие, а ты? Посмотри, посмотри как следует!

Люба громким криком одернула недовольных, но разлив водки по стаканам на время прекратила. Она даже попыталась просунуть голову в окошко, чтобы прицениться к нашему возрасту. Оценив его, она еще раз прикрикнула на очередь, чтоб не шумели, и выдала не забываемый мною приговор: — Еще маленькие! Хватит — по сто!

Попутно отмечу, сдачи Люба нам не вернула: ведь рассчитывали мы на сто пятьдесят, а получили всего по сто...

Последствия первомайского посещения палатки были бурными. Нам с Вовкой здорово попало от родителей. Особенно жестко отнеслась ко мне моя любимая бабушка. Она вообще перестала разговаривать со мной и хранила такое молчание в течение месяца. Я страшно переживал это, она всегда была для меня ближайшим человеком и раньше все мне прощала. Позже бабушка не раз укоряла меня этой злосчастной выпивкой и даже плакала по этому поводу.

Но у дурного поступка были и хорошие последствия. Среди сверстников мы с Вовкой стали пользоваться уважением, правда, не у всех... Вот тогда-то я впервые узнал, что такое зависть. Непонятно, кто мешал нашим завистникам совершить то, что сделали мы? Никто! Так что же завидовать?

В дальнейшей жизни я часто встречался с человеческой завистью, нередко — беспричинной. Видно, так уж устроен мир. Но первый раз испытать на себе это подлое чувство пришлось в далекой юности, после памятных “ста грамм” у палатки.

ПОСОЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

РАССКАЗ

— Милые девушки, разрешите представиться: Игорь Николаевич Соломин тире Каракаш, посол Советского Союза в Гватемале, — приятная физиономия Игоря была серьезна и побуждала к строгому выполнению дипломатического этикета.

Борька Березкин и я — друзья “посла”, стояли чуть поодаль с церемониально склоненными головами, в общем, тоже придуривались. Происходило это на городском пляже, так что одеты, вернее, раздеты, мы были соответственно, — в одних плавках.

Две светленькие хохотушки и их подруга — черноглазая восточная красавица, которую звали Фаридой, были явно расположены к дальнейшему знакомству с нашим “дипломатическим корпусом”. Хихикая и перебивая друг друга, девушки, слегка подтрунивая над нами, стали задавать вопросы:

— И давно вы из Гватемалы?

— Это так далеко. Какая там погода?

— Как же вас отпустили в такое время?

— Успокойтесь, красавицы. Я в отпуске! Вот приехал к друзьям, но душой я там, в Гватемале, — Игорь знал и умел, что сказать девушкам при знакомстве.

— Так скажите нам что-нибудь по-гватемальски!

Лишь легкое недоумение мимолетно появилось на лице “посла”, и он изрек:

— Когито эрго сум*.

* Изречение на латыни, принадлежащее Декарту.

— Ой, как интересно! А что это значит?

— Я мыслю — значит существую! — При этом Игорь скосил глаза к переносице, это вызвало общий смех. — Прочитаю, пожалуй, вам, красавицы, свои стихи о Гватемале. Хотя, нет, вы их не поймете.

— Почему?

— Язык очень сложный. Лучше постараюсь перевести на русский. Так вот, слушайте и внимайте! Сам сочинил — сам перевел. Посвящаю их нашей встрече:

*Гватемала, женщины и пляж.
Все это вместе взятое
Сниться мне будет каждый час
И даже с трех до полпятого.*

— Хи-хи!

— Как здорово!

Всё. Желанное знакомство состоялось.

Были мы тогда совсем молодыми, менее года назад вернулись домой после срочной службы в армии. Работали на заводе, учились в заочном институте, старались наверстать упущенное время на “всех фронтах”. Получалось это по-разному. Любвеобильный Игорь уже успел не только жениться, но и развестись. Взаимоотношения с противоположным полом были для него — самые-самые главные в жизни. И хотя порой поведение Игоря казалось придурковатостью, в основе его лежала гнетущая неудовлетворенность. Где бы мы ни находились, Игорь пытался ухлестывать за молоденькими женщинами, постоянно отпускал комплименты встречным красавицам. А потом грустно смотрел влед и приговаривал:

— А ведь кто-то с ней спит...

Порой трудно было понять, смеется он или говорит серьезно. Так, приходя в гости и встретив благоволившего к нему пожилого человека, Игорь, вроде бы дурачась, выяснял:

— Почему вы не спрашиваете про мои любовные дела?

Это превратилось в своеобразную забаву. Поэтому, когда он заходил ко мне в гости, моя бабушка, сохраняя серьезный вид, обращалась к нему:

— Как ваши любовные дела, Игорь Николаевич?

И получала неизменный ответ:

— Ой, плохи, Мария Петровна, очень плохи!

Весело и, казалось, беззаботно проходило наше свободное от работы и учебы время. Но многое изменилось после рокового знакомства на городском пляже... По привычке болтая всякую ерунду, Игорь, должно быть, понял, что подернутые влагой глаза Фарида могут изменить его судьбу. Похоже, и она заинтересовалась “дипломатом”. И мне, и Борьке тоже понравилась эта восточная красавица, но соревноваться с Игорем в искусстве обольщения мы не могли.

Их роман развивался стремительно и бурно. Нашего приятеля теперь было не узнать. Посторонние девчонки его совсем не интересовали: только Фарида, только она одна! Дружеские мальчишники тоже его не занимали. Да и в компаниях он стал молчуном. Изменился даже внешне. Порой казалось, что внутри в глазах у него постоянно что-то светится, ласково лучится... Игорь и не скрывал, что смыслом его жизни стала Фарида.

Но продолжалось это недолго. Их встречи неожиданно прекратились. Кто-то из родственников Фарида узнал, что она встречается с русским парнем. По их семейным понятиям такое поведение девушки казалось преступным. Вероотступнице в итоге запретили свидания. По законам ислама девушка из мусульманской семьи может выйти замуж только за единоверца. Для мужчины таких ограничений практически нет — он может брать в жены представительницу любой веры и национальности. Но Фарида встречаться с Игорем не имела права.

Нам, молодым людям той поры, понять такое не то чтобы было сложно, а просто невозможно. Воспитанные в интернациональном духе и в школе,

и в семье, и в армии, мы воспринимали религиозные запреты как нечто дикое, — средневековый бред...

— Как жалко, что ты не татарин! — вздыхала Фарида, которая вырвалась из семейного заточения на прощальную встречу с Игорем.

Игорь был растерян, подавлен, его изворотливый ум не мог найти выхода из возникшего положения.

Фарида ушла, ушла навсегда. Первое время Игорь не находил себе места. Страдал он истово, но, к счастью, не очень долго. Жизнь есть жизнь, так что мятущаяся и влюбчивая душа “дипломата” постепенно стала находить новые отрядные интересы.

Судьба распорядилась так, что наши дороги с Игорем разошлись и дружеские встречи прекратились. Даже случайных встреч не случилось... Прошла молодость, потом — жизненные заботы, работа — так и пролетели цветущие годы, подобралась старость.

И вот однажды выпал случай оказаться там, где много лет назад прошла наша послеполитовская юность. Вместе со взрослой дочерью я шел на деловую встречу. Спешили. Неожиданно мое внимание привлек шедший навстречу пожилой человек. Медленно, с натугой переставляя ноги и опираясь на палку, он, однако, заинтересованно разглядывал проходящих мимо женщин. Ба, да это Игорь!

Мы встретились, признали друг друга.

— Вот, Ириша, познакомься, — обратился я к дочери. — Это Игорь Николаевич, бывший посол, бывшего Советского Союза...

— В бывшей Гватемале! — продолжил представление бывший “дипломат”.

— Но Гватемала-то почему бывшая? — спросила дочь.

— А, теперь всё бывшее... Жалко... — задумчиво сказал Игорь Николаевич. — А чего больше всего жалко — и не понять.

МЕСТЬ

РАССКАЗ

— Что же делать? Вроде все обыскали? — с отчаянием воскликнул Вася Внуков. — Вот здесь, в этом ящике, я оставил отчет! Куда же он мог пропасть?

— Давай еще раз спокойно подумаем, разберемся, — помогал в поисках секретных документов инженер Шатский Александр Александрович.

Рабочий день уже закончился. Как положено, сотрудники научно-исследовательского института, сдав надлежащим образом секретные документы, разошлись по домам. Но техник Вася Внуков неожиданно обнаружил, что секретный отчет по разработке новой радиолокационной станции, с которым он работал до обеда, бесследно исчез. Вася всегда оставлял его в незапертом выдвижном ящике испытательного стенда. В конце рабочего дня он открыл ящик — секретного отчета как не бывало...

Сначала Вася просто не поверил в случившееся. Отчет должен лежать в ящике, и только в нем. Но факт оказался фактом. К поискам подключился Шатский, которого Вася считал не просто товарищем, но и своим покровителем.

— Нет, сам он завалиться никуда не мог. Уже всё просмотрели, — Шатский по привычке потер указательным пальцем правой руки по шраму на

своей коротко стриженной голове. — Похоже, Васек, кто-то помог документам исчезнуть из ящика...

— Ты что? — вскинулся Вася. — Это же преступление! За такое убивать надо...

— Убивать будешь потом, а сейчас давай еще всю лабораторию прошерстим. Не торопясь, — Шатский пробежал взглядом по рабочему помещению, заставленному письменными столами и стендами с разнообразной электронной аппаратурой. — Спокойно, спокойно. Я пойду направо, а ты — налево. Осматривай всё самым тщательным образом.

Прошло уже полгода, как демобилизованный матрос Внуков возвратился в научно-исследовательский институт, в котором работал до призыва на воинскую службу. Но возвращение было не простым. Работница отдела кадров сперва отказалась оформить Васю на работу в институт, дескать, запись в трудовой книжке не соответствует его истинной квалификации. Формально он числился техником, но диплома об окончании техникума не имел, а на деле раньше работал радиомонтажником. Истинное положение вещей “канцелярская крыса” в расчет брать не хотела...

Тут-то Вася вспомнил, что до призыва на службу неоднократно слышал про заместителя директора по кадрам Александра Ивановича Квасова, бывшего морского офицера, всегда благоволившего к демобилизованному военным морякам. На следующий день, одевшись в форму, матрос Внуков предстал перед Александром Ивановичем. Прием оказался очень простым и сердечным, даже объяснять все подробности не пришлось. Вася был по-настоящему расстроган. Спустя две недели, необходимые для проверки документов в “почтовом ящике”, он продолжил трудовой путь, официально оформленный на должность техника.

Первое время ему было тяжело, не хватало знаний. Но Вася проявлял завидное упорство. А сослуживцы ему помогали, особенно инженер Шатский.

Происходил Александр Александрович Шатский из интеллигентной семьи. Фамилия писалась именно через буквы “тс”, а не через “ц”. Это он всегда и почему-то жестковато подчеркивал. Его мама Вера Ивановна, в девичестве Пышкина, являлась потомственной дворянкой, а отец, генерал-майор авиации, имел польские корни. Он умер вскоре после окончания Отечественной войны, как уверял его сын, по вине врачей. Это обстоятельство наложило отпечаток на взгляды Шатского-младшего...

С первых дней знакомства Шатский стал звать бывшего матроса по званию, но в английском произношении, то есть сэйлором. Будучи мастером спорта “коротковолновиком” и имея у себя дома радиостанцию, он общался практически со всем миром на английском языке и продолжал совершенствовать свои языковые познания. Шатский постоянно носил с собой словари и пособия по изучению английского языка. Среди них были издания, выпущенные за границей. Случалось, что и Вася заглядывал в эти иностранные книжки. Особенно ему понравился русско-английский словарь, выпущенный в Лондоне в 1946 году. В нем встречались жаргонные и даже блатные словечки, которых в наших словарях, конечно, не было. Однажды, листая этот словарь, он наткнулся на столбец, начинающийся строкой: “Баба — Russian woman”. Ниже шли сочетания со словом “баба”: снежная баба, бой-баба и другие. Заканчивался этот столбец строкой: “Баба Яга — Wild Russian woman*”. Такой вольный перевод вызвал у Васи бурный восторг: “Во дают империалисты!”

Хотя Шатский и Вася работали в одной лаборатории, но в разных группах. Васину группу возглавлял Виктор Пантелеевич Пахомов, молчаливый, но достаточно доброжелательный специалист. Группой Шатского руководил ведущий инженер Ахмед Арифалин, специалист высокой квалификации, но жесткий, даже надменный по отношению к подчиненным. Вася с удивлением не раз наблюдал, как Ахмед грубо обращался с молодой лаборант-

* Дикая русская женщина (англ.).

кой Любой. Однажды он даже хотел вмешаться, но справедливый порыв резко остановил Шатский:

— Не лезь, сэйлор! Не ищи приключений на свою задницу. — И после короткой паузы тихо пообещал: — Я сам постараюсь его прищучить...

Хамское поведение Ахмеда не распространялось только на единственного сотрудника группы — Шатского. Могло даже показаться, что он вообще работает в автономном режиме.

— Слушай, Саш, — интересовался Вася. — Почему Ахмед осторожничает с тобой?

— Ну и нашел ты слово: “осторожничает”. Впрочем, наверное, именно так. Первое время он и со мной обращался по-скотски. Я терпел, терпел, но однажды тряхнул его хорошенько, так что он костями загремел. После этого он затаился и стал что-то замышлять. Похоже, решил отомстить. Но я решил упредить события. Словом, пригрозил ему. Похоже, подействовало...

Ахмед был действительно очень худым: кожа и кости. А еще у него было какое-то патологическое влечение к женскому полу. Подчас это вызывало брезгливость. Шатский считал, что из-за этого его начальник такой вздорный.

— А ты, Саша, почему не женишься? — спрашивал Вася у товарища.

— Да вот никак не определюсь, сэйлор, — отвечал шутливо Шатский. — Жениться следует на блондинке или на брюнетке? Блондинки по внешности симпатичней, приятней, но уж больно они бесчувственные, что ли.

— А темненькие?

— Темненькие? А темненькие — и есть темненькие... Пожалуй, женюсь на крашеной блондинке. И внешность приятная, и темперамент соответствующий.

...Поиски пропавшего отчета продолжались уже второй час. Вася просматривал письменный стол и кульман Веры Живиной, комсорга, красавицы. Недавно на институтском вечере он танцевал с ней, и казалось, все на них обращали внимание. Особенно — Ахмед. Он явно ревновал его к Вере.

— Да какое ему дело, с кем я танцую? Он же женат! — говорил Вася Шатскому, который предупредил его:

— Эх ты, сэйлор, наивная душа! У Ахмеда только одна жена, а ему нужен целый гарем. Отмстят он тебе за танцы с Верочкой... К тому же Вера однажды врезала Ахмеду по морде. Прямо в лаборатории. При всех...

А поиски продолжались и продолжались.

Стены помещения были оклеены кусками специальной резины с впрессованными в нее металлическими сетками. Рядом с входной дверью, где стоял контейнер для мусора, Шатский заметил отошедший от стены кусок защитной резины. Он позвал Васю и оттянул кусок резины. Показалась обложка секретного отчета.

Вася враз покрылся холодным потом.

— Как он сюда попал?

— Ёжику понятно, сам он сюда не залез.

— Неужели? — воскликнул Вася. — Никогда бы не подумал, что на свете есть такие гады!

— Иди быстрее в первый отдел и сдай отчет, — поторопил Шатский. — Жду тебя у проходной.

Вася был морально убит, раздавлен... Он висел на волоске: лишение допуска к секретным работам, увольнение из института по особой статье, клеймо на всю жизнь...

— Какая же сволочь это сделала? Удавлю! — кипятился он.

— Сегодня, сэйлор, никаких действий не предпринимай! А завтра придумаем что-нибудь, — наставлял Шатский, понимая всю серьезность произошедшего.

Впереди Васю ждала бессонная ночь, он тысячи раз прокручивал все, что у него было связано с Ахмедом.

На другой день Шатский окольно, не рассказывая о случившемся, проводил опрос свидетелей, которые могли во время обеденного перерыва что-

то заподозрить... И вот сотрудница Людмила Викторовна рассказала, что обратила внимание на Ахмеда, он что-то вроде бы искал у мусорного контейнера. Людмила Викторовна даже хотела помочь ему. Но потом раздумала...

Теперь подозрения на Ахмеда в краже секретного отчета имели уже реальные основания.

Во время обеденного перерыва, еще раз все взвесив, Вася твердо сказал другу:

— Я отомщу этому негодяю! Так отомщу, чтоб навсегда запомнил... — Он сжал кулаки: никаких пустых угроз в словах не чувствовалось.

— А о последствиях ты подумал? — предупредил Шатский.

— Мне все равно. Хоть сделаю что-то хорошее в своей жизни. Дам урок этому подонку...

— Прочитать его, конечно, стоит... Но... Ты помни, у него жена, дети, старики родители...

К великой радости Шатского, который переживал за Васю и беспокоился: не натворил бы тот сгоряча делов, не придушил бы Ахмеда, все развязалось иначе, без участия негодующего "сэйлора".

На другой день Ахмед не вышел на работу. Его нашли случайные прохожие недалеко от дома, избитого, со сломанной ногой, перебитыми ребрами и сотрясением мозга. Вызвали "Скорую помощь", которая привезла Ахмеда в больницу, где его положили в реанимацию.

— Кто-то опередил тебя, сэйлор, — сказал Шатский Вася, в душе радуясь за друга: тому не пришлось пачкаться... — Видно, много врагов Ахмед себе нажил.

Вася молча вздыхал. Ему было как-то неуютно и горько. Порой даже жаль избитого негодяя.

— Вот ведь как бывает, — рассуждал Шатский. — Это похоже на месть свыше. Но кое-кто подумает, что это ты устроил ему баньку...

— И пусть думают...

— Это верно., — поддержал Шатский. — Если кто-то из наших сотрудников тебя спросит, отвечай ни "да", ни "нет"...

— Почему?

— Сказать "да" бессмысленно. Но и "нет" говорить — тоже глупо. Во-первых, кто-то не поверит, а во-вторых, скажут: вот, мол, отпирается... Уж так устроены люди. Кстати, некоторые станут тебя побаиваться, а другие — даже уважать.

Только через несколько месяцев лечения Ахмед вышел на работу. Выглядел он дурно, еще сильнее похудел, и вел себя очень замкнуто. Ходил теперь Ахмед, опираясь на палку. Но физический недуг не отразился на его карьерном росте: вскоре он занял должность заведующего лабораторией, а затем и заместителя начальника отдела.

К тому времени Вася Внуков ушел из отдела. По рекомендации Шатского теперь он работал в новом подразделении института, обеспечивал настройку аппаратуры на полигонах. В командировках и платили больше, да и полигоны располагались в разных местах необъятной Родины, так что Васе довелось вдоволь поехать по стране, повидать разных людей, отведать нового...

Изредка встречая Ахмеда на территории института, Вася делал вид, что не знает его, скоро проходил мимо. Но в душе что-то ныло. словно какой-то долг, который был обязан отдать, оплатить, но не удалось...

Даже спустя много лет, став уважаемым специалистом и Василием Петровичем, он часто вспоминал этот эпизод из своей жизни и сожалел, что это не он переломал Ахмеду ноги.

Зато Шатский с тех пор поверил в какую-то высшую силу справедливости, которая праведно проучила негодяя и спасла от греха толкового парня.

МОЛОКОВОЗ

РАССКАЗ

— Сколько можно ждать? — я окончательно потерял терпение. — Хватит! Поднимаемся и пошли.

— Не ярись! Обождем еще немного, — спокойно, стараясь охладить мой пыл, произнес Сергей Иванович. — Если ничего худого по дороге не стряслось, вот-вот должен появиться...

Мы сидели в номере служебной гостиницы, расположенной у испытательного полигона министерства обороны. Трое из членов нашей бригады: Сергей Иванович Смирнов, техник Толя Митин и я с нетерпением ждали четвертого — радиомонтажника Витю Склянкина.

Полигон, к которому мы были прикомандированы, находился в трехстах километрах от нашего города, так что по выходным дням имелась возможность побывать дома, конечно, если позволяла рабочая обстановка. Обычно ездили мы до полигона и обратно на электричках. У ближайшей железнодорожной станции в дни приезда нас ждал служебный автобус, доставляющий прямо к гостинице. Такой путь мы трое проделали и сегодня, а вот Витя избрал другой маршрут. Он решил добираться до места работы на попутной машине. Такой вариант был, конечно, не нов. Иногда им пользовались и другие сотрудники разных "почтовых ящиков". Поездка на попутках экономила деньги, а иногда — время в пути. Шоссе проходило почти рядом с приаэродромным поселком, и дойти от него до гостиницы пешком пара минут.

По нашим прикидкам Витя давно должен был появиться в гостинице, но вот уже истекал целый час бесплодного ожидания. Мой бывший наставник, мудрый Сергей Иванович, похоже, что-то предчувствовал и старался нас успокоить, оттянуть время выхода на работу. Но всему есть предел, мы поднялись с мест, и... вот тут-то на пороге номера появился полупьяный Витя.

— Где успел нажраться? — негодовал Сергей Иванович. — Эх, Витя, Витя, я тебя за человека считал...

Размахивая руками, Витя пытался что-то объяснить, но слушать его было некогда, да и не хотелось.

— Всё, поехали! — обратился я к членам бригады. — А ты, гастролер, проспись! Вечером разберемся, что с тобой делать.

Мы отправились на рабочий объект в скверном настроении, оставив монтажника в гостинице — пусть приходит в нормальное состояние.

Планы на этот день срывались: работа не клеилась. Словно одно цеплялось за другое — все время возникали проблемы.

— Работнички хреновы! — бурчал Сергей Иванович, имея в виду, наверное, отдыхающего в гостинице Витю.

Надвигались сумерки — сегодняшние попытки отладить передающий тракт станции ни к чему не привели.

— Ладно! Хватит, Сергей Иванович, ворчать. Завтра нагоним, — мне хотелось ободрить нашего старшего товарища. — Сами меня учили: понедельник — день тяжелый.

Понурые, даже злые мы прибыли вечером в гостиницу. Но здесь нас ждал приятный сюрприз. В номере, который занимали Витя и Толя, был накрыт праздничный стол. В самом центре стола красовались две объемистые бутылки. Протрезвевший Витя изображал радость гостеприимного хозяина, встречающего долгожданных друзей:

— Господа офицеры, прошу к столу! Отведайте, что Бог послал!

— Офицеры, говоришь? Среди нас только один офицер, — Сергей Иванович кивнул в мою сторону. — А мы с Анатолием простые солдаты. Стало быть, стол не для нас?

— Что ты, что ты, Сергей Иваныч! По мне так ты есть самый главный генерал.

— А ты, Витя, самый главный пустобрёх! — “Генерал” продолжал ворчать. — Откуда все это? Что за бутылки? Где достал?

— Сначала выпьем по одной для душевного равновесия. А потом расскажу вам, друзья, про утренний роман с молоковозом...

— Это можно, — согласился Сергей Иванович и, пригладив реденькие сивые волосенки, первым подсел к столу.

Мы с Толей молча последовали его примеру. Хозяин застолья, продолжая суетиться, налил каждому из нас по полстакана содержимого одной из бутылок. В комнате разлился ароматный запах.

— Ну, давайте выпьем за мир и дружбу во всем мире, включая нашу бригаду, — торопил Витя, тут же залпом выпил свою порцию.

И я, и Толя тоже долго не мешкали. А вот Сергей Иванович пил небольшими глотками, явно смакуя.

— Приятный, но какой-то странный вкус. Вроде вино не сухое, но и не крепленое? — Я вопросительно смотрел на Витю.

— Сам не знаю. Спросил Жеку — водителя молоковоза, но он толком объяснить не смог. Сказал только, что в прошлый раз возил вроде бы херес. Может, и сейчас...

— Сам ты херес! — ворчливо произнес Сергей Иванович. — Это мадера. Самая настоящая крымская мадера, причем с выдержкой не меньше четырех лет.

— Во дегустатор! — выразил общее удивление и восхищение Витя. — Все-то ты, Сергей Иваныч, знаешь.

— Все знать нельзя, но интересоваться надо, — Сергей Иванович снова смаковал вино.

— Ну, а теперь, Витек, докладывай про утренние приключения, — не без строгости потребовал я.

— Есть, товарищ капитан! — слегка подпрыгнув на стуле, ответил он в своей обычной шутовской манере, а затем повел рассказ: — Этим утром решил я особо не тратиться и добраться до полигона на попутке. Вышел на шоссе у выезда из города и стал высматривать машины с подходящими номерами. И вот взялся молоковоз. На белой цистерне крупно написано “молоко”. Наверняка видели...

— Да знаем мы! Что дальше-то было? — подгоняли мы Витю.

— Так вот, едем мы, разговорились, познакомились. Шофера звали Евгением, но он сказал мне, что можно звать просто Жекой. Я говорю ему, что тогда и ты зови меня Витьком. Хороший парень Жека... Едем, значит, болтаем. Когда порядочно отъехали от города, Жека свернул с шоссе в лесок на грунтовую дорогу. Ну, думаю, значит, так надо. Может, с желудком что случилось? Как бы не так! Нажал Жека на какую-то педаль, и цистерна поднялась почти вертикально. Я сперва ничего не понял... Взял Жека из кабины две канистрочки и несколько пустых бутылок. Повозился он какое-то время у крана цистерны, и потекла оттуда, как утверждает наш дорогой Сергей Иваныч, мадера... Заполнил Жека все емкости этим вином и предложил мне отведать. Честно скажу, выпил я три кружки... — Витя широко и виновато улыбнулся. — Но, как учит нас Сергей Иваныч, повинную голову меч не сечет. Да, и вообще пил-то я из цистерны “Молоко”, а что молоко это оказалось от бешеной коровки, я не виноват...

Среди слушателей прошел удивленный шепоток, а Толя спросил рассказчика:

— А сам-то он пил?

— Кто? Жека? Конечно, нет! Что он, дурак? Он же за рулем, — возмущенно ответил Витя и продолжал рассказ: — Поехали дальше. Меня переполняют отрадные чувства... А Жеку я спрашиваю: откуда взялось вино в его молоковозе? Он говорит: в таких цистернах возят не только молоко, но и другие жидкие продукты. На этот раз — вино. Он отвез в город и слил заказчику на базе. Но по законам физики часть жидкости должна была остаться на внутренних стенках цистерны. Вот оттуда и взялось оно у нас на столе. Физика — самая важная наука...

С последним утверждением мы были, конечно, согласны. Но кроме физики не менее важной была и удача.

— ...Обнялись мы с Жекой на прощание, и подарил он мне эти две бутылки вина. “Угости, — говорит, — своих ребят. Чтобы все было справедливо”. Он тоже понимал, что вы меня ждете с нетерпением.

На какое-то время в застолье воцарилась тишина. А потом Сергей Иванович предложил:

— Давайте выпьем, мужики, за настоящего человека, за чудесного парня Жеку. Здоровья ему и удачи!

Вскоре мы разошлись отдыхать: впереди был напряженный рабочий день, всем нужно быть в форме. Особенно Вите. Работником он был прекрасным, и поэтому на следующий день хотел отличиться.

Скоро вся командировочная братия полигона и постоянные служители объекта, и военные, и вольнонаемные, знали о волшебном молоковозе, который подвез Витю, и о добром шофере Жеке. С тех пор все командировочные, которые добирались из города до объекта на попутках, неизменно вылавливали молоковозы, усиленно голосуя перед ними. Многим удавалось набиться в попутчики, но достичь желаемого результата так ни у кого и не получилось. Попутные молоковозы перевозили в цистернах только молоко.

Удача — дама капризная и законам физики не поддается.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА

* * *

“Деньги ляжку жгут...”
Егор Прокудин

В избытке нынче у меня денегат —
Хошь, одолжу? Разбогател, не скрою!
Да сам не знаю — рад или не рад...
Вот захочу — дворец в Уфе построю,

А пожелаю — на морское дно
Спущусь и загляну в глаза акулам,
Иль на Луну слетаю — всё равно
Там кто-то есть, землянами не пуган!

Так что мне делать? Город, что ль, купить?
По юности своей собрать поминки?
Ах, как я рвался денег раздобыть —
Но жизнь обобрала меня до нитки...

Не пахнут деньги пóтом — что сказать?
Болотной тиной пахнет страсть наживы.
Я как-то умудрился не пропасть,
Но пусто сердце, и надежды лживы...

Не пахнут деньги пóтом — что сказать?
Нет силы в них. Дурацкая затея!
А ведь ещё буквально год назад
Я взламывал замки у богатея.

И что теперь? Как мне без силы жить?
В хмельном угаре дни швырять азартно?
Ах, если б совесть чистую купить
В воскресный день на площади базарной!

САМ С СОБОЙ

Всё больше тех вокруг, кто сам с собою,
Как будто с Богом, тихо говорит.
Порой слова полны горячей болью,
Обида и досада в них горит...

Кто доверяет сам себе секреты,
Кто признаётся в искренней любви —
О мир, не оставляй их без ответа,
Признанья и сомнения лови!

Порой им просто не с кем поделиться,
Порой ведёт безумье в никуда...
А у прохожих каменные лица,
И взгляды утекают, как вода.

С надеждой выхожу я в город снова,
Я песню, осень, подарю тебе! —
Но за кого принять меня готовы
Прохожие в бесчисленной толпе?

ЧЕРНОВИК

Ты жизнь превратил в черновик —
Но разве напишешь с начала
На чистом листе эти дни,
Зачёркнутые дочерна?
И можно ли пепел зажечь,
Когда уже всё отпылало?
И к жизни надежду вернуть,
Когда бездыханна она?

И где ты отыщешь тетрадь,
Чтоб выписать всё безупречно?
И разве обманешь судьбу —
Она ведь стоит за плечом!
Ты думаешь, не было дня,
Когда он людьми не замечен?
Надеешься всё зачеркнуть
И выдохнуть: “Я ни при чём”?

Но сам-то ошибки свои
Ты знаешь точней, чем учитель,
И носишь с собой черновик,
Где каждая строчка черна.
Ты думаешь, эту тетрадь
Никто в целом мире не видел?
Неважно — куда б ты ни шёл,
С тобой неизменно она.

г. Уфа

Переводы Нины Ягодинцевой
(г. Челябинск).

ПАВЕЛ ТРИШКИН

* * *

Пока я чистил снег совковою лопатой,
Очередной тиран с очередным магнитом
Кроили мир в очередной войне,
Жизнь падала, а нефть росла в цене,
Да штрафы поднимали депутаты
В моей, по-прежнему родной, стране.

Всё истеричней бились в интернете
Остатки честных и пиар-рабы,
Открытых писем жалкие мольбы
Беспомощно зывали об ответе,
Я чистил снег, и в зыбком зимнем свете
Росли сугробов белые горбы.

* * *

Дети играют в скинхедов,
— Ты, — говорят, — будешь негром,
Станем тебя бить ногами:
Беги, Ваня!

Что поделывать, в деревне
Нет настоящих негров,
Есть телевизор, в нём дяди
С умными головами:
Беги, Ваня!

Беги, Ваня, к деду,
У деда двадцать медалей,
Он никого не боится,
Тем более этой швали:
Беги, Ваня!

Ваня стоит и молчит,
Сжал кулаки и ждёт,
Давайте, дети, посмотрим:
Чья возьмёт!

* * *

Простое и настоящее сходятся на перекрёстке,
Стоит и чешет макушку, вычёсывая мыслишки,
Герой моего времени, не вышедший силой и ростом,
Простой и настоящий, обычный русский парнишка.

Направо — нефть и откаты, налево — стакан и бойня,
Прямо — снега по пояс, да полоса препятствий,
Вроде двигаться надо, а вроде на месте спокойней,
Но раз уж вылез в герои, придётся определяться.

Калужская обл., пос. Ферзиково

ВАЛЕНТИН ЕРМАКОВ

* * *

Ты теребила пуговики пальто
И говорила чуть не со слезами,
Что нет любви,
Что нет — совсем,
И что
Её поэты выдумали сами.

А я не знал, чем убедить,
И вновь
Тебе стихи писал я до рассвета.
Нет,
Не поэт выдумывал любовь,
Любовь сама придумала поэта.

* * *

Не говори о бывших ничего,
Не хвастайся поклонников толпою.
Их много так, что кажется порою:
Средь бывших нет меня лишь одного.
Не говори о бывших ничего.
Зачем они? Сегодня я с тобою.

Не лучше ли послушать нам сейчас,
Как ветер ветви за окном полощет?
Пожалуй, это будет в самый раз:
Воспоминаний много есть у нас,
Но нет у нас воспоминаний общих.
Не лучше ль помолчать нам в этот час?

Молчание — оно ведь не пустяк.
И о молчанье тоже вспоминают,
Когда, легко расставшись, понимают,
Что ночь прошла совсем не просто так.
И ветра шум, и вздох, и полумрак
Нередко тоже в памяти всплывают.

Но в чём же смысл явления твоего?
Ты в жизнь мою надолго? Солнцем? Тучей?
Иль завтра же, отбросив одного,
Тебя с другим сведёт нелепый случай?..
Ну ладно... Что ж... Ты хоть его не мучай,
Не говори о бывших до него.

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Несёт старик последние цветы.
Поверх грибов топорщатся в корзине
Ромашка,
Василёк пожухло синий,
Осины ветвь осенней красоты.
Шёлк паутины виснет на суку.
Идёт старик,
Любуясь бабьим летом.
Как пушкинского племени поэтам,
Такие дни по нраву старику.
Пригасло солнце, мыслям не вредит,
Текут, как паутинки полевые.
Одно сегодня душу бередит, —
То, что цветы
Несёт жене впервые.
Кого любил, та руку не дала.
Потом — война,
Потом — нужда, работа,
Опять война,

И до седьмого пота
Опять работа...
Так и жизнь прошла.
Своих детей завёл он без любви,
Но так любил,
Что сердце обрывалось!
И в письмах ласки ей не доставалось,
Да и писал нечасто: все — бои.

г. Обнинск

СЕРГЕЙ АГАЛЬЦОВ

* * *

Сад — заглохший. Но сколько в нём птах!
Сколько щебета, щёлканья, свиста!
А над ним — безмятежно и чисто,
И пустынно, светло в небесах.

В самой чаше, где нет ни души,
Я скрываюсь от чуждого ока
И под старую липой высокой
Размышляю подолгу в тиши.

Здесь к себе я и нежен, и строг,
Здесь я душу покоем ласкаю,
Здесь я к мысли простой привыкаю,
Что удел мой
 не так уж и плох.

* * *

Снежное чистое поле,
Убранный инеем лес
Душу пленят поневоле
В зимнюю пору чудес.

Снова душа безмятежна,
Я выхожу на крыльцо:
Садик одет белоснежно,
Свежестью веет в лицо.

Сколько синиц у ограды
И снегирей на ветле!
Утру морозному рады
Люди в притихшем селе.

Вот и случайный прохожий,
Глядя с улыбкой вокруг,
Мне улыбается тоже,
Словно приятель и друг.

Подмосковье

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

* * *

Памяти Николая Рубцова

В рассветный сумеречный час,
Когда так цепки сновиденья,
Внезапно окликают вас
Души летящей откровенья.
Когда на сумрачной стене
Заговорит динамик глухо,
Слова, пронзая дождь и снег,
Коснутся дремлющего уха.
Разбудит вас меж стен чужих
Сосна, качающая кроной,
И обогреет этажи
Теплом души единокровной.
Вмиг станет комната светлей
В том общежитии забытом,
Как будто радуга с полей
Родится над убогим бытом.
Ещё ни лодки, ни весла,
И нет плацкартного билета,
А вас уже навек спасла
Душа, блуждающая где-то.

ПУШКИН УЛЫБАЛСЯ НА ТВЕРСКОМ

Это было в сталинские годы —
По-иному их назвать нельзя.
Жил народ мой, отстояв свободу,
Серп и молот к небу вознося.

В нашей тесной низенькой хатёнке,
Где из кадки — фикус в потолок,
Собирались мужики, бабёнки
За победу пригубить глоток.
За живых и за убитых тосты
Разжигали песенный запал —
Кто-нибудь задумчиво и просто
“Дан приказ” вначале запевал.
Зимний вечер. Подпеваёт вьюга
За окном, но всем тепло у нас —
“Три танкиста, три весёлых друга...”
На столе тарелок перепляс.
Вновь бежал бродяга с Сахалина,
Как переживали за него,
А потом за тонкую рябину,
Что любила дуба одного.
Сам Ермак сидел, объятый думой,
Хаз-Булат с ним рядом удалой,
Стенька Разин, атаман угрюмый,
Разлучённый с бедною княжной.
Проскакал казак через долину,
Отблестело на руке кольцо.
Помню я — от песен Украины
Мама просветлённое лицо.

Вот мой дед слезу прикрыл рукою.
Все умолкли разом — он один
Нежно: “Буря мглою небо кроет” —
Напевал, и Пушкин приходил...

пос. Таврический, Омская обл.

НИКОЛАЙ БОНДАРЕВ

* * *

Осень. Дали тёмно-сини.
Почернели дом и сад.
Гроздья мёрзлые рябины
Горькой памятью горят.
Нет отца — дела остались:
Взброшу косы на чердак,
Двери за год расшатались —
Стали наперекосяк.
Две собаки ходят следом,
Мне работать не дают.
Поругаюсь, стану вредным
На каких-то пять минут...
В доме тишь, наш кот на печке
Растянулся, как гармонь.
Благодать. И близок вечер,
И поёт в плите огонь.
Пахнет лугом мамин чайник,
Чашка выпита до дна.
Жизнь прекрасна и печальна.
В ночь лампадка зажжена.

* * *

День осенний, светлый и субботний.
Голуби, как ангелы, кружат.
Кошка из соседней подворотни
На прогулку вывела котят.

Промелькнул, на бреющем полёте,
Воробей у самого виска.
Даль туманна, в синей позолоте,
Тёплый воздух слаще молока.

Нарастает ощущение чуда,
Совершенства жизни и любви.
И плывут, как будто ниоткуда,
Косяком в полнеба журавли.

Счастье не одежда — не примеришь,
Только где-то рядом есть оно...
Мама открывает окна, двери...
Жаль, что было это так давно!

г. Смоленск

ВАЛЕРИЙ СЕМЁНОВ

РЕЧКИ

Деревня эта носит имя Речки,
и в ней живут чудные человечки, —
две бабушки-сестры, один дедок...
А каждому — аж сто один годок.
С названьями шутил, наверно, дед, —
в округе ни одной речушки нет.
Два домика в деревне, две избушки,
такие же, как дед, и две старушки.
Колодец на троих один да баня,
и дедушку зовут, конечно, Ваня.
На огороде огурцы растут, картошка.
Дедок по вечерам глядит в окошко.
Нет электричества, столбы, подгнив, упали,
а ставить заново для двух домов не стали.
Так и живут в лесной деревне Речки
исконные родные человечки.

* * *

Пришёл Иван и просит два патрона —
от кабанов картошку защитить,
чтоб супротив охотничьих законов
в конце июля зверя застрелить.
Ружьё, мол, есть, припрятано до срока,
ещё давно осталось от отца,
с патронами да с пулями морока,
дают осечки, пробовал с крыльца...

Гляжу я на Ивана и не знаю,
как поступить: иль дать, иль отказать?
А может быть, с какого-нибудь краю
о совести, законе рассказать?
Нет, не поймёт — глаза наивно злые,
и сердце первобытно бьётся в нём,
он так привык, и это не впервые,
вопрос о хлебе разрешать огнём.
Отчаянных, голодных нынче много
в моём судьбой израненном краю...
Смотрю я на Ивана строго-строго,
но два патрона всё-таки даю.

* * *

Иван — живая часть мужского человечества
деревни, где дворов десятка два;
С утра он в “День защитника Отечества”
принёс фунфырь и добрые слова.
“За Родину! — он гаркнул, поднимая
стакан с прозрачной, как слеза из глаз, —
и это первая вовеки, а другая,
другая стопка водочки — за нас!..”
Он защитит, ему я крепко верю,
он не удрал, и верю, — не уйдёт;
он от кинжала защитится дверью,

и подпол в доме перестроит в ДОТ.
Достанет “тулку” ржавую из шкапа,
пяток патронов с пулей-жеребьём,
и от любого, кто попрёт нахрапом,
он защитит деревню и свой дом...
В соседней деревушке жив Егорка,
крутой защитник Родины скобской...

“От двух, — сказал Иван, — всё время горько,
Рванём для сладости по третьей в день мужской!”

г. Москва

АЛЕКСАНДР ЖУКОВ

* * *

На весеннем рассвете, в апреле,
под капель и журчание вод,
я вернулся в ушедшее время,
что во мне неизменно живёт.
Я прошёл по горам отшумевшим,
по весенним, цветущим садам
меж родных и знакомых,
умерших,
что живут, неумершие, там.
Возле яблони старой,
той самой,
что у дома с дощатым крыльцом,
повстречался со старенькой мамой,
с постаревшим, но бодрым отцом.
Погружаясь в заботы былые
с высоты настоящего дня,
я спросил их глазами: “Родные,
как живётся вам здесь без меня?”
И глазами в глаза мои прямо
заглянула и взгляд отвела —
ничего не ответила мама,
до калитки со мною прошла.
И прощаясь со мною, прижалась,
за короткий приход не вина,
улыбнулась (иль мне показалось?)
и крестом осенила меня...

* * *

Проходишь мимо.
Но куда уйти
от этих рук протянутых,
просящих,
от этих глаз
вдоль твоего пути,
уже потухших
и ещё горящих.
Уходишь вдаль.

Но не уйти тебе
от этих ликов, что мертвей умерших,
от этих губ,
обугленных в мольбе,
от этих рук,
в мольбе окостеневших.

г. Москва

ВАСИЛИЙ МИШЕНЁВ

НАД НОЧНОЮ ВОЛОГДОЙ

Над ночью Вологдой
Кружит лёгкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

То, что было прожито,
Вспомнить всё нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковым,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

* * *

Мне совесть и память
По жизни кричат:
— Ты крест или камень
Несёшь на плечах?

Всё в гору дорога.
Я молча иду.
— Спросите у Бога.
Он дал, я несу...

г. Никольск Вологодской обл.

ТАМАРА НЕЧАЕВА

ДЕТСКИЙ САД

Она была куратором детсада
И принимала здание под ключ.
Здесь было всё, что только детству надо:
Ряд малых форм, бассейн, фонтана ключ.

Детей за символические цены
Растили в тех советских детсадах.
Но кто-то всё кричал про перемены
И поднимал ГУЛАГа пыль и прах.

И зажигал пожары в Карабахе,
Готовил экономики застой.
И вся страна уже лежала в прахе,
Со дна поднялся весь людской отстой.

Тот детский сад давно уж стал борделем,
Та зав. детсадом тронулась умом.
Накрыло право на бесчестье селем
Новейшие Гоморру и Содом.

Горит душа народного героя,
Гиперборея и богатыря.
Я знаю, в мире не прожить без боя,
Как не сберечь заслуги Октября.

И в недрах, и в душе народа — жало.
Пьёт жизнь тоталитарный капитал.
А жизнь себя борьбою утверждала,
Об этом даже кроманьонец знал.

Спаси себя, народ непобеждённый!
Опять судьба ломает нас и гнёт.
Униженный нуждой и оскрблённый,
Не станет чандалою мой народ!

г. Усть-Каменогорск, Казахстан

ВАЛЕНТИНА ТЕЛЕГИНА

* * *

Станиславу Золотцеву

Мы все — из пушкинской метели
На перепутье ста дорог,
Мы крещены в её купели,
Как только вышли за порог.

Плывут ли звоны с колоколен,
Взошла ли рожь, гудит ли шмель, —
Но всё равно над русской долей
Метёт метель, метёт метель.

Ни зги не видно в мутном поле!
Кто там живой?.. Куда свернуть?..
И лишь молитва к Божьей воле
Спасительный укажет путь.

И пусть в неистовом смятенье
Нас кружит жизни карусель, —
Но мы выходим из метели
И возвращаемся в метель...

г. Пермь

ВАЛЕНТИН СОЛОУХИН

НА КРАЮ ДЕРЕВУШКИ

Я жил на краю деревушки
в просторной
крестьянской избушке,
под берёзкой и под вербóй.
Прибегали под окна
зверушки,
был я счастлив,
доволен судьбой.

Был я счастлив,
доволен собой,
когда ветры за стенами пели,
мчались лихо крутые метели,
затихая в лесу под горой,
от морозов закутав ели.

От морозов закутав ели,
на вершинах снега
куржавели.
Зарождался январь набело,
и поля за деревней белели,
словно снега лучили тепло,
Новый год начинался светло.

г. Орёл

ЛАРИСА ТОКУН

УЧИТЕЛЬ

*Для меня Россия — это жалость,
Но не просто жалость, а любовь!*

Владимир Львов

Крестьянский сын. Припал к родной глубинке,
Почуял притяжение души:
Здесь щедрый лес, приметы по старинке,
Сугробы — неизменно хороши,

Как храм берёз — знакомые погосты,
От родников — светлее голова,
Прозрачны судьбы и короче вёрсты,
Исконным смыслом полнятся слова.

Здесь сердце не покроеся коростой:
Вину и память болью не избыть.
Твой дом до удивительного просто
Простил за всё, что горько полюбить.

Ты возвратился в час свой покаянный,
Перед крылечком ветхим дал обет.
Учитель, в этой жизни окаянной
Тебе назад дороги-броду нет.

И выстраданной жалостью к России,
К мальчишкам, бабам, нищим старикам,
В телегу впрягшись, сам, в года косые
Ты тащишь воз по топям — к берегам.

И молишься, поёшь и плачешь, чтобы
Бог дал здоровья родине твоей,
Чтоб школа на деревне стала доброй
И год от года больше малышей.

Тверская обл., дер. Каблуково

ВАСИЛИЙ ФЕДАНОВ

* * *

Когда нет сил за жизнь бороться
И настроенье на нуле,
Я вспомню маму у колодца
И борщ горячий на столе.

И песни, что мы хором пели —
Все о любви да о войне...
Не стихнет боль в уставшем теле,
Но чуть полегче станет мне.

г. Кемерово

АНАТОЛИЙ КОРНИЕНКО

МЕЖ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ

Меж горькой правдой и бесстыжей ложью
Расставил вехи хитроумный век.
И среди них всё ищет милость божью
Лишённый права русский человек.

Уже огни былых деяний меркнут,
И тот, кто потерял свою мечту,
Благими обещаниями ввергнут
В слепую безысходность, в нищету.

И подступает до порога горечь,
И обречённость больно душу жжёт.
А веком прочь отброшенная совесть
На помощь никого не позовёт.

И протянулось жизни бездорожье
В глухую даль без края и конца —
Меж тихой правдой и крикливой ложью —
Сквозь русские сиротские сердца.

Смоленская обл.

АЛЕКСЕЙ ЛЫЖИН

* * *

Мы живём у вершины крутого холма
Без засовов, цепей и оград.
Здесь янтарным лучом наполняя дома,
Отражается в окнах закат.

Здесь под плотным навесом седых облаков
Колосится былинный простор
И звенит, рассыпаясь на сто голосов,
Изумрудных кузнечиков хор.

А когда растворяется в сумерках тень
И печная сгущается гарь,
Огоньками окрестных глухих деревень
Окропляется тёмная даль.

И всю ночь освещая крылечко и хлев,
В наших сенях фонарик горит,
И мохнатая бабочка, в дом залетев,
До утра на комодке сидит.

г. Чаплыгин

ИГОРЬ ГОРЕЛОВ

РАЗДУМЬЕ О КНЯЗЕ ИГОРЕ

По берегам с заросшим косогором,
Над тусклой рябью полуночных рек
Наездник скачет с тягостным укором —
Спасённый князь и грешный человек.

Судьба злосчастная его почти украла
В тот чёрный день у царственной судьбы,
Когда б земля в свой зев не принимала
Лучи-знамения наследственной звезды...

И если б предки наши не хранили позже
Плоть разделённой алчностью страны,
Мы бы среди распрей не познали кожей
Прицел другой незримой стороны.

Но что теперь? Кого подвигнет время
Скрепить себя с дружиной и страной,
Вступить в походе в племенное стремя,
Пока земля не сделалась чужой.

Разброд — иль ложь? В крови всегда есть вера,
Кровь и в земле до камня проросла.
Земля для нас всему святая мера,
И торг с ней — нет враждебней ремесла.

Нет славы на крови, но есть спасенье,
Смотреть на солнце свой у всех черёд.
И тёмное имеет то значенье,
Что светлое победу откуёт.

г. С-Петербург

ГАЛИНА СЛЁЗКИНА

“НОВЫЙ ВЕК”

Всё изменилось до неузнаванья:
Двадцатый век ушёл из мирозданья.
Ушли с ним наша музыка и книги,
И стала жизнь, как тяжкие вериги...
Чернеет за окном пустое поле,
Коровье стадо не мычит уж боле.
Не слышно тракторов, не слышно птиц,
Как будто и природа пала ниц...
А грезится весна, и посевная,
И праздничный наряд для Первомая,
Пирушка меж весёлыми друзьями,
Да солнце над зелёными полями...

пос. Уразово Белгородской обл.

ВИКТОР СБИТНЕВ

СМЕРЧ

РАССКАЗ

Сильные ураганные ветры прошли по ряду областей Волго-Вятского района, вызвав разрушения и человеческие жертвы.

(Из газет)

Алексей приехал в Соколиху из райцентра, где родился, но, что называется, не сгодился. Пришёл из армии, и заболтало парня: и там поработал, и тут, да всё не то казалось — не на своём месте. А хотелось, чтобы то: и людям польза, и душе достаток. Хотелось вставать рано-рано с улыбкой ясной и улыбкой же встречать незаметно приступающий из-за леса вечер. И думалось Алексею, что это “рано-рано” да ещё “с улыбкой” — самая сложная штука в жизни.

В Соколихе жил Гришка по прозвищу Ёкарный, давний дружок Алексея и немного родня. Простодушный и компанейский Гришка как-то и сказал Алексею в райцентре:

— Айда, Алёша, к нам. Пыльно у вас тут, и гудрон в нос лезет. А у нас как на курорте, живи — не хочу...

Алексей через пару дней и нагрянул. Ёкарный попусту не болтал, а потому появилась в его избе вторая койка.

Места здесь были и впрямь хоть куда! Выйдешь за околицу — лес рядом, берёзовый, ещё ближе — подлесок сосновый. Поле с гречихой к селу от леса — благодать по вечерам стелется. Два пруда посреди села прохладой

СБИТНЕВ Виктор Альбертович родился в 1955 г. в Москве. Окончил Ленинградский государственный педагогический институт. Работал журналистом в "Северной правде", "Костромском крае" и других изданиях. Автор нескольких сборников прозы. Живёт в Костроме.

дышат, ивы вековые над ними клонятся, под ивами бани сползают пологим берегом к воде. Но особый, ни с чем не сравнимый вид придавала селу церковь: она плыла куполами над селом, над его вёслами и коньками, загородками телеграфных столбов и путаницей телеантенн, над густой невысокой зеленью садов и палисадников. И словно закрепившись за неё, как за пуп земли, село вольно растекалось по округе: влево — к школе, вправо — к колхозным фермам.

В церкви давно не служили, но на неё смотрели радостно, как на всякую очевидную красоту. Здесь же в центре и сельсовет облицовочным кирпичом светится, и магазин с ларьком рядышком торгуют, и почта, и библиотека, и клуб тут же сотрясает округу колоколом репродуктора, да так, что голуби в колокольнях начинают испуганную возню и, теряя перья, валяются куда-то вглубь церкви.

Алексей в первый же день вышел за околицу под синее небо да под несомую кудель облаков, свистнул и оторопел:

— Ах ты! Далекое видать-то как!

Подожёл Ёкарный, чиркнул лукавым взглядом:

— Чо, Алёха?.. — И поглупел от удовольствия, что другу пришлось по сердцу его родные места. — Ты погоди, ходим в лес. Сколь там нонче грибов! Маслят — хоть косой коси, и солонух несут... прорву!

И родилась в голове Алексея идея первого предприятия. Он глянул на лес, потом на село, осмотрел место, где они стояли. Это был лужок с вереницей берёз по краю и большой раскидистой ветлой посередине.

— Вот... здесь я его и поставлю!

— Кого? — непонимающе спросил Ёкарный.

— Завод.

— Какой завод? Ты, Алёха, часом того... не ошибаешься?

— Грибной завод, — серьёзно сказал Алексей, — поставлю сарай, печку сложим, пару котлов в неё всадим, бочки выпишем, тару... И пошла работа! Лес рядом, грибов море, старух тоже. Станем у них по сходянку принимать маслята, волнухи и мариновать. Я в районе пробую что надо. Да и надо-то пустяк. А пользы сколь, Гриха? Гриб хлынет на областной рынок, а то и дальше... с этикеткой соколихинского завода.

Григорий сначала ошалел совершенно, но потом заготопил так, что вольготно гулявшая поблизости стайка куриц стремительно взвилась в воздух и на бреющем полёте скрылась за стеной бурьяна...

— Сколько живу на свете, никогда не видел, чтобы курицы так далеко летали! — искренне удивился Алексей.

Ёкарный поостыл, глянул серьёзнее:

— Ладно, Алёха, я строить подсоблю опосля работы, а там уж сам чалдоном вари. — Потом усмехнулся и прилепил кличку: — Грибной дилектор!

Так она за Алексеем и потянулась, и много в ней было, как выяснилось потом, не только смешливого удивления, но незаслуженной злой иронии, но она принадлежала уже не Григорию.

Тихая, незаметная жизнь этих мест наложила свой отпечаток на лица их обитателей: колхозников и путейцев, стариков и старух. Были эти лица в большинстве своём крупные, загорелые, с постоянным выражением холодного любопытства. Когда в сельский магазин заходил кто-нибудь из приезжих, на некоторое время его окружали всеобщим вниманием, которое выражалось обычным для здешних мест, так сказать, фирменным вопросом: “Ты чей?” Приезжий объяснял, кому и кем он из здешних приходится, неистово жестикулируя, коверкая слова и даже глупея от прикосновения к собственным истокам. Его внимательно выслушивали, а потом начинали хмуро смотреть в окно или на прилавок.

Кто-нибудь говорил приезжему: “Ну-ну...” И чёрт знает, что это значило: то ли живи, мол, то ли не помним, дескать, такого, а может, и ещё что. Словом, в селе устали от своих приезжих, устали от их праздного фланирования по углам, от этой подчёркнутой фамильярности, от их обшарпанных джинсов, перемётных сумок, интереса к иконам и самогонварению.

И хотя Алексей был вполне свойским парнем, фирменное допрашивание не обошло и его. Причём, надо полагать, о нём сельчане вынесли весьма смутное представление. Но Алексея на первых порах это не шибко заботило. Он побывал везде, где надо, навозил тёсу, сделал разметку, нивелировку — и пошла работа. Вечером приходил Григорий, здоровался с “грибным дилектором”, шутил, потом брал топор и ошкуривал стояки или подгонял доски. Они пилили, спорили о гвоздях: “Сотка али как?”, лупили комаров, которые продыху не давали, потом прибирали инструмент и шли ужинать.

А вечера, какие вечера стояли в Соколихе! Мир становился прозрачно-синим, нездешним. Тёмный силуэт леса подбивали снизу слоистые кантики молочного тумана, ветлы не шевелились, в кустах и травах начиналась какая-то таинственная жизнь, сонном шорохов и шевелений навевающая чувство тихого и ясного покоя. Тишина стояла такая, что блеяние заблудившейся на другом конце села овцы откликалось в насупленном лесу каким-то дьявольским, булькающим эхом. В густом лягушином пении угадывались одновременно и мягкие тона летней расслабленности, умиротворённости, и звенящие какие-то медные звуки странной сосущей тревоги...

— Эх ты, а грибами-то из лесу тянет, Алёха! — нарушал тишину Григорий.

— Да, гриб, аж земля хрустит.

Скоро сложили печку, поставили, правда, всего один котёл для кипячения, но со сливом, всё по науке. Алексей привёз чистые новенькие кадки и прочную нехитрую утварь, но, когда уехал за денежной ссудой, погода разладилась. Из “гнилого угла” принесло низкие свинцовые тучи, и зарядил противный, совсем не летний дождь. И не было ему ни конца, ни края. Такая прорва гнили угадывалась в небе, что мужики, тупо глядя на упавшую серую рожь, доставали из запечков скрученные “подкожные” трёхи и шли к магазину за “красенькой”.

Здесь и стал Алексей, как человек новый, улавливать во всей здешней жизни какую-то необъяснимую неисправность. Мариновальню он построил, но грибов не несли: гриб загнил, да и собирать его на дожде что-то никого не тянуло. Раза три или четыре сдавали ему по корзине рыжиков изрядно проспиртованные мужики и, получив магические суммы, растворялись в дождевом сумраке, мокрые, грязные и хитрые. Алексей сделал две варки, но всё вместе взятое не составило и трети кадки. Он замариновал грибы в трёхлитровых банках и скоро начал их есть сам, потому что больше не несли, а есть хотелось, на дожде особенно. “Вот ведь как бывает, — размышлял Алексей, — гриб был — печки не было, печка появилась — гриба не стало”.

Время шло, и лето как-то незаметно превратилось в осень. Над Алексеем смеялись, и никто всерьёз его не принимал с его грибной фантазией. К тому же по осени стали ломать в селе молочный завод, потому что такая роскошь при малочисленном стаде встала колхозу в копеечку. От завода остались “бетонные воспоминания”.

В это же время возле его заведения по неубранному полю пустили овец, и поле стало гладким и чёрным, словно его не только убрали, но и вспахали. Алексей посмотрел, зло плонул и оставил заведение зарастать травой. С него никто особо за это и не спрашивал, словно всё так и должно было происходить по установленному кем-то порядку. Скоро приехали мужики, погрузили тару, разобрали крышу и стены, вырвали из печки котёл и уехали. Печку ночью кто-то украл по кирпичу, и от летних деяний Алексея к зиме осталась только кличка. Когда в клубе прокрутили мексиканскую картину “Грибной человек”, Алексей вовсе перестал нос показывать из дому, но потом Григорий привёл в гости приятелей с работы — он работал электриком, — и Алексей вышел в народ. Зимой он помогал Григорию менять проводку, чинить приёмники и телевизоры, работал сторожем в магазине, пильщиком лесопилки. Он стал присматриваться к людям, словно впервые видел их. Были они здесь какие-то вялые, словно устали от постоянных трудов, забот и скандалов. Малочисленная молодёжь сидела у телевизоров или крутила пластинки в клубе, мужики редко собирались поговорить, разве что за бутылкой, и в основном ругали всё подряд, но тоже как-то вяло, без интере-

са, словно вся эта картина ни для дела, ни для них самих не имела никакого значения, словно говорили лишь потому, что просто надо что-то говорить, как есть, пить, дышать...

— Ну, что нового? — спрашивал Алексей Григория, который обычно приходил позднее и был средоточием всех сельских новостей.

— Сергей Никулин сельповеску лошадь утопил, а Коляна Колотихин колхозну корову задавил, — не торопясь, выкладывал Григорий.

И Алексей не знал, смеяться ему или плакать.

Конечно, были на селе и свои радости, и свои проблемы, но бутылке радоваться Алексей так и не научился, а проблемы решались как-то сами собой. Однажды за игрой в “козла” в избе Лёни Раменского вышел разговор, гвоздём которого был вопрос: отчего молодёжь не держится в Соколихе? Спорили на этот раз много, доводы приводили резонные, но поразило Алексея другое: он вдруг узнал, что за последние годы молодых погибло в селе около десяти человек. Григорий, перечисляя, даже сбился. Выходило по-разному: не вернулся из армии, опрокинулся на тракторе в реку, сгорел пьяный в постели, некоторые сами творили над собой расправу — вешались, стрелялись, а один тракторист сиганул с ветлы, крикнув на полсела: “Прощай, мама!” Было в этом что-то зловещее, почти невероятное. Алексей даже вспотел и прозевал масть. “Душно как”, — подумал он, отодвинул карты и вышел, как здесь говорили, не на улицу, а на “волю”. Следом вышел Григорий, сжал другу плечо, и они шагнули в ночь...

Скоро пришла весна, вздулись пруды, по улице стало не пройти. Телились коровы, густо полилось молоко. Мужикам за зиму пить надоело, и на Пасху они ели творог. Надо сказать, что Рождество и Пасха по-прежнему праздновались в селе вровень с Новым годом и Первым мая. Мужики, добивавшие немца в Восточной Пруссии, знали наизусть речи Сталина и Псалтырь. Они не ходили на службу, но на похоронах их голоса ладно вливались в сладкозвучный женский хор в прикладбищенской церкви, придавая ему гордой красивой силы.

Алексей любил эти хоры больше всего. От них веяло духом людского братства, духовного единства, и он, сочувствуя родственникам усопших, ощущал нужность своего участия и участия всех этих мужчин и женщин, нужность их слёз, их горьких причитаний. Хоронили часто. Село явно усыхало. От некоторых улиц остались лишь ямы, другие насчитывали три-четыре дома. Поэтому хор спелся, и плакать научились благородно, не теряя достоинства. Нет, в этом не было театральности, но была привычка к горю, и Алексей правильно почувствовал это.

Когда приносили покойника на кладбище, чтобы опустить в рыжую супесчаную землю, все плакали, как по своему, а потом и впрямь расходились по могилам родных, и плач заметно усиливался. Выдёргивали сорняки, сыпали на холмики пшено и рис, горбились над выцветшими фотографиями, о чём-то настойчиво выпрашивая неясные лики своих немых сокровников.

Через день село возвращалось к своей обычной неброской жизни, но пасмурное молчание ещё не скоро выветривалось с его шербатых улиц. Посносив мосты и потрепав подполья, паводок быстро пошёл на убыль, а снег, ещё некоторое время поблескивавший по краям оврагов, в одно прекрасное утро взял и исчез, и Алексей почувствовал тёплую волну из-за леса. Пахнуло подснежниками, проклюнулись мелкие жёлтые цветочки, вовсе отошла верба и, наконец, зашуршали почки берёз и тополей. Весна наладилась на редкость тёплая — в мае все уже купались и каились на солнышке, пололи огороды и с волнением прислушивались к дружному пчелиному гуду на пасеках.

Черёмуха и сирень отцвели за неделю, кое-кто даже не успел попробовать любимого на селе аромата. Вместе с сиренью да яблоневым цветом утратила округа весеннюю прохладу и свежесть. Дни становились знойными, и лишь ночи ещё дарили людям запахи росистой лужайки и будоражащее озорство соловьев перед рассветом.

Ночью над головой густо падали звёзды, а вокруг царили светлячки, так что весь мир перемигивался и пересверкивался, словно затевалась какая-то колоссальная иллюминация. И Алексей видел себя в этом мире как бы со

стороны и поэтому не удивился, когда возле самого сенника набрёл на лося, и тот, тяжело вздохнув, неторопливо побрёл к лесу; когда большой бельгий кот на его глазах подкрался к улью и украдкой стал подслушивать пчёл, сунув нос к самому летку; когда странная чёрная птица широкими крыльями заслонила над ним луну и с сухим шуршанием растаяла в небе.

Однажды, когда уже светало, Алексей возвращался в село из города. Он шёл с разезда лесом, беспечным свистом подражая то жаворонку, то картавой сойке. Последние звёзды мерцали за спиной, кутаясь в чешуйки мелких перистых облачков, словно им было зябко на утреннем холодке, а впереди восход уже румянил горизонт.

Миновав подлесок, Алексей взойшёл на холм и глянул на село, которое курилось в низине лёгкими дымками. Больно сжалось сердце, от напряжения заломило глаза...

— Что за чертовщина... — сказал он вслух. — Не так что-то.

Село было плоским, чужим, хотя без труда угадывались знакомые пруды, дороги и тропки в округе. Алексей сел на дорогу и опустил голову: в селе не хватало церкви.

Мигом пронеслись в мозгу обрывки разговоров в магазине и в клубе, что, дескать, церковь подгнила, купола покосились, ломать собираются... “А почему Гриха не сказал? Он же всегда всё заранее знает. Ведь это его село, его красота... А может, он говорил? Да, кажется, говорил, но ненавязчиво, вскользь... может, и обиделся, что я его попросту не слушал. Это в духе Ёкарного”. Когда Алексей подошёл к дому, Гриха уже сидел на скамейке перед окнами и обдувал одуванчик. Он посмотрел Алексею куда-то в подбородок, опустил одуванчик, кивнул в сторону села и устало произнёс:

— Амба, Лёха, новой не построят...

И навалилась вдруг на Алексея такая тоска, такое бессилие вдруг наполнило каждую его клетку, что он не мог даже сжать кулак, а говорить ему стало невыносимо. От собственных слов, даже не произнесённых вслух, его затошнило. Он ходил мимо обломков церкви — брёвен, досок, листов ржавой жести, ещё не разбитого краснокирпичного фундамента — и всё никак не мог понять: зачем? В наше время... Здесь ему встретилась собака. Она сидела на облупленном кресте и выкусывала блох. У собаки не было глаза и половины уха. Здесь же утром Алексей увидел другую собаку, которая, с трудом проковыляв через дорогу, отдыхала в лопухах. Задняя лапа у неё была отрублена по самую ляжку. Рядом, возле избы, крупный мужик в полосатых штанах с придыхом колот дрова и едко матерился.

Уже в июне село стало зарастать матёрым лопухом и крапивой. Почти в каждом дворе лопух норовил взять верх над всякой другой зеленью и, достигая невероятной величины, должно быть, сам себе удивлялся. Алексей наблюдал однажды такую картину: председатель сельского совета Пётр Васильевич Дерябин уговаривал доярку Симкину:

— Нюрк, ты поруби лопух-то. Глянь, сколь его у тебя. Начнись пожар — ведь из дому не выйти. Запутаешься в лопухах, сгоришь к чёртовой матери!

— Срублю, Пётр Васильевич, срублю, кормилец. Ты мне тока серп наточи — я и зля твоего дома срублю.

Алексей вспомнил, что к этой самой Нюрке Симкиной приезжал зимой сын с Севера. Пробыл у неё день, а под вечер, уже собравшись в дорогу, сказал: “Мамка, дай денег, а то убью... Я тебя в карты проиграл!”

Июль стоял невероятно жаркий, доходил до сорока в тени. Деревья и трава увяли, пруды высыхали на глазах, а горькая дорожная пыль, словно вулканический пепел, серым облаком стояла над округой и густо оседала повсюду, придавая крышам, поленницам и заборам одинаковый безжизненный цвет. Духота гнала в воду, но вода в пруду до того нагрелась, что почти не приносила облегчения. Алексей и Григорий обливали друг друга из коловца, но в колодце оставалось на доньшке, а потому приходилось экономить. Ночью жара почти не спадала, роса исчезла вовсе, и даже жабы перестали звенеть под брёвнами возле бани. Однажды в полдень стало совсем невтерпёж. Григорий ходил от избы к половне и от половни к избе. Алексей,

не обращая внимания на комаров, лёг под ветлой и положил на лоб мокрую тряпку. При полном безветрии сильно парило. Где-то горели леса, солнце едва угадывалось сквозь дымно-пылевую плёнку, и иногда казалось, что оно безнадёжно запуталось в старой свалывшейся паутине... И вдруг, в тот самый момент, когда Алексею стало совсем невмоготу — хоть в колодец по верёвке спускайся, — пространство над ним заколебалось. Это не было обычным лёгким ветерком, скорее походило на движение воздушных масс куда-то ввысь, от земли...

Алексей поднял голову и увидел далёкую черноту на западе. Туча быстро росла, принимая форму клина, острие которого хищно целилось в сторону Соколихи. “Ну и скорость, — успел подумать Алексей, — однако молний не видно”. Странная тревога закралась в сердце, но тут же пропала. И тут он увидел, что туча слишком низка для дождевой и странно меняет форму. Вот она скрадывает углы, всё более вытягиваясь по вертикали, напоминая теперь уже не клин, а летящий пчелиный рой. Рой летел к Соколихе, чудовищных размеров рой, и было слышно уже его грозное жужжание. Вдруг совсем рядом что-то гулко хрустнуло, словно лопнул ствол гигантского дерева, и тут же завывло, как в аэродинамической трубе.

Тонкие невидимые иголочки впились в тело Алексея, и он увидел, как возле леса исчезли один за другим несколько костров вершинника и кучей зловещего бурого месива устремились прямо на него. Впервые не было в голове никаких мыслей, были немой страх и оцепенение. Струя горячего воздуха вперемешку с песком резко обожгла лицо, с ветлы густо посыпались сначала листья, затем ветки и даже куски коры. Через мгновение невидимая сила пригнула дерево к самой земле, выдирая из его макушки огромные сучья. Алексей подняло над землёй и прилепило к стволу, как вымокший осенний листок. Ему так сжало грудную клетку, что он почувствовал себя совершенно плоским. И в этом полубормочном состоянии, с забитым грязью ртом и разъятыми поперёк ствола руками, глазами, летящими из орбит, Алексей увидел, словно не здесь рядом, а на далёком лиловом экране, как медленно, словно при замедленном повторе, вместе с обрывками толя и железа с избы поднялась крыша и, плавно покачиваясь, стала уходить вправо и вверх от сруба. Вырвало ставни, и из почерневших вдруг окон, как из прорех туго набитого мешка, посыпалось и полетело разное.

— Греха! — скорее прохрипел, чем прокричал, Алексей и вместе с деревом канул в огромную страшную бездну...

Смерч. Он пронизывает своим губительным дыханием, сжимает, скручивает, разрывает и всё вольно рассеивает по земле. На выжженной солнцем равнине с вывернутыми пластами пепельно-чёрного торфа, и в этих зарослях ольшаника, густо разбавленного черёмухой и крушиной и туго спутанного колючей проволокой ежевики, и в этих зелёных водах хитро витой речки, и в этом молчаливом лесу, что так властно и бесконечно смотрит с высоты несчётных холмов, уходящих высоко-высоко, к утреннему солнцу.

Смерч. Откуда он взялся в этих краях, так долго хранивших мир и покой, таких срединных и бесконечно далёких от морей и гор, от штормов и землетрясений? Тугой, разящей волной хлестнул он по среднерусским деревушкам, срывая шиферные крыши и унося их в соседние районы и области, вырывая с корнем деревья и мачты электропередачи, опрокидывая машины и поезда. Налетали и раньше песчаные вихри и снежные бураны, наползали обложные грозы, когда всё вокруг слепло и глохло, утожили здешние места убойные грады и заливали плотные, как стена, ливни; бывали такие зимы, когда мерещились далеко на севере диковинные блики полярного сияния, и приходили губительные засухи, когда в луговые трещины проваливались коровы. Но смерч...

Одноэтажный каменный дом снесён до фундамента; огромный металлический резервуар под удобрения, как перышко, поднят с поля и мягко опущен посреди села; чудом оставшийся на месте платяной шкаф доверху набит шифером, а в полуразрушенных избах выбравшиеся из подполья хозяева обнаруживают вещи, которых никогда не приобретали. Изначно потрёпанный мужик, отлеживаясь в больнице, узнаёт, что его документы найдены в соседней области... И так до бесконечности...

Что это? Случай? Стечение обстоятельств? Месть природы?.. Все угрюмо смотрят за горизонт, куда сдунуло полдеревни чудовищной волной.

— По радиву бают: с перепаду, мол...

— С юга жаркой задул, а с севера холодная...

Так через несколько дней судили о причинах смерча сельчане, разводили руками и, против обыкновения, не спорили. И даже местные ведуньи странно молчали, словно, праведно прожив всю жизнь по вековым приметам, вдруг неожиданно засомневались в чём-то.

ЗА ИМЕНЕМ

РАССКАЗ

Мать родила его на плохо обструганной лавке, охая и причитая. Немного оклемавшись, она сунула ребёнка мужу и наказала ехать в церковь, чтобы побыстрее окрестить дитё при образах: в уезде тогда начиналась холера. Церковь стояла в Старинском, на горе, поэтому виднелась в ясную погоду вёрст за двадцать. Село это славилось также своими шумными ярмарками, где покупали всё: от фунта гвоздей до молотилки. Отец новорождённого поехал с братом, которого жена снарядила за поросёнком. “Крёстным будешь”, — сказал родитель. На этом и порешили.

Дорога шла полем. Лес оставался верстой левее. Сначала по утреннему холодку ехалось легко. Колёса в селе загибали хоть куда, и телега катилась мягко. Ребёнок спал. Братья грызли горох, покуривали да поплёвывали. Однако час спустя, несколько раз робко скользнув по горе с благословенной церковью, солнце вдруг глянуло на мир во все глаза, по-июльски пристрастно и колюче. И сразу защипало в носу от пыли, защипало возле лица по-комариному, а над лошастью взялись глумиться оводы. Она недолго вертела коротко обрезанным хвостом, а сразу перешла на галоп, теряя по ветру пену и едва не доставая задними копытами оглоблей.

Ребёнок проснулся и уже не замолкал до самого Старинского. Брат правил, едва справляясь с ретивым животным, а несчастный отец, задыхаясь от пыли, кое-как закрывал дитё рогожкой.

В Старинское словно ворвались. Лошадь однако несла уже странным образом: не рысью, не галопом, а так как-то — ни то, ни сё. Лица, шеи и руки братьев посерели, мальчик охрип. Возле крайнего колодца напоили измученную животину, потом напились сами и, обливаясь до пояса, смотрели с состраданием на дитё.

— От ить, чёрт-жена!

— Оно, конечно, да...

— Что да?

— Мрут ведь, братуха?! А вдруг! Не приведи господь!.. Нехристом помирать и малому ребёнку не годится.

Они пропитали хлебный мякиш сцеженным молоком, завязали в редкую материю, поднесли ребёнку к губам. Раз пять он недовольно выталкивал мякиш изо рта, но потом успокоился, часто зачмокал и словно как задремал.

Минуту посовещались, решили сначала исполнить главное. Брат несильно хлестнул разомлевшую на солнце кобылу — телега дёрнулась и закричала в гору. Проехав два-три переулочка, мужики услышали нарастающий шум, в котором угадывались голоса людей, и крики животных, и звон посуды, и много другое, едва ли могущее быть узанным на слух.

Базар развернули на площади во всей красе в какой-нибудь полуверсте от церкви. И в это бесхлебное время чего, однако, на нём только не было. На берёзовых столах влажно краснели неизвестно как выращенные до срока крепкие татарские помидоры, горки “белого налива”, казалось, просвечивали на солнце, а зелёный лук жирными пучками неистово зеленел тут и там по базару, разбавляя своим сочным цветом бурые груды первой свёклы, плоские кругляши жёлтой репы и оранжевые россыпи завозной черешни. Бородатые мужики с Суры бойко торговали зеркальным карпом и золотым ливнем, ловко выуживая скользких рыбин из пузатых корзин с крапивой. Столетний дед, сухой, как камышина, тряс на ветру полдюжиной свежесплетённых лаптей и кричал, подыкивая: “Лапти-и-и-и!” Круглолицый и краснощёкий дядя в кожаном фартуке разрубал пополам огромную свиную голову, пяточок которой, с кулак величиной, выплёвывал на передник его соседки крупные сгустки крови, словно уже живя какой-то новой, самостоятельной жизнью. Продавали здесь и лошадей, и коров, и коз, и овец, и...

— Поросят дают! Эх ты... — вдруг неожиданно тревожным голосом выкрикнул брат.

— Где увидел-то? Ничово не видать! — откликнулся голос из-за спины.

— Вона мордовка с мешками зля лапотника. Айда узнаем. Тута рядом.

— Может, опосля?

— Чо опосля? Разберут али уйдёт куды-нето, — не унимался брат и уже, не ожидая согласия, направил кобылу с дороги к площади.

Поросёнка выбрали сразу. В отличие от своих собратьев, он сидел возле ног мордовки и, казалось, насмешливо посматривал на мешки, из которых сам не так давно был извлечён. Поросёнок взял своим задором и какой-то совсем не поросячьей вежливостью.

Когда его передавали из рук в руки, он всего один раз настороженно хрюкнул, но с телеги глянул ещё приветливее, и видно было, что новые хозяева понравились ему больше прежних. Самое же странное в поросёнке было то, что он уже имел кличку, на которую живо откликался. Довольные покупкой, неспешно ехали по базару. Вид у обоих был по-хозяйски гордый. Ребёнок спал. Поросёнок сосал новому хозяину палец и повиливал хвостом.

— Жена одобрит. Она сама из проворных, ей тоже палец в рот не клади, — рассуждал брат и, шутливо пугаясь, выдёргивал палец из поросячьего рта.

Вдруг неизвестно откуда взявшийся вихрь надул пузырьём рубахи, закрутил в воздухе пучки сена и базарного сора, взлохматил весь рынок и, подняв к синему небу всё, что не успели схватить, унёсся бог весть куда, оставив разинутые рты и... матерные слова. Остро запахло солёным огурцом.

— Эх, а ведь надо бы, братуха, того... как полагаешь? — хозяин поросёнка с надеждой глянул на брата.

— Оно конечно бы и надо, да в церкву-то больно не с руки. А ну как поп дух сивушный учует? Попрёт небось.

— Не попрёт. Моя баила, он сам с ранья трескает.

Телега в это время поравнялась с красноносой бабой, весело взиравшей на округу:

— Ну что, страннички, с покупкой, что ль?

— Сама вишь!

— Ай да поросёнок!.. Справнай, справнай! Такой не сдохнет, если чово такого не сожрёт по своей проворности.

— Небось не сожрёт.

— Так её того, покупку-то, застряхивать надоть. А то не по-людски. Сдохнет покупка!

— Я те сдохну! Давай, чо у тея есть?

— Медовка, мужики, медовка! Сама мёд качала, сама ставила, сама пробу сняла.

— Давай нам с брательником по кружке.

Баба, тут же замолчав и приосанившись, старательно нацедила в кружки жёлтой браги и дала по огурцу. Братья чокнулись, сдунули воздух на сторону, запрокинули свои бородатые подбородки и крякнув, как положено, ра-

зом захрустели огурцами. Брага была хоть куда. Жаром прошла по нутру и тут же бросилась в голову. Огурец душисто отдавал укропом и смородиной.

— Можя, ещё? — заговорщицки спросила торговка, — тогдашки и возьму меньше.

— Валяй! — теперь уже махнул рукой старший брат.

Выпили. Съели ещё по огурцу. Хорошо было кругом, празднично. Базар гудел, товары пестрели густо и пахли смачно. Братья давно не видели такого стечения народа, давно не чуяли этой волнующей базарной праздничности, давно не брали в рот хмельного. И вот сейчас они разом ощутили, что, несмотря на холодную зиму и войну с германцем, бесхлебье и начавшуюся холеру, они живы-здоровы, сидят на телеге, пьют и едят. От прихлынувших волной чувств старшой глянул заботливо на братиного поросёнка и ткнул ему в пяточок недоеденный огурец. Поросёнок громко захрумкал, высоко подняв мордочку и устремив глазёнки куда-то вдаль.

Огуречный рассол, блеснув росой на рыльце, беззвучно падал на настеленное сено.

— Как бишь его, братуха, кличут?

— Зотик!

Младший был доволен именем и произнёс его ещё раз, медленно растягивая звуки:

— Зо-о-тик!

Выпили ещё и, налив полчетверти на дорогу, щедро расплатились упавшими в цене ассигнациями.

К церкви подъехали, когда солнце клонилось за полдни. Привязали лошадь у ограды, рассуждали здраво: с дитём отцу идти надо — крёстному тоже надо. Поросёнка в церковь не попрёшь, но и не оставишь — сопрут. Долго думали. Три раза обнялись и облобызались. Тогда родитель рыгнул, тяжело сполз с телеги и подытожил:

— Хрен с ним. Бери поросёнка, только за пазуху, что ли.

Поп долго не рассусоливал. Лишь спросил, откуда и чьи. Взял сперва деньги, потом приготовил купель и всё остальное... Ребёнка распеленали. Он не кричал, а только смотрел на свечи, которые отражались в его глазёнках неровным мерцанием. Святые смотрели со стен и из-под купола с всепрощающим вниманием и молчали. Братья, осоловело моргая, слушали попа, иногда крестились, смотрели в купель со святой водой и подавленно вжимали головы в плечи. Но когда поп приготовился наречь новорождённого крещёным именем, с крёстным что-то произошло: он заёрзал, засучил руками, пытаясь запахнуть полы кафтана. Поп глянул да так и остолбенел с открытыми святцами и разинутым ртом: на его деяния внимательно смотрела поросычья морда.

По дороге домой пели песни и, славя Христа, прикладывались к четверти. Ребёнок почти не плакал, а только пялил свои круглые глазёнки. Отец опахивал его рожкой и никак не мог вспомнить его имени.

Домой приехали поздно и, получив от жён крепких тумачков и затрещин, с сознанием вины забылись тяжёлым похмельным сном.

— Как ребёнка-то окрестили, ирод? — спрашивала наутро жена мужа, который, бестолково вращая красными белками, никак не мог взять в толк, чего от него хотят. Но когда увидел в руках жены скалку, что-то вспомнил и попросил позвать брата:

— Он знат. Он ещё на базаре говорил.

Брат пришёл как ни в чём не бывало, только помятое лицо несколько выдавало его.

— Чо, забыл, что ли? Вот те на! Имя-то какое! Тоже мне родитель!

— Да говори же, окаянный! Напоил мово да ещё выкобениваешься! Ну?

— Похмелишь — скажу, — не растерялся деверь.

Женщина, ни слова не говоря, склонилась за печку и достала четвёрку мутной самогонки. Подождав, пока братья чокнулись, вытерли усы и взяли по ломтю хлеба, вновь выдохнула требовательно:

— Ну?!!

Что-то сверкнуло во взгляде младшего: то ли вернувшийся хмель, то ли действительно память, хранившая такое важное для семьи событие. Он не-

торопливо свернул козью ножку и, пустив густое облако вонючего дыма, как-то обыденно сказал:

— Зотик. Так батюшка и нарек племяша мово. Говорит, имя редкое, потому осчастливит носящего его непременно.

Мать новорождённого, закрыв лицо руками, так и повалилась на пол, словно выслушала страшный приговор, потом глухо и неутешно завывала.

Вечером проклятые сговорившимися жёнами брата лежали в стогу возле реки и, отгоняя комаров махрой и плевками, странно молчали. Потом старший, затоптав окурок, робко спросил:

— Слышь, братуха, а ты точняком помнишь, что Зотиком назвали, али брешешь?

— А то нет! Конечно, помню.

— Что же я-то тогда ни хрена не помню... Вроде как нас из церкви поперли из-за твоего поросёнка? Ни его ли Зотиком-то кличут, а?

— Ты чо, рехнулся? Сообрази, как така кличка у порося бывает? Его и на базар-то прямо из-под матки взяли.

— Оно, пожалуй, так, — соглашался отец Зотика, — молодец ты, братуха, а то меня бы баба совсем со свету сжила.

— Да ладно тебе... крёстный я ему али не крёстный? А что тебе память отшибло — оно ничего. Мне баба сказывала, мордовки в брагу куриного помёту кладут для крепости.

— А тя-то чо баба выперла, раз ты без помёту нахлебался?

— Чо-чо! Сдох поросёнок-то — видно, ушибли в дороге. Выперла да ещё так боднула в живот! Всё наследство отбила своим каблучищем. Я чаю, мово-то уж точно не окрестим.

И уже старший брат утешал младшего и прочил ему вскорости сына, а потом, когда звёзды густо окидали небо, когда на реке басовито закричала вышь, они долго гадали, какое в их семье теперь появится имя, и гулко хохотали над своими выдумками.

Было это в Нижегородской губернии, в Сергачевском уезде, в одном когда-то большом селе, где родился Зотик. История появления его имени передаётся из уст в уста вот уже много-много лет. Годы шлифуют её, и, надо думать, что в скором времени фольклористы ухватятся за неё обеими руками.

В ГОСТЯХ У КОЛИ

На выветренном коньке присевшей на один край избы с наглухо забитыми окошками сидит огромных размеров ворона с видом существа, неподвластного времени. От люто наседающего мороза округа утрачивает постепенно запахи и звуки, и мне не верится, что ворона живая, а не такой же муляж, как эта оставленная на произвол времени изба. Я перешагиваю через плотно схваченную сугробами изгородь, и подворье обдаёт меня бесплотной древесной стылостью. Кое-где по насту виднеются подушечки собачьих лап и катыши шерсти, нанизанные ветром на упругие стебли диких трав... С заветренной стороны избы кто-то густо натоптал рубчатой подошвой, набросал фольги и пузырьков из-под одеколона.

Это изба моих стариков, моя изба... Сюда привёз дед первый на селе телевизор, здесь мы чинили наш мотоцикл, слушали приёмник и судили о "положении". Здесь дед перекраивал свой инвалидный "Запорожец" в какой-то "перпетуум-мобиле"... Дед помер, избу поспешно заколотили, перпетуум-мобиле остался догнивать в сарайке...

Я выхожу на проложенную бульдозером дорогу и, пиная носком валенка снежные комья, иду к деревне, к её редким сизым дымкам. Ворона поднимается следом, кое-как удерживаясь на крыле в разреженном морозном воздухе. Она тяжело садится передо мной на каменные руины молокозавода. Ещё несколько “слепых” изб попадаетеся на краю деревни, прежде чем слоистый дух жилища щекочет ноздри. Топят осиной и торфом. Берёза идёт только на растопку, ею пахнет всегда в сумерки — утром и вечером.

Я захожу к своему знакомцу Коле, которого издали видно в окошке. Он всегда рад мне и угощает с дороги самоварным чаем. Раньше мы не только чаёвничали... зато теперь чаёвничать стали с размахом. Коля даже купил пшавы и достал у старух щипчики для колки сахара. Я пробую у него на выбор четыре варенья, а кроме того и медок из плошки. Коля пьёт чай раз по десять на дню и, потев, рассказывает мне о “жисти”.

— Ты думаешь, мне в город ходу нет? Кхе-е-е... Сестры вона зовут, да и дочка тоже. Она, да ты, чай, слышал, в Минске замужем. Хоть на зиму, на морозы, грит, приедь. А мне неохота, Витёк... Пусть оне до моей персоны ездют. Как раньше. Тогдашки и не звал особо никто. Все ко мне ездилы, к нам тоись с Любой. А топеря? Чо топеря сменилось? Дрова есь, трава есь, здоровье пока тоже позволят. Чо это я отсюда попрусь, а? Ваш вон дом, Витёк, просел... А какой дом был! Две зимы в нём не пожили — и хана. Ты-то сам не надумал ко мне в суседи? Будешь в Столбичах учителом. Тут и всего-то три версты.

Я пытаюсь объяснить Коле, почему я не могу пока переехать в родное село, так сказать, вернуться в родные пенаты, ссылаясь на работу, на семейные обстоятельства. Но слушает он меня рассеянно, в глазах у него своё, نابлевшее, давно решённое в эти долгие зимние вечера.

— Издаля оно, конечно, по деревне сохнуть легче. А тебе бы вот тут сидеть да пописывать. Матрёне вдовой дров путёвых не дали — статейку, церковку нашу порушили — ты опять тут как тут. Может, и не порушили, если б знали, что живёт зля ее опаснай человек.

Я слушаю Колю, смотрю на его ватные штаны, валенки и фланелевую рубаху в крупную клетку. Ноги Коля бережёт и даже в протопленной избе не расстаеться с ватными штанами... без малого вот уж тридцать лет.

В ту давнюю теперь пору, когда Коля только женился, они с Любой получили от родителей молодую корову, которая пошла в зиму первым телёнком. Примерно недели за две до отёла коровёнка закапризничала, перестала жевать серку, томилась... Сено в половенке осталось — дрянь, лопух да осока. Тогда с сенокосами было туго, и мужики хватили где что придётся: то в овраге, то в лесочке, то у дороги. В летнюю пору за всей мужичьей самостоятельностью налажен был бдительный надзор. Даже по ночам ловили дерзнувших косить траву для своей коровы. (Помню, как моя бабушка утром, дрожа от страха, заметала граблями сенной след из лесу к нашей половне.) Поэтому мужики часто оставляли “приворованное” сено на зиму, ловко маскируя стожки под костры вершинника, либо ещё как. Коля посмотрел тогда на коровёнку, на жену, взял салазки и в сумерках побрёл к лесу, где имелось у него кое-что на чёрный день... В салазках лежали топорик (Коля называл его “ружьём”) и верёвка. Когда добрался до места, уже вывездило, и наладилась сухой февральский мороз. Стожок сильно засугрило, и Коля долго отбрасывал груды жёсткого, слежавшегося снега. Потом пошёл маскировочный хворост, который цеплялся за кусты и стволы деревьев. Коля вспотел и стал порывисто дышать, всюю хватая колючий морозный воздух заморенными лёгкими. Пока добрался до сена — слава Богу, уцелевшего, — ноги в коленях совсем не гнулись, в боку кололо, а пальцы рук, исцарапанные настом, почти не чуяли. Коля скинул прохудившиеся рукавицы и спрятал руки на груди под телогрейкой. Когда они маленько отошли, стал дёргать изпод снега сено и пластами укладывать его в санки. Все мысли были о доме: о беременной жене, о голодной хворой корове, которой полагалось стать кормилицей встающей на ноги семьи.

“Люба небось, — думал Коля, — щас корове картошки намяла, отрубей подсолила... А тута и я с сенцом подтащусь. От мы ее и подыдем”. Коля

вспомнил добрые коровьи глаза с поволокой, тёплое её дыхание на холодном подворье. “Надо бы и соломки ей подкинуть свежей... побольше. Пусть её зароется и дремлет себе в тепле”.

Коля перехлестнул сено верёвками, упёрся в него валенком, стянул, стал вязать... И тут услышал морозящий душу вой. Близко услышал, почти за спиной. Во рту пересохло и стало горчить, словно всё сено на салазках было пропитано польнёю. Коля увидел над ближайшей сосной большую бесчувственную луну и рядом с ней маленькое белое облачко, сквозь которое катились на макушки леса синие холодные звёзды...

Коля понял, что дела его плохи, потому что до опушки было версты две. Не пройти и половины. Он вспомнил, как в детстве видел порезанных волком овец, вспомнил их беспомощно вытянутые шеи с кровавыми прорехами на горле, вспомнил их грязную липкую шерсть...

Коля подтащил салазки к раскидистой сучковатой сосне, прислушался и, холодея, понял, что не взял спичек... Между тем вой приблизился и смолк.

— Всё, засекли, сволочи! — подумал Коля вслух и, захватив вязанку сена, полез вместе с ней на сосну.

Он выбрал надёжную развилку, где, закрепившись верёвкой, как мог, утеплить себя сеном и лапником. Волки надёжно обложили его на дереве, как охотники медведя. Он впервые в жизни увидел совсем рядом их холодные злые глаза и услышал нетерпеливый зубной лязг возле самых своих ног, потому что некоторые из зверей, вставая на задние лапы, тянули свои ощерившиеся рыла вдоль ствола к человеческому запаху. Сначала Коля замер, боясь даже пошевелиться. Но потом, когда мороз стал порядком донимать его, а глаза помаленьку привыкли ко всему, что творилось внизу, возле салазок, он решил бросать в волков сосновые шишки и сучки, какие удавалось достать топором. Звери шарахались от дерева в стороны, но потом снова подбирались к стволу и нудно выли, словно уговаривая Колю к ним спуститься.

Под утро Коля понял, что замерзает, и, чтобы не уснуть, стал разговаривать с волками, как с врагами трудового крестьянства. Но они растеребливали сено вокруг сосны и царапали её ствол когтями.

— Вот б... — плакал Коля, замерзая, — ни днём, ни ночью христьянину своё не взять!.. Как сговорились!

Колю сняли с дерева утром, выйдя на него по санному следу. Особенно у Коли пострадали ноги, которые трудно было укрыть сеном, да и двигать ими на дереве оказалось затруднительно. Проплакав всю ночь, Люба так и не решилась звать людей на поиски, чего не может простить себе и тому “странному” для села времени до сих пор...

И вот теперь я слушаю про Колину “жизнь”. Много в ней случилось — и хорошего, и плохого. Его никак не назовёшь передовым колхозником, ударником... Но и в лентях он, судя по всему, не ходил. Он жалеет мою разрушающуюся фамильную избу, обижается, что я не хочу к нему “в соседь”, и, не будучи человеком религиозным, всхлипывает по церкви, которую сломали недавно на его глазах.

Коля, я привезу тебе из города змеиного яда, чтобы растирать перед сном твои простуженные ноги, я пришлю тебе настоящего индийского чаю и заморских конфеток с ромом. Я обязательно вышлю тебе свою книжку, если её издадут когда-нибудь, я буду чаще приезжать к тебе... но ты прости меня, Коля, я не стану твоим “соседом”, не смогу, духу не хватит... Завтра утром я пойду к автобусу мимо поделеповатых беспризорных изб, пойду не оглядываясь, чтобы не опоздать на работу...

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

“Как этих нищих провели...”

*И в жёлтых окнах засмеются,
Как этих нищих провели.*

Александр Блок

Дымчатая мгла над Москвой. Посреди ночного неба медленно, с инопланетной отрешённостью движутся навстречу друг другу два вертолёт, неся перед собой золотые охапки света. А в центре картины – неправдоподобно яркий костёр, огненная корона на трёхсотметровой высоте. Горит небоскрёб “Федерация” – амбициозный проект столичных властей, призванный стать самым высоким зданием Европы.

Прорвавшись сквозь обвалившиеся перекрытия, пламя бушует, как олимпийский огонь в исполинской чаше. Далеко внизу мерцает красными огоньками стоп-сигналов эстакада. Третье кольцо, включив “аварийки”, встало. Сотни зевак, выйдя из авто, задрали головы, не в силах оторвать глаз от завораживающего зрелища.

Огонь не удавалось укротить четыре часа. Пожарные лезли на 67-й этаж по внутренним лестницам. Лифты отключили. Водопровод не работал. Выяснилось – как всегда у нас внезапно, – что одуревший от бешеных денег город, решивший (знай наших!) отгрохать собственный Манхеттен, не обзавёлся эффективными системами борьбы с огнём. О чём с прямолинейностью отставника высказался тогда ещё глава МЧС С. Шойгу: “... В столице пока не удалось создать абсолютно надёжной технологии для тушения пожаров в высотных объектах” (“Коммерсантъ”, 04.04.2012).

Я открыл эту книгу описанием трагедии. Взрывы в московском метро 29 марта 2010 года дали побудительный импульс, эмоциональный толчок для начала работы. Два года спустя приходится завершать её упоминанием о новой трагедии. Тройной! В тот же день, 2 апреля, когда полыхала “Федерация” (согласитесь, в такой ситуации название башни приобретает символическое значение), на окраине столицы сгорел строительный рынок “Кочановский” – погибли 17 человек, а под Тюменью разбился пассажирский самолёт – 33 погибших (“Новости”, РБК, 03.04.2012).

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 г.; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 г.; № 1, 2 за 2012 г.

...Незадолго перед тем страна в очередной раз проголосовала за Путина – “гаранта стабильности”.

За время его правления население уменьшилось на 2,3 млн человек. На самом деле убыль куда значительнее: “Если бы не миграция, в стране проживало бы 135 млн человек”, – считают эксперты (www.BBC.co.uk/russian/russia/2011/12/111216_census_rosstat_demography.shtml).

Подводя в Думе итоги своего премьерства, Путин похвалялся увеличением рождаемости. Между тем, к 2050 году население России может сократиться до 107 млн человек. И это оптимистический сценарий! Пессимисты уверяют: к середине столетия нас останется 80 млн (“Независимая газета”, 17.02.2012).

Восполнить убыль власти надеются с помощью мигрантов. “...К 2025 г. в России будут работать 20–30 млн иностранцев”, – констатирует бывший заместитель директора ФМС В. Поставнин (“АиФ”, № 13, 2012). Анализируя подготовленную ФМС “Концепцию государственной миграционной политики до 2025 года”, “АиФ” подчёркивает: она может привести к “деградации и вымиранию 10% коренного населения с последующей заменой их чужеземцами. В итоге полностью изменится (разрядка моя. – А. К.) этнический состав россиян” (там же).

По количеству техногенных катастроф путинская РФ занимает третье место в мире – после Китая и Индии (riskprom.ru/publ/sovremennye_opasnosti...). Притом, что население нашей страны в десять раз меньше, чем в Индии и Китае!

Чудовищно изношена инфраструктура. Но и людская психика за годы рыночных реформ покорёжена до предела. Человеческая жизнь – собственная в том числе – не стоит и копейки. Даже профессионалы наплевательски относятся к требованиям безопасности.

10 тысяч человек в год гибнут на производстве. 28 тысяч – на дорогах. 14–15 тысяч – в огне*.

В Сибири только сошёл снег, а тайга уже полыхает на тысячах га; несколько посёлков сгорело. Сходят с рельсов железнодорожные составы. Обрушиваются мосты – в Хакасии, под Питером. Рушатся дома. Последний случай: “9 человек пострадали и один погиб в ходе обрушения строящегося дома на юге Москвы” (“Коммерсантъ”, 18.04.2012).

Взрываются артиллерийские арсеналы от Нижегородской области до Приморья. 19 случаев с 2000 года**. Взрывается бытовой газ – мартовская трагедия в Астрахани напомнила: “более 30% газовых плит в стране могут рвануть в любой момент, т. к. эксплуатируются более 40 лет” (“Независимая газета”, 05.03.2012).

Но есть угрозы и пострашнее.

С 2000 года, когда “национальный лидер” пришёл к власти, затонули две атомные подводные лодки. Ещё на трёх случился пожар (“Екатеринбург” в декабре 2011-го горел с невыгруженным ядерным боезапасом*; рванул бы – и какая там Мурманская область, а заодно и Норвегия?!) Целое созвездие спутников рухнуло на землю. Произошло 45 авиакатастроф (Википедия). Только за один день – 6 апреля 2012 года разбился один самолёт и два вертолёт (Бегущая строка, РБК, 06.04.2012).**

Это не просто плохая статистика. Это многообразные индикаторы, показывающие: страна по-прежнему живёт в режиме кризиса. Нулевые и скверно начавшиеся десятилетия на поверку оказываются столь же “лихими”, как и 90-е, которым их демагогически противопоставляет власть.

Ни на высшем уровне, где формируют политические установки, ни на уровне профессионального управления, где вырабатываются конкретные решения, не принимают ничего, чтобы ситуацию изменить. Отсюда обилие и пугающая повторяемость техногенных катастроф. Отсюда и атмосфера всеобщего разлада, порождающая волну молодёж-

* Данные приведены по следующим источникам: Бегущая строка. РБК, 18.04.2012; kbs.ru/text/newslines/500025.html; voinanet.ucos.ru/index/pozhar/0-9621.

** Сайт Kavkaz.ge (2011/06/06) сообщает о 14 случаях до 2011 года. Ещё 5 произошли с тех пор (“Независимая газета”, 21.05.2012).

*** “Независимая газета”, 14.05.2012.

ных самоубийств (1-е место в мире по этому показателю), увеличение числа сердечно-сосудистых заболеваний, взрывной рост наркомании. По данным Центра стратегических оценок, “в России за последние 5 лет количество наркоманов увеличилось в 11 раз. В настоящее время их, по разным оценкам, 2,5–5 млн человек. Только за 2010 г. от наркомании погибло более 100 тыс. человек” (csef.ru/studies/politics/projects/russia_future/articles/1854).

Руководство РФ и персонально “национальный лидер” несут ответственность за происходящее. Понятно, не за каждый отдельный случай – за положение дел в стране.

В ответ обычно бросают: “Критиковать легко, попробуйте сами сделать что-нибудь стоящее!” Возражение недостойное власти.

Тем более странно слышать его от тех, кто всеми правдами, а пуще неправдами пытается не допустить оппозицию во власть – даже на муниципальном уровне. Туда, где под благие намерения подводят прочную основу бюджетного финансирования. Как же прикажете создавать “стоящее” без средств и полномочий? На голом общественном энтузиазме разве что забор во дворе можно покрасить. Что, собственно, не раз предлагала власть “несогласным”. Конечно, и это неплохо. Но, согласитесь, кардинальных проблем не решает.

Нет уж, господа начальники! Полнота власти означает полноту ответственности. Извольте отвечать.

Особо следует сказать о борьбе с терроризмом. В 2000-м Путина избрали на фоне прорыва Басаева в Дагестан и взрывов в Москве. После знаменитой фразы “мочить в сортире” люди увидели в нём лидера, способного заморозить Кавказ.

Спустя 12 лет боевые столкновения на Северном Кавказе продолжаются. Сводка начала нынешнего года: “За четыре дня спецоперации, проводимой силовиками на границе Чечни и Дагестана, погибли 17 сотрудников правоохранительных органов и 24 получили ранения” (“Коммерсантъ”, 20.02.2012). Другое дело, что в 2000-м о таких случаях кричало ТВ, а теперь о них, если и сообщают, то только в газетах – и то петитом в “подвале”.

А между тем война из Чечни перекинулась на весь российский Кавказ. Американский военный эксперт полковник Роберт Шаффер, автор книги “Мятеж в Чечне и на Северном Кавказе. От газавата к джихаду”, указывает: “...Только в 2008 году кавказские мятежники совершили более 400 атак на федеральные подразделения и около 750 в 2009 году. Количество убитых и раненых российских офицеров и солдат только за 2009 год достигло 960. Для сравнения: в Ираке и Афганистане за этот же период погибли 307 американских солдат и офицеров” (apocalypse-2012.com/miscellaneous/shaffer.html).

Увы, список можно продолжить: “По данным неправительственной организации “Кавказский узел”, в 2010 году на Северном Кавказе было проведено 236 террористических актов (видимо: атак. – А. К.), жертвами которых стали по меньшей мере 1710 человек: 754 убитых и 956 раненых” (newsland.ru/news/detail/id/716636). А это официальные данные командующего внутренними войсками: “За 11 месяцев 2011 года жертвами вооружённого конфликта на Северном Кавказе стали 1205 человек” (rus.expertclubge/portal/chid_10508/alias_Expertclub/lang_ru/tabid_2546/...).

Обыватель понятия не имеет об этой кровавой статистике. Он вздрагивает только тогда, когда в его городе происходит теракт. К несчастью, вздрагивать приходится часто. “За последние 10 лет, начиная с 2000 года, в России совершено 33 теракта только с участием смертников”, – сообщают СМИ (tv100.ru/news/Komu-vygodny-terakty-v-Rossii-36037...). По подсчётам сотрудников московского Центра стратегических оценок и прогнозов, в результате 700 человек погибли, 1500 пострадали (csef.ru/studies/politics/projects/russia_future/articles/1854).

“За последние 10 лет в России произошло больше серьёзных террористических актов, чем в любой другой стране мира, кроме Афганистана, Пакистана и Ирака, которые, в сущности, являются зонами военных действий”, – подытоживает американский журнал “Тайм” (inosmi.ru/politic/2011/01/28/166039718.html). Вот тебе и “замочил в сортире”!

Сегодня призывы к расправам с мирным населением звучат не только на Кавказе и не только из уст заведомых экстремистов. В конце ап-

реля – незадолго до возвращения Владимира Владимировича в Кремль – respectableный московский адвокат Дагир Хасавов, выходец из Чечни, в эфире канала РЕН ТВ заявил о необходимости введения в столице судов шариата. Это высказывание привлекло широкое внимание. Но куда более важным было окончание спича: **“Вы считаете, что мы приходим сюда в Россию, как в какое-то чужое место. А мы считаем, что мы у себя дома. Возможно, вы чужие (здесь и далее разрядка моя. – А. К.), а мы у себя дома. И мы будем устанавливать правила. Которые нас устраивают, хотите вы или нет. Любые попытки изменить это обольются кровью, в Москве будет второе мёртвое озеро. Мы зальём город кровью”** (newsru.com/russia/25apr2012/chariat_print.html).

Поразительно, но сколько-нибудь серьёзной реакции это возмутительное заявление не вызвало! Интернет, понятно, взорвался. Зато официальная пресса откликнулась вяло. Только “Комсомольская правда” и “МК” позволили себе сделать напрашивающиеся выводы. “Мусульманские праздники уже становятся в Москве демонстрацией массовости исламского населения столицы, – прокомментировала “КП”. – Но заявлять коренным жителям: “Возможно, вы здесь чужие, а мы – дома”, – до сих пор никто не решался” (“Комсомольская правда”, 26.04.2012).

Юлия Калинина в “МК” углубила констатацию: **“Говорить надо... о разделении российского населения на “нас” и на “вас”, которое очень точно констатировал Хасавов... Несмотря на недопустимую форму выражения этой страшной мысли, он ведь, по сути, всё сказал правильно. Страна наша действительно разделена на “вы” и “мы”. И между “нами” и “вами” нет никакой ясности насчёт того, кто у кого дома и кто чьим должен следовать правилам”** (“МК”, 26.04.2012).

Калинина язвительно замечает: “Но когда об этом пытаются говорить “вы” – им немедленно затыкают рот, объявляют их националистами и сажают за решётку. А когда об этом говорят “мы” – власти делают вид, что ничего не слышат” (там же).

Действительно, высшие руководители страны ни как не отреагировали на декларацию, призывающую к подрыву основ конституционного строя (всё-таки РФ пока ещё светское государство) и геноциду русского народа. Промолчали и лидеры парламентских партий. Видимо, у них есть дела поважнее. Только Сергей Митрохин, глава не слишком влиятельного “Яблока”, потребовал от Генпрокуратуры возбудить уголовное дело по факту высказываний Хасавова.

Надзорное ведомство, стремительно карающее русских националистов за куда менее вызывающие высказывания, на этот раз действовало со снисходительной медлительностью. Оно, конечно, начало проверку на предмет экстремизма, но пока колёса государственной машины приходили в движение, Хасавов выехал из России.

Фактически повторилась история со скандальным освобождением участников убийства Егора Свиридова и с попытками судебных выпустить из-под стражи убийцу другого москвича Ивана Агафонова – В. Мирзоева. Что наглядно показывает коренному населению столицы, как “родная” власть защищает их безопасность и жизнь!

И это вы называете отстаиванием национальных интересов? Это именуется стабильностью!?

Единственное, что позволяет поддержать в и д и м о с т ь благополучия – приток нефтедолларов. Колоссальный поток, с искушающей щедростью пролившийся на Россию. В 1999 году, когда Ельцин объявил Путина наследником, баррель нефти стоил 18 долл. В 2000-м, когда Путин стал президентом, цена выросла сразу на 10 долл. – до 28. В начале 2012-го баррель стоил 125 долл. Рост почти в 7 раз! С 2001-го по 2011 год страна получила от продажи нефти и газа умопомрачительную сумму – 1,6 триллиона долл. (newsru.com/finance/12apr2012/putex.html).

Несмотря на риторические призывы “слезть с нефтяной иглы”, доля энергоносителей в экспорте и доходах государственного бюджета постоянно растёт. “Из данных Росстата (обращаю внимание: статистика официальная. – А. К.) следует, что в структуре экспорта РФ с 1995-го по 2010 год доля минеральных продуктов (а это прежде всего топливное сырьё – нефть, газ,

уголь) неуклонно увеличивалась. Если в 1995 году эта доля составляла 42,5%, то в 2010 году она достигла уже почти 70% – рост более чем в 1,5 раза” (“Независимая газета”, 16.04.2012). Интерес представляет и сопоставление этих данных с показателями наукоёмкой продукции: “Доля машин, оборудования и транспортных средств в структуре экспорта сократилась с 10,2% в 1995 году до 5,7% в 2010-м” (там же).

Неудивительно, что половина доходов федерального бюджета формируется за счёт нефти, газа и другого сырья (wffw.info/289212/anatomya-ceny-na-neft*).

Выступая в Думе 11 апреля, Путин с гордостью утверждал, что Россия находится на шестом месте в мире по ВВП, исчисляемому по паритету покупательной способности. Наконец-то мы в элитном клубе!

Но, во-первых, всего 25 лет назад мы были вторыми в мире! Вторых, относительно высокие нынешние показатели в целом зависят от цен на энергоносители. Снизится стоимость барреля, и Россия заскользит вниз. Хорошо ещё, если плавно! А ведь может рухнуть...

К слову, дотошные эксперты напомнили “национальному лидеру”, что по темпам прироста ВВП Россия находится не на третьем месте в мире, как уверял Владимир Владимирович, а на 87-м – после Омана и перед Бурунди (newsru.com/finance/16apr2012/illarionov.html).

Выразителем и показателем ВВП на душу населения. Тут мы на 52-м месте (“МК”, 23.04.2012).

А верхнюю строчку занимает Катар – нефтегазовый эмират в Персидском заливе. В первую шестёрку входят ещё три нефтедобывающих государства – Норвегия, Бруней и ОАЭ (uchet-info.ru/samye-bogatye-gosudarstva-po-mneniyu-zhurnala-forbes). Так что хвастаться высшими экономическими достижениями нам не с руки. Скорее, следует удивляться тому, что при таких природных богатствах показатели весьма скромные.

Во что же наши правители вложили свалившиеся на них богатства? В инновационные отрасли? Их продукции не видел даже А. Чубайс, которому Путин в очередной раз поручил самый ответственный участок экономической деятельности.

Правда, Владимир Владимирович замахнулся на создание 25 млн новых рабочих мест до 2020 года. Специалисты подсчитали: демографические возможности страны не позволяют заполнить их новыми сотрудниками. Может быть, речь о том, чтобы перевести на инновационные предприятия тех, кто сегодня занят на устаревших производствах? Но при нынешнем уровне развития энергетики (снова спасибо Чубайсу!) этого не позволит сделать нехватка электроэнергии (“Парламентский час”. Россия-24. 15.04.2012).

Возможно, следует ожидать масштабных вливаний в “человеческий капитал”? В думской речи Путин щедро пообещал: “Минимальный размер оплаты труда в ближайшие несколько лет (разрядка моя. – А. К.) должен сравняться с уровнем прожиточного минимума” (цит. по: “Коммерсантъ”, 12.04.2012).

Подумать только – какая забота о людях! Получив 1,6 триллиона халлявных по сути долларов, правительство сулит в туманной перспективе подогнать зарплату к минимуму, обеспечивающему физическое выживание. Хотя ещё вопрос: насколько обеспечивающему? “МК” поведal о рискованном эксперименте: кубанский чиновник, замглавы одного из районов Краснодарского края, дабы лучше представить условия, в которых обитают обездоленные, взялся протянуть месяц на прожиточном минимуме. Похудел на 5,5 кг (“МК”, 20.04.2012). Хорошо хоть не умер от истощения.

Одновременно с Владимиром Путиным итоги развития российской экономики в последние годы подвели китайские эксперты. Обычно образцово сдержанные, на этот раз они не сочли нужным скрывать эмоции. “Китайцы не нашли ни одного достойного упоминания позитивного результата правления тандема”, – пересказывает “НГ” статью в “Жэньминь жибао”, озаглавленную “Что делать Путину в новой и сложной России?” (“Независимая газета”, 17.04.2012).

Наша экономика, по мнению китайцев, накопила как минимум шесть ключевых дефектов. 1. Серьёзный дефицит трудовых ресурсов. 2. Низкая способ-

* Кстати, советую прочесть – отличная работа!

ность бизнеса к самоорганизации. 3. Сырьевое искажение структуры экономики. 4. Рост барьеров для инвестиций. 5. Нарастающее отставание в сфере технологий. 6. Доминирование монополий (там же).

Боюсь, эта неприглядная картина, набросанная наблюдателями со стороны, более точно характеризует состояние российской экономики, чем парадная речь Путина.

Любопытно: почему китайские эксперты отказались от традиционной сдержанности? Скорее всего их начинает заботить тот же вопрос, который мы обсуждали в предыдущих главах: сможет ли Россия сохранить свою территориальную целостность? Ведь мы не просто имеем протяжённую границу с Поднебесной. На территории РФ находятся крупнейшие в мире запасы сырья. И Пекину небезразлично, кому в итоге они могут достаться. В такой ситуации не до церемоний. Наши соседи и партнёры подают Москве тревожный сигнал: очнитесь! меняйте курс! вы летите в пропасть!

Понятно, что голосовать за продолжение этого курса люди в нормальной ситуации, что называется, в “здравом уме и трезвой памяти”, не стали бы. Замеры общественного мнения, проводимые в обычное время, показывают: население недовольно положением дел. По данным майского (2012 г.) опроса 29% считают, что “страна развивается в неправильном направлении”, ещё 35% – “не развивается, а топчется на месте” (“АиФ”, № 20, 2012). Учитывая такой настрой, перед выборами ситуацию начинают целенаправленно разогревать.

Нет, я не имею в виду протесты на Болотной и Сахарова. То была естественная реакция на подтасовку парламентских выборов и гибельный застой.

Ситуацию разогревали те, кто сознательно и с к а ж а л картину происходящего, придавая н о р м а л ь н о м у протестному движению, которое имеется в любой демократической стране, н е с в о й с т в е н н ы е ему черты “коварного заговора” и чуть ли не “кровавого бунта”.

Примечательно: “весеннее обострение” случается перед каждой президентской кампанией. В 1996 году протрубили опасность “красного реванша”. На полном серьёзе уверяли: Зюганов не только отберёт заводы у олигархов, но и приватизированные квартиры у рядовых граждан. Выборы-2000 провели под аккомпанемент артиллерийской канонады на Кавказе. Кампания 2004 года сопровождалась слухами об “олигархическом перевороте”.

К выборам-2008 начали готовиться загодя. Видимо, никак не могли определиться с возможностью третьего срока. На всякий случай Путина представляли как единственного спасителя от некоего безымянного хаоса. Б. Грызлов взывал: “Россия без Путина” – это Россия без руководства, Россия без воли. Россия, которую можно делить и с которой можно делать всё что угодно” (“Российская газета”, 17.10.2007).

Надо ли уточнять, что ре а л ь н о й опасностью была только в 2000-м. В остальных случаях сама жизнь показала вздорность раздуваемых властями угроз. В 96-м коммунистов во власть не пустили, но в 98-м – после дефолта – их пригласил в правительство сам Ельцин. Юрий Маслюков, бывший председатель советского Госплана, а на момент кризиса депутат Думы от КПрФ, получил пост первого вице-премьера и рухнувшую российскую экономику в придачу. За полгода он поднял её, оживил производство, стабилизировал рубль. И, разумеется, никто не покушался на приватизированные квартиры...

В 2008-м Путин всё-таки покинул Кремль. Однако РФ, вопреки алармистским пророчествам Грызлова, не развалилась и не сдалась на милость обобщённого врага.

“Дурят”, остаётся сказать, вспомнив страшилки дней минувших.

В начале 2012-го всё повторилось. Уже и Грызлов убыл в нети, а “России без Путина” всё так же грозили “казни египетские”. “Оранжевая революция”. “Деньги Госдепа”. “Директивы Шарпа”. И кровавая баня.

Из всего перечисленного последний тезис легче всего проверить. Большую кровь не утаишь. Она либо окрашивает площади, либо нет. Долго спекулировать на эту тему невозможно.

Тем не менее, её держали на повестке дня до самых выборов. Показательны материалы газеты “Завтра”, неожиданно поддержавшей Путина. Накануне шествия “несогласных” по Якиманке А. Проханов писал в передовице: “4 февраля либералы планируют марш. Он задуман как движение стотысячной колонны, которая своей энергией, неукротимым напором прошибёт заборы ОМОНа, военные грузовики и турникеты, пойдёт на пулемёты кремлёвского полка” (“Завтра”, № 4, 2012).

4 февраля не перевернули не только ни одного “военного грузовика” – ни одной урны. Стотысячная толпа, объединившая и либералов, и левых, и русских националистов, вела себя на удивление сдержанно.

Тем не менее месяц спустя перед самыми выборами Проханов в очередной передовице уверял: “Лидерам оранжевой революции в ночь с четвёртого на пятое нужна людская кровь. Уже готовы фотообъективы, чтобы снимать растерзанные и распотанные трупы. Уже пишутся некрологи и воззвания. Уже готовятся похороны мучеников и проклятия их убийцам, укрывшимся за кремлёвской стеной. Эти будущие убитые люди ещё живы. Они ещё улыбаются, перебирают пальцами клавиши компьютера, пишут в блогах, кушают сладости в “Шоколаднице”, и не знают, что на них уже выписаны гробы и заказаны статьи в “Нью-Йорк таймс” и “Иерусалим пост” (“Завтра”, № 7, 2012).

Откуда Александру Андреевичу взял эти леденящие душу подробности, равно как и саму идею ночных столкновений? Извлёк из интервью лидеров “несогласных”? Но ни Удальцов, ни Навальный, ни тем более “договороспособный” Немцов ничего подобного не писали и не произносили! А может, автор воспользовался инсайдерской информацией “Иерусалим пост”?

Обманули коварные иудеи!

Теперь-то мы понимаем: всё это – полёт фантазии маститого писателя. Но на следующий день после выхода газеты ко мне в дверь позвонила соседка – славная пожилая женщина. На ней лица не было. “Александр Иванович, я ночь не спала! – без предисловий выдохнула она, указывая на передовицу. – Неужели это правда?!”

Я, как мог, успел идею разволновавшую женщину. Напоследок посоветовал: “Не читайте... пропаганду!”

В те дни пропаганда, взвинченная, злая, заполняла страницы газет, лезла с экрана. На что уж тихий и деликатный человек председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, но и тот отметил. “Движение к праву или к хаосу?” – грозно вопрошал заголовок его статьи в “Российской газете” (26.01.2012).

Либеральная “Литературка” не отставала от воинственной “Завтра”. “События развиваются в контексте войн нового типа, – докладывал доктор социальных наук Е. Андрищенко. – Они начинаются в виде организованных с помощью информационных технологий толпообразований, беспардонно имитирующих “волю всего народа”, сопровождаются провокационными убийствами и сакральными жертвами, а завершаются вооружёнными конфликтами, переходящими в гражданскую войну” (“Литературная газета”, № 11, 2012).

Заметьте, в отличие от Проханова, излагающего свои пророчества в стиле “футуршока”, автор “Литгазеты” упоминает о “провокационных убийствах” как о чём-то произошедшем реально – очередном этапе разворачивающегося процесса: “начинаются”, “сопровождаются”, “завершаются”. Постойте, доктор социологии, откуда вам известно, чем “завершаются” события, если они не более чем плод вашего воображения?

Тем временем военная лексика, предложенная пылками гуманитариями, пришлась по душе власти имущим. На их фоне Проханов выглядел либералом. Беседуя с губернатором Псковской области, он советовал: “Технология “оранжевой революции” – она, конечно, отработана, она проверена, она действует. А контригры, по существу, нет, или она не видна”. В ответ раздалось губернаторское внушение: “А разве нужна какая-то “контригра”? Если мы говорим про “оранжевую революцию”, то речь должна идти вовсе не об игре, а о войне. Не нужно иллюзий – с нами не играют, с нами воюют, и мы не должны думать, что это “всего лишь” такая геополитическая игра. А на войне как на войне” (“Завтра”, № 9, 2012).

Хотелось бы знать, как сам г-н губернатор понимает сакраментальное “на

войне как на войне”? Он действительно готов воевать с молодыми интеллектуалами, вышедшими на площадь, чтобы потребовать честных выборов?

Отметился военной лексикой и Владимир Владимирович. Его речь на митинге в Лужниках звенела боевым металлом: “Битва за Россию продолжается, победа будет за нами!”; “Умрёмте ж под Москвой!” (цит. по: “Коммерсантъ”, 24.02.2012).

Проправительственную массовку этот настрой захватил ещё на Поклонной. Телекамеры выхватывали плакаты: “Замочим “пятую колонну”; “Белые ленточки – белые тапочки” (“Вести недели”. Россия-24, 05.02.2012). Сравните: на Болотной никто не призывал кого-нибудь “замочить”.

Агрессивный настрой сознательно подогревался, пестовался, обосновывался. Участие в этом принимали персонажи самые неожиданные – вплоть до серьёзного учёного Ольги Крыштановской, похоже, изменившейся с тех пор, как она вступила в “Единую Россию”. С неакадемическим задором она пугала: “Болотная разбудила Поклонную. Мирные сторонники Путина могут и перестать быть мирными (разрядка моя. – А. К.). Они могут встать на защиту человека, за которого голосовали” (“Коммерсантъ”, 20.02.2012).

Так и подмывает просить: на защиту – от кого? Кто смеет угрожать “национальному лидеру”?

Угроза материализовалась ровно за неделю до выборов. Все прежние истории, несмотря на ужасающие детали, откровенно говоря, не слишком впечатляли. Если вы называете своих оппонентов “хомячками”, не пытайтесь потом представить их в качестве “кровавых монстров”. Либо “хомячки” – либо “монстры”.

Другое дело – “чеченские террористы”. Тут даже особых подробностей не надо. Назови слово – эффект достигнут.

Именно чеченские террористы появились на Первом канале 27 февраля. Они цинично признавались в планах покушения на Владимира Владимировича.

Не стану углубляться в подробности истории. У многих журналистов она вызвала сомнения. “Реальное покушение или одесский анекдот?” – вопрошал заголовком в “МК” (28.02.2012).

И впрямь: зачем людям, которых украинская СБУ застукала в Одессе за изготовлением бомб, брать на себя “расстрельную” статью? “Улик, подтверждающих далеко идущие замыслы Адама Осмаева и его команды, на тот момент у следствия абсолютно не было” (“Коммерсантъ”, 10.04.2012).

Но и оспаривать официальную версию у меня нет оснований. Я не криминалист, а писатель. Меня интересуют не зловещие планы террористов, а их интерпретация, способ подачи в прессе.

И тут, как специалист, отмечу несколько особенностей.

Первая. Публика узнала о готовящемся покушении не из официальных источников – украинских или российских. О нём рассказали журналисты Первого канала, отправившиеся в Одессу и взявшие интервью (?) у фигурантов дела. Очевидна ставка на максимальный информационный эффект.

Вторая. Инцидент тут же связали с предвыборной борьбой. Хотя из показаний предполагаемых террористов явствовало, что они только учились подрывному делу и планировали покушение в неопределённом будущем. Однако уже 28 февраля бывший руководитель ФСБ, а ныне депутат Думы от “Единой России” Николай Ковалёв увязал планируемый теракт с “массовыми протестами” (inosmi.ru/politic/2012_02_28/187081333.html).

Третья. Поднявшаяся шумиха улеглась столь же внезапно, как и возникла. Сенсация продержалась всего два дня. Почему? Тут можно только догадываться.

Сообщение о готовящемся покушении прозвучало утром 27 февраля. А в середине того же дня в Астрахани взрыв бытового газа разрушил жилой дом. На следующее утро газеты опубликовали снимки с места трагедии. Фото взорванной девятиэтажки как две капли воды походило на фотографии такого же дома, взорванного в Москве на улице Гурьянова в 1999 году. Что не преминул подчеркнуть “МК”, опубликовавший оба снимка и сопроводивший их подписью: “Внешне вчерашний взрыв в Астрахани очень похож на взрыв московского дома на улице Гурьянова в сентябре 1999 г.” (“МК”, 28.02.2012).

О московских взрывах той предвыборной осени ходили самые тёмные слухи. Вполне возможно, какая-то светлая голова в Кремле решила, что

взрыв плюс покушение – перебор. В воздухе и так запахло чрезвычайщиной.

Справедлива догадка или нет, мы, скорее всего, не узнаем. Как бы то ни было, тему покушения сняли с повестки дня.

Последняя неделя избирательной кампании прошла безо всяких инцидентов. Да и в течение всего февраля ничего экстраординарного не произошло. НИ-ЧЕ-ГО! Что лучше всяких рассуждений доказывает: оппозиция не вынашивала “кровавых планов”! Упоминания о них в официальной печати и на предвыборных митингах всего лишь про па г а н д а, призванная очернить оппозицию и мобилизовать электорат главного кандидата.

Ещё одна дежурная тема той поры – “деньги Госдепа”. Пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков объявил: деньги поступают “из Вашингтона официально и неофициально... Идут на поддержку разных организаций... и на обострение ситуации. Мы не так просто говорим об этом. Мы говорим, потому что знаем” (inosmi.ru/politic/2012_02_06/18504407.html).

Обязывающее заявление. Тут два обвинения в одном: вызов Соединённым Штатам (мы знаем, что вы ведёте подрывную работу на нашей территории) и фактически статья об измене Родине, адресованная “несогласным”. В правовом государстве такие обвинения принято подкреплять серьёзными доказательствами. “Явки, пароли, адреса”, – как любит говорить шеф Пескова. Доказательства отсутствовали!

Попробуем разобраться сами. То, что американцы широко финансируют различные НКО и оппозиционные движения по всему миру, не секрет. Как правило, они прямо заявляют об этом, но порой действуют скрытно. Однако тайное неизбежно становится явным. Уж на что хитроумной была сделка, получившая впоследствии название “Иран-контрас”, но и она стала достоянием прессы*.

В случае с “несогласными” утаить что-либо попросту невозможно: настолько плотно их опекали спецслужбы. Телефоны прослушивали, даже случайные разговоры в кафе записывали. О чём свидетельствуют многочисленные “сливы” в печати.

Я слишком высокого мнения об отечественных специалистах, чтобы допустить мысль о возможности вульгарно обмануть их, скрыть от всевидящего ока знакомый по шпионским триллерам трюк с передачей “дипломата”, набитого долларами. Обналичивание денег с какого-то тайного счёта и вовсе исключено: операции такого рода тщательно отслеживаются.

А поскольку ни о каких конкретных случаях и суммах отечественные спецслужбы (и пресса) не упоминали, можно с уверенностью заключить: ни Госдеп, ни какие-либо другие американские, западные, зарубежные инстанции и институты “несогласных” не финансировали.

... Но Джин Шарп – великий и ужасный! Неужели он не отдавал приказаний “несогласным”? А как же заявление зампреда Центральной избирательной комиссии Ивлева (представляет “Единую Россию”), он прямо обвинил сторонников честных выборов в том, что они “выполняют инструкцию пункта 17 книги Шарпа о ненасильственных революциях” (“Новости”. РБК, 02.03.2012).

В. Сурков ещё более категоричен. По его словам, оппозиционеры “действуют буквально по книжкам Шарпа”. Вице-премьер издевательски посоветовал им “немного отклониться от инструкции, пофантазировать” (newsru.com/world/22feb2012/sharp_print.html).

О книге Шарпа “От диктатуры к демократии” в российской печати заговорили в минувшем декабре после первой волны протестов. Политологи выхватились: я узнал о ней много лет назад; а я говорил о ней ещё в девяностые.

На самом деле споры “первооткрывателей” смешны: книга давно известна, русский перевод выложен в интернете: <http://tululu.ru/read15357/16...>

* В середине 80-х годов американская администрация, не имея законной возможности финансировать деятельность повстанцев, боровшихся с марксистским правительством Никарагуа, тайно поставляла оружие в Иран, а вырученные средства переправляла повстанцам-“контрас”. Не прошло нескольких месяцев, как мировая пресса предала эту историю огласке (Википедия).

И вот потрясающая основы работа передо мной. “Беру, как бомбу, беру, как ежа, как бритву обоюдоострую”. И... разочарованно откладываю. Это свод всем известных методов ненасильственной борьбы.

Ознакомьтесь: “1. Публичные выступления. 2. Письма протеста или поддержки. 3. Декларации организаций и учреждений. 4. Публичные заявления, подписанные известными людьми. 5. Декларации обвинения и намерений...” Скажите на милость, сами-то вы – без шарповских шпаргалок – не догадались бы заручиться “письмами поддержки” выдвинутых вами инициатив? У нас этим занимается любая инициативная группа, борющаяся против точечной застройки или вырубки деревьев.

А вот и пункт 17. Надо признать, самый загадочный: “Псевдо-выборы”. Не знаю, как истолковал это г-н Ивлев. “Псевдо-выборы”, скорее, по его части. Но из контекста (рядом “сатирические награждения”) можно догадаться, что речь идёт о пародии на выборные процедуры.

Шарп и сам не скрывает, что он не творец, а классификатор: он изучал методы ненасильственной борьбы Ганди, опыт мировых революций, в том числе русских, достижения чернокожих борцов за гражданские права в Америке. Его заслуга в том, что он обобщил их, описал и распределил по категориям.

“Известно примерно двести конкретных методов ненасильственных действий, – пишет Шарп и тут же признаётся в неполноте своего списка, – на деле их наверняка намного больше. Такие методы разбиваются на три общих категории: протесты и убеждение, отказ от сотрудничества и вмешательство. Методы ненасильственного протеста и убеждения в основном включают символические демонстрации, в том числе процессии, марши и пикеты (54 метода). Отказ от сотрудничества разделяется на четыре подкатегории: а) отказ в социальном сотрудничестве (16 методов), б) отказ в экономическом сотрудничестве, в том числе бойкоты (26 методов) и забастовки (23 метода), и отказ в политическом сотрудничестве (38 методов). Ненасильственное вмешательство с использованием психологических, физических, социальных, экономических или политических средств, таких как голодовки, ненасильственная оккупация и параллельное самоуправление (41 метод), образует последнюю группу”.

Обстоятельно. Занудливо. Полезно. Большой набор предложенных средств побуждает задумываться, комбинировать, не зацикливаясь на одном способе борьбы.

Кстати, оглядываясь на действия “несогласных” зимой 2011 – весной 2012-го, следует признать: книгу Шарпа они не изучали, а если и знакомились с ней, то крайне поверхностно. Действовали примитивно и однообразно*.

Скорее в исполнении “директив Шарпа” можно уличить крестьян из деревни Бортники Калужской области или деревень Ярославщины, которые, не получая поддержки властей, создали органы “параллельного самоуправления” и решили свои проблемы. В первом случае построили мост, во втором – храм. Я рассказал об их примере в книге “Возвращение масс” (М., 2010).

Но значит ли это, что в Калужскую область шли шифровки из Америки? Конечно, нет! Можно наверняка утверждать, что книгу Шарпа жители Бортников даже не видели. Они пришли к тем же выводам, что и он, потому что эти выводы естественны. Создание “параллельного самоуправления” – наиболее эффективный способ отстаивания своих прав. Вспомните историю возникновения Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917-м, а до этого Совета уполномоченных в Иваново-Вознесенске в 1905 году.

И не пугайте нас Джином Шарпом. Сам-то он у русских мужиков учился!

– Так вы и “оранжевую революцию” отрицаете? – изумится читатель. В последнее время власти, политологи, пресса, а за ними и вся страна бездумно повторяют примелькавшийся термин, даже не пытаясь задуматься о его значении. Что ни перемена в мире – то непременно “революция”, и, как на грех, – “оранжевая”. Дошло до того, что Октябрь 17-го отнесли к их числу. Сам видел в интернете.

* Изобретательность проявилась только в мае, когда митинговую активность дополнила карнавальная стихия: “протестные гуляния”, “контрольные прогулки” и т.д.

Этак легко довести понятие до абсурда. Но определённую группу явлений этим термином охарактеризовать можно. Специалисты сходятся в том, что “оранжевыми” (“цветными”) являются Революция роз в Грузии (2003 г.), Оранжевая революция на Украине (2004 г.). Многие причисляют к той же группе Бульдозерную революцию в Югославии (2000 г.) и две Тюльпановых в Киргизии (2005 г., 2010 г.) (см. статью “Понятие “цветной революции” в Википедии). Их особенности – ненасильственный характер и внешнее влияние. Как правило, американское. Но не только. В Киргизии в первой, а особенно во второй революции активно поучаствовала Москва.

Это самые общие сведения. Попытаемся углубиться в суть. Перечисленные государства (за исключением Югославии) впрямую охарактеризовать как “несостоявшиеся” или, говоря политкорректно, не завершившие своего становления. Обидно, конечно, но к таковым можно отнести половину африканских, значительную часть азиатских и постсоветских. Они образовались в составе метрополии не в результате развития собственного ядра, а питаются её приобретениями. Независимыми они стали вследствие ослабления Центра, а то и его нежелания содержать окраины.

Киргизия расколота на промышленный Север и аграрный Юг (кстати, они вошли в состав России в разное время). Первая Тюльпановая революция была восстанием Юга против правления Севера. Вторая восстановила господство северян.

Украина представляет собой сложную мозаику: Восток, Запад (воссоединился с Украиной в середине XX (!) века), Центр и Новороссия с Крымом. Противостояние 2004 года разворачивалось по линии Запад–Восток. Тогда Центр поддержал “западенцев”, что стало решающим для победы Оранжевой революции. Четыре года спустя центральные области держали нейтралитет, и власть “оранжевых” пала.

Грузия вообще – “лоскутное одеяло”. Исторически она разделена на Западную (со столицей в Кутаиси) и Восточную (со столицей в Тбилиси). В состав России их приняли в разное время. Отдельно к империи присоединилась Абхазия. Аджария была отвоёвана у турок в конце XIX века.

В Революции роз региональное противостояние не проявилось столь остро, как в других постсоветских республиках. Однако клан Абашидзе и Аджария в целом в 2003-м поддержали Э. Шеварднадзе против централизаторского проекта М. Саакашвили. К этому времени Грузия успела пережить гражданскую войну, в которой Звиад Гамсахурдия опирался на Западную Грузию в противостоянии с Тбилиси, а также окраинные войны в Абхазии и Южной Осетии.

Всё это чрезвычайно важно для понимания феномена “оранжевых революций”. Они происходили в государствах, расколотых по региональному, а отчасти национальному и цивилизационному признаку. Плюс отягощённым плохим управлением: руководители оказались либо дилетантами (З. Гамсахурдия, А. Акаев), либо коррупционерами (Э. Шеварднадзе, Л. Кучма, К. Бакиев).

В отличие от постсоветских республик, Югославия эпохи Бульдозерной революции была разрушенным государством. И дело не только в бомбёжках НАТО, хотя они нанесли колоссальный ущерб экономике, что резко снизило уровень жизни привыкших к европейскому комфорту югославов и вызвало понятное недовольство населения. В 2000 году Югославия состояла из двух республик, одна из которых, Сербия, лишилась 10% своей территории – ядра, где происходило формирование исторического государства, а вторая, Черногория, уже подумывала об отделении. Напомню: изначально в Югославию входило шесть республик.

Здесь разлом прошёл по тактической линии: следует ли продолжать противоборство – героическое, но обречённое, ибо Югославия столкнулась с совокупным Западом, или необходимо смириться и входить в Европейский дом на любых, пусть самых униженных условиях. Результат первого тура президентских выборов 2000 года показал: мнения разделились примерно поровну.

В странах, утративших державные скрепы, а то и вовсе их не имевших, дестабилизацию мог вызвать даже слабый толчок. Чтобы произвести его, достаточно усилий небольшой, но сплочённой группы.

Таковыми группами стали молодёжные организации – “Отпор” в Югославии, “Кмара” в Грузии, “Пора” на Украине. Костяк составили люди, прошедшие обучение у американских инструкторов.

Ещё одно условие – наличие яркого лидера. Внешнее влияние проявилось в том, что лидеры были тесно связаны с Западом. Михаил Саакашвили учился в Соединённых Штатах и женился на гражданке Нидерландов. Виктор Ющенко оказался под каблуком американской жены Клэр Чумаченко, сотрудницы Госдепа и, как подозревают, агента ЦРУ (gazeta-nd.com.ua/rubrics/dela-razumnye/530.php). Зоран Джинджич почти два десятилетия провёл в Германии в качестве эмигранта.

Итак: прозападный лидер, сплочённая группировка молодых “штурмовиков”, обученных на Западе, расколотая страна и всеобщее недовольство плохим управлением – составляющие “оранжевого” успеха.

Впрочем, даже при наличии всех условий успех нельзя считать гарантированным! Бульдозерная революция вознесла во власть не Джинджича, как надеялись его западные покровители, а сербского националиста Воислава Коштуницу. Другое дело, что Коштуница показал себя слабым лидером и в конечном счёте уступил реальную власть Джинджичу. Однако иной раз хитроумные операции штабов, составленных из политиков, интеллектуалов и сотрудников спецслужб, разрушает один выстрел из снайперской винтовки. В марте 2003-го Джинджича убили.

На Украине Запад добился своего, но “оранжевые” оказались никудышными управленцами и спустя четыре года, в результате свободных выборов, уступили власть В. Януковичу.

Круче всех – киргизы. Правившие поочерёдно К. Бакиев, Р. Отунбаева, А. Атамбаев кинули и американцев, и русских, которые, соперничая друг с другом, помогали то Северу, то Югу. Похоже, даже Пекину, действовавшему осторожнее и основательнее, не удалось взять под контроль своенравные киргизские кланы. Сейчас Алмазбек Атамбаев обхаживает Турцию, видимо, рассчитывая получить очередного спонсора. Выступая в Анкаре, киргизский президент расточал похвалы: “Для киргизов Турция – звезда, Родина-мать, указывающая нам дорогу” (“Коммерсант”, 06.04.2012).

Когда российские борцы с “оранжевой угрозой” с апломбом рассуждают о “директивах Шарпа”, “деньгах Госдепа” и прочих внешних факторах, они не учитывают одного, но самого важного обстоятельства – мнения коренного населения. Народа. Можно купить или поймать в “сладкую ловушку” лидера, обучить несколько десятков молодых “штурмовиков” и отдавать им приказы. Но эти приказы не пойдут дальше узкого круга, если не будут соответствовать интересам большинства. И то, что в расколотых странах это большинство изменило (вчера Центр блокировался с “западными”, а сегодня – с “донецкими”), усложняет условия, но сути дела не меняет.

Об этом, к счастью для репутации “Завтра”, напомнил один из авторов газеты: “... Не стоит ограничиваться удобной конспирологической версией о вездесущей “руке Госдепа США”. Разумеется, американцы преследуют свои политические интересы по всему миру. И тень дяди Сэма мелькает в любой мало-мальски серьёзной заварушке... Но есть ещё и воля народов, как это ни пафосно звучит” (“Завтра”, № 8, 2012).

Вот именно – воля народов. Возвращаясь к России, мы должны спросить сами себя, русских, считаем ли мы наш народ субъектом истории, создателем и строителем государства, или рассматриваем его как игрушку внешних сил, с которой любой ловкач из-за рубежа может сотворить всё что угодно.

Ау, “государственники” за Кремлёвской стеной! Ау, всевозможные “наши”! Ответьте на вопрос без урёток. И если вы верите в русский народ, признайтесь: жупел “оранжевой угрозы” был использован вами исключительно в целях пропаганды. Вы и сами не думаете, будто революция – на манер украинской или грузинской – возможна у нас.

Во-первых, потому, что Россия, как бы слаба она ни была сегодня, является, конечно же, состоявшимся государством, пороку чему её более чем тысячелетняя история. Хотя свои линии разлома (те самые “мы” и “вы”) обозначились и у нас. Во-вторых, потому, что в России, слава Богу, нет обученных на Западе отрядов “штурмовиков”.

В-третьих, потому, что среди лидеров протеста нет прямых ставленников Запада, типа Ющенко или Саакашвили (в сравнении с ними тот же Немцов может рассматриваться в качестве всего лишь во лонтёра, но никак не уполномоченного).

С самого начала шумиху об “оранжевой угрозе” подняли с одной целью: опорочить людей, требовавших соблюдения элементарных правил на выборах всех уровней. В большинстве своём правдолюбцев, которые слыхом не слыхивали ни о Шарпе, ни о его “директивах”.

Демагогический характер этих обвинений сделался окончательно очевидным после того, как начальники на местах переняли риторику высшего руководства и стали направо и налево наклеивать на оппонентов ярлык “оранжевых”. Саратовский губернатор П. Ипатов, впоследствии уволенный Кремлём, обвинял областную думу в попытке “оранжевого захвата власти” (newsru.com/russia/01mar2012/ipatov_print.html). “Оранжевые” появились и на районном уровне. Так именовал голодавших в городе Лермонтове оппозиционеров губернатор Ставрополя, также позднее отставленный (newsru.com/russia/28feb2012/lermontov_print.html). Не поверите – “оранжевая угроза” добралась до глухих уральских посёлков – местные чиновники обнаружили её в посёлке Роза Челябинской области (“Независимая газета”, 12.04.2012).

Стоп! Приехали! Дальше некуда. Разве что “оранжевой чумой” станут клясть своих благоверных мужья, недовольные плохо сваренным борщом.

Уймись, господа! С “оранжевой угрозой” нас попросту надули. Пора успокоиться и не морочить ей голову доверчивым обывателям.

(Окончание главы следует)

АЛЕКСАНДР АЙВАЗОВ

КАК НАМ ПРЕОДОЛЕТЬ НОВЫЙ КРИЗИС?

Два канона Эрика Райнерта

Спор между экономистами-либералами и кейнсианцами, актуализировавшийся сегодня, ведется с переменным успехом вот уже более 250 лет, и берет он свое начало в споре меркантилистов и физиократов еще с середины XVIII века.

Главной «родовой чертой» меркантилизма была ориентация на государство, которое призвано проводить экономическую политику по защите внутреннего рынка от иностранных конкурентов, формированию внутреннего спроса и продвижению отечественных компаний на мировом рынке. Физиократы придерживались диаметрально противоположных принципов экономического развития. Они считали, что государство должно как можно меньше принимать участие в экономической жизни страны, исполнять роль «ночного сторожа», охраняющего частную собственность, «священную и неприкосновенную». Именно физиократам наука обязана принципом, который написан на знаменах либеральных экономистов всех мастей: «laissez faire, laissez passer», что в вольном переводе означает «предоставь свободу действовать».

Несколько позже Адам Смит, опираясь на идеи физиократов, сформулировал абсолютно справедливую теорию о «невидимой руке» рынка, как стихийном действии объективных экономических законов, действующих помимо, а часто и против воли людей. Тот же А. Смит считал главным двигателем хозяйственной деятельности людей «корыстный интерес», который в условиях действия стихийных законов экономического развития формировал «естественный порядок вещей». Но А. Смит исследовал капитализм в период его становления, и поэтому просто не дожил до реальных последствий деятельности этой «невидимой руки рынка» и «естественного порядка вещей» в виде разрушительных экономических кризисов.

Один из известнейших современных экономистов норвежец Эрик Райнерт назвал эти два диаметрально противоположных течения экономической мысли двумя КАНОНАМИ. Первый канон – это либеральный подход, основанный на принципе «laissez faire, laissez passer», или «экономика предложения», второй канон – это протекционистский подход, основанный на максимальном участии государства в экономической жизни общества, формирующего государственный и потребительский спрос, или «экономика спроса». Разрабатывая теорию больших экономических циклов Н. Д. Кондратьева, я обратил внимание на то, что каждый очередной Кондратьевский цикл (К-цикл) характеризуется господством одного из этих канонов.

Более того, оказалось, что на понижательных волнах К-циклов происходит становление не только нового технологического уклада (ТУ), но и новой

модели экономического развития, основанной на том или ином каноне. Особенно это стало заметно в конце XIX века, когда Великобритания проводила либеральную политику “фритредерского империализма”, основанную на “золотом стандарте”. Это та же самая политика глобализации, только на другом, более низком витке исторического развития. Но когда в начале XX века США и Германия, проводившие жесткую политику протекционизма, обогнали Британию по своей промышленной мощи, британский капитал навязал США создание частной ФРС, находящейся под контролем Ротшильдов, а в Европе была развязана Первая мировая война.

Первая мировая война стала концом Британского цикла накопления капитала, продолжавшегося более 100 лет, а “невидимая рука рынка” довела процесс “фритредерского империализма” до Великой депрессии, в рамках которой сформировался четвертый ТУ, основанный на двигателе внутреннего сгорания и массовом использовании нефти, а также начала формироваться новая модель экономического развития, основанная на втором каноне.

Эта новая модель получила свое практическое воплощение в “Новом курсе” Ф. Д. Рузвельта, а теоретическое развитие в работах Дж. М. Кейнса, на которого и ссылался Пол Кругман. Интересная особенность – “Новый курс” Рузвельта, как и саму теорию Кейнса, большинство экономистов того периода, воспитанных на либерально-глобалистских идеях “фритредерского империализма”, категорически отвергало. Но уже после Второй мировой войны кейнсианские идеи завоевали весь “цивилизованный мир”, так как именно основываясь на этих идеях “экономики спроса”, во всех развитых странах были построены “государства всеобщего благосостояния”, в которых “средний класс” составлял более двух третей от общей численности населения этих стран. Поэтому, если в третьем К-цикле в период “финансовой экспансии” господствовали классические либеральные идеи, то в четвертом установилось господство кейнсианских идей с мощным регулирующим и перераспределительным участием государства в экономике.

Неолиберальная революция и “осень” Американского цикла

Но к 1970-м гг. потенциал роста четвертого ТУ был исчерпан, и мировая экономика скатилась в кризис “сверхнакопления”. Но именно в начале 1970-х гг. “кейнсианство” достигло своего наивысшего расцвета, когда даже президент США Ричард Никсон заявлял: “Все мы тут кейнсианцы!”. Хотя “невидимая рука рынка” и “естественный порядок вещей” уже требовал формирования нового, пятого ТУ и новой модели экономического развития, основанной на либеральных идеях. И к середине 1980-х гг. формирование этого нового ТУ, основанного на микропроцессорной технике, создании персональных компьютеров, интернета и мобильной связи, было завершено.

СССР же проспал формирование нового ТУ, нежась на мягкой “перине” из высоких цен на нефть, и как только начиная с 1985 года нефтяные цены обвалились, за ними обвалилась и экономика СССР. А вот западная рыночная экономика благодаря тому, что “невидимая рука рынка” смогла “нащупать” правильное направление движения, устояла и смогла перестроиться в условиях кризиса 1970–80-х гг., сформировав пятый ТУ. Но следствием кризиса “сверхнакопления” стало то, что свободные капиталы потекли из материального производства в финансовую сферу, то есть начался процесс “финансовой экспансии”, который, как и в период “фритредерского империализма”, потребовал либерализации мировой экономики. Именно поэтому на рубеже 1970–80-х гг. к власти в США и Великобритании пришли Р. Рейган и М. Тэтчер, осуществившие “неолиберальную революцию” в мировой экономике. В 1980-х гг. начался процесс “финансовой экспансии” и установилось господство первого канона в форме “неолиберализма”, основная идеология которого была сформулирована в “Вашингтонском консенсусе”.

В России после развала СССР также установилось господство неолиберальной идеологии, господствовавшей в тот исторический период практически повсеместно. К 2000 году потенциал роста пятого ТУ был исчерпан, о чем свидетельствовало обрушение рынка “новой экономики” и фондовой биржи Насдак, хотя по инерции до 2008 года мировая экономика все еще продолжала развиваться в рамках повышательной волны пятого К-цикла. Но в 2008 году Рубикон был перейден, и мир вошел в понижательную волну теперь уже

шестого К-цикла, во время которого будет сформирован шестой ТУ и новая модель экономического развития, основанная на идеологии второго канона. Мировая экономика вновь, как и в период Великой депрессии, входит в состояние “материальной экспансии” с присущей ей идеологией протекционизма, которую вот уже 30 лет осуществляет Китай. В 2020 году к нему перейдет лидерство в мировом экономическом развитии, и Американский системный цикл накопления, господствовавший почти 100 лет, сменится Азиатским.

На смену глобализации придет процесс “глокализации”, или регионализации мировой экономики. И единая до этого глобальная экономика с одним центром силы – США и одной резервной валютой – долларом США, распадется на несколько региональных союзов стран с минимальным потребительским рынком в 400–500 млн человек, со своими собственными региональными лидерами и со своей региональной резервной валютой. Уже сейчас проходит интенсивное формирование этих региональных союзов. Завершается, хотя и не без драматических противоречий, формирование Европейского Союза, формируется НАФТА (США, Канада и Мексика), но к нему, судя по всему, прикнет и Великобритания. Китай со странами АСЕАН уже сформировал зону свободной торговли, создаются союз стран Латинской Америки и ЕвразЭС (правда, у него явно недостаточный объем потребительского рынка, даже с учетом всех стран СНГ). За ними последуют Индия, исламские и африканские страны, и к 2020 году мировое сообщество будет представлять собой несколько мощных региональных союзов, способных противостоять всевластию ТНК.

И когда в своей предвыборной статье по экономике новый-старый президент России пишет, что он будет стремиться уменьшить роль государства в российской экономике, и что **“мы не можем рассчитывать на протекционистские меры”**, то этим он демонстрирует полное непонимание тех фундаментальных экономических процессов, которые происходят в современном мире, и свою приверженность уходящей неолиберальной экономической доктрине. Свободному неолиберальному рынку, создававшему условия наибольшего благоприятствования деятельности ТНК и финансовому капиталу, приходит конец, и тот руководитель государства, который будет следовать уходящему идеологическому канону, обречет развитие своей страны на застой и стагнацию. А те руководители стран, которые поймут в свои паруса “ветер перемен”, создадут условия для ускоренного развития своих стран, как это сделали на рубеже XIX–XX веков США и Германия, а на рубеже XX–XXI веков Китай, Бразилия и Индия.

Очень показательный в этом отношении пример привел в своем выступлении на Форуме “Россия 2012” в присутствии Путина американский финансист и ученый Майкл Милкен, сравнивший развитие Сингапура и Ямайки за последние 50 лет. В 1960 году обе эти страны находились примерно в одинаковых географических, природно-климатических и экономических условиях: ВВП на душу населения в Сингапуре составлял 2271 \$, на Ямайке – 2255 \$. Ямайка пошла по либеральному пути развития, положившись на “невидимую руку рынка”. Местный и иностранный капитал стал развивать природные ресурсы и туризм (благо, что для этого на Ямайке были превосходные условия), то есть он вложился туда, откуда без особых хлопот и финансовых вложений можно было качать деньги (в России это нефть, газ и другое сырье). В Сингапуре же нашелся человек с государственным мышлением по имени Ли Куан Ю, который не стал полагаться на “невидимую руку рынка”, а предложил государственную программу коренной модернизации сингапурской экономики. В результате к 2011 году ВВП на душу населения на Ямайке составил 5376 \$, а в Сингапуре – 50714 \$, то есть на порядок больше. Вот нагляднейший пример эффективности вмешательства государства в экономику страны.

Куда пойдём мы с Путиным, большой-большой секрет

Я согласен с теми предпринимателями и экспертами, которые считают, что Россия не готова вступать в ВТО, и что вступление в ВТО может нанести огромный ущерб российской экономике, но это при условии линейного развития мировой экономики. А она развивается циклически, и мы стоим на пороге смены моделей экономического развития, поэтому отдельные страны и их союзы все чаще нарушают подписанные ими требования ВТО. США угрожает протекционистскими мерами Китаю, ЕС заявляет, что будет допускать

к госзакупкам исключительно членом ЕС, а бразильский министр финансов повеселил мир “глубокомысленным” высказыванием: “Бразилия принимает не протекционистские, а защитные меры” (а что такое тогда протекционизм?). По мере углубления кризиса перепроизводства использование протекционистских мер будет возрастать повсеместно.

Поэтому ВТО, МВФ и ВБ, как институты уходящего Американского цикла накопления, будут реорганизовываться, а возможно даже и ликвидироваться в процессе смены неолиберальной модели на неокейнсианскую и перехода от Американского к Азиатскому циклу накопления. Все страны, формировавшие Азиатский цикл (Япония, Южная Корея, Сингапур и Китай), демонстрируют главенствующую роль государства в их экономическом развитии. И чтобы проводить грамотную, эффективную экономическую политику в условиях смены моделей экономического развития, руководители стран должны ясно понимать, куда должен “приплыть” руководимый ими корабль. Еще Сенека утверждал, что “когда капитан корабля не знает, в какой порт он ведет свой корабль, то любой ветер не будет для него попутным”. А наш новый-старый президент демонстрирует полное непонимание происходящих в мировой экономике процессов и пытается вести “корабль” российской экономики в русле уходящей неолиберальной модели экономического развития, то есть в обратном направлении.

У Ф. Д. Рузвельта и Р. Рейгана хватило ума и политической воли не плестись в хвосте инерционных представлений большинства, а уловить веление времени и резко сменить курс “американского корабля” в океане мирового экономического развития. Первый вопреки мнению большинства экономистов перевел экономику США с либеральных рельсов на кейнсианские, второй, наоборот, — с кейнсианских на неолиберальные, что помогло США преодолеть глубокие экономические кризисы и вывести страну на устойчивый путь экономического роста. Так же и Дэн Сяопину хватило мудрости и политической воли преодолеть косность и инертность партийного аппарата КПК, направив Китай по пути сверхбыстрого развития, и бесконечно отсталая еще каких-то 30 лет тому назад страна превратилась в одного из лидеров мирового экономического развития.

А вот хватит ли мудрости и политической воли В. Путину на превращение России в одного из лидеров мирового экономического развития, у меня есть серьезные сомнения. Как показывают его программные статьи, увидевшие свет перед выборами и состоящие из благих пожеланий, он не понимает, как можно достичь тех целей, которые сам же обозначил в этих статьях. О том, что нигде и никому в мире еще не удавалось сформировать сколько-нибудь значительный “средний класс” при низких ставках налогов на богатых, я уже писал в “Завтра”.

Либерализм всегда господствует в условиях “финансовой экспансии”, а “материальная экспансия” неизбежно осуществляется в условиях господства протекционизма, иначе более развитые страны просто задуют еще только формирующуюся индустрию страны. И когда будущий президент Путин пишет о необходимости повышения инвестиционной привлекательности страны, то возникает вопрос: “Для кого нужно повышать эту инвестиционную привлекательность?”. Если для стимулирования притока прямых инвестиций в производство, то тогда нужна протекционистская защита и помощь государства привлекаемому капиталу, как это делается в Китае. Если для привлечения капитала ТНК, то российский бизнес рано или поздно будет вытеснен этими ТНК из России. Если для привлечения спекулятивного капитала в портфельные инвестиции на российских фондовых рынках, то тогда у страны не будет развития, и она повторит свой печальный опыт 1998-го и 2008 гг., который убедительно показывает, к чему приводит желание понравиться мировому спекулятивному капиталу.

Новому-старому президенту России нужно определиться, по какому канону он собирается вести страну: если по старому неолиберальному, то движение будет только назад к кризисам и экономической разрухе; если по протекционистскому, то нужно четко выстроить программу действий и не допускать либералов в новое правительство. Сейчас в правительстве нет ни одного министра нелиберала, а новый председатель правительства РФ является (так же, как и все его окружение) упертым либералом. И судя по всему, мы будем идти по старому неолиберальному пути, пока не обвалимся в пропасть ново-

го мирового экономического кризиса, который уже разворачивается на наших глазах.

Как ни печально, но мировую экономику ждут очень тяжелые ближайшие три года, когда начнется второе издание Великой депрессии, когда рухнет мировая финансовая система, основанная на долларе США. Обвалятся цены, спекулятивно надуваемые сейчас долларовой накачкой, в том числе и цены на нефть, газ и прочие виды сырья, обеспечивающие основной доход российского бюджета. Но судя по всему, пока в российской экономике “гром не грянет”, никто в руководстве страны “не перекрестится”. Жалко только страну и многострадальный народ России, ведь можно развернуть развитие ее экономики даже в условиях кризиса, и для этого есть все необходимые условия, кроме мудрости и политической воли руководства страны.

Проект фирмы “Эксима”

Хотя нельзя не признать, что отдельные, робкие шаги в нужном направлении Путин все-таки предпринимает. Безусловно правильной можно признать программу подъема обороноспособности нашей страны, на которую предполагается потратить до 2020 года 23 трлн рублей. И тут хочу напомнить, что даже такой ультралиберал, как Р. Рейган, проводил политику “военного кейнсианства” в виде программы СООИ или программы “Звездных войн”. Не знаю, верил ли сам Рейган в “Звездные войны”, но его мудрые советники явно в нее не верили, зато благодаря этой программе было профинансировано формирование пятого ТУ, пока частный финансовый капитал не убедился в высокой прибыльности “новой экономики” и его массивированные инвестиции не потекли в нее мощным потоком. Правда, “невидимая рука рынка” в 2000 году довела до краха рынок “новой экономики”, но таковы законы неоллиберального рынка. Поэтому программу подъема оборонного комплекса страны можно только приветствовать. Теперь важно эффективно использовать эти огромные средства.

Повышение пенсий и зарплат военным и другим представителям силовых структур, а также бюджетникам (учителям, преподавателям вузов, медработникам, библиотекарям и музейным работникам и т. д.) также нужно приветствовать, так как это приведет к расширению потребительского спроса населения и к росту внутреннего рынка страны. А “плач Ярославны” либеральных догматиков о том, что социальные затраты неизбежно приведут к ухудшению экономической ситуации в стране, нужно просто игнорировать, так как это абсолютно не соответствует действительности. Но рост социальных расходов необходимо компенсировать ростом налогообложения богатых слоев населения, дабы преобразовать паразитическое потребление и расцвет коррупции в среде богатых в существенный рост платежеспособности основной массы населения страны. Рост доходов богатых никогда не приводит к соответствующему росту внутреннего рынка. К росту потребительского спроса, развитию малого и среднего бизнеса, ориентированного на внутренний рынок, а также к росту налогооблагаемой базы приводит рост доходов большинства населения.

Но есть и еще целый ряд конкретных направлений развития от местных и региональных до крупных, охватывающих не только нашу страну, но и соседние с нами страны. Приведу лишь несколько вполне конкретных примеров. Новый губернатор моей родной Орловской области А. П. Козлов в одном из первых интервью однозначно заявил: “Мы будем иметь 12 млн голов свиней для забоя!”. Говорят, что обещанного нужно ждать 3 года. Сейчас, когда эти 3 года прошли, в области на откорме находится всего 400 тысяч голов свиней, то есть в 30 раз меньше обещанного. Но ведь судьба сделала моей области просто сказочный подарок – мегапроект фирмы “Эксима”, который мог бы стать основой для возрождения орловского села, для резкого роста производства свинины на Орловщине и даже во всей России.

Аналогов этому проекту нет не только в России, но и за рубежом нашей Родины. Суть его заключается в том, что у нас создан Знаменский селекционно-генетический центр (ЗСГЦ), состоящий из 3 племенных заводов и станции искусственного осеменения, призванных осуществлять селекцию современных гибридных свиней высокой продуктивности. Следующим этапом проекта является создание 5 племенных репродукторов на 4800 свиноматок каждый, производительностью более 600 тыс. голов, из которых половина будет

приходиться на свиноматок селекции F-1. Эти 5 племенных репродукторов могут обеспечить товарные репродукторы на более чем 400 тысяч свиноматок селекции F-1, способных дать 12 млн товарных свинок, о которых и говорил губернатор Козлов.

На конец декабря 2011 года во всех категориях хозяйств России (от сельских подворий до крупных индустриальных свинокомплексов) поголовье свиней составляет 17,3 млн голов, и увеличение этого поголовья еще на 12 млн голов позволит полностью закрыть потребность России в мясном свиноводстве и даже экспортировать российскую свинину за рубеж. Сейчас в стране производится всего 2,3 млн тонн свиного мяса в год, а еще 0,7 млн тонн импортируется из Бразилии, США, Канады и т. д. Таким образом, ЗСГЦ способен обеспечить селекцией высокой продуктивности почти половину производимой в России свинины и полностью закрыть ее импорт в нашу страну. Да и себестоимость свинины тогда будет не выше 70–80 рублей за 1 кг, так как продолжительность откорма свинок до 120 кг составляет менее полугода.

Но чтобы произвести продекларированные губернатором 12 млн голов свиней и 1 млн тонн мяса, потребуется 200–250 млрд рублей капложений. Для получения 1 млн тонн товарной свинины нужно затратить 2,5–3 млн тонн комбикормов, на изготовления которых нужно примерно 2–2,5 млн тонн фуражного зерна – ровно столько, сколько производят орловские аграрии в наиболее урожайные годы. Надо будет построить 90 товарных репродукторов на более чем 400 тысяч свиноматок, примерно 20 элеваторов, более 10 комбикормовых заводов и убойных цехов, цеха по охлаждению и заморозке продукции, заводы по утилизации отходов, жилье для работников и специалистов и многое-многое другое.

Необходимо будет организовать на базе крупных и средних производителей зерна товарные репродукторы разной мощности, которые и будут производить этот миллион тонн товарной свинины в год, дабы осуществить потребление собранного зерна в тех хозяйствах, где оно производится. А строительство новых элеваторов, комбикормовых заводов, убойных цехов, цехов по охлаждению и заморозке продукции, заводов по утилизации отходов и жилья для специалистов позволит загрузить региональную строительную индустрию и промышленность. Кроме того, если организовать передачу отбракованных свиноматок крестьянским подворьям на договорных условиях, обеспечив их необходимыми кормами и ветеринарным обслуживанием, организовать забой скота, то можно откармливать дополнительно не один миллион голов свиней в год на сельских подворьях. Это даст работу десяткам тысяч сельских тружеников, которым не нужно будет бросать свои деревни и перебираться на работу в крупные мегаполисы.

Но одной Орловской области проект “Эксимы” потянуть не под силу, тут нужна совместная работа двух-трех соседних областей, например, Орловской, Курской и Липецкой, то есть создание межрегионального кластера по производству свинины. Тогда производители зерна в этих областях не будут зависеть от произвола зерновых трейдеров (искусственно занижающих цены на зерно), да и перевозки зерна (а следовательно, и потери) будут сведены к минимуму. Но инвестпрограмму в 250 млрд рублей может осуществить только государство, а оно стремится уменьшить свою роль в экономике страны и не желает тратить ЗВР на подъем российской экономики. А ведь для финансирования программы, которая полностью закроет потребности РФ по свинине и создаст условия для ее экспорта, необходимо менее 2% ЗВР России, что меньше, чем мы постоянно теряем на курсовой разнице при пересчете валют.

Развитие строительства и инфраструктуры

Еще одним направлением развития в условиях кризиса может стать жилищное строительство. Именно строительство жилья для военнослужащих, ветеранов ВОВ, по программе переселения из ветхого и аварийного жилья и другие подобные государственные программы позволили российскому строительному комплексу выжить в условиях кризиса 2008–2009 гг. Но главным направлением в строительстве жилья наше либеральное руководство страны выбрало ипотеку, развитие которой старательно стимулируется повсеместно. Это абсолютно неверная государственная политика, так как в условиях крайней нищеты основной массы россиян ипотекой можно охватить не бо-

лее 10–15% населения страны. Еще 10–15% населения составляют беднейшие слои населения, которые могут рассчитывать исключительно на бесплатное социальное жилье. А основная масса, составляющая 70–80% активного населения страны, практически полностью лишена даже потенциальной возможности жить в нормальных человеческих условиях.

Кроме того, современная рыночная экономика требует высокой мобильности рабочей силы. Поэтому средний американец в поисках хорошо оплачиваемой работы и лучших условий проживания 13 раз за свою жизнь меняет место жительства, а средний россиянин только 1,5 раза, и не случайно в России переезд на новое место жительства приравнивается к пожару. В этих условиях ипотека выступает как новое издание КРЕПОСТНИЧЕСТВА, так как человек на много лет “прикрепляется” к купленному по ипотеке жилью, и мобильность ввязавшегося в ипотеку работника падает до нуля. Даже если ему в другом городе или регионе страны посулят “горы золотые”, он не поедет туда, так как будет крепко-накрепко привязан ипотекой к своему жилью.

С другой стороны, крайне низкий процент населения, способного ввязаться в ипотечное строительство на кабальных условиях в 12–15% годовых, выгодных исключительно банкам и невыгодным рядовым россиянам, существенно сдерживает возможности развития жилищного строительства в стране. В Китае, например, ежегодно жилья строится в 25 раз больше, чем в России, хотя численность населения всего в 10 раз больше. Китай строит по 1 кв. метру жилья на человека в год, а у нас по 0,4 кв. метра. Когда В. Путин принимал участие в обсуждении проблем жилищного строительства в одном из волжских городов, строители приводили ему свои расчеты, в соответствии с которыми на каждый рубль, вложенный в строительство жилья, за счет мультипликативного эффекта бюджет получит 1,7 рубля налоговых поступлений. Я не видел этих расчетов и не могу гарантировать их точность, но, по моим оценкам, они не далеки от истины.

И вот тут появляется огромная сфера деятельности для нашей строительной индустрии. Если наш новый-старый президент поставит перед страной задачу выйти хотя бы на китайский уровень строительства жилья (то есть по 1 кв. метру на человека), то мы сможем увеличить объемы жилищного строительства в 2,5 раза. Это резко увеличит загрузку строительных мощностей и поступления от налогов в бюджеты всех уровней от строительной индустрии. Но как это сделать, если масштабы ипотечного строительства и бесплатного социального жилья за счет бюджета крайне ограничены. О создании строительно-сберегательных касс (как в Германии) партия “Справедливая Россия” уже давно ведет разговор, но наше “банкирское лобби” блокирует все эти предложения.

Но если мы посмотрим внимательнее на опыт той же любимой Путиным Германии, то увидим совершенно иную жилищную картину по сравнению с той, какую пытаются сформировать в России наши либералы. В Германии всего 27% жилья находится в собственности самих жильцов, еще 18% также в собственности, но еще с невыплаченной ипотекой, то есть менее половины (45%) всего жилья находится в собственности самих жильцов. А более половины всего жилищного фонда Германии (53%) сдается в аренду: из них 34% в аренду сдается частного жилья, а 19% жилья немцы арендуют у муниципалитетов (в Голландии эта цифра достигает даже 42%). Аренда жилья – вот что обеспечивает высокую мобильность рабочей силы в развитых странах.

Почему бы России не использовать этот опыт: строить жилье за счет бюджетов всех уровней, обставляя это жилье необходимой мебелью и сдавать его в аренду. Для этого потребуются инвестировать ежегодно из бюджета порядка 300–400 млрд рублей на строительство, отделку и производство мебели, но еще больше денег благодаря мультипликативному эффекту вернется в бюджет от налогов и ежегодных поступлений арендной платы – и это станет крайне выгодными для государства инвестициями. При этом в распоряжении местных органов власти постоянно будет находиться существенный жилищный фонд, который можно будет использовать и для временного отселения жильцов из аварийного жилья, и при чрезвычайных происшествиях, типа пожаров, наводнений или терактов. А также для привлечения квалифицированных кадров из других регионов страны при организации новых производств, научных или медицинских центров на данной территории.

А главное, любой гражданин России, куда бы его ни забросила судьба, с легкостью сможет найти подходящее для него жилье с необходимым уров-

нем комфорта. Более того, такая программа строительства “доходных домов” позволит создать целые пригородные поселки из одно-двухквартирных строений коттеджного типа с небольшими приусадебными участками. Я сам бывал в таких населенных пунктах в Германии, расположенных вокруг крупных городов, в которых жили мои немецкие знакомые в арендованных у муниципалитетов полностью мебелированных домах, внося относительно небольшую арендную плату.

Еще одним крупным направлением государственных инвестиций может и должно стать развитие инфраструктурных объектов: строительство автодорог, аэропортов, речных и морских портов, терминалов и т. д., которых в России явно недостаточно для нормального развития ее экономики. В 2008 году руководство Китая вложило огромные средства в строительство инфраструктурных объектов, благодаря чему смогло быстро преодолеть кризис (когда экспорт из КНР обвалился на 25%), и лишь чуть-чуть (с 11% до 9% годовых) снизить темпы роста китайской экономики. В то время как экономика России в подобных же условиях обвалилась с +8% роста до – 8% падения – благодаря либерально-монетаристской экономической политике, в соответствии с которой спасалась не реальная экономика, а финансовые спекулянты, банки и неэффективные российские олигархи.

Но есть и прекрасная конкретная программа развития, предложенная Россией руководством Южной Кореи еще в 2008 году – строительство скоростной железной дороги Пусан–Роттердам для организации контейнерных перевозок грузов из Азии в Европу. Мировой объем контейнерных перевозок составляет в год примерно 300 млн контейнеров, 200 млн из которых перевозится морским путем. Из них 35 млн контейнеров идут из Восточной Азии в Европу морским путем, минуя Россию. Возможности Суэцкого канала сильно ограничены как пропускной способностью самого канала, так и водоизмещением проходящих через канал контейнеровозов. Поэтому современные крупные контейнеровозы вынуждены плыть вокруг Африки, а это удлиняет доставку грузов до 70 дней. Скоростные поезда смогут доставлять те же самые грузы за 7–10 дней.

Протяженность этой скоростной магистрали только по территории России составит более 10 тысяч км, она пройдет через 23 субъекта РФ, что позволит создать более 6 млн новых рабочих мест. РЖД перевозит порядка 42 тыс. контейнеров в год, скоростная магистраль позволит увеличить пропускную способность российских дорог в 100 раз. А это и огромный объем заказов для российской промышленности: одних только рельсов необходимо будет поставить 4 млн тонн. Предлагаемое строительство скоростной железной дороги Пусан–Роттердам через территорию России позволит нашей стране получить и огромные доходы от транзита грузов через ее территорию.

Если же строительство скоростной магистрали дополнит строительство нефте- и газопроводов из России в Южную Корею через территорию КНДР, то можно будет не только поставлять товары, нефть и газ в Восточную Азию, но и способствовать разрешению внутрикорейского конфликта, “нанизав” оба корейских государства на различные транспортные магистрали: железнодорожную, нефте- и газопроводную, а возможно, и дополнить их поставками электроэнергии. При этом КНДР сможет получить существенный доход от транзита через свою территорию в виде поставок нефти, газа, электроэнергии, продуктов питания и т. д., что значительно снизит градус внутрикорейского противостояния и повысит уровень жизни в КНДР. К тому же строительство этих транспортных магистралей будет способствовать вовлечению обоих корейских государств в сотрудничество в рамках ЕврАзЭС.

Инновационный цикл российской экономики

В своих предвыборных статьях В. Путин писал: “Для возвращения технологического лидерства нам нужно тщательно выбрать приоритеты. Кандидатами являются такие отрасли, как фармацевтика, высокотехнологичная химия, композитные и неметаллические материалы, авиационная промышленность, информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии. Разумеется, традиционными лидерами, где мы не потеряли технологических преимуществ, являются наша атомная промышленность и космос”. А выступая в Тихвине, он даже обмолвился, что эти технологии составляют новый мировой технологический уклад. И тут он абсолютно прав – это основные технологии нового шестого ТУ, который сейчас формируется в мировой экономике.

Парадокс в том, что одним из авторов теории формирования технологических укладов в мировой экономике является академик РАН С. Глазьев, но он абсолютно не востребован российской властью и самим В. Путиным. А поручать формирование шестого ТУ людям, которые в этом ничего не понимают и идеологически далеки от этого явления вследствие своего либерального догматизма, значит обречь важное дело на провал. Пока Шувалов, Набиуллина, Мау, Кузьминов и иже с ними будут “внедрять” то, в чем они абсолютно ничего не смыслят, а академик С. Глазьев (разработавший “Стратегию опережающего развития России в условиях глобального кризиса”, в которой по пунктам расписал, что нужно делать для перехода на шестой ТУ) будет не востребован, Россия не сможет преодолеть свое технологическое отставание. Ведь еще Крылов писал: “А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь!”.

В уже цитированной статье В. Путин утверждает: “Главным условием спроса экономики на инновации является обеспечение конкуренции. Только конкуренция заставляет частные предприятия искать лучшие технологические решения, обновлять продукцию”. Тут он и прав, и не прав одновременно, так как проблема заключается в том, о каких инновациях ведется речь. Все дело в том, что теория инновационного развития утверждает, что инновации бывают разные: есть базисные, улучшающие, дополняющие и “псевдоинновации”, имитирующие подлинные, но качественно не меняющие ни само производство, ни производимый продукт, а изменяющие лишь его вид или форму. Все эти “айфоны”, “смартфоны”, “айпады” и т. п. – это все псевдоинновации, “стеклянные бусы” для “аборигенов”. О каких инновациях ведет речь Путин в своей статье – он, по-моему, и сам не понимает.

Действительно, конкуренция подталкивает предприятия, работающие в условиях рынка, к внедрению инноваций, но, ориентируясь на текущую прибыль, менеджеры предприятий и корпораций, руководствуясь существующей экономической конъюнктурой, упускают из виду долгосрочные альтернативы технологического развития. К внедрению радикальных нововведений они приступают только под давлением резкого падения эффективности капитальных вложений по традиционным направлениям, когда уже накоплены значительные избыточные мощности, и избежать глубокой затяжной депрессии не удастся. Поэтому частный капитал не будет вкладываться в базисные инновационные технологии, пока государственный капитал не возьмет на себя основные издержки по их созданию, как это было, например, с программой “Звездных войн”.

Базисные и улучшающие инновации находятся в постоянной конкуренции друг с другом, но в рыночной экономике упор, как правило, делается на улучшающих и “псевдоинновациях”, как наименее рискованных и более дешевых. Однако, когда экономическая ситуация становится критической и улучшающие инновации больше не служат стимулом дальнейшего поступательного движения экономики, наступает, по мнению Г. Менша, “технологический пат”, возникает необходимость введения базисных инноваций и формируется кластер базисных инноваций нового ТУ. Но формирование этого кластера происходит исключительно в фазе экономической депрессии, когда внедрение базисных инноваций оказывается единственной возможностью прибыльного инвестирования и, в конце концов, “нововведения преодолевают депрессию”, и именно депрессия выступает “спусковым крючком” (Г. Менш) к такому преодолению. А сейчас мировая экономика только подошла к состоянию депрессии, но еще не вошла в нее.

Что же касается “святой либеральной веры” в то, что нужно только создать благоприятные условия для инвестиций, и они потекут в инновации широкой рекой, то экономическая наука, опираясь на огромный объем данных, утверждает, что чрезмерный уровень прибыли ослабляет предпринимателей, отнимает у них стимул к техническим инновациям и к рискованным вложениям капитала. “Чем выше становится общая норма прибыли, тем меньше возможности для капиталовложений в принципиально новую технику. Поэтому высокая средняя прибыль неизбежно способствует исчерпанию новаторского потенциала господствующей техники” (С. Меншиков). И только когда частный капитал убедится, что финансовые спекуляции и лопающиеся финансовые пузыри приводят к огромным убыткам, а нововведения приносят серьезную прибыль, тогда и только тогда частный капитал устремится вслед за

“пионерами инноваций” получать инновационную ренту. Поэтому, когда Путин пытается создать льготные условия для частного капитала в надежде, что тот будет вкладываться в инновационное развитие, он оказывает ему “медвежью услугу” и только тормозит инновационное развитие России.

“Надо преодолеть инерцию крупного отечественного капитала, который, прямо скажем, отвык от инновационных проектов, от исследований и опытно-конструкторских работ”, — пишет в своей статье В. Путин. Но ведь он сам способствовал формированию этой “инерции крупного отечественного капитала”: созданием льготных, тепличных условий его существования, низкими налогами на крупный капитал, отсутствием государственного давления на него с целью приведения его интересов в соответствие с национальными интересами России. Недавно в СМИ прошло сообщение, что одна из крупнейших российских нефтяных компании 95% своей прибыли направила на дивиденды. О каких инновациях может идти речь, если вся прибыль направляется на паразитическое потребление? Государство тут должно жестко устанавливать правила игры и законодательно установить, к примеру, что все крупные корпорации, работающие в России, имеют право использовать на дивиденды не более 25% прибыли после уплаты налогов, а 50% этой прибыли направлять на НИОКР. Вот тогда эта “инерция” будет быстро преодолена. Пока же это призывы кота Леопольда: “Давайте жить дружно!”.

“Российская экономика может не только покупать — она может порождать инновации, — утверждает в своей статье Путин. — Наше место в будущем мире зависит от того, используем ли мы свои возможности. Высокий уровень образования населения, огромное наследие фундаментальной науки, наличие инженерных школ, сохранившаяся во многих отраслях база опытного производства — мы обязаны задействовать все эти факторы”. И тут он абсолютно прав, более того, на Форуме “Россия 2012” он приводил данные социологов, что среди молодежи 25–35 лет 57% имеют высшее образование, а в возрастной группе 15–25 лет 80% уже имеют или хотят получить высшее образование. И этот молодежный драйв, по мнению Путина, нужно обязательно использовать. Но в Греции также значительная часть молодежи стремится получить высшее образование, чтобы пойти на госслужбу, гарантирующую высокий достаток и социальный пакет, а в 52 года уйти на покой, получать высокую пенсию и ничего не делать. По данным социологов, и большая часть российской молодежи стремится получить высшее образование, чтобы потом пойти на госслужбу и заниматься коррупцией, а почти половина студентов вузов собираются уехать из России в развитые страны.

Наши либералы любят поговорить о том, что нужно создать соответствующие институты развития, а те уже сами выведут нас в “передовики” НТП. Поэтому Путин с удовлетворением отмечает: “Работают “Роснано”, Российская венчурная компания, государство проводит конкурсы на создание инновационной инфраструктуры вузов. Большое число западных фирм уже привлек проект “Сколково”. Однако скажу прямо — эти либеральные институты развития имеют одну главную цель: аккумулялировать инновации российских “быстрых разумов Невтонов”, чтобы вывести их инновации на Запад. Чубайс придумал новую схему, как обокрасть Россию, только теперь с помощью инноваций — так называемые “трансферты технологий”, суть которых заключается в том, что инновации российских ученых передаются американским венчурным компаниям. Как утверждает Чубайс, мы сначала должны “проинвестировать” американцев своими инновациями, чтобы заинтересовать их сотрудничать с нами, а уж потом, может быть, когда-нибудь они ответят нам взаимностью.

Тут следует вспомнить, как во времена Горбачева и Ельцина мы очень старались “проинвестировать” США своими политическими уступками и к чему это привело. Взаимности от Запада мы так и не дождались. В инновационном бизнесе будет то же самое. Им мало того, что, по данным Милкена, наши эмигранты создали за пределами России в последние 20 лет ценностей более чем на 1 триллион долларов. Да еще, по данным Бжезинского, вывезли частных капиталов более чем на полтриллиона долларов, а кроме того, более 500 миллиардов долларов государственных золото-валютных накоплений хранится в западных бумагах. Таким образом, за последние 20 лет мы подарили Западу российских ценностей более чем на 2 триллиона долларов — это больше годового ВВП России. Дж. Арриги называет этот процесс “накоплением через изъятие”, только вот накапливает Запад, а из России ценности изымают, или, проще говоря, грабят с помощью ее же либеральных руководителей.

ЮЛИЯ ЗАРЕЦКАЯ

доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАУКЕ В ЭПОХУ РЫНКА

Судьба науки в наше время

Наука – та компонента интеллектуальной жизни общества, без которой крупные государства существовать не могут. В обществе она выполняет, по меньшей мере, двойственную функцию. Прежде всего, она осуществляет прогресс, поднимая человечество на новую ступень развития, поскольку все технические, бытовые, коммуникационные достижения суть научные изыскания, воплощенные в практику. Во-вторых, высшее образование и наука обеспечивают подъем по социальным лифтам людей, формирующих в дальнейшем национальную элиту и ее “top” – элиту правящую. Когда правильное отношение между образованием и наукой нарушается, или, что еще хуже, разрушаются компоненты этой связки, то национальная элита вырождается. Такое положение мы наблюдаем сейчас. И оно наглядно свидетельствует о том, что вектор развития нашего общества до сих пор был выбран неправильно. Попробуем разобраться в “дебрях науки”, и почему она для нас так важна.

Науку в “грубом приближении” можно разделить на две основные составляющие: фундаментальную и прикладную. Во все времена пальму первенства отдавали **науке фундаментальной**, той, которая открывает, изучает, осмысливает **явления природы или закономерности окружающего мира**. Истинные открытия делаются не часто, на них работает человеческая мысль в течение долгих лет “бесперспективной”, казалось бы, траты денег. (В дальнейшем размышлении для краткости слово “наука” будет использоваться в смысле “фундаментальная наука”; при этом не избежать сравнения, как было “до” и “после” пресловутой “перестройки”.)

Прикладная наука воплощает научное открытие в конкретные разработки на пользу людям. Нормальное развитие научного прогресса – это движение от фундаментальной науки к прикладной, говоря проще: “от науки к практике”. Как правило, этот путь занимает не один десяток лет. Вот этот период – “от”–“до” – кажется финансово-затратным, деньги тратятся на изучение и расшифровку явления и для широкой публики представляются “выкинутыми на ветер”, так как пока не видно полезного результата.

Между тем, этот затратный период, когда ученые, по мнению обывателя, “пьют кофе”, проводя время в “бесплодных дискуссиях”, – совершенно необходимый этап в развитии науки, и как всякая научная разработка, он должен финансироваться. Представим себе на минуту, что у Александра Флеминга не было бы денег на изучение открытого им странного лизирующего эффекта

плесени *Penicilium*, о чем он опубликовал небольшую статейку в научном журнале... Очевидно, что человечество лишилось бы новой отрасли знаний и мощного направления медицины – антибиотиков и антибиотикотерапии. От открытия пенициллина до его использования прошло 12 лет. Конечно, и в науке бывают “плевелы, рассеянные по ветру”, но мое глубокое убеждение: брака в науке меньше, чем в других областях хозяйственной жизни людей.

Советская власть понимала значение науки для передового, устремленного вперед общества, и сказалось это прежде всего в том, что **наука была на государственном обеспечении и потому успешно развивалась**. Сейчас уже трудно сказать, какие конкретно деньги тогда вкладывались в науку: и “деньги были другие”, и ВВП – другой, и архивные цифры мало что скажут современному читателю. Но как сотрудник, 32 года проработавший в советское время и 24 года после “перестройки”, могу свидетельствовать, что обеспечение науки было достаточным. Приведу несколько позиций в подтверждение данного тезиса. В советское время наука развивалась по так называемому “целевому” принципу: создавались учреждения, развивающие определенные целевые направления. В 1926 году был создан Институт переливания крови, так как спасение людей посредством переливания крови стояло в повестке дня. В 1943 году на северо-западе Москвы (тогда окраине) были построены первые скромные здания Института атомной энергии (теперь имени И. В. Курчатова) для разработки проблем ядерной физики. В 1946 году появился Институт биофизики, призванный разрабатывать вопросы радиобиологии и радиозащиты. В 1969 году был создан Институт трансплантации, когда в медицине зазвучала тема пересадки органов человеку. Это только в Москве! А целый наукоград в Новосибирске с “целевыми” институтами, отстроенный за несколько лет (1956–1963) среди сибирской тайги! Можно вспомнить наукограды в Дубне, Пущино, Обнинске в Подмосковье.

Большим достижением советского периода нужно считать особое внимание к “научным школам”, таким коллективам, когда вокруг маститого ученого группируются последователи, молодежь, желающие продолжать и развивать определенное направление. На весь мир были знамениты научные школы академиков П. Л. Капицы, С. И. Вавилова (физика), А. Н. Несмеянова (химия), Н. Н. Семенова (физическая химия), М. В. Келдыша (математика-механика), И. П. Павлова (физиология), Н. П. Дубинина (генетика), Б. В. Петровского, А. В. Вишневского (хирургия) и им подобные. Я опускаю школы, существовавшие в опытно-конструкторском секторе: знаменитых авиаконструкторов, танкостроителей, кораблестроителей.

Профессия научного работника считалась самой престижной в СССР; в науку шли способные, хорошо образованные молодые люди, а ведущие маститые ученые были на особом обеспечении у правительства. Достаточно сказать, что заведующий лабораторией в научно-исследовательском институте, руководивший коллективом от 5 до 25 человек, имел зарплату 500 рублей, что лишь на 100 рублей было меньше, чем у министра, хотя последний руководил заводами и опытными базами, кадровый состав которых насчитывал не одну тысячу работников.

Читатель может спросить, зачем я перечисляю ушедшие от нас достижения советской эпохи? Да затем, чтобы помнили: ведь старшее поколение уходит, а молодые под влиянием недобросовестных СМИ считают, что передовой науки в Советской России и не было...

К сожалению, фундаментальная наука стала второй мишенью, по которой был открыт огонь тотального разрушения наших достижений (первая – покрывшая себя славой Советская Армия!). За десятилетие (1990–1999) общие расходы на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки) были сокращены в 3 раза! Бизнес рассуждал прагматично (именно тогда страна вступила в “эпоху рыночных отношений”!): затраты на науку, особенно фундаментальную, не дают быстрой окупаемости, следовательно, траты невозместимы, отсюда вывод: или обойдемся без науки, или пусть она сама себя содержит. К началу нового тысячелетия финансы на НИОКР распределялись следующим образом [1]:

- Бюджетные вложения – 50%
- Средства предпринимательского сектора – 15–17%
- Средства научных организаций – 10%
- Средства иностранных источников – 17%

Следует дать разъяснения по трем последним позициям. В капиталистических странах Европы и Америки наука развивается в основном за счет предпринимательского сектора. Богатые фонды крупных предпринимателей инвестируют родственные им отрасли науки. Толкнув неподготовленную к капиталистическим отношениям страну в объятия рыночной экономики, наши “младореформаторы” (Гайдар, Чубайс и иже с ними) взяли ту же схему, что действует в развитых капиталистических странах уже не один десяток лет. Но наши промышленные воротилы инвестируют в науку скупно и неохотно. Им выгоднее при малых вложениях эксплуатировать недра России, доставшиеся олигархам в результате несправедливой приватизации. При резком сокращении бюджетных средств и ничтожных инвестициях предпринимательской элиты наука начала стремительно разрушаться: морально устаревала техническая база, резко упала заработная плата, сократились штаты научных учреждений, научный люд занялся “отхожим промыслом”.

Далее об иностранных инвестициях в отечественную науку. Мне известно о такого рода вложениях, имевших место в первой половине 90-х годов со стороны фонда Сороса. Вначале это была безвозмездная помощь российским ученым, попавшим в бедственное положение, в размере 500 долларов (тогда \$1 = 3–4 руб.) на персону, подавшую заявление и сведения о себе как о научном работнике.

Второй заход того же Сороса состоял в помощи по системе грантов определенным научным проектам. Гранты выдавались на конкурсной основе по принципу “туров” с постепенным отсевом не дошедших до кульминации проектов. Оставшиеся без фактического финансирования бывшие советские ученые ринулись к почтовому отделению на Новом Арбате, где располагался коллектор этих проектов. Заявок на гранты было великое множество, поскольку конкурс предусматривал участие специалистов разных наук и по многим разделам знаний. Каждый проект содержал подробное описание плана работ с обсчетами, схемами, вычислениями. Счастливчиков, получивших деньги от фонда Сороса, было немного по сравнению с теми, кто подал проект, а проще говоря, поделился с “дядей” научной идеей, подробно ее обосновав. Есть ли гарантия, что из отвергнутых проектов не был составлен “банк идей”? Как известно, славянский интеллект, склонный к комбинаторике, способен выдавать оригинальные идеи! А идея ныне высоко ценится; недаром во многих художественных, дизайнерских и промышленных разработках мы встречаем строку “автор идеи”...

Разве наша национальная и промышленная элита не несет ответственности за то, что при недостаточном финансировании науки русские идеи (говорю так, потому что для заграницы мы все “русские”, независимо от этнической принадлежности) разбазариваются? Больше, насколько мне известно, таких широкомасштабных акций помощи российской науке со стороны иностранных инвесторов не проводилось. Однако и сейчас, в новом тысячелетии, существуют отдельные отечественные проекты, субсидируемые зарубежными фондами. Их немного. Почему именно эти, а не другие удостоились такой чести? Не исключаю того, что они талантливы и интересны, но главное... дающий деньги заинтересован в определенной, нужной инвестору тематике и продвигает ее русскими мозгами.

Бегство идей дополняет “утечка мозгов”. Говорить на эту тему в данной статье много не стоит, она широко освещалась в печати. Если коротко, то “кадры, как известно, решают все”, а кадры смогли себя реализовать на Западе. Это невосполнимая потеря для отечественной науки и позорное пятно на репутации национальной элиты.

Наконец – третья позиция: средства самих научных учреждений. При переходе на рыночные отношения сложилась ситуация, при которой государственные вложения в науку (бюджет) не покрывают всех потребностей научного процесса. Поэтому **власти передали в хозяйственное ведение самих НИИ занимаемые ими помещения и имущество [2]. НИИ превратились в хозяйствующие субъекты.** Под лозунгом “выжить и продолжить научные исследования” началась вакханалия сдачи в аренду помещений под фирмы и фирмочки, под организацию фитнес-клубов, спортивных центров, магазинов. Увы! До научной сферы эти деньги не доходили. Почему, читатель увидит далее. Кроме того расцвела практика выполнения на казенном оборудовании заказов, сделанных другими учреждениями и институтами. Если в советский период обучение на рабочем месте проводилось бесплатно, а выполнение ка-

ких-либо работ для других институтов производилось на основе устной договоренности, взаимных интересов, в крайнем случае по решению Ученого Совета, то теперь за все это можно брать деньги. Так сформировалась в НИИ “система договоров и сдачи помещений в аренду сторонним организациям”.

Спрашивается, что в этом плохого, что опасного? Негативных последствий несколько. Во-первых, как правило, отсутствует (или скрывается) достоверная информация о составе и величине имущества, участвующего в денежных оборотах, и, как следствие, создается почва для коррупционных схем и махинаций. Во-вторых, неоправданно возрастает роль обслуживающих науку подразделений (бухгалтерия, планово-экономический отдел, администрация и т. п.), непосредственно допущенных к финансам и кадровой политике; в НИИ сформировался управленческий слой, распределяющий финансы в свою пользу. В третьих, непомерно разросся по штатной численности “ненаучный” сектор в НИИ. Если в советское время бухгалтерия научно-исследовательского института биологического или медицинского профиля состояла из 5–7 человек, то ныне это мощный коллектив в 30–40 персон, занятый подсчетами-обсчетами, “проводками”, взаимоотношениями с банком, в первую очередь снабжаемый компьютерами, принтерами и прочими атрибутами оргтехники; возник “перенос” в распределении как бюджетных, так и получаемых от хозяйственной деятельности денег в пользу таких подразделений. Сейчас в НИИ биолого-медицинского профиля научный сотрудник среднего звена оказался на заработной плате в 1.5–2 раза меньшей, чем у рядового расчетчика бухгалтерии. Эта ситуация, когда научный сотрудник, создающий интеллектуальный продукт, оказывается в зависимости от людей, этот продукт “обсчитывающих”, много способствовала падению престижа науки, существовавшего в советское время. Терпеть далее такое положение – равносильно гибели отечественной науки.

Читатель может спросить, куда же смотрит начальство, маститые ученые, профессора и доктора наук, составляющие руководство учреждения? Почему они не исправляют ненормальный перекоп в пользу вспомогательных служб? Наши маститые ученые, воспитанные в советское время, не были обучены маркетингу, менеджменту и бухгалтерскому учету. Они с облегчением передали весь финансовый процесс в руки административно-управленческого персонала (АУП), не пытаясь, как правило, вникнуть в особенности и схемы современного финансового управления. Это одна причина. Есть и другая: АУП приносит “на блюде” дань начальству под видом доходов от “хозяйственной деятельности субъекта”, и я что-то не слышала от своих коллег легенд о том, что начальство возмутилось сказочно возросшим уровнем персонального денежного вознаграждения.

Я не хотела вспоминать о печально известной “утечке” мозгов; чтобы не повторять того, о чем говорилось много и говорится по сей день. Но потом подумала, что об одном печальном следствии этого явления все-таки стоит вспомнить. Двадцать лет назад уезжали в основном молодые, 25–35-летние; зарплата в 26 тысяч долларов (годовая) казалась им непомерно высокой после почти полного безденежья и пустых прилавков начала 90-х на родине; уровень технического оснащения западных лабораторий поражал воображение... А зарубежных коллег вполне устраивали наши “научники”, так как Запад знал прекрасный уровень советского высшего образования и ступенчатую систему воспитания научных кадров (хотя наши дипломы признавались не во всех странах!). За небольшие деньги (указанная зарплата соответствовала окладу квалифицированного лаборанта) зарубежные университеты пополнялись грамотными, желающими работать на совесть сотрудниками. Стоит ли осуждать уехавших? Ответить затрудняюсь: с одной стороны, непатриотично; с другой – на Родине порой работать было негде, не на чем и не за что... Но вот национальной элите прощать спровоцированную “утечку мозгов” мы не будем!

Что же случилось у нас в стране в связи с “утечкой мозгов”? Образовался своеобразный “возрастной провал” в кадровом составе науки: есть старшее (скорее старое) поколение; есть редкая молодая поросль: молодежь идет в науку неохотно, все больше пристраиваясь в фирмы, где зарплата побольше; а среднего поколения (45–55 летних), как правило – нет. Сейчас те молодые, которые уехали двадцать лет назад, вступили в зрелый возраст, часть из них сформировалась как классные специалисты, имеющие опыт, продуцирующие идеи. Они могли бы развивать науку и на родине, они бы составили тот работоспособный энергичный слой, который и продвигает науку вперед.

Почти у всех уехавших проявляется ностальгия по своей земле... Они бы вернулись... Но где им работать, полным сил, опыта и знаний?

Бывая неоднократно в эти годы за рубежом, я видела в США, Франции, Англии, Голландии многих специалистов из стран Европы, Азии, Австралии, Африки, работающих по 2–3 года на контрактной основе. По окончании соглашения они уезжают обратно на родину, где обеспечены рабочим местом и заботой, поскольку национальная элита этих стран заинтересована в развитии отечественной науки. У нас этого нет.

Следствием “возрастного провала” явилась потеря знаменитых научных школ, которыми славилась советская наука. За двадцать пять лет, прошедших с момента недобрым словом помянутой “перестройки”, мы не услышали ни одного нового имени, звучавшего так же, как звучали корифеи прежних времен. Процесс естественный: старики “ушли в мир иной”, среднее звено, из которого смогли бы сформироваться новые корифеи, — отсутствует, кто за рубежом, кто в бизнесе; молодые еще долго будут набираться опыта.

Итак, “по размышлению зрелом” мы приходим к выводам неутешительным: государственное финансирование науки весьма недостаточно; промышленный сектор (наши олигархи) инвестирует по минимуму; внутренние средства НИИ (деньги от хозяйственной деятельности) проплывают мимо научного состава, обогащая в основном вспомогательные службы. Откуда же брать средства на материально-техническое обеспечение тематики и хотя бы небольшое увеличение зарплаты научного сотрудника?

В сегодняшней России главным фондом инвестирования фундаментальных научных исследований является РФФИ (или Российский фонд фундаментальных исследований). Скажу о нем несколько слов. РФФИ был создан в 1992 году по Указу Президента РФ и характеризуется как “система конкурсной поддержки научных проектов на основе высокого научного уровня заявки и квалификации заявителя”. (Из открытого письма группы российских ученых В. В. Путину.) [3] Отбор осуществляется специализированными экспертными советами по разным отраслям науки. Гранты получают примерно 30% заявителей. Размер грантов колеблется от 380 тыс. рублей до 750 тыс. руб. (максимально). Общий бюджет фонда постоянно уменьшается: в 2009 году — 7,2 млрд, 2010 год — 6 млрд руб., 2011 г. — 6 млрд руб., 2012 г — 4,3 млрд руб., 2013 — 4,3 млрд [4].

Конечно, деятельность РФФИ в определенной степени поддерживает фундаментальную науку в российских реалиях. Однако размеры грантов недостаточны для современных исследований, как правило, требующих сложной дорогой аппаратуры и дорогих реагентов. Для сравнения некоторые цифры: бюджет РФФИ в 2012 году — 4,3 млрд, тогда как бюджет Управления делами Президента — 83 млрд руб. [3]. No comments! Есть и другой минус. Проекты отклоняют без объяснений. Автор не может судить об объективности разбора. Естественно, такой порядок прохождения конкурса создает почву для лоббирования проектов определенных авторов и коллективов, коррупции и сведения личных счетов.

Составление заявки на грант требует определенных навыков и “хитростей”. С одной стороны, заявка должна быть достаточно убедительной для рецензента и подтверждаться уже наработанными фактами и достижениями. С другой стороны, очень важной для автора, она должна оставлять ключевые идеи и know-how автора “закамуфлированными” во избежание плагиата и нарушения авторских прав. Не сомневаюсь, что среди отклоненных проектов имеются и очень интересные, авторы которых не справились с технической задачей оформления.

Современная жизнь научно-исследовательских институтов изнутри

За свою 56-летнюю жизнь в науке я трудилась в трех московских институтах союзного, а после 91-го года — федерального значения. О прошлой и настоящей жизни двух из них хочу рассказать.

Институт биофизики Минздрава СССР был создан в 1946 году. Называние “биофизика” было в те годы маскировкой. Читатель помнит, что американцы взорвали свою первую атомную бомбу еще до Хиросимы, а именно в июле 1945 года во время Потсдамской конференции руководителей великих держав. В повестку дня встали вопросы радиационного поражения и радиационной за-

щиты. У нас еще не было атомной бомбы, но власти уже озаботились проблемой защиты биологических объектов от действия радиоактивного излучения. С этой целью на северо-западной окраине Москвы был создан “очень секретный и очень закрытый” Институт биофизики, фактически призванный заниматься вопросами радиобиологии и радиационной медицины. Прошу заметить – проблема была масштабная: наступал век военного и мирного атома. Для института возвели два соединенных между собой корпуса; в одном работали с внешним облучением; в другом изучали действие радиоактивных веществ, попадающих внутрь организма (инкорпорированных), что имеет место на вредных производствах (радиоактивная пыль, взрывы) или через продукты, происходящие из зараженной местности. Основных задач было две:

- изучить действие радиации на живой организм с детализацией по жизненно важным системам;
- создать (или найти) средства профилактической и терапевтической защиты живых систем и, главное, человека от разрушающего действия радиации.

Все дисциплины биологического и медицинского профиля были представлены в новом институте, оснащенном серьезной по тем временам аппаратурой и имевшем прекрасный теплый виварий. При институте, занятом фундаментальными проблемами, существовало клиническое отделение, для которого уже в конце 50-х была выстроена 9-этажная специализированная больница, где проходили лечение люди, занятые в радиоактивных производствах (ныне основная база Федерального медицинского биофизического центра им. А. И. Бурназяна). Сказать коротко: до “перестройки” это был комплекс, где фундаментальная наука соединялась с практической медициной. В 2006 году Институт биофизики отметил 60-летний юбилей. Последние 40 лет им руководил академик РАМН Л. А. Ильин. На моей памяти не было в Москве директора научного учреждения союзного (федерального) значения, который стоял бы у руля четыре десятилетия! Каков научный и практический вывод из деятельности этого уникального учреждения?

Первая из задач, обозначенных выше, была полностью решена: получены детализированные представления о воздействии радиации на личные системы организма; установлено ПДУ и ПДД (предельно допустимые уровни и предельно допустимые дозы радиации) для производств. На основе этих значений были рекомендованы режимы работы и отдыха на атомных производствах (атомные станции, субмарины, космические полеты с выходом в открытый космос). На научных работах Института биофизики была основана программа ликвидации последствий Чернобыльской аварии; эти исследования послужили основой при создании защитных костюмов для космонавтов, а в наши дни – для сотрудников МЧС, ликвидирующих аварийные ситуации. На базе некоторых направлений, “отпочковавшихся” от Института биофизики, были сформированы новые научные институты (Институт космических исследований, Институт иммунологии).

Правда, за годы советской власти не удалось создать легкого универсального радиопротектора. Я помню, как в годы моей научной молодости мы находились под впечатлением слов незабвенного Аветика Игнатьевича Бурназяна*, который ставил перед нами задачу создать “удобную небольшую таблетку”, которую можно дать солдату или спасателю перед тем, как послать в очаг радиоактивного заражения, не опасаясь за его жизнь. Такой таблетки создать до сих пор не удалось... Но “вытягивать” из лап беспросветной инвалидности людей, получивших сублетальные дозы радиации, восстанавливать их работоспособность и “качество жизни” мы научились!

Постперестроечные годы сильно ударили по Институту биофизики, как и по всей нашей жизни. Резко сократилось бюджетное финансирование важного стратегического направления. Прежде всего, стали свертываться темы, относящиеся к фундаментальной науке (молекулярная радиобиология, биохимия, некоторые варианты лазерной тематики), как не сулящие “быстрых” денег. На прежде “закрытой” и хорошо охраняемой территории завелась фирмы и фирмочки, неведомые предприятия, которым удобно было спасаться от рэкета за высоким забором. Потом пришло время баснословной дороговизны животных. Я вспоминаю, как в 60-е годы юрко бегали в клетках мыши и крысы “чистых линий”**,

* Генерал-полковник А. И. Бурназян в советское время руководил всеми работами по радиационной медицине.

** Особые расы лабораторных грызунов, идентичных по генотипу.

деловито шелестели по стружкам золотистые хомячки и морские свинки; демонстрировали свой независимый нрав кошки; радостно лаяли собаки, приветствуя экспериментатора. Отказа ни в чем не было! Чтобы построить кривую летальности после воздействия разных доз радиации, в опыт “закладывали” не менее сотни мышей на каждую дозу облучения. Вся многочисленная живность обитала в благоустроенных вивариях, питалась свежей морковкой и капустой, те, что покрупнее, с аппетитом поглощали кашу с мясом! В 90-е и 2000-е годы стоимость одной мышки стала превышать стоимость “доперестроенной” собаки! Эксперимент оказался не по карману. А какая наука без эксперимента? Как можно проверить гипотезу, реализуя опыт на пяти мышках?

Институт стал сжиматься, как шагреневая кожа: исчезали направления и лаборатории, пустели помещения. За двадцать лет “рыночной демократии” число сотрудников сократилось с 2,5 тысячи до 500 человек. В основном остались люди, всю свою сознательную жизнь отдавшие Институту биофизики и мягко говоря немолодые. Некоторые из них работают потому, что “прикипели” к родному учреждению и не мыслят жизни вне его стен; хотя им давно уже пора на заслуженный отдых, другие – “дорабатывают до пенсии”. “Племя младое, незнакомое” не шутит в залах и коридорах больших корпусов. Так же, как нет в стенах нынешнего института маститых ученых, чьи имена были бы известны всей России, как это было раньше. Научные школы распались.

... Обстоятельства сложились так, что еще недавно я регулярно по субботам проезжала мимо величественных корпусов Института биофизики. За высоким глухим забором стоит темная громада... ни одно окно не светится... Суббота. И невольно вспоминается, как во времена моей советской научной молодости тепло светились окна этого здания по субботам и воскресеньям; конечно, не все, но многие. Это мы, младшие научные сотрудники, “закладывали” опыт или “снимали” результаты эксперимента. Мы любили выходные дни, потому что было спокойнее, чем в будни, ничто не отвлекало. А главное, нам было интересно, мы делали науку!

Где же сейчас обитатели сданных в аренду помещений богатого историей института? Полагаю, “тусуются” на корпоративных вечеринках, надорвавшись на добывании денег... Желать им успеха не хочется... А истинные хозяева, научные сотрудники, из-за “смешной зарплаты” заняты подработками. Последние два года Институт биофизики, уже не как НИИ, а всего-навсего “отдел”, включен в состав Федерального медицинского биофизического Центра им. А. И. Бурназяна, основным ядром которого является бывшая клиническая больница № 6. В Центре им. А. И. Бурназяна 10 отделов; фактически фундаментальная наука представлена в одном; остальные отделы – лечение и прикладные исследования. Конечно, лечение и радиационная практика – это очень важно. Но где гарантия, что без расширения научных направлений хорошо задуманный Центр не превратится в клиническую больницу, где лечение будет осуществляться на “рациональной” основе “рыночной экономики”?

Правда, по словам некоторых заслуженных сотрудников института, за последний год намечилось некоторое оживление: произведен ремонт помещений старых корпусов, появились в лабораториях молодые сотрудники. Руководство Центра им. Бурназяна обещало установить молодым зарплату большую, чем у старшего поколения, проработавшего в институте много лет. С одной стороны – хорошо, по-другому молодежь не удержать; с другой – справедливо ли по отношению к старшим... Но главное все-таки в другом: малочисленное среднее поколение, а в такой ситуации кто будет учить молодых... Возродится ли вновь Институт биофизики, одно из самых мощных научных учреждений Москвы в советское время? Ведь “радиопротекторная таблетка” все еще ждет своего воплощения, и нужда в ней по-прежнему актуальна...

Двадцать лет я проработала в другом научном учреждении медицинского профиля, **Гематологическом Научном Центре (ГНЦ)**. В советское время это был знаменитый ЦОЛИПК (Центральный Ордена Ленина Институт переливания крови). Переливание крови – проблема стратегическая. Кровь нужна всегда: в мирное время для больных; в военное время кровь приобретает такое же значение, как боеприпасы или топливо для танков. Нет запасов крови – нет реабилитации раненых; кровь сохраняет жизнь солдата. ЦОЛИПК был организован в 1926 году. Время было нелегкое: промышленность еще не стала на ноги, экономика была на перекутке (еще не начались сталинские пятилетки!), денег не хватало... Тем не менее советская власть посчитала переливание крови важной народно-хозяйственной и медицинской проблемой. Деньги

на специализированный институт нашлись. Основная тематика была научная: изучение свойств крови, условий восстановления крови при массивных кровопотерях; изучение процессов свертывания крови. Особой линией исследований были так называемые кровезаменители. Широкой публике они стали известны под романтическим названием “голубая кровь”, в основе которой было химическое соединение перфторан. Не менее важным следует считать и разработку специальных сред для консервации крови, хранения эритроцитов. На весь Союз были известны растворы ЦОЛИПК № 1 и ЦОЛИПК № 2; они входили в оснащение всех операционных блоков. Была в ЦОЛИПКе и клиническая база, она занимала сравнительно небольшую долю научного потенциала.

С 1988 года профиль ЦОЛИПКа начинает изменяться. Теперь это Гематологический Научный Центр (ГНЦ), задуманный как комплекс трех институтов: клинической гематологии, трансфузиологии и молекулярной гематологии. Кажется бы, наука представлена во всем объеме. Однако... Не успев “расцвести и оформиться”, уже к 1990 году распался институт, призванный решать проблемы молекулярной гематологии, а его директор незаметно исчез, никем не замеченный, на просторах нашей необъятной страны. К середине 90-х стало очевидным, что финансовые вливания, дорогостоящая аппаратура, научные и клинические ставки, а также повышенная зарплата целенаправленно направляются в клинический институт, специализирующийся на лечении патологий “белой” и “красной” крови. Таким образом, к моменту “коммерциализации” медицины ГНЦ в лице клинического института оказался вполне подготовленным, чтобы лечить дорогостоящие патологии крови и получать за это деньги, если не со всех больных, то, по крайней мере, с части из них*. Кроме того, Центр участвовал в федеральной программе “Дорогостоящие виды лечения”, деньги по которой поступали в Центр и распределялись внутри таким образом, что основная часть опять-таки попадала в клинический сектор.

Лечить стало выгодно, а решать научные проблемы – нет.

Из института ушли видные профессора, не согласные с политикой руководства ГНЦ, взявшего курс на приоритетное развитие клиники. Распались коллективы, известные в стране и за рубежом. Что касается “голубой крови”, она была объявлена лженаукой, при этом руководство ГНЦ внесло свою лепту в злонамеренную кампанию по дискредитации кровезаменителей. Вслед за институтом молекулярной гематологии был низведен до уровня 2–3-х лабораторий институт трансфузиологии. Остался de facto один клинический институт, занимающийся лечением; остальные научные подразделения существовали по “остаточному принципу”.

Читатель вправе спросить, что же плохого в том, что произошла переориентировка на лечение: ведь людям сохраняют или, по крайней мере, продляют жизнь? Конечно, ничего плохого в этом нет, если смотреть с позиций сегодняшнего дня, не заглядывая в не такое далекое будущее. Дело в том, что лечат сегодня по зарубежным протоколам, используя лекарственные препараты зарубежных фирм. Наши клиницисты не предлагают своих схем, а отрабатывают чужое; образно говоря, “заглядывают через забор”: что “подбросят” зарубежные коллеги. Отсутствие интереса к собственным разработкам сказывается во всем. Отечественное фармацевтическое производство “завяло”, серьезные препараты не выпускаются; легче использовать западные “фирменные”, получая за это “благодарность” (в разной форме, не обязательно денежной) от владельцев фирмы, чем проявлять активность по стимуляции своей промышленности на производство отечественных лекарств. Что касается технологически сложного современного оборудования, оно также закупается за рубежом. Как свидетельствуют начавшиеся судебные расследования, связанные с закупкой медицинских томографов, чем дороже аппаратура, тем более крупные финансовые махинации ее сопровождают.

На ум невольно приходит история с созданием отечественного пенициллина в годы Отечественной войны и в первые послевоенные времена. Когда до советских ученых дошли сведения о чудесном препарате на основе плесени *Penicillium*, который английские медики использовали для спасения раненых от инфекций, профессор Зинаида Виссарионовна Ермольева быстро организовала производство отечественного пенициллина. Нашлись для этого

* В последние годы были введены так называемые “квоты”, то есть федеральные или муниципальные органы здравоохранения оплачивают лечение некоторых больных, для которых оно становится бесплатным.

масштабного дела и деньги, и люди, и производственные площади. Ведь на заграничном далеке не уедешь! И зависит от кого бы то ни было не хотелось!

Поскольку сегодня не только ГНЦ, но и другие медицинские учреждения работают на импортных лекарствах и импортных реактивах, то и лечение, и научные исследования медицинского профиля для нас обходятся в разы дороже, чем могли бы, если бы производство было налажено в нашей стране.

На примере ГНЦ можно показать, как изменилась изнутри структура научного учреждения, в данном случае медицинского направления, но жизнь показывает, что та же болезнь разъедает и другие отрасли. Я имею в виду изменение престижа основной движущей силы науки – научного сотрудника – от младшего научного сотрудника до профессора. Уже говорилось выше, что в результате внедрения в науку “рыночных отношений” произошел перекокс в составе и статусе сотрудников в пользу служб не научных, а должных “обслуживать” науку. В ГНЦ (думаю, что и в других научных центрах тоже) это привело к образованию своеобразного слоя работников – административно-управленческого персонала (АУП). В советское время это был вспомогательный персонал, теперь это внутриинститутская “элита”, устроившаяся на “кормление” в науку. Положение же научного сотрудника низведено до состояния “трудяги”, обслуживающего не только науку, но и слой АУП.

Недавно в ГНЦ сменилось руководство, и произошло “усекновение” слоя АУП. Хорошо, если он не разрастется в ближайшее время до прежних размеров. Но едва ли существует возможность возродить до прежнего объема Институт трансфузиологии и Институт молекулярной гематологии. А ведь без них ГНЦ едва ли имеет право называться научным Центром.

Задача национальной элиты (заключение)

Опыт последних двух десятилетий показал, что наука не вписывается в рыночные отношения, более того, аппликация законов рынка на фундаментальную науку разрушает её. В открытии кардинальных законов природы и познании их сущности основную роль играют процессы мышления и анализа, которые не материальны и не приносят “быстрых” денег. Но когда новое явление замечено, осмыслено и переведено в плоскость прикладной науки, оно окупает все расходы. Так случилось с антибиотиками, так случилось с синтетическим волокном, за которое корпорация Дюпона получила миллиарды, заполнив весь мир своей продукцией. Отсюда вывод – наука на любом этапе своего развития требует инвестиций. **Финансовые вложения в науку – это вложения в могущество государства, в интеллектуальное развитие нации.** Лучшей формой инвестиций в науку является государственное финансовое обеспечение, так как государство, являясь инвестором в науку, может выступать как заказчик, обеспечивая развитие науки в интересах государства, создавая условия научного прорыва на определенных направлениях.

Говоря о государстве, я имею в виду национальную правящую элиту. Именно она должна проникнуться мыслью, что финансовые вложения в науку, обеспечивающие интеллектуальную независимость нации, так же важны, как финансирование армии, обеспечивающей независимость страны.

Откуда брать деньги? Во время недавней прошедшей кампании выборов в Думу и Президента широко рекламировали программы партий и кандидатов на высший пост страны; из них народ понял, что деньги в нашем государстве есть. Деньгами владеет небольшой слой олигархов; они хранятся в Стабфонде за рубежом; их переводят в офшоры, чтобы не платить налоги; их, наконец, “распиливают” и разворовывают. Об этом народ хорошо осведомили в пылу предвыборных баталий. Какой же путь выберет новая национальная элита для наполнения казны? Будет ли это национализация недр и стратегической промышленности или прогрессивный налог; найдут ли способ вернуть деньги из офшоров или истребят коррупцию – проказу нынешнего времени? Мы, народ, знаем, что деньги должны служить всем гражданам и укреплять, а не разорять российское государство. Хочется надеяться, что интересы отечественной науки будут при этом учтены.

-
1. www.strana-oz.ru. Ю. Кузнецов. “Финансирование гражданской науки в России”.
 2. Постановление Правительства РФ от 30.03.2001 “О государственном бюджете 2001 г.”
 3. www.scientific.ru.
 4. www.vedomosti.ru.

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ: ШКОЛА МОЛОДОГО БОЙЦА

История с политкорректностью в нашей стране сразу началась в виде фарса. Известная писательница Татьяна Толстая, пожив в Америке, вдруг вместо дифирамбов, которые тогда, в середине 90-х, принято было петь цитадели демократии, написала очень смешной фельетон. В нем она от души потешалась над этой самой политкорректностью – явлением, у нас в то время еще малоизвестным и потому вызывавшим недоумение: как следует к нему относиться?

По прочтении фельетона стало понятно, что политкорректность – типичный западный “перегиб”. Защита прав человека уже доходит до маразма. Демократы (так тогда называли поклонников общечеловеческих ценностей) растерянно пожимали плечами, патриоты же (те, кто случайно прочитал Татьяну Толстую, поскольку она была из противоположного лагеря) потирали руки от удовольствия: вот до чего докатилась эта Америка! Но удержаться от смеха не мог никто, читая, как в борьбе с “сексизмом”, то есть в полном соответствии с политкорректностью, нужно было бы переписать сказку о Красной Шапочке. (Сексизм – это, по определению борцов за равноправие женщин, “мужской расизм”, выражающийся в утверждении превосходства мужчин над женщинами. В сексизме могут обвинить и работодателя, который предпочел взять на вакантное место представителя сильного пола, и галантного кавалера, который, не дожидаясь просьбы дамы, попытался помочь ей понести тяжелую сумку или подал пальто.)

С подачи ли Татьяны Толстой или по каким-то причинам, кроющимся в национальной психологии, но слово “политкорректность” и его производные вошли в наш язык исключительно в ироническом варианте: “Ты уж извини, я выражусь неполиткорректно...” или: “Только моя врожденная политкорректность не позволяет мне назвать тебя козлом” и т. п.

Маскировка, лакировка и побелка

Но по прошествии нескольких лет российские читатели узнали, что фельетонная шутка писательницы вовсе не шутка, а сущая правда: сказка-таки была переписана. И даже познакомились с фрагментом реального текста, который привел в своей книге “Манипуляция сознанием” широко известный политолог С. Г. Кара-Мурза: “Жила-была малолетняя персона по имени Красная Шапочка. Однажды мать попросила ее отнести бабушке корзинку фруктов и минеральной воды, но не потому, что считала это присущим женщине делом,

а (обратите внимание) потому что это было добрым актом, который послужил бы укреплению чувства общности людей. Кроме того, бабушка вовсе не была больна, она обладала прекрасным физическим и душевным здоровьем и была полностью в состоянии обслуживать себя, будучи взрослой и зрелой личностью” (С. Г. Кара-Мурза. “Манипуляция сознанием”. М., “Алгоритм”, 2000, стр. 90–91).

Из книги С. Г. Кара-Мурзы мы много чего узнали полезного. В частности, и то, что политкорректность – не только повод для иронии. Что это вовсе не перегиб и не маразм, как казалось Татьяне Толстой, а один из манипулятивных приемов, заключающихся в маскировке, затуманивании истинного смысла явлений, когда на черное говорят “белое” или, в лучшем случае, “светло-серое”. Но так ловко подбирают слова, что подмена незаметна. Например, вторжение вражеских войск на территорию другого государства может называться “миротворческой операцией”, “гуманитарной интервенцией”, “установлением демократии”. Или проститутку называют “секс-работницей”, а фактическую легализацию употребления наркотиков – “программой снижения вреда”.

Может показаться, что политкорректному пересмотру подвергаются все сферы жизни. Но по некотором размышлении этот тезис приходится отбросить. Сфера применения весьма избирательна. Вот в кулинарии – разве там предлагают соблюдать политкорректность? Нет, все называется прямо, как есть. Русские щи, японские суши. Не запрещено даже словосочетание “русские пельмени”, хотя можно было бы при желании обвинить нас в грубейшем нарушении авторских прав, так как рецепт принадлежит Китаю.

И в ботанике как-то не видно особой политкорректности. А ведь девушки с именем Маргарита могли бы обидеться и потребовать переименования цветка из маргаритки в маргариту, чтобы их имя не произносилось с таким уничижительным суффиксом. А уж как могли бы возмутиться защитники животных! Сколько исков о защите чести и достоинства собаки, осла, крысы, подколодной змеи, барана и других “братьев наших меньших” вчинили бы они тем, кто употребляет эти слова не по прямому назначению, а в ругательном контексте! Заодно, в русле зоополиткорректной логики, пришлось бы переписать подавляющее большинство произведений мировой литературы. А некоторые, как особо оскорбительные и совершенно неисправимые, попросту запретить. Например, басни Крылова или Лафонтена.

Так какие же сферы жизни подвергаются политкоррекции? Ну, ясное дело, политика. Тут и думать нечего, само название подсказывает. Национальный вопрос? Безусловно. Русские щи – пожалуйста, русская культура – уже с оговорками. А русское государство – ни-ни! Ужас как неполиткорректно!

Взаимоотношения полов... Вроде бы политика тут не при чем, а политкорректоры стараются вовсю. Кроме уже упомянутой борьбы с сексизмом развернулась многолетняя схватка за права содомитов, которых так называть нельзя. Неполиткорректно. Намечается и новое направление борьбы – за права вырождков, растлевающих детей. Их, вырождков, теперь очень красиво называют “педофилами”, любителями детворы. Еще недавно это слово если и употреблялось, то в специальной литературе о половых извращениях. Теперь же оно стало достоянием масс, и вполне вероятно, что вскоре придумают еще более политкорректный термин, который будет уже полностью оторван от смысла обозначаемого явления. Примерно по той же схеме, по которой происходило облагораживание другого содомского греха (как правило, тесно связанного с только что упомянутым): “педераст” – “гомосексуалист” – “человек нетрадиционной ориентации” – и, наконец, “гей” или “голубой”.

Вообще, в сфере половой морали немало политкорректировок. Разнообразными вывесками закамуфлирована пропаганда разврата. Тут и “сексуальное просвещение”, и “половое воспитание”, и “пропаганда здорового образа жизни”, и “борьба со СПИДом”, и “безопасный секс”. Порядком заминированы политкорректорами и другие области морали. Сколько усилий было положено либеральной интеллигенцией на то, чтобы стало почти неприличным произносить слова “предатель”, “дезертир”, “изменник Родины”! Вместо этого услужливо подсовывались более нейтральные: “перебежчик”, “невозвращенец”, а то и “герой, боровшийся с тоталитарным режимом”. Одному такому “герою”-изменнику, Олегу Гордиевскому, английская королева демонстративно вручила орден за заслуги в укреплении безопасности Великобритании.

Людей алчных, продажных, взяточников, коррупционеров начали вдруг именовать нейтральным, каким-то мутноватым словом “прагматик” и даже весьма положительным “хороший хозяйственник”. (Часть из этих “хозяйственников”, правда, впоследствии оказалась на нарах, за что “силовики” стали подвергаться весьма неполиткорректным нападкам в прозападной печати.)

Можно было бы вспомнить и о политкорректном отношении к наркома-нам, которых правозащитники любят именовать “наркозависимыми” или, совсем уж зашифровано для широкой публики, “аддиктами”. И про многое другое. Но, пожалуй, пора сделать выводы.

Некоторые выводы и пояснения

Вывод первый: политкорректность применяется в различных областях человеческих взаимоотношений, хотя отнюдь не во всех.

Вывод второй: политкорректность позволяет без видимого насилия изменить моральные оценки и ценности.

Вывод третий (здесь придется кое-что разъяснить): требования политической корректности в таких вроде бы аполитичных сферах, как взаимоотношения полов, не содержит никакого противоречия, ибо изменение ценностей рано или поздно влечет за собой изменение законодательства и в целом политики государства. Так, например, поощрение абортов, контрацепции, стерилизации и разврата под политкорректным прикрытием “планирования семьи” ведет к депопуляции и вынуждает правительства смягчать миграционное законодательство.

Борьба с “сексизмом” льет воду на ту же мельницу: женщины, которые качают права, не нуждаются в мужской защите и помощи, настаивают на абсолютном равенстве полов, для многих мужчин перестают быть притягательными. (Недаром русские невесты, пока борьбой с “сексизмом” не зараженные, так котируются на Западе.) Меньше семей – хуже демография. Выходит, опять политика!

Политкорректность по отношению к содомитам тоже способствует депопуляции, так как они не склонны продолжать род. Следовательно, чем их больше, тем меньше будет рождаться детей. И тем опять-таки актуальней становится политический вопрос о замещающей миграции. Кроме того, лояльное отношение к “геям” влечет за собой законодательное расширение их прав. Постепенно им удается проводить на самые верхи государственной власти своих людей, которые формируют “новую политику” – политику Содома. Мэр Берлина, например, “открытый гей”, и совсем недавно горрод заполонили сотни тысяч (!) ему подобных, которые вместо ежегодного, уже привычного там “парада гордости” решили устроить грозную акцию протеста, требуя дальнейшего расширения своих прав. Можно не сомневаться, что мэр поддержит, где надо, это многотысячное сексуальное меньшинство.

Мэры-гомосексуалисты Берлина, Лондона и Парижа, столиц крупнейших европейских государств, активно влияют и на международную политику. Так, на Рождественских чтениях в конце января 2007 года наш мэр Ю. М. Лужков с трибуны рассказал, как эти господа давили на него (по его выражению “прессовали”), вынуждая разрешить извращенцам “погордиться” у Кремлевских стен.

Вывод четвертый: на самом деле политкорректность не просто один из манипулятивных приемов воздействия на общество. Это мощнейшее оружие информационной войны. Оно позволяет мягко, незаметно дезориентировать и деморализовать противника, чтобы он сдался без боя, поскольку бой – это верх неполиткорректности. Ну, а при мастерском владении этим оружием противник переходит на твою сторону, встает под твою знамена и от души рукоплещет победе добра и справедливости. Тот же, кто не переходит, артачится, будет наказан по всей строгости нового, политкорректного закона. Сообщение с “Русской линии” (сводка новостей от 11.07.2007): “Бельгийские содомиты подали в суд на епископа Намюрского Анри-Мутьена Леонарда. Его обвиняют в “ненависти к педерастам”, что в Бельгии является уголовным преступлением после принятия закона по борьбе с дискриминацией в 2003 году, сообщает Sedmiца.Ru. В апреле в интервью еженедельнику “Tele Moustique” епископ назвал извращенцев “ненормальными людьми”. По мнению Мишеля Грейндо, адвоката содомитов, епископ “заклеймил” извращен-

цев, чье “достоинство и идентичность унижены, так как епископ считает их неполноценными и неправильными людьми”. Грейндо даже сравнил высказывание епископа с действиями нацистов в Германии. Этот случай — лишь один из серии преследований христиан за их убеждения. В прошлом январе христианин Ванне, член французского парламента, был обвинен в “ненависти к педерастам” только за то, что заявил, что “гетеросексуальность нравственно превосходит гомосексуализм”, и что “гомосексуализм подвергает опасности выживание человечества”.

Политкорректность и такт: почувствуйте разницу

Думаете, это где-то там, далеко, и к нам не относится? Ошибаетесь. Просто страны Запада немного нас опередили в плане толерантности. Но если ступить на сей путь, то мы догоним “цивилизованный мир” в рекордные сроки. Ведь, увидев, что уговоры зарубежных мэров-гомосексуалистов на Лужкова не подействовали, наши местные “гомики” (пока еще, слава Богу, не мэры), активно поддерживаемые правозащитниками, тоже обратились в суд.

Некоторые граждане (почему-то чаще мужчины, причем вполне “традиционной ориентации”) нервно реагируют на упоминание об информационной войне, манипуляции сознанием. Наверное, кто-нибудь из них, прочитав пассаж про “политкорректное оружие”, не выдержит и возмущенно воскликнет: “Опять враги? Опять заговор? Все высосано из пальца! Они просто на Западе вежливые, тактичные. Инвалидов называют людьми с ограниченными возможностями, а негров США — афроамериканцами. Авторы привыкли к совковому хамству и гуманное отношение к людям считают оружием!”

Что ж, мы бы охотно присоединились к мнению о тактичности политкорректоров, если бы нам помогли разрешить некоторые недоумения. Почему на современном Западе тактичность к извращенцам сплошь и рядом оборачивается вопиющей бестактностью по отношению к нормальным людям? Почему политкорректоры не подают в суд и даже не возмущаются не просто бестактностью, а запредельной грубостью, с которой содомиты публично говорят о женщинах?

Из заключения докторов юридических наук Богатырева А. Г., Кулиева П. Р., Михалевой Н. А., Понкина И. В. и доктора психологических наук Абраменковой В. В. относительно правовой возможности публичного проведения гей-парадов: “Анализ публикаций гомосексуалистов о так называемой “гей-культуре” позволяет выявить, что одной из ее характерных черт является ненависть и нетерпимость гомосексуалистов (по крайней мере, мужчин-гомосексуалистов) к женщинам нормальной сексуальной ориентации, по существу — расистское к ним отношение как к неполноценным существам, неполноценному расовому виду... Приведем... одну характерную цитату из “словарика” гомосексуальной “культуры”, размещенного на многих интернет-сайтах гомосексуалистов: “Двузюпый крокодил — насмешливое наименование женщины. То же самое — двустволка, мокрощелка, пустодырая... кошелка, натурель, оплеушина, проплешина, разуха, зассыха” (“Право против ксеноморфов в области общественной нравственности”. М., Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007, стр. 17).

А ведь среди правозащитников есть и феминистки, патентованные поборницы женских прав. Почему же они молчат? Да и мужчинам, несмотря на антисексизм, негоже давать женщину в обиду. Или по сравнению с “геями” она не человек, и потому права человека на нее в данном случае не распространяются?

Еще вопрос: как сочетать с тактичностью выставление напоказ всего того, что традиционно относилось к сфере интимного и в мало-мальски культурном обществе прилюдно не обсуждалось? Когда появилась телевизионная, уличная, газетно-журнальная и прочая реклама прокладок и тампаксов, очень многие люди были этим шокированы. Помнится, в одной из телепередач, имитировавшей судебный процесс, женщина предъявила иск к рекламодателям, мотивируя свое заявление тем, что ей стыдно теперь смотреть телевизор вместе с мужем и взрослым сыном, а также ходить по улицам, поскольку такая реклама причиняет ей моральный ущерб, унижает ее человеческое достоинство, наносит психическую травму. Но ни один правозащитник ни тогда, ни после не кинулся защищать эту женщину. Как, впрочем, и миллионы других, считающих подобную рекламу крайне бестактной и даже бесстыдной.

О тактичности секс-просвета можно говорить разве что в фельетонной манере, которая так удается Татьяне Толстой. А самое, пожалуй, тактичное отношение к людям явили американцы во время войны с Сербией: поздравления с Пасхой были написаны прямо на бомбах!

Нет, уважаемый оппонент, не сходятся тут концы с концами. Чувство такта, в отличие от политкорректности, не носит избирательного характера и не оборачивается в определенных ситуациях вопиющим хамством. Тем более, кощунством. А вот информационное оружие как раз применяется избирательно. Зачем палить впустую, куда попало? Так поступают дети, играя в войну. Когда же война настоящая, бьют прицельно, по мишеням.

Собака вместо Распятия

Самая главная мишень обозначилась не сразу. И это тоже не случайно. Поразить ее сразу было невозможно, потому что она относилась к сфере сакрального. К той сфере, которую нормальное, здоровое общество всегда защищает особенно ревностно. Чтобы люди перестали защищать свои святыни, нужно заразить их ядом индифферентизма, безразличия. Для этого и придумано было такое информационное оружие, как политкорректность. Если бы людям сказали: “Наплюйте на свои святыни! Ешьте, пейте, веселитесь, ибо завтра умрем”, то далеко не все последовали бы этому призыву. А те, которые бы последовали, в основном и без призывов жили примерно таким образом и отродясь никаких святынь защищать не собирались. Нет, оружие под названием “политкорректность” придумано не для них. Оно для людей с развитым “верхом”, приверженных высоким идеалам, обладающих чувствительным сердцем. Такие люди хотят быть хорошими, терпимыми, милосердными. Им не хочется никого обижать, напротив — очень хочется быть примерными христианами. Привлеченные гуманным отношением к инвалидам и неграм, они-то и попадают в ловушку политкорректности, которая как раз подсказывает им якобы верный путь, предлагая гораздо более правильные, нейтральные слова. Слова, не ранящие и без того раненых своей долей.

Но поскольку слово неотделимо от смысла, смягчается и смысл обозначаемого явления. Не падшая, не публичная женщина, не проститутка, а “ночная бабочка”. Смягчается и отношение к ней: как осуждать “ночную бабочку”? Это ведь так красиво, романтично, безобидно! Только идиоты могли осуждать бабочек. Но память-то подсказывает, чем она занимается, эта бабочка. И как ее называли недавно, тоже трудно сразу забыть. Одно накладывается на другое, сталкивается, вызывает противоречивые чувства... Нет, лучше вовсе не думать об этом. Пусть оно как-нибудь само... Моя дочь (жена, мать), к счастью, не проститу... то есть не ночная бабочка. Короче, это все не о нас. Так что пусть живут, как знают, и называются, как хотят.

Отстранение соседствует с охлаждением. Когда этого отстранения много, то разовое охлаждение переходит в хроническую теплостыдность. А ее, эту теплостыдность, еще и морально подкрепляют, выдавая грех человекоугодия за истинно христианскую любовь. И постепенно человек привыкает молчать о том, о чем он как христианин молчать не должен. Привыкнув же, сдает и следующие рубежи. Тем более что натиск на христианские святыни тоже ведется иезуитски-изошренно, под видом любви к людям.

“В некоторых приходах, — писал еще в начале 60-х гг. XX века католический кардинал Лефевр, выражая свое несогласие с начавшейся модернизацией католической церкви, — родителям, готовящим детей к первому причащению, не советуют помещать распятие в детской, “чтобы не травмировать их”, но предлагают заменить его “изображением, понятным их возрасту, например, собаки как символа верности”, — изображением, которое они, повзрослев, найдут в катехизисе, где не будет ни слова о распятом Христе.

В поисках новых слов французские католические богословы доходят до того, что в молитве Господней при крещении вместо “Que ta volonté soit faite” (“Да будет воля Твоя”) предлагают “Que ta volonté soit fete” (“Да будет воля Твоя праздником”). Это богословие упразднения креста, в обход страданий. Мы видим, что выбор слов делается так, чтобы непременно угодить человеку с современной психологией. Уже не говорят об искуплении, но об “освобождении”, со всем тем, что это слово содержит в своей двусмысленности. Некоторые заявляют, что язык Христа, говорящего о Своем Отце, не может быть

приемлем для людей, знакомых с Фрейдом: “Слова Отец и Сын уже неадекватны словам Бог и Иисус. Говоря о Боге, следует говорить об источнике жизни и не употреблять слово “Отец”...”

И далее: “Перед нами мессианский гуманизм, где Бог растворяется в человечестве”. Это страшное размывание границ света и тьмы не может, разумеется, не вызывать жгучей тревоги у многих католиков. В очень трезвой книге “Церковь миссионерская и демиссионерская” Андре Пьеттр пишет: “Уже не говорят о чуде, об искуплении, о Евхаристии, о Приснодевстве, о молитве, о благодати, о грехе... но о диалоге, о свободе, о радости, о любви и т. д. Короче говоря, отрицают молчанием” (Архиепископ Марсель Лефевр. “Они предали Его. От либерализма к отступничеству”. С-Пб., “Владимир Даль”, 2007, стр. 8–10).

Призывы Лефевра остановиться не были услышаны. Наоборот, после II Ватиканского собора “осовременивание” католической церкви стало набирать обороты, а строптивого “ретрограда” Ватикан в конце концов наказал отлучением.

И тридцать лет спустя видный американский политик Патрик Бьюкенен рассказал в своей книге “Смерть Запада” о дальнейшей творческой переработке священных текстов: “Строки “белым, как снег, Господь, сделай меня...” из гимна “Все в руке Твоей, Боже” часто поются как “Омой меня, Господь, омой”. Очевидно, словосочетание “белый, как снег” имеет расистский подтекст. Обращение “Отец, Сын и Дух Святой” ныне заменено на “Творец, Искупитель и Опора”, что делает фразу более нейтральной с гендерной точки зрения. А нью-йоркская церковь Риверсайд предпочитает такое обращение: “Отец, Сын и Святой Дух, Единый Господь, Матерь людская”... Гимны “Вперед, Христовы воины” и “Я солдат креста” отвергнуты как чрезмерно воинственные. Гимны “Он вел меня” и “Господь, Отец людей” признаны шовинистическими. Гимн “Да упокоит вас Господь” также недопустим; гимн “Вера наших отцов” постоянно критикуется. Те, кому нравится мелодия, но не нравятся слова, могут подставлять “матерей” или “предков” вместо “отцов” (П. Бьюкенен. “Смерть Запада”. АСТ, М., 2003, стр. 262).

И еще о дне нынешнем. Из уже упоминавшейся книги С. Г. Кара-Мурзы: “Сегодня мы видим, как модернизация сокрушает последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы, – церковь. Мало того, что священники вне службы, даже в облачении, стали говорить совершенно “правильным” языком, как журналисты или политики. Модернизации подвергаются священные тексты. Действия в этой сфере – целая программа. Приступают к изданию новой Библии с “современным” языком в Англии, тиражом 10 миллионов экземпляров. Теологи старого закала назвали ее “модерн, но без Благодати” (само понятие Благодати из нее изъято и заменено “незаслуженными благами”). Вычищены из Библии и понятия искупления и покаяния. И, наконец, ключевое для христиан слово “распятие” заменено “прибавлением к кресту”. Наполненные глубинным смыслом слова и фразы, отточенные за две тысячи лет христианской мысли, заменены “более понятными”. Как сказал архидиакон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание.

Мы уж не говорим о пошлой и конъюнктурной политической цензуре Священного Писания. Недавно в США начали переходить на новый, “политически правильный” перевод Библии, из которого исключено упоминание о том, что Христос был распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему – неважно. Это – чтобы устранить из Евангелия “антисемитизм”. Чтобы не обидеть феминисток, изменено понятие Бог-Отец (он теперь Бог-отец-мать), так что рушится вся суть Троицы. Внесены и многие другие подобные “демократические” изменения” (там же, стр. 91).

Да, коварное, поистине дьявольское оружие придумали богоборцы! Они будут оголтело разрушать Церковь, а им слова не смей сказать. В противном случае будешь объявлен не только неполиткорректным, а бессердечным и злым. Начинаются политкорректные “наезды” и на Русскую Православную Церковь. Не так давно Антидиффамационная лига обвинила ее “в использовании за Литургией антисемитских пассажей”. Это никакой не курьез или недоразумение, а первая проба пера. Выражаясь по-военному, разведка боем.

“Но судите судом праведным...”

В связи с политкорректностью важно рассмотреть тему осуждения, которая так актуальна в православной среде. Ведь, действительно, христиане не должны осуждать, осуждение – это грех. Практически в любой книге о духовной жизни можно найти цитаты, подтверждающие эту мысль. Вот всего одна. Св. Тихон Задонский: “Когда что худое увидишь в твоём ближнем, то запечатай уста твои молчанием, а о нём воздохни ко Господу, да исправит его; и о себе молись, дабы в такой же порок не впасть, потому что мы – немощные, и с нами может случиться то же или даже ещё худшее”.

Но, конечно, главный аргумент против осуждения – это слова Спасителя “не судите да не судимы будете” (Мф. 7:1). Однако чуть позже в том же Евангелии от Матфея Господь прямо повелевает обличать согрешившего брата (Мф. 18:15–17). Да и Сам порой выражается весьма нелицеприятно: “лицемеры”, “сын погибели”, “род лукавый и прелюбодейный”, “сатана” (последнее – по отношению к будущему первоверховному апостолу Петру).

А св. Иоанн Креститель? “Порождения ехиднины! – обратился он к фарисеям и саддукеям. – Кто внушил вам бежать от будущего гнева?” (Мф. 3:7). Он не боялся обличать даже самого царя Ирода, за что и поплатился головой.

И многие христианские святые далеко не всегда проявляли политкорректность. Священномученик Афиноген, возмущенный арестом монашеской братии, придя в город к судье, начал громко кричать: “Зачем ты обокрал меня, мучитель, расхитив церковь мою? Пусть видит Бог злое дело, совершенное тобой, и пусть обрушится Своим гневом на тебя!” А когда игемон Филомарх пытался заставить его принести жертву идолам, святой ответил ему, прямо скажем, не очень вежливо: “Мучитель незаконный, пес прескверный и безстыдный! Не испугаешь нас своими угрозами, делай, что хочешь: мы готовы терпеть все за нашего Бога”. Не церемонилась со своим истязателем и мученица Марина: “Мерзкий пес! Свинья! Ты пожираешь человеческое мясо”, – вот что он услышал от нее. И мученица Христина князя, который ее терзал, назвала нечестивцем, а своего отца – слугой сатаны.

Какой же вывод можно сделать? Разрешимо ли это противоречие? Сами разрешать его не дерзаем, обратимся за помощью к духовно просвещенным отцам.

Св. Василий Великий пишет: “Поскольку Господь иногда говорит: “Не судите по наружности”, а иногда повелевает: “Но судите судом праведным” (Ин. 7:24), то не вовсе запрещается нам судить, а показывает различие суда... Поэтому, если что зависит от нашего произволения, иногда даже бывает и неизвестным, за то не надобно осуждать брата, по сказанному у апостола о неведомом: “Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения” (1 Кор. 4:5). Но защищать суды Божии – непрерываемая необходимость, чтобы у малчишающему самому не вкусить гнева Божия...” (“Алфавит духовный”, Прав. Братство св. Иоанна Богослова. М., 2006, стр. 322–333).

История Вселенских соборов, жития святых и вообще острая духовная брань, не прекращавшаяся с момента прихода Спасителя в мир, ярко иллюстрируют нам это поучение. Вот, например, как противостояли Брестской унии 1596 г. верные пастыри Православной Церкви. Иоанн Вышенский, уроженец Судовой Вышны под Львовом, подвизавшийся на Афоне, слал своим соотечественникам вдохновляющие послания. Короля Сигизмунда III, борového с православными и всячески способствовавшего укреплению униатов, он называл “дьяволом в короне”. А в “Послании к епископам, которые отступили от Православия”, писал: “Для чего именем христианским бесстыдно осмеливаетесь себя называть, если чести этого имени не уважаете?.. Будьте прокляты вы, (униатские) владыки, архимандриты, игумены, которые опустошили (православные) монастыри и сделали себе из святых мест именья, сами вместе с друзьями и слугами проводят там развратную и животную жизнь, возлежа на святых местах... а в монастырях нет монашеской жизни, нет пения и молитвы, воют псы...” (Н. Гайдук. “Брестская уния 1596 года”. Православное Братство во имя Архистратига Михаила, Минск, 1996, стр. 68). Св. Афанасий Брестский проклинал унию даже перед своей казнью, стоя на краю выкопанной для него могилы. Как видим, политкорректностью там даже не пахло.

В согласии с Василием Великим рассуждал и св. Иоанн Златоуст. Поясная изречение Господа “не судите да не судимы будете”, он говорил о том, что Спаситель не всех и не за все запрещает судить, а только если человек, будучи исполнен бесчисленных грехов, порицает другого за маловажные проступки. Это рассуждение приводит в своем труде “Отпущение грехов и мнимая христианская любовь и всепрощение” архиепископ Аверкий (Таушев). Увидев ужасы кровавой богоборческой революции в России, а потом попав на Запад и убедившись, что либерально-демократическая идеология и там производит ползучий богоборческий переворот, он прекрасно понимал, каким тоталитаризмом греха чревата в современных условиях проповедь тотального неосуждения (здесь и далее см. интернет-сайт “Православие и мир”).

“А теперь, в переживаемое наше страшное время циничного и откровенного лютого безбожия, мы, как христиане, верные Христу-Спасителю и Его Истинной Церкви, не можем не осуждать со всей решительностью безбожников и кощунников, лютых богоборцев, стремящихся искоренить во всем мире веру Христову и разрушить Святую Церковь, осквернивших Отечество наше и надругавшихся над нашими святынями... Надо хорошо знать и помнить, что совершенно чуждо истинного христианства зловерное толстовское учение о непротивлении злу (кстати сказать, погубившее нашу несчастную Родину-Россию и сввергнувшее ее в страшные кровавые ужасы большевизма!): всякий истинный христианин непримирим ко злу, где бы и в ком бы он его ни встречал”, – пишет архиепископ Аверкий.

И далее: “Мы осуждаем слуг грядущего Антихриста и самого Антихриста. Неужели все это есть греховное осуждение, запрещаемое Евангелием, как пытаются убедить нас в этом современные умники-неохристиане, исполненные какой-то необыкновенной сверхлюбви и всеохватывающего прощения?”

Архиепископ Аверкий пишет и о том, кому выгодно подобное всепрощение: “Совсем никого и ни за что не осуждать – такого настроения в современном христианском обществе только и хотят добиться слуги грядущего Антихриста для того, чтобы им легко и просторно было действовать, подготавливая в мире обстановку, благоприятную для скорейшего воцарения их властелина. Неужели в наше время каждому честному и сознательному христианину еще может быть не ясно, что безусловное всепрощение нужно лишь врагу Христову Антихристу, дабы люди окончательно потеряли чувство различения добра и зла, помирились бы со злом, охотно приняли его, а затем и самого Антихриста, не помышляя о борьбе с ним?”

О том же говорил в 1925 г. и Иван Ильин: “Если я, не вмешиваясь, предоставляю свободу злодею духовно губить и кощунствовать, то я соучаствую в его злодеяниях. Где расточенная доброта попирается свирепыми животными (Мф. 7:6), там необходимы гроза, страх, меч и страдание. А не говорить злу ни да ни нет, значит сказать ему “да”, поэтому прячущийся вовсе не выжидает, а предает, ибо молчанием предается Бог” (“Новый Век”, № 3, (36), 2006).

Эту же позицию подтвердил несколько лет назад и Святейший Патриарх Алексий, говоря о необходимости активной борьбы с развращением детей и молодежи: “Если мы будем молчать, нас просто уничтожат”.

Какое осуждение праведно?

Итак, осуждение осуждению рознь. По каким же критериям, кроме лицемерия и ханжества (когда, не обращая внимание на бревно в своем глазу, возмущаются сучком в чужом), предлагают учителя Церкви опознавать греховное осуждение?

Критерии эти в сердце человека. Что им руководит? Он действительно печется о Божественной истине или хочет свести личные счета, унижить кого-то из зависти к его успеху, показать себя, получить какую-то выгоду? Современнно выражаясь, есть ли у него скрытая греховная мотивация? Со стороны понять это далеко не всегда возможно, но христианин, который не хочет впадать в грех осуждения, должен внимательно прислушиваться к себе, испытывать свою совесть.

Важно и не распалиться злобой. Авва Макарий сказал: “Если ты, делая кому-либо выговор, придешь в гнев, то удовлетворишь своей страсти. Таким

образом, чтобы спасти другого, ты не погуби самого себя” (“Древний Патерик”, изд. Отд. Московской Патриархии, изд-во “Планета”, М., 1991, стр. 52). И архиепископ Аверкий говорит, что “запрещается не суждение о поступках ближнего и не осуждение его злых поступков само по себе, а злое чувство в душе по отношению к ближнему со стороны человека, который сам также грешит или даже еще больше, не думая о своем собственном исправлении”.

Запрещаются и сплетни, злые пересуды, злоречие. Они ведь тоже часто происходят не из желания установить истину, а из тщеславия, излишней подозрительности, склонности замечать в окружающих только дурное, мизантропии.

“Иными словами, – подытоживает архиепископ Аверкий, – запрещается всякая злоба и злорадство в отношении грешащего ближнего, на личной почве, а отнюдь не справедливая, чисто идейная оценка его поступков и поведения, каковая не только не противна Евангелию и не предосудительна, а, наоборот, даже необходима, дабы мы не стали, в конце концов, относиться безразлично к добру и злу, и зло не восторжествовало бы, вследствие этого, в мире”.

Попробуем привести несколько примеров. Многие знают старинную историю, как некий человек, наслышанный об аскетизме монахов одной из обителей, был очень смущен тем, что когда они пригласили его на трапезу, на столе были разнообразные яства и даже вино. Он ушел от монахов с осуждением в душе, решив, что разговоры об их подвижничестве – выдумка. Но Бог очень скоро открыл ему несправедливость его осуждения. Волею обстоятельств этот человек неожиданно вернулся в монастырь и застал совсем иную картину. Никаких разносолов и вина не было в помине. Хлеб с водой, да и те в небольших количествах. И он устыдился, поняв, что яства на столе свидетельствовали о любви к гостю, а не о чревоугодии хозяев.

На основании этой истории делается совершенно правильный вывод, что не нужно спешить с осуждением не постящегося человека. Мало ли по каким обстоятельствам это происходит? Может, он забыл, что день постный (как произошло в юности с св. Силуаном Афонским). Или не может выдержать по слабости здоровья, или – что чаще – по слабости воли. Короче, это его личный грех, за который он сам и ответит.

Но если человек возводит несоблюдение поста в принцип и к тому же стремится распространить его на других, молчать нельзя. И уж тем более не следовало бы это делать, если бы кому-нибудь вздумалось “модернизировать” таким образом Церковь, заявив, что католики посты практически отменили. Чем мы хуже?

А вот про содомитов, на наш взгляд, не следует говорить, что пусть они у себя дома занимаются, чем хотят, лишь бы парад на Красной площади не устраивали и не рекламировали свой образ жизни. Содомия (как и разврат вообще) не личное дело каждого. Это воронка, в которую мало-помалу втягивается все больше людей, в том числе юноши, подростки и даже маленькие дети. Так что содомию необходимо осуждать, не дожидаясь, пока содомиты явятся в школы. И не только осуждать, но и карать по закону, о чем недвусмысленно говорит Священное писание. Этот подход худо-бедно соблюдался вплоть до начала 90-х, пока в условиях однополярного мира Россию не начали втягивать в построение нового мирового порядка, в котором “христианская составляющая”, как мы видим, все быстрее сходит на нет. Сейчас, когда Россия явно укрепляет свои экономические и политические позиции, пора вернуть “традиционную ориентацию” и в подходах к мужеложеству.

Попробуем понять и то, чем отличается праведное осуждение (которое сейчас чаще называют обличением) от сплетен, пересудов и злоречия. В сплетнях обычно бывает много лжи, клеветы – того, что совершенно несовместимо с христианской нравственностью. Но даже если все, говорящее о человеке (или сообществе людей) – правда, следует задать себе вопрос: для чего это говорится? Чтобы почесать языком? Тогда мы впадем в грех празднословия. Чтобы показать, какой человек плохой, а мы хорошие? Тогда смотри выше про гордость, тщеславие и проч. Но когда мы видим, что собеседник по незнанию готов связаться с человеком непорядочным, опасным, лукавым, предупредить его – наш долг. Можно обличать чьи-то плохие поступки и в назидание другим. Воспитывают ведь не только на подражании хорошим примерам, но и на отвращении от дурных. Это задает систему координат.

В любой культуре, даже в самой толерантной, есть свои герои и злодеи. Без восхваления первых и осуждения вторых нет ни педагогики, ни литературы, ни истории, ни политики. Вообще нет нормальной социальной жизни, а есть этакая “вселенская смазь”, создающая питательный раствор для моральной деградации.

Кстати, в последнее время можно услышать, что христиане не должны осуждать умерших. Особенно настойчиво это звучало в связи со смертью Ельцина. Дескать, не смейте вспоминать, что он развалил Советский Союз, огрabil народ, привел к власти аферистов, которые быстро спелись с бандитами и принялись дружно выполнять план Бжезинского по превращению России в “лишнюю страну”. Не смейте подсчитывать число погибших в двух чеченских войнах и сотнях терактов, не смейте поминать о бомжах, наркоманах и беспризорниках, расплодившихся за время его правления, об униженных военных, обнищавших ученых. Разве это по-православному? В доказательство почему-то приводится римская (то есть языческая) пословица “О мертвых или хорошо, или ничего”.

Но, исходя из этой логики, не надо осуждать Гитлера. Зачем ему столько лет поминают Холокост и угнанных в рабство славян, убитых солдат и сожженные вместе с жителями села? И Нерона не надо осуждать, и Иуду. Они же умерли. Так, может, и про них “или хорошо, или ничего”? Впрочем, все это давно уже было. Иуде, как известно, большевики поставили памятник в городе Свяжске (правда, он долго не простоял). А споры о том, можно ли осуждать умерших, бытовали в христианской среде задолго до нас. В частности, на V Вселенском соборе, когда решался вопрос о посмертном анафематствовании Феодора Мопсуетского. “Защитники Феодора говорили, что его нельзя осуждать. Так как он уже умер. Собор доказывает неосновательность подобного суждения, ссылаясь на примеры, показывавшие, что не безвременно осуждение еретика и после его смерти. Здесь Собор останавливается главным образом на свидетельствах св. Кирилла Александрийского и блаж. Августина. Св. Кирилл писал: “...и так должно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых они находятся или нет” (Архиеп. Аверкий (Таушев). “Семь Вселенских соборов”. М-Спб., 1996, стр. 85).

Для тех, кто “начальствует над людьми”

Путаница в вопросе “осуждать – не осуждать” часто возникает еще и потому, что не все поучения, предназначенные для монахов, годятся для жизни в миру. “Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, – поучал св. Иосиф Оптинский. – И если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло”.

Большинство монахов действительно ни над кем не начальствуют. Они умерли для мира, у них нет ни семейных, ни общественных, ни государственных обязанностей. Их главное дело, главный способ противостояния злу – это молитва. (Хотя в нынешних условиях многим монастырям приходится вести огромную социальную работу.)

Но почти любой взрослый мирянин над кем-то начальствует: родители над детьми, муж над женой, учителя над учениками, руководители над подчиненными, офицеры над солдатами, власть над народом. И они не имеют права равнодушно взирать на зло! Если, конечно, хотят оставаться христианами.

Желая подчеркнуть, как велика ответственность родителей за добронравное воспитание детей, св. Иоанн Златоуст приводит пример из Ветхого завета. Сейчас этот пример используется в религиозно-педагогической литературе довольно часто, но трактовка Златоуста гораздо глубже и, как ни странно, современной. “У иудеев был один священник, во всем прочем исправный и умеренный, по имени Илий, – пишет он. – У этого Илия были два сына, предававшиеся крайнему нечестию. Он не удерживал и не останавливал их, или лучше сказать, хотя и удерживал и останавливал, но не надлежащей тщательностью и силой. Тогда как следовало сечь их, выгонять их из отеческого дома, употреблять все способы исправления, он только увещевал и советовал, говоря так: “Нет, дети мои... не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу” (1 Цар. 2:24). Что говоришь ты? Они оскорбили Господа, а ты назы-

ваешь их чадами? Они не признают Создателя, а ты признаешь родство с ними? Потому и говорится, что он не вразумлял их, ибо вразумление состоит в том, если мы не просто советуем, но если наносим рану сильную, решительную и такую, какой требует болезненная гнилость. Недостаточно только сказать или предложить увещание, но надо внушить и великий страх, чтобы пресечь беспечность юности. Итак, когда он хотя увещевал, но не вразумлял, как должно было, Бог предал их врагам, во время сражения они пали, и сам он, не перенеся вести об этом, упав, разбился и умер. Видишь ли, как справедливо я сказал, что отцы бывают детоубийцами, не принимая сильных мер в отношении к беспечным детям своим и не требуя от них благоговения к Богу? Таким образом Илий сделался детоубийцей. Ибо хотя сыновей его умертвили враги, но виновником убийства был он, лишивший их помощи Божией своим нерадением о них и оставивший их беззащитными и открытыми для желающих умертвить их. И не только их, но вместе с ними он погубил и себя самого” (“Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста”. М., “Дар”, 2006, стр. 88–89).

Нетрудно предвидеть реакцию некоторых читателей на эту цитату. Нам уже не раз доводилось слышать, что святые отцы писали для своего времени, а сейчас старые, тем более ветхозаветные методы вразумления абсолютно неуместны.

— Это что ж получается? — воскликнут такие читатели. — Вы против вежливости? За крики и ругань? За постоянные уличения и обличения?

Отнюдь, дорогие друзья! Заявляем со всей определенностью: мы за вежливость, улыбки, против криков, грубости и хамства. Даже одну из своих книг назвали “Проклятие Хама”. И детей советуем чаще хвалить, а не уличать или обличать. И не сомневаемся в том, что общаться “в духе кротости” всегда предпочтительней. Нам, например, очень нравится такое поучение аввы Пимена: “...если человек согрешит и будет отрекаться, говоря: “Я не грешен”, — не обличай его, иначе отнимешь у него расположение (к добру). Если же скажешь ему: “Не унывай, брат”, — чрез это возбудишь душу его к покаянию” (“Древний Патерик”, стр. 174).

Но, увы, это поучение не универсально. В том смысле, что применимо не ко всем. Из самого текста поучения явствует, что “брат” хотя бы в глубине души унывает из-за содеянного, что совесть его неспокойна. Иными словами, у него есть пускай скрытый, но все-таки импульс к покаянию.

Однако бывает, — причем в современной жизни не так уж редко, — что совесть крепко спит, и для ее пробуждения требуется что-то вроде барабанного боя. Можно ли было кротко вразумить бандитов, захвативших заложников в “Норд-Осте”? А “гроссмейстеров”, рассматривающих мир как шахматную доску и пролитие человеческой крови как выигрыш партии? Можно ли ласково увещевать насильника, деторазлителя, наркомана, которому срочно нужна доза? Да какое там! Куда более законопослушные, вполне социализированные и даже претендующие на управление социумом люди (к примеру, чиновники) нередко вразумляются, только услышав сверху грозный окрик или лишившись места, а то и свободы.

“Письма к пьющему брату”

Размышляя на темы допустимого и недопустимого давления, перехода кротости в попустительство и т. п., мы натолкнулись на совет игумена Никона (Воробьева), который он дал жене алкоголика: “Если он пьет, то надо его пожалеть. Он уже раб своей страсти. Один, своей силой избавиться он не может... ты не должна требовать от него здоровья, когда он болен, а должна оказывать снисхождение его немощи. Не должна ругать, когда он пьян, а молчать, чтобы не вызвать на что-либо худшее. И в трезвом состоянии ты должна не пилить его, а совместно обсудить с ним, как вам быть, чтобы общими усилиями победить его слабость...” (“Носители духа святителя Игнатия”, изд. 4, 2005, стр. 121–122).

Признаться, мы были смущены, потому что, привыкнув с уважением относиться к советам старцев, не могли просто отмахнуться от этих строк. А опыт взаимодействия с алкоголиками — профессиональный (поскольку таковые нередко встречаются среди родителей наших маленьких пациентов) и жизненный — свидетельствовал о другом: о том, что далеко не со всеми

подобные советы приводят к желаемому результату. Поэтому мы решили обождать с выводами в надежде, что ситуация со временем прояснится.

И она действительно прояснилась. Совсем недавно, находясь далеко от Москвы, купили брошюрку: игумен Никон (Воробьев) “Будь милостив к себе. Письма к пьющему брату и его жене” (М., 2002). Вкратце суть дела такова. Сначала игумен Никон писал письма жене “пьющего брата”. Утешал, уговаривал потерпеть, говорил: “Ты стоишь на верном пути, а он на гибельном”. Потом к нему приехал ее муж. По словам игумена Никона, “со скорбью рассказал” об их взаимоотношениях и, как это часто бывает с алкоголиками, постарался в своем пьянстве обвинить жену. Она-де сварливая, то и дело осуждает и огорчает. А учитывая нередко присущий алкоголикам артистизм, обвинения его могли прозвучать вполне правдоподобно. Во всяком случае, игумен как раз после этой встречи и послал К. (жене “пьющего брата”) процитированные наставления. Но потом познакомился с С. (мужем) поближе, и тон его разговора с ним стал меняться, постепенно переходя от мягко-увещательного к строгому и даже суровому. Вначале: “Дорогой, милый, добрый, умный С.! Опомнись: куда ты идешь? Если тебе здесь еще тяжело, то каково будет после смерти?.. В светлую минуту помолись Господу, Он поможет тебе и все простит... Приезжай к нам”.

Через какое-то время тон уже более сдержанный: “С., ты имеешь все условия для покаяния и спасения... какие в наше время редко кто имеет... Очень советую тебе: не оправдывай себя ни в коем грехе, как бы мал он ни казался”.

Жене (К.) старец, кстати, уже не делает выговоров за недостаточную кропотливость, а наоборот, пишет мужу: “С., у тебя есть дома учительница духовной жизни – К. Ты перед ней младенец-сосунок. Поэтому слушайся ее, спрашивай о всем, что тебя интересует в духовной жизни. Ни один духовный отец так не может любить, как она тебя... К. не обижай и еще говорю – слушай ее в вопросах духовных”.

Еще через некоторое время: “Дорогой С., я слышу, что ты совсем попал в сети врагии. Неужели ты этого не видишь? Неужели не ясно, что враги хотят тебя погубить? Жить тебе осталось немного. Если не одумаешься, то после смерти попадешь прямо в руки бесов. Ты знаешь, как они жестоки... А ты что делаешь, кое-как исповедуешься и чуть ли не в пьяном угаре причащаешься. Что это такое? О чем ты думаешь? Знай, что Бог поругаем не бывает... Ты стоишь на краю пропасти. Бесы легко могут столкнуть тебя в бездну”.

Старец уже не зовет С. к себе, как вначале, и даже отказывает ему в просьбе повидаться: “Твой приезд я не считаю необходимым для твоей душевной пользы. Ты сам знаешь, что надо делать”.

А вот чем закончилась эта переписка: “Получил твое многословное письмо. Из него видно, что ты ничему не научился. Все та же старая песня, самооправдание, обвинение других и нежелание потрудиться над своим спасением... Твое дело ясно. Если хочешь спастись, перестань напиваться и предавать себя в руки бесов. Не будет от них пощады тебе, если Господь отступит от тебя за твои мерзости... Ко всем грехам своим ты еще прибавляешь фарисейство. Твой несчастный язык оправдывает тебя во всех мерзостях и грехах, а обвиняет других. И люди верят этому, а ты в очах Божиих делаешься фарисеем, которых так не любил Господь и заживо осудил их, если не покаются”.

Политкорректные ругательства

Напоследок зададим вопрос: верны ли сами проповедники тотального неосуждения заявленным принципам? Проявляют ли они сами безграничную терпимость и всеобъемлющее прощение?

Нисколько! Они осуждают, причем весьма энергично. Хотя и в духе политкорректности. Что же подвергается осуждению? Составим краткий перечень: – патриотизм (“ура-патриоты”); – приверженность корням, традиции (“традиционалисты”, “фундаменталисты”); – защита нравственности (“моралисты”); – искренняя, горячая вера, защита православных ценностей (“ревнители”, “ура-православные”).

То есть все эти слова, изначально имеющие положительный смысл, стараются сделать “культурно-ругательными”, опустить их вниз, поставить знак

минус. И в рамках информационной войны за построение глобалистского миропорядка это вполне логично. Любовь к своей Родине и народу, нравственный образ жизни и, главное, живое, ревностное Православие мешают довершить создание “прекрасного нового мира”, который придется по вкусу Антихристу.

А что, по этой логике, должно выступать со знаком плюс? Политкорректоры пока дипломатично молчат. Ничего, мы скажем за них, выстроим пары смысловых антиподов. Итак, “ура-патриоты” – плохо. Тогда что же хорошо? Вероятно, “ура-предатели”? Быть фундаменталистом плохо. Значит, надо быть обосновательным, строить на песке. Моралистом быть плохо. Выходит, защищать или попускать разврат – похвально? “Ревнитель”... Как бы поточнее сказать наоборот? Пофигист? – этот неологизм уже прочно вошел в разговорную речь. Но лучше выразимся пополиткорректней, предложив собственный неологизм – “наплеватель”.

“Ура-православные”. Тут, пожалуй, возможны два контрварианта, выберите на вкус: “капут-православные” или, если особо не политкорректничать, “ура-сатанисты”. По сути это одно и то же.

Нет, нельзя, поддавшись на грошковые уловки, отказываться от хороших понятий и слов, бояться прослыть патриотом, ревнителем и моралистом. Не стоит и отдавать извращенцам голубой цвет, цвет неба и Богородицы. Политкорректность не просто лукава, она вероломна, нацелена на слом веры. А поскольку оружие это информационное, то и заряжают его словами. Вот почему так важна сейчас битва за слова и смыслы. В ту, “классическую” войну, когда битва, казалось бы, шла за территорию, ресурсы, в общем, – за нечто материальное, Анна Ахматова с прозорливостью гения призвала нас к самой главной битве, написав в 1942 году стихотворение “Мужество” (выделено нами. – **И. М., Т. Ш.**):

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Как известно, “ура!” – боевой клич победы. Не заменить ли нам дефис в слове “ура-православные” на запятую? И тогда получится: “Ура, православные! В атаку!”

Впрочем, столь эпичная концовка требует некоторого смягчения. Поэтому завершим на зоолирической ноте. Учебники по этологии (поведению) животных представляют собой истинный кладезь, черпая из которого можно весьма обогатить политкорректный новояз. Приведем лишь один пример: термин “поощрительное спаривание”. Это когда самец за добытый для подруги корм получает от нее соответствующую благодарность. До чего ж деликатно звучит по сравнению с грубым словом “проституция”! Хотя, согласитесь, означает то же самое. Но книгу, из которой мы взяли такой чудный политкорректный образчик и в которой еще очень много подобных изысков, называть не будем. Это, как говорится, за отдельную плату.

СЕРГЕЙ БЕЛОУСОВ

член Совета Федерации от Алтайского края

ОТ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ К СОВРЕМЕННОМУ РЕФОРМИРОВАНИЮ

Председатель Совета министров Российской империи П. А. Столыпин посетил Алтай в августе 1910 года. Цель была прагматической, но ее значение для последующего развития Алтая трудно переоценить. Он приехал с ревизией реализации переселенческой программы, в результате которой на неосвоенных землях Сибири обосновались более 2,7 миллиона человек из малоземельных губерний Центральной России. К этому времени уже около 40 процентов всех переселенцев осело на Алтае, где пригодных для земледелия территорий было значительно больше, чем освоенных мест. Алтайский край, входивший тогда в состав Томской губернии, оказался в центре аграрной реформы, идейным вдохновителем и организатором которой был П. А. Столыпин. Вспомним, как все это начиналось.

Экономическое положение русского крестьянства после крестьянской реформы 1861 года оставалось тяжелым. Земледельческое население 50 губерний Европейской России с 1860-го по 1900 год выросло с 50 до 86 миллионов, вследствие чего земельные наделы крестьян, составлявшие в 60-х годах XIX века в среднем 4,8 десятины на душу мужского населения, сократились к концу века до среднего размера 2,8 десятины. При этом производительность труда крестьян в Российской империи была крайне низкой. Причины этого крылись в отсталой и неэффективной системе сельского хозяйства. Прежде всего это были устаревшие системы обработки земли – трехполье и чересполосица, при которых треть пахотной земли “гуляла” под паром, а крестьянин обрабатывал узкие полоски земли, находившиеся на расстоянии друг от друга. Кроме того, земля не принадлежала крестьянину на правах собственности. Ею распоряжалась община (“мир”), распределявшая землю по “душам”, по “едокам”, по “работникам” или каким-либо иным способом (из 138 млн десятин надельных земель около 115 млн десятин являлись общинными). Только в западных областях крестьянские земли находились во владении своих хозяев. При этом урожайность в этих губерниях была выше, не было случаев голода при неурожаях. Эта ситуация была хорошо известна П. А. Столыпину, который более 10 лет провел в западных губерниях.

Началом аграрной реформы, проводимой в жизнь П. А. Столыпиным, явился указ от 9 ноября 1906 года. Был провозглашен широкий комплекс мер по разрушению общинного землевладения и созданию класса крестьян – полноправных собственников земли. В указе было обозначено, что “каждый до-

мохозяин, владеющий землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли”.

Реформа разворачивалась сразу по нескольким направлениям:

1. Повышение качества прав собственности крестьян на землю, состоявшее прежде всего в замене коллективной и ограниченной собственности на землю сельских обществ полноценной частной собственностью отдельных крестьян-домохозяев. Мероприятия в этом направлении носили административно-правовой характер.

2. Искоренение устаревших сословных гражданско-правовых ограничений, препятствовавших эффективной хозяйственной деятельности крестьян.

3. Повышение эффективности крестьянского сельского хозяйства; правительственные мероприятия состояли в поощрении выделения крестьянам-собственникам участков “к одному месту” (отрубов, хуторов).

4. Поощрение покупки частновладельческих (прежде всего помещичьих) земель крестьянами через Крестьянский поземельный банк.

5. Поощрение наращивания оборотных средств крестьянских хозяйств через кредитование во всех формах (банковское кредитование под залог земли, ссуды членам кооперативов и товариществ).

6. Расширение прямого субсидирования мероприятий так называемой агрономической помощи (агрономическое консультирование, просветительные мероприятия, содержание опытных и образцовых хозяйств, торговля современным оборудованием и удобрениями).

7. Поддержка кооперативов и товариществ крестьян.

Итогом аграрной реформы П. А. Столыпина стало значительное улучшение ситуации в сельском хозяйстве. Ходатайства о закреплении земли в частную собственность были поданы членами более чем 6 миллионов домохозяйств из существовавших 13,5 миллиона. Среди них выделились из общины и получили землю в единоличную собственность около 1,5 миллиона крестьян (10,6 процента). Эти изменения в крестьянской жизни стали возможными не в последнюю очередь благодаря Крестьянскому поземельному банку, выдавшему кредитов более чем на 1 млрд рублей. Из 3 миллионов крестьян, переселившихся на выделенные им правительством в частную собственность земли в Сибири, 82 процента остались на новых местах. Помещичьи хозяйства утратили былую хозяйственную значимость. Крестьяне в 1916 году засевали (на собственной и арендуемой земле) 89,3 процента всей пашни и владели 94 процентами сельскохозяйственных животных.

Оценку столыпинских реформ затрудняет то обстоятельство, что они не были осуществлены полностью вследствие трагической гибели П. А. Столыпина, начала Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, а затем разразившейся гражданской войны. Сам П. А. Столыпин предполагал, что все задуманные им реформы будут осуществлены комплексно и дадут максимальный эффект в долгосрочной перспективе. По его словам, требовалось “двадцать лет покоя внутреннего и внешнего”.

Первая часть финансовой помощи, предоставленной алтайским переселенцам для обустройства, была освоена еще до посещения П. А. Столыпиным Алтая. Появились новые крестьянские хозяйства, рынок пополнился сельскими товарами – и это были первые плоды аграрной реформы. Конечно же, встал вопрос о продолжении господдержки для выхода “столыпинских фермеров” на новый этап экономического развития. Поскольку речь шла о крупных суммах, премьер решил лично ознакомиться с положением дел.

Нам часто кажется, что мы изобретаем новое, – на самом же деле мы с большим или меньшим успехом просто повторяем то, что уже воплощалось в прежние эпохи. К примеру, актуальный сегодня принцип оказания государственной поддержки с учетом достижения определенных результатов (когда размер субсидий зависит от индикативных показателей) был опробован царским правительством в соглашениях с переселенцами. К вопросам выделения денег из царской казны был очень серьезный подход: учитывалась необходимость не только наладить быт, но и приобрести скот, инвентарь, сельхозорудия. Вместе с тем нужно было за фиксированное время добиться определенных хозяйственных результатов: принималось во внимание, какое количество скота должно быть разведено, сколько построено мельниц и маслобоен, сколько десятин засеяно... Кроме того, в годы реформ крестьянам оказыва-

лась широкомасштабная агроэкономическая помощь: создавались агропромышленные службы, организовывались учебные курсы по скотоводству и молочному производству, внедрению прогрессивных форм ведения сельского хозяйства.

П. А. Столыпин остался доволен результатами посещения Томской губернии. Рост аграрного производства на отдельных территориях составлял до 25 процентов в год, что подтверждало правильность основных направлений проводимой им реформы. Это ощущали и на местах. Например, село Славгородское благодаря визиту представителя высшей государственной власти получило статус города, в других населенных пунктах Алтая были открыты больница, почтовое отделение, ускорено строительство железной дороги, ставшей впоследствии неотъемлемой частью железнодорожной транспортной системы страны.

Столыпинская аграрная реформа позволила вывести сельское хозяйство из кризисного состояния и превратить его в доминанту экономического развития страны, а визит председателя Совета министров на Алтай сыграл огромную историческую роль в судьбе нашего края, предопределил его будущий статус всероссийской житницы. Основой экономики Алтая стало сельское хозяйство, а его ведущими направлениями – молочное животноводство и маслоделие. Последнее, как отмечал П. А. Столыпин, давало России в два раза больше золота, чем вся золотопромышленность края. Высоко ценилась в мире и алтайская мука.

В суровые годы Великой Отечественной войны нивы Алтайского края стали стратегическим ресурсом обеспечения продовольствием воюющей армии. В 1950-е годы, период освоения целины, наша щедрая и благодатная земля получила мощный импульс для развития. Как и во времена Столыпинской аграрной реформы, в край приехали новые люди, превратившие невозделанные пространства степных земель в бескрайние колосающиеся моря. Освоение целинных земель вылилось во всенародное патриотическое движение. На Алтае были распаханы 3 млн гектаров, это был один из самых значительных результатов. Здесь работали свыше 350 тысяч человек из разных регионов страны. Алтай стал одним из крупнейших в России поставщиков пшеницы.

До середины 1980-х годов Алтайский край по объему валовой продукции сельского хозяйства занимал пятое место в России. Но этап перестройки и рыночных реформ в стране тяжелейшим образом отразился на состоянии экономики и социальной сферы. В сложный период конца 1990-х наибольшее падение производства отмечалось именно в сельском хозяйстве. На Алтае, который несколько десятилетий назад обгонял европейскую часть России по темпам развития животноводства, за эти годы значительно (на 60 процентов) уменьшилось поголовье крупного рогатого скота, производство основной животноводческой продукции – молока и мяса – сократилось практически наполовину. Бесконтрольно вырезалось племенное поголовье, были заброшены пахотные земли. Катастрофически сокращался парк сельскохозяйственной техники. Диспаритет цен на зерно и ГСМ сводил на нет все усилия крестьян, стремившихся выгодно реализовать выращенный урожай. Огромный агропромышленный потенциал края оказался невостребованным, а регион получил клеймо депрессивного и лишенного инвестиционной привлекательности.

Абсолютным благом для Алтайского края, изменившим положение дел в сельском хозяйстве, стал приоритетный национальный проект «Развитие АПК». Его реализация, а также принятие в 2007 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия позволили привлечь в отрасль молодых грамотных менеджеров и высококвалифицированных специалистов, стабилизировать поголовье крупного рогатого скота, сделать доступными кредитные ресурсы, обновить материальную базу сельских товаропроизводителей, улучшить финансовое положение сельскохозяйственных предприятий, впервые за несколько десятилетий повысить инвестиционную привлекательность отрасли. Осторожное поначалу отношение потенциальных инвесторов к участию в реализации мероприятий приоритетного национального проекта сменилось готовностью к всестороннему сотрудничеству.

В настоящее время Алтайский край обеспечивает продовольствием как регионы Сибири и Дальнего Востока, так и Россию в целом: за его пределы ежегодно вывозится около 80 процентов муки и крупы, около 70 процентов

сыра и около 20 процентов животного масла. Согласно экспертной оценке до половины суммы государственной поддержки, выделяемой из краевого бюджета, направляется на выпуск продуктов питания, потребляемых жителями других регионов России. И существующие объемы сельскохозяйственного производства – это далеко не предел. Потенциал аграрного сектора Алтая очень велик, и при достойной инвестиционной поддержке край в состоянии накормить всю страну хлебом, мясом, молочными продуктами. При комплексном подходе регион способен значительно увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции и продуктов питания.

В феврале 2008 года Алтайский край посетил Д. А. Медведев, принявший участие во Всероссийском сельском сходе. Это событие имело такое же важное значение, что и визит П. А. Столыпина столетие назад. На сходе Д. А. Медведев поддержал инициативу администрации Алтайского края – придать отдельным субъектам Российской Федерации, играющим ведущую роль в обеспечении продовольственной безопасности страны, статус особо значимых аграрных территорий, сделать ставку на их опережающее развитие.

Комплексное развитие Алтайского Приобья стало проектом развития особо значимой аграрной территории. Предпосылками этого явились агроклиматический потенциал, накопленная материальная и техническая база, мощный научный комплекс региона, наличие трудовых ресурсов. Ежегодный валовой сбор зерна в крае (в среднем за 4 года) составил 4,4 млн тонн, производство молока – свыше 1,3 млн тонн. Кроме того, территория обладает возможностью существенно увеличить объемы производства крайне востребованных в настоящее время технических культур – сахарной свеклы и подсолнечника. Обширные пастбища, возможность выращивания фуражного зерна – факторы, способствующие развитию не только молочного, но и мясного животноводства, птицеводства. Достаточные производственные мощности, узнаваемые бренды, высокое качество алтайской продукции позволяют активно расширять географию поставок. Кроме того, Алтайский край занимает стратегически выгодное географическое положение: вблизи от динамично растущих рынков Юго-Восточной и Центральной Азии.

В рамках проекта “Комплексное развитие Алтайского Приобья” формируются агропромышленный, биофармацевтический, топливно-энергетический и туристско-рекреационный кластеры. Они призваны не только обеспечить население России основными видами продовольствия, импортозамещающей фармацевтической продукцией и качественными туристическими услугами, но и помочь региону выйти на международный рынок. Проект перспективен и жизнеспособен. Уже сегодня есть конкретные результаты. Так, благодаря развитию агропромышленного кластера реализуются инвестиционные проекты в области животноводства, птицеводства, семеноводства, глубокой переработки продовольственной пшеницы и льна, реконструкции систем орошения. Биофармацевтический кластер включает в себя три компонента: химико-фармацевтическое, биофармацевтическое производство и производство продуктов питания с заданными полезными свойствами. Один из крупнейших инвестиционных проектов в промышленной сфере – формирование топливно-энергетического кластера, основными элементами которого являются строительство Алтайской конденсационной электрической станции мощностью 660 МВт и увеличение объема добычи угля на Мунайском угольном разрезе до 4 млн тонн в год.

Цели и задачи проекта “Комплексное развитие Алтайского Приобья” соответствуют целям и задачам Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. 5 июля 2011 года В. В. Путин подписал постановление о включении проекта в перечень первоочередных инвестиционных проектов в Сибирском федеральном округе. Постановление имеет колоссальное значение для будущего края: его принятие означает, что Правительство Российской Федерации признало нашу инициативу приоритетной и значимой в масштабах экономического развития всей страны.

В истории аграрного Алтая открывается новая страница. Как и во времена реформы П. А. Столыпина, на алтайскую ниву возлагаются большие надежды. А обращение к истории, к опыту и наследию великих соотечественников, таких как П. А. Столыпин, помогает найти наиболее полезные решения для реализации текущих и перспективных задач.

АЛЕКСАНДР ОГНЁВ

ОГРЫЗОК НЕКОГДА СЛАВНОЙ ГАЗЕТЫ

Странную кардиограмму представляют собой кое-какие современные издания. Газета “Литературная Россия” на рубеже 1980–1990 годов была ярким выразителем национально-патриотических сил. Колоритный представитель колбасной эмиграции А. Янов в клеветническом раже даже заявил в “Книжном обозрении” (29.06.1990), что она “стремительно превращается в орган русского фашизма”.

До сих пор не ясно, как в 90-е годы “Литературную Россию” ловко умыкнули у руководства Союза писателей России, как и почему она резко изменила свои общественные позиции. С 2004 года главным редактором этого еженедельника стал В. Огрызко, член Союза писателей России.

Кто же такой руководитель “Литературной России”? В. Огрызко окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, работал в изданиях “Книжное обозрение” и “Советская литература”, затем в патриотическом журнале “Наш современник”. После чего возглавил “Литературную Россию”, теперь в каждом номере публикуются его броские и нередко скандальные очерки.

Известный фотомастер Анатолий Пантелеев из Санкт-Петербурга поведал тверскому писателю М. Г. Петрову о своем впечатлении от В. Огрызко: “Что у него – башню снесло? На всех пасквили какие-то плетет, и не стыдно ему. Надо бы ему тоже альбом послать с дарственной надписью, может, опомнится? У меня альбом посвящен Леониду Федоровичу Ершову, профессору ЛГУ, ветерану войны, прекрасному человеку... Так Огрызко о нем такое наплел!”

Каюсь, меня тоже коробят некоторые публикации В. Огрызко. Мне захотелось определить вектор политической направленности его “экзотических” – нередко, простите, безнравственных – кривляний. Какова их цель? Каковы симпатии и антипатии этого не очень грамотного в литературоведческом отношении человека? Ведь это во многом определяет общественную ценность “Литературной России”.

У меня были хорошие отношения с профессором Леонидом Фёдоровичем Ершовым, который родился 11 июня 1924 года в деревне Выставка Тверской губернии. Он не забывал свою малую родину, приезжал в Калинин, мы ездили с ним в посёлок Завидово, чтобы посмотреть музей Спиридона Дрожжина.

ОГНЁВ Александр Васильевич родился в 1925 году в д. Красненькое Калининской области. Окончил Астраханский пединститут. Участник Великой Отечественной войны. Доктор филологических наук, профессор. Автор многих книг. Живёт в Твери.

В 1941 году Л. Ершов закончил девятый класс средней школы. Началась война, и уже 9 июля он записался в народное ополчение, пробыл в нем два месяца, а потом его отправили домой из-за юного возраста. В армию его призвали в августе сорок второго года, в марте 1943-го он был тяжело ранен, а в августе получил второе – еще более тяжелое – ранение. Потеряв руку и ногу, он нашел в себе силы уже в госпитале экстерном закончить среднюю школу, затем поступить на филфак Ленинградского университета, отлично закончить его, далее у него последовала аспирантура, успешная защита в 1952 году кандидатской диссертации, и в 1967-й докторской.

Леонид Фёдорович стал поистине выдающимся ученым, написал ряд весьма содержательных научных книг и ценных учебных пособий. В моем представлении он подлинный герой из того славного ряда, который стал известен прежде всего подвижнической судьбой Героя Советского Союза Маресьева. В. Астафьев отметил, рекомендуя Л. Ершова в Союз советских писателей: “С Ершовым Леонидом Фёдоровичем я познакомился несколько лет назад и поражён был его кипучей жизнедеятельностью. При его тяжёлых фронтовых увечьях не так-то легко ходить, ездить, да ещё в заграничные командировки, руководить кафедрой, активно участвовать в общественной работе, и при этом много и плодотворно работать в критике и литературоведении. Активная жизнедеятельность – отличительная черта того поколения, которому принадлежит Леонид Фёдорович”.

Статья В. Огрызко о Л. Ершове в “Литературной России” (14.10.2011) озаглавлена издевательски: “На выдаче разрешений в сортир”. В ней извещается, что Ершов “всегда демонстрировал свою близость к неофициальной “русской партии” и считался проводником идей “деревенщиков”. В. Огрызко, как следует из его публикаций, не переносит “русскую партию” и “деревенщиков”. Он вещает: “Правда, ему (Ершову. – А. О.) частенько не хватало ни таланта, ни объективности. Преданность идее не всегда свидетельствовала о наличии большого ума”. Далее Огрызко утверждает: “Докторская его работа, защищённая в 1967 году, не блистала какими-либо яркими идеями. В ней, кроме сюсюканья и лозунгов, ничего не было”. “Он оставил после себя несколько учебников советской литературы. Но по ним уже давно никто не учится, ибо в них много лжи, но мало правды”.

Или: “В 1960-е годы утвердилась целая гвардия критиков, которые научились громко рассуждать о патриотизме, но которые не умели чётко сформулировать свои мысли и предложить внятную программу. Я бы к этой группе, помимо Ершова, отнёс бы П. Выходцева, В. Петелина и В. Чалмаева. На мой взгляд, они мало чем отличались от какого-нибудь Ю. Суровцева или В. Оскоцкого. Все они были полуобразованцами и начётчиками. Только одни клялись в любви к русской деревне, а другие любили порассуждать об общечеловеческих ценностях. Но читать было нельзя ни тех, ни других. Кругом царила скука и, я бы добавил, – скудоумие”.

Из названных здесь литературоведов В. Огрызко больше всего ненавидит “скудоумного” Л. Ершова, не без удовольствия размазывает подлую историю трехкратного отказа Леониду Федоровичу в приеме в Союз писателей: “В 1976 году Ершов подал документы в Союз писателей. Но бюро секции критики Ленинградской писательской организации его кандидатуру дружно прокатило. Спустя четыре года незадачливый литературовед вновь сунулся в Союз... В Союз он попал лишь осенью 1982 года”.

В. Огрызко то ли на самом деле не знает, то ли преднамеренно не учитывает то, что в Ленинграде деятели либерально-западнического толка играли тогда ведущую роль в создании нравственно-общественного настроения. В. Ф. Козлов сообщил: “При мне в Союз писателей принимались молодые литераторы примерно в таком соотношении (это сохраняется и по сию пору) – десять человек еврейской национальности и один русский... за восемь лет и были приняты 70 человек, из которых только 7 были русскими по национальности” (“Ленинградская панорама”, № 11–12. 1989).

Сейчас сподвижники и продолжатели дела бесчестного А. Собчака, оклеветавшего советскую армию, стали важным оплотом ельцинско-путинского режима. Режиссер М. Захаров демонстративно сжег перед зрителями свой партбилет. В “Известиях” 05.10.1993 г. было напечатано гнусное письмо 42-х писателей, призвавших правительство закрыть оппозиционные газеты и партии. В их числе были ленинградцы Д. Лихачев, А. Кушнер, Д. Гранин.

Прославленный академик А. Трофимук, Герой Труда, дважды лауреат, не принял награду из рук Ельцина, написав ему: “Уж очень не хотелось быть рядом с академиком РАН Д. С. Лихачевым, который в памятный день октября 1993 года призывал вас расстреливать всенародно избранных депутатов РФ”.

Рядом с Л. Ершовым стоит настоящий русский богатырь – и в физическом, и в нравственном, и в научном планах – Петр Созонтович Выходцев. Он героически воевал, трижды был ранен, награжден двумя орденами Славы, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды. Вернувшись из армии в 1945 году на гражданку, он блестяще закончил институт, аспирантуру, защитил кандидатскую, затем и докторскую диссертации, опубликовал ряд блистательных книг, играл весьма существенную роль в борьбе с русофобией. Он тоже заслужил явно пренебрежительную оценку у В. Огрызко.

В статье “Крайности сходятся” (“ЛР”. 22.07.2011) критик бросил ряд уничтожительных замечаний в адрес П. Выходцева. В. Огрызко сообщает: “Твардовский даже в те годы, когда ещё возлагал на Выходцева определённые надежды, почему-то ни разу не предложил критику выступить в “Новом мире”. И спрашивает: “Почему?”

Критику бы надо для разрешения своих прямо-таки болезненных сомнений хотя бы прочитать то, что Твардовский писал Выходцеву 1 ноября 1958 года: “Дорогой Петр Созонтович! Статью получил. Я не стал её читать первым, потому что непомещение её в “Новом мире” предreshается по той самой причине, которую видите и Вы, но считаете несущественной, т. е. рассмотрение поставленного в ней вопроса о литературе и фольклоре в непосредственной связи с творчеством главного редактора “Нового мира”... Что касается возможности Вашего вступления в Союз писателей, то тут у меня нет двух мнений, – конечно, Вы достойны, и с избытком, но от дачи рекомендации я должен, конечно, отказаться, так как главная Ваша работа – это книга обо мне”. Кое-кому, видно, совсем неведомо такое ценное человеческое качество, как нравственная щепетильность.

Важную роль играл П. Выходцев в идеологической борьбе в связи с напечатанной 15 ноября 1972 года в “Литгазете” статьей идеологического диверсанта А. Н. Яковлева “Против антиисторизма”. В. Огрызко приводит свидетельство В. Ганичева, возглавлявшего тогда издательство “Молодая гвардия”: “Мы после выхода статьи Яковлева понимаем, что нужно сопротивляться – звоним Шолохову и говорим о происходящем. Появляется письмо Шолохова. Но решающую роль сыграло письмо Выходцева – заведующего кафедрой русской литературы из Ленинграда, который по косточкам разобрал и разбил эту статью. Очень сильное и аргументированное письмо именно с точки зрения той идеологии, которой была проникнута статья. Вывод был таков – что Яковлев очень всё смешал в кучу и перепутал”.

В. Огрызко сообщает: “Литературный генералитет вступить в публичную схватку с Яковлевым не торопился, заняв выжидательную позицию. Объединилась в основном одна серость”. Такой обобщенной отрицательной оценки он не давал деятелям либерально-западнического толка, которые усердно и последовательно готовили почву для развала СССР. Он признал, что “статья Яковлева “Против антиисторизма”... была насквозь идеологична и догматична”, но вместе с тем безоглядно пригвоздил одного из выдающихся “серых” противников этого западного наймита: “Ответ Выходцева, вроде бы ратовавший за историческую память, получился воинствующим, но тоже по-своему невежественным”. Лихой на категорические оценки В. Огрызко – историк по образованию, ему надо было бы доказать, в чем же отразилась эта ненавистная ему русская серость и невежественность. Но он злорадно припечатывает давно умершего оппонента, который всего себя безоглядно отдал своему отечеству, но который теперь сам уже ничего не может возразить ему. “Он, Выходцев, – облыжно заявляет Огрызко, – “свой” талант променял на политические игры”, “стал нетерпим к любому проявлению инакомыслия”, он “начался кричать и обличать, но разучился трезво думать”.

Выходцева перед его кончиной (19.03.1994) заклятые “друзья” плотно обложили со всех сторон, как он говорил мне, они даже подло вмешивались в его семейную жизнь. Вузовский учебник по русской советской литературе перед его редакцией, выдержавший четыре издания, стал костюм в горле “интернационалистов” с их ненавистью к русским национальным традициям. Диссидент Э. Эткинд, один из них, решил, что невозможно “приблизить к истине

насквозь лживую, от первой до последней строки фальсифицированную книгу П. Выходцева о советской литературе”, “с ней следует поступить так, как поступили с кратким курсом: сдать в макулатуру и забыть” (“Вопросы литературы”. 1989, № 5. С. 18–19).

Печататься Петру Созонтовичу фактически было негде, прессой командовали либералы. Спокойно смотреть на то, как они разрушают народно-патриотические основы русской культуры, методично разваливают государство, он, конечно, не мог. Его бурный характер настоятельно требовал самой активной борьбы с антинародным злом. Безвыходность положения ускорила кончину фронтовика.

* * *

В конце 2009 года “Литературная Россия” устроила провокационное обсуждение проблемы “Кто написал роман “Тихий Дон”?” Итоги прошедшего спора редакция еженедельника доверила подвести не кому-нибудь, а русофобу Зееву Бар-Селле – израильскому лингвисту и литературоведу, опубликовавшему статью “Тихий Дон и Шолохов” (25.12.2009). Редакция указала, что Зеев Бар-Селла автор монографии “Литературный котлован: Проект “Писатель Шолохов” (М., РГУ, 2005). Пусть-де простодушные российские читатели поймут, что высказывание такого специалиста по творчеству Шолохова особенно ценно.

З. Бар-Селла подчеркнул, что становится всё больше читателей, которые “никак не хотят поверить, что великий роман принадлежит перу малограмотного хуторянина”; “другие объявляют всякое сомнение в шолоховском авторстве кощунством, а все слухи о плагиате – порождением зависти”. И неотразимо “доказал”: “Странно только – завидовали многим, а в плагиате обвинили одного Шолохова!”.

Клеветнические измышления о плагиате выросли на почве недоверия и нелюбви к русскому крестьянству и казачеству. Многие не могли поверить в то, что из этой среды вышел молодой гений, создавший такой шедевр, который сразу поднял планку художественности на недостижимую для других писателей высоту и триумфально взшел на вершину мирового литературного олимпа. Посчитав “Тихий Дон” поистине уникальным явлением вселенского масштаба, самой великой книгой “не только в русской, но и в мировой литературе”, Ф. Абрамов писал о начале творческого пути Шолохова: “В искусстве XX века он взмыл как Василий Блаженный, и мир ахнул от восторга и изумления... Писательская карьера Шолохова ошеломляюща, фантастична” (Абрамов Ф. Слово в ядерный век. М., 1987. С. 413–414).

Но глухой ко всему З. Бар-Селла гнёт своё: “...можно ещё порассуждать – о шолоховской молодости... И не просто о молодости, но о полнейшей непричастности (в силу малолетства) к событиям, описанным в романе...”. В печати уже не раз убедительно доказывали, что эта молодость не мешала, а помогла создать “Тихий Дон”. Если же коснуться “полнейшей непричастности”, то спросим: а был ли причастен, например, А. Пушкин к событиям, изображенным им в “Капитанской дочке”?

Утверждая, что “аргументов в пользу авторства Шолохова не существует вовсе”, З. Бар-Селла считает, что “перед нами стоит теперь совсем иная задача: отыскать неизвестного русского писателя – лауреата Нобелевской премии 1965 года”. Десятки лет ищут – и никак не могут найти! Я даже иногда жалею их. Сколько сил они отдали – и нулевой результат. Мне довелось с весомыми фактами в руках опровергать в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Дон”, в монографии “М. Шолохов и наше время” (1996) многие нелепости озлобленных ниспровергателей Шолохова,

Организаторы обсуждения в “Литературной России” ставили перед собой задачу оживить клеветническую версию о плагиате М. Шолохова при написании “Тихого Дона”. Участники таких провокационных обсуждений бросают в пекло идейной борьбы любые придуманные или уже опровергнутые факты, помогающие замутить русское национальное сознание. Примером может служить и позорное обсуждение “Кого вы считаете автором “Тихого Дона?”, проведенное в Гайд-парке 6 ноября 2010 года по инициативе невежды-антисоветчика В. Шигорина.

В. Огрызко рассказал корреспонденту “Литературной учебы” (№ 3, 2009) М. Лаврентьеву об истории “Литературной России” и, в частности, акцентировал такую мысль: “Уже после выхода первых нескольких номеров в адрес газеты пошли доносы. К примеру, главный редактор журнала “Москва” Евгений Поповкин требовал привлечь к ответственности новое руководство газеты только за то, что в одном из обзоров “толстых” журналов рецензент не учёл всех произведений, опубликованных в журнале, тем самым недооценив роль “Москвы” в общественно-политической жизни страны”. Вот какой зловерный букет сумел отыскать Огрызко: в нем и негодный журнал “Москва”, и нехороший его руководитель, который родился в лапотной деревне, воевал во время войны и не нашел ничего лучшего, как выказывать патриотическую настороженность.

Однако по какой-то причине пронирыливый В. Огрызко пропустил куда более важный факт, свидетельствующий о резкой политической переориентации “Литературной России”, которая 12.04.2002 года инициировала “Спор о власовской армии”. Редакция заявила: “Мы – не сторонники обеления Власова и его армии. Предатель есть предатель. И нет ему оправдания. Нам интересно, что думают по этому поводу читатели”. 17.05.2002 года “Литературная Россия” напечатала статьи В. Мусатова “Кто он, генерал Власов?” и П. Лебедева “Коллаборационизм как он есть”. Она выделила слова Лебедева о том, что его привлекает в “ЛР” “свободное и уважительное предоставление различных мнений при сохранении главного нравственного стержня – верность России с ее сложным трагическим прошлым, противоречивым днем насущным и тревожным будущим”. Ах, слова, слова, слова... Как они разительно расходятся с практикой у “Литературной России”!

Ни одна моя публикация не позволяет упрекнуть меня в отсутствии “верности России”, ранее “ЛР” печатала мои статьи и рассказы, а посланный мной в 2002 году развернутый ответ на возмутительные статьи о Власове она не напечатала. В нем разоблачалась ложь Мусатова, повторившего “открытие” Резуна: “Сталин планировал крупную войну по оккупации всей Европы”, “Гитлер опередил Сталина всего на две-три недели”. В статье “Давайте разберемся” (28.06.2002) Мусатов сожалел, что Германия и власовцы потерпели поражение, мечтал о “совсем другом 1945 годе, гораздо более полезном для России”. Какие-то тайные пружины привели к тому, что газету охватил антисоветизм, нежелание достойно принять нашу Победу над фашистской Германией.

“Литературная Россия” напечатала 26.07.2002 года статью В. Петушкова “Генерал Власов и Хаджи-Мурат: завещания подлинные и фальшивые”. Ложью является его заявление о том, что переход на сторону немцев имел для Власова “сакральный, неполитический характер”, что он “стремился служить чему-то высокому, итоговому на земле” и по сути не участвовал “в войне против своих”. Участвовал. Призывы Власова (от его имени выпустили 100 миллионов экземпляров листовок) выступить против советской власти мучили души неустойчивых солдат, помогали врагу вести войну. Советские командиры проводили немалую работу в войсках, чтобы нейтрализовать влияние листовок, где Власов был снят вместе с немецкими генералами (на фронте я читал их), где призывали нас переходить на сторону врага и бороться с советским режимом.

Вопреки истине Петушков считает, что “никакой личной выгоды в сотрудничестве с немцами Власов не искал”. На самом деле беглого командира пугал путь, выбранный Карбышевым, страшила жизнь, какая была в плену у генерала Лукина и других советских военнопленных, гибнущих в фашистских лагерях. Петушков трактует настрой Власова, приписывая ему и свои либеральные представления о советском режиме: “Бесчеловечный, дьявольский молох, перемалывающий миллионы тех самых оболваненных масс, которые с молоком матери впитали в себя “сталинский патриотизм” и в глубине души жаждут избавления. Власов и рассчитывал выступить такого рода избавителем от гнета, от перехлестывающей через край тирании”.

27 декабря 2002 года “Литературная Россия” объявила, что Петушков стал ее лауреатом, главным его успехом назван этот шизофренический бред.

В. Огрызко 17.06.2011 года напечатал заметку учителя истории А. Изюмского под названием “Не надо врать” – отклик на рецензию писателя Михаила Петрова “В поисках мужества” (“ЛР”. № 20. 2011) о моей книге “Правда и ложь о Великой Отечественной войне”. А. Изюмский изрекает: “Посвящена она (рецензия. – А. О.) вроде бы борьбе с фальсификациями истории Великой Отечественной войны, но при этом сам автор фальсифицирует прошлое очень усердно... Утверждение, что “Наполеон нёс в Россию свободу”, я встречаю впервые в жизни: сколько мнений о войне 1812 года ни высказывалось, но до такого, кажется, ещё никто не договаривался... В заключение хотелось бы спросить: неужели так трудно оставаться патриотом, не прибегая к примитивному вранью?”

Конечно, быть настоящим патриотом России и одновременно примитивно врать вряд ли можно, а вот статья на защиту либеральных ценностей без какой-либо лжи, без грубого передёргивания фактов ни в коем случае нельзя. Это в полной мере продемонстрировал невежественный историк А. Изюмский.

Приведу предоставленный мне М. Петровым неопубликованный отрывок из его ответа А. Изюмскому. “Автора возмутило следующее место в моей рецензии (порядком, кстати, сокращенной в редакции и не в пользу ей): “Ведь если углубляться в европейскую оценку той далёкой войны, нёс Наполеон в Россию свободу, его свободные землепашцы воевали с русскими крепостными крестьянами. Но Толстой, будучи противником крепостного права, нигде об этом “убийственном” аргументе не вспомнил...”

...Учитель истории почему-то сам взялся втирать очки читателю, приписав “европейскую оценку той далёкой войны” лично мне. Да еще и сослался на “несколько устаревшую, но вполне добротную книгу Е. Тарле “Нашествие Наполеона на Россию”...

Я, конечно же, читал Тарле. Читал и кое-что иное, но писал не о своем мнении и не о мнении Тарле или Наполеона, а о “европейской оценке той далёкой войны”. На это почему-то не обратили внимание и в редакции. Извратив смысл фразы, Изюмский пошел дальше: не заметил кавычек и иронии в словах о том, что “Толстой, будучи противником крепостного права, нигде об этом “убийственном” аргументе не вспомнил”. Думаю, для среднего европейца и сегодня нет разницы между колхозником, русским государственным и крепостным крестьянином, а мысль, что “свободные землепашцы воевали с русскими крепостными крестьянами” я действительно счёл бы “убийственной” для Толстого.

Вопреки утверждениям А. Изюмского Фридрих Ницше боготворил Наполеона, считал, что тот принес в Европу и нес, соответственно, в Россию долгожданную свободу: свободу от морали и моральных ценностей. Он писал: “Наполеон – это синтез нечеловеков и сверхчеловеков” (Ф. Ницше. М., Мысль, соч. в 2 т., т. 2, с. 437). Ницше предугадал рождение единой Европы, считал, что делу объединения ее и служит Наполеон, разрушая войной ее границы. “Они (народы Европы. – М. П.) родственны, кровно родственны друг другу на всех высотах и глубинах своих потребностей: это Европа, единая Европа. Европа, душа которой выражает в их многострадальном и бурном искусстве свое стремление в какую-то даль и высь – куда? Не к новому ли свету? Не к новому ли солнцу?...”

Здесь невольно вспоминаются мысли Гитлера, Черчилля, многих современных политиков об объединенной Европе, противопоставленной России.

Оболганный М. Петров трижды (!) обращался к главному редактору “Литературной России” В. Огрызко с просьбой опубликовать его возражения на реплику А. Изюмского. Никакого ответа не последовало. Получился разговор слепого с глухим.

В статье Ирины Муравьевой из американского Бостона “Тайна зелёной палочки” (“ЛР”, 02.12.2011) идет речь о несколько сходных проблемах, правда, основа её статьи обозначена приблизительно: “Вечером, в Питере, незадолго до отлета домой, смотрю телевизор в гостинице. Включила на середине, поэтому названия передачи не знаю”. И названия передачи она не знает,

и точно услышанных слов не помнит, но все равно для Огрызко субъективное мнение этой русской американки представляется непреходящей ценностью. Надо же понимать, что она не какой-то тверской писатель, она стала западным человеком, её дом расцветает в самих цивилизованных США.

И. Муравьева наставительно вещает: “Перед аудиторией... выступает директор музея Ясная Поляна праправнук Толстого Владимир Ильич... ощущается настойчивый нажим на одну и ту же педаль: дети Толстого, оказавшись после революции за границей, ничего другого так не хотели, как вернуться обратно в сталинскую Россию”. Муравьева, потерявшая русскую ментальность, с непримиримой суровостью заклеила “этот квасной патриотизм”.

У меня было немало встреч в Австрии, Франции, Венгрии, Румынии, Болгарии с бывшими соотечественниками, которым пришлось расстаться с русской землей. Запомнилась встреча в Софии в 1946 году в бедной квартире бывшего дворянина, русского офицера, воевавшего с красными в гражданскую войну. Он был рабочим на каком-то заводике, сухонькая с красивыми чертами лица жена – тоже из дворян – занималась домашним хозяйством. Она с острой тоской сказала тогда о своем давнем желании возвратиться в Россию.

Л. Д. Любимов, сын губернатора в Вильно, автор пронзительной книги “На чужбине”, в 30-е годы был одним из самых активных публицистов, выступавших против советского строя. Великая Отечественная война перевернула его судьбу, после нее он возвратился на Родину. Мне приходилось общаться с ним в Малеевке. Впечатление – он весь пронизан мириадами невидимых, но хорошо ощущаемых нитей русского национального духа, он не мог чувствовать себя счастливым, живя вне России.

Граф А. А. Игнатъев, полковник, ставший советским генералом, автор честной книги воспоминаний “50 лет в строю”. В ней написано: “Однако от одной мысли, что я могу перестать быть русским, сердце сжалось до слез. Как могла такая нелепость в голову прийти?! Нет! Какие бы личные выгоды и покой ни сулила мне Франция, не в силах я буду лишиться права ходить по родной земле, дышать русским воздухом, любоваться белыми стволами берез (они во Франции не растут), слышать русскую песню или даже просто русский говор!.. Человеку, как и березе, легче расти на родной земле, и величайшим несчастьем для него является потеря им корней на своей родине”. Мать Игнатъева осталась во Франции, при прощании она попросила сына привезти ей “из России мешочек родной земли”. Она не хотела, чтобы на её “гроб бросали французскую землю”. А сейчас белые патриоты – в том числе в публикациях “Литературной России” – превозносят И. Бродского, который не захотел даже уполниться в России, который клеветал на Г. Жукова и советскую армию.

И. Муравьева пишет: “...праправнук Толстого рассказал о том, что происходило в Ясной Поляне во времена немецкой оккупации... Звучало это так: среди германского начальства оказались “культурные люди”, которые знали, кем был Толстой... именно эти люди строго-настроено запретили солдатам и офицерам осквернять, разрушать и пачкать дом великого писателя”. Немецкий генерал Гудериан в мемуарах “Воспоминания солдата” заявил, что он запретил в своей группе армий бесчинства в СССР, ибо грабежи и насилия подрывают воинскую дисциплину. На самом деле этот фашистский “гуманист” приказывал: “У военнопленных и местных жителей беспощадно отбирать зимнюю одежду. Все оставляемые пункты сжигать. Пленных не брать!”

В Ясной Поляне угнездился штаб армии Гудериана, которая оставила в 1941 году разбойничий след на нашей земле. Там были дрова, но немцы топили печи книгами, устроили пожар в спальне Л. Н. Толстого, комнате С. А. Толстой и библиотеке. Из 14 комнат Бытового музея исчезло 93 мемориальных экспоната. Немцы сожгли в окрестностях имения амбулаторию, общежитие, яснополянскую школу, построенную А. Л. Толстой и названную именем великого писателя.

И вот теперь мы подошли к главному пункту глубинного расхождения между статьей М. Петрова, где Европа далеко не союзница России, и эссе американки И. Муравьевой, где фактически уравниены немецкие и советские солдаты. Муравьева укоряет правнука великого писателя: “В доме, однако, располагался госпиталь для раненых немецких солдат. В этой части рассказа маленькая, но очень НЕ толстовская интонация и выбор стилистики поразили меня: директор Ясной Поляны использовал только один, наиболее негативно окрашенный термин: “фашист”, “фашистские захватчики”, а также

“враги”. Нигде не проскользнуло ни тени понимания того, что война — это всегда, прежде всего: люди. И люди — жертвы, из которых только самую незначительную часть составляют те, которые добровольно участвуют в этом, как говорил опять же Толстой, “богопротивном деле”.

Накал обвинений Муравьевой нарастает: “Но после Победы, — сердечным голосом сказал директор музея-усадыбы, — русская наша душа не могла примириться с тем, что рядом с могилой гения русской земли похоронены тела умерших фашистов. И было принято решение вырыть из могилы останки врагов”. Она гневается: “Потом наступила Победа, и их просто выкопали. Душа не смогла примириться, очиститься желала. Такая душа, что поделаешь...” Не нравится ей русская душа, которая не хочет любезно привечать оккупантов. Муравьева уравнивает фашистов и советских людей. Она размышляет: “...я пишу наперекор и логике здравого смысла, и даже надежде на то, что меня услышат. В массовом человеческом сознании понятия “свой” и “чужой”, “враги” и “друзья”... затвердели настолько, что всегда кажется: не лучше ли просто стоять в стороне и следовать Бродскому: “...И я не превращусь в судью”.

Да, лучше бы, пожалуй, именно так ей вести себя.

Импульсивные стенания Муравьевой с бесспорным одобрением приняла широкоформатная душа Огрызко. Он тоже хочет слить судьбу многострадальной России с судьбой цивилизованного демократического Запада, эта цель, похоже, и является маяком работы Огрызко.

Муравьева представила Л. Толстого всепрощенцем, вселенским пацифистом. Но если бы он жил в годы войны и сам видел, как немецкие вояки зверствовали в России, повсеместно губили наших людей, то он бы к этому не мог относиться с равнодушной отстранённостью. Сила патриотического чувства Толстого сказалась во время его участия в обороне Севастополя, в его эпопее “Война и мир”, в ряде его высказываний. Так, Александра Толстая вспоминала: “Шла война с Японией. Лев Николаевич очень близко к сердцу принимал наши военные поражения, и когда пришло известие о сдаче Порт-Артура, он воскликнул: “Надо было взорвать крепость! Как можно было сдаться!” (“ЛР”, 26.11.1993). В очерке “Севастополь в декабре 1854 года”, говоря о героизме, мужестве, стойкости наших солдат, он подчеркнул, что в истоке этого “есть чувство редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине”.

* * *

В. Огрызко заклинает “не опускаться на уровень грязи”. Увы, как вытекает из приведенных выше фактов, он сам не избежал этого грязного уровня. Ведомая им “Литературная Россия” недоброжелательно отзываясь о бывших фронтовиках, помогает либералам ломать духовный строй русских людей, вытравливать у них верность отчей земле, национальное достоинство, веру в возможность победы идеи социальной справедливости. Она устремлена к денационализации нашего общественного сознания, к нивелировке русской культуры, к подгонке её под либерально-западнические мерки, отсюда ее глумление над русскими традициями, крестьянскими нравственными ценностями. Во внешне сумбурном калейдоскопе представленных в газете разных литераторов и общественных деятелей четко прослеживается либерально-западническая направленность в трактовке событий прошлого и настоящего.

“МЫ ДЕЛАЕМ ДОБРЫЕ ДЕЛА”

Так уж сложилось, что письма-размышления наших читателей направлены сейчас к одной цели – что надо делать, чтобы жизнь в России стала лучше, чтобы решались самые насущные и животрепещущие проблемы нашего бытия. Пишут нам с Украины о работе русского просветительского общества во Львове, пишет читательница из Москвы о действенных способах разбудить совесть чиновничества и попытаться влиять на принятие важных государственных решений. Вспоминает старый офицер в отставке о своих встречах с маршалом Ахромеевым, одной из тех светлых личностей, что жизнь свою положили за Россию... Из всех читательских мнений (а ведь это – народное мнение, чем всегда мы дорожим) вытекает одно – надо делать добрые дела, не бояться трудностей, прилагать усилия к построению лучшего будущего России – и оно, это будущее, несомненно, наступит. Надо идти вперёд, не забывая, конечно, боли и беды прошлого, но ориентируясь на лучшее. А дорогу, как известно, осилит идущий...

ВСПОМИНАЯ МАРШАЛА АХРОМЕЕВА

Уважаемая редакция!

Хочу поделиться с Вами и с читателями журнала своими воспоминаниями о замечательном человеке, с которым мне довелось быть в близких служебных отношениях – о Маршале Советского Союза Сергее Фёдоровиче Ахромееве, можно сказать – последнем советском Маршале, трагически ушедшем из жизни вот уже более 20 лет назад, не пережившем позор предательства своей Родины её высшими политическими руководителями в скорбные для нашей страны дни августа 1991 года...

Судьба осчастливила меня совместной службой и товарищеским общением с этим прекрасным человеком. Свёл нас Афганистан. Отношения сложились уважительными, а потом стали тёплыми и доверительными. Они сохранились и после его назначения начальником Генерального штаба и моего ухода со службы, а его перехода помощником к Горбачёву.

Сергей Фёдорович был яркой личностью, талантливым, безгранично преданным Родине и её Вооружённым Силам человеком. Голова – счётная машина, память – компьютер. Он жил только интересами службы и правильно считал, что судьба Родины и Вооружённых Сил во многом зависит от его труда, не жалел себя ради их процветания.

Всё стремился сделать сам:

– Свою работу я должен делать сам.

– А кто будет работать за меня?

– А кто, если не я?

– Судьба взвалила на меня этот воз, и я буду везти, его пока не упаду...

Вот его ответы на пожелания хоть немного поберечь себя, полечиться, от-

дохнуть. А поводов высказать ему такие пожелания было предостаточно. Расскажу об одном.

Первоначально Оперативную группу Министерства обороны по подготовке соединений и частей 40-й армии к вводу в Афганистан возглавлял генерал армии Ахромеев С. Ф., я же был в составе группы от Главного Политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Штаб-квартира наша была в г. Термезе.

Вскоре Сергей Фёдорович предложил мне поехать с ним и посмотреть, как идёт сколачивание частей, укомплектованных военнослужащими, призванными из запаса.

Воинские части располагались в палатках, в голой степи, с бедной травянистой растительностью, преимущественно из верблюжьей колючки и полыни, с большими ржавыми и жёлтыми пятнами песка.

Была вторая половина декабря с резкими контрастами температуры воздуха. Днём на солнце жарко, в тени холодно, а ночью иногда заморозки. Ездили на “уазике”, тент и металл легковушки нагревался, в шинелях было жарко, а в движении из-за неплотных дверок машины нас хорошо продувало сквознячком. Перепады температур и сквозняки не остались для нас без последствий.

У Сергея Фёдоровича появилась температура, а через сутки она стала высокой и не спадала. На следующий день я зашёл к нему в кабинет, он сидел, нахохлившись, в накинутой на плечи шинели. Его узкое худощавое лицо было красным. Поздоровались рукопожатием – я почувствовал высокую температуру. После обмена мнениями о текущей обстановке я сказал, что ему срочно надо заняться лечением. Он посмотрел на меня и с упреком ответил: “Петрович, ты что, не понимаешь, что я не могу говорить об этом? Ещё подумают, что Ахромеев под предлогом болезни хочет уклониться от выполнения важной государственной задачи, возложенной на него. А Ахромеев никогда не уклонялся от порученного ему дела”.

Я мысленно соглашался с ним, видел и политический подтекст в этой ситуации, но не понимал, что его надо спасать, найти решение в обход, чтобы не задевать его болезненное самолюбие.

Он дышал тяжело, покашливал, говорил медленно, тихо, его знобило, то и дело стягивал шинель на груди. В разговоре, в позе, в движениях не было привычного ахромеевского огонька, быстроты, энергии.

Вообще он не отличался крепким здоровьем. Болезни часто скручивали его, больше держался на характере, на своей жизненно-стратегической линии: “Я должен всё делать сам”.

Я потом видел тяжкие сцены болезни и в Афганистане, когда он корчился, не находя себе места. Правда, причины были другие: желудок, печень, гайморит и прочее.

Но тогда, в Термезе, я начал поиск решения с полковником медслужбы, что был в составе нашей группы. Я спросил его:

– Почему вы не принимаете мер по его госпитализации?

– А он не слушает меня и запретил говорить на эту тему.

– А вы понимаете, что его надо спасать и что ответственность за последствия ляжет на вас?

– А что я могу сделать?

– Есть повод нарушить субординацию и прямо позвонить начальнику Центрального Военно-медицинского управления. А если он не сможет, то будем искать другое решение.

На следующий день Сергей Фёдорович сказал мне, что ему на смену летит маршал Соколов С. Л. и добавил: “Какой позор! В такое ответственное горячее время Ахромеев будет валяться в госпитале. Действительно от великого до смешного один шаг”.

Сергей Фёдорович улетел в Москву тем же самолетом, что прилетел Соколов С. Л.

С аэродрома Чкаловский его отвезли в госпиталь имени Вишневского. Обследование показало, что у него было двухстороннее воспаление лёгких.

После выздоровления Сергей Фёдорович вернулся в оперативную группу в качестве заместителя маршала Соколова. Группа уже размещалась в Кабуле.

Оперативная группа направлялась в Кабул на несколько дней. Министр обороны Д. Ф. Устинов, выслушав доклад маршала Соколова из Термеза

о том, что соединения и части 40-й армии спокойно, без сопротивления вошли в Афганистан, предложил Соколову численно сократить группу и перелететь в Кабул на 4–5 дней, ознакомиться с обстановкой на месте. Эти 4–5 дней закончились только в конце ноября 1980 года, да и то на короткое время. Поездки туда для нашей группы были опять, опять и опять...

“Четыре-пять дней”, о которых говорил министр обороны, свидетельствовали о том, что высшее советское политическое руководство полагало, что вводом войск оно быстро разрешит афганскую проблему. Действительность опровергла эти оптимистические прогнозы.

Руководство оперативной группы уже во второй половине 1980 года докладывало Д. Ф. Устинову и письменно, и устно о бесперспективности нашего военного присутствия в Афганистане.

Сергей Фёдорович по прибытии в Кабул включился в работу со свойственной ему привычкой трудиться почти круглосуточно.

Завершив трудовой день с афганскими делами, он обзванивал управления своего Генштаба, разбирался с обстановкой там, потом делал наброски плана на следующий день и ложился отдыхать, как правило, ближе к часу ночи. В 6 утра он был на ногах. Минут 20–30 делал физзарядку, для его не богатырского здоровья она была крайне необходима. В семь утра садился за рабочий стол в зале первого этажа, где трудились офицеры и генералы оперативной группы, кто не был в поездках по войскам. Часто и сам ездил в советские и афганские воинские части.

А то, что Сергей Фёдорович стремился всё делать сам, позволяло ему глубоко разбираться в проблемах, правильно формулировать предложения для руководства, раскладывать эти знания по ячейкам своей памяти-компьютера и превращаться в ходячую энциклопедию по важнейшим вопросам военно-стратегического характера, обороноспособности страны, состояния Вооружённых Сил.

Министр обороны Дмитрий Фёдорович Устинов, как опытный руководитель, сразу увидел и оценил талант Ахромеева. Большинство аналитических документов по военным вопросам для него, для обсуждения на Политбюро ЦК КПСС готовил Ахромеев.

Естественно, что Д. Ф. Устинов делился своими оценками уровня военных кадров с Ю. В. Андроповым, с которым они были единомышленниками и шли в одной упряжке. Они и определили место Ахромееву в планируемых структурных и кадровых изменениях в управленческой системе Советского Союза. Присвоение Ахромееву звания маршала было шагом в реализации этих замыслов.

Никогда ранее первому заместителю начальника Генерального штаба это звание не присваивалось. Это было удивительным для военных, удивительным, но приятным для самого Сергея Фёдоровича.

Я тоже поехал, чтобы поздравить его с этим особо важным событием в жизни. Поехал ближе к середине дня, полагая, что основная масса высших военных чинов к этому времени пройдёт.

Зашёл в кабинет. Он был, понятно, в очень хорошем настроении. А в таком настроении он обычно обращался ко мне особо: “Анатоль Петров, присядь, я приму одного маршала авиации, и поговорим”.

Такое обращение он придумал в Афганистане, чуть видоизменяя мое имя и отчество, будучи в хорошем настроении говорил: “Анатоль Петров, пошли, будем разгадывать афганские шарады”.

Когда ушёл маршал авиации, мы уединились в небольшой комнатке, где он отдыхал и ночью, если требовала обстановка. На маленьком столике была закуска и всё, что полагается. Мы выпили по маленькой рюмочке, и я с нетерпением попросил рассказать, как всё было? И вот что он мне поведал: “В 8.30 утра я редактировал документ. Ты видел – справа от стола трибунка-тумбочка. С бумагами я вожусь обычно, стоя за ней. Звонок по “кремлёвке”. Слышу голос Андропова: “Сергей Фёдорович, поздравляю тебя с высшим воинским отличием – званием Маршала Советского Союза”. Я от неожиданности и удивления замер, не мог сказать ни слова.

– Ты что молчишь? – опять услышал его голос. Придя в себя, по-солдатски выпалил: “Служу Советскому Союзу”!

– Знаю, что хорошо и верно служишь. Желаю здоровья и успешных дел во славу нашей Родины.

– Вот как и от кого я узнал. После разговора с ним я долго не мог прийти в себя от приятной неожиданности. Потом позвонил своей верной и терпеливой Тамаре Васильевне...

Я был знаком с этой милой, скромной и доброй женщиной – верным другом Сергея Фёдоровича. У неё не было ни грамма зазнайства и высокомерия. От неё всегда исходили тепло и покой. В беседах затрагивали и большую для неё тему: вечной занятости мужа службой. Первые годы выражала недовольство, говорила она, а потом поняла, что он и служба – это единое целое и разделить их невозможно, и стала помогать ему тем, что не упрекала и освободила от всех домашних дел...

– Петрович, – прервал мои воспоминания Сергей Фёдорович, – давай хоть по бутерброду съедим, а то будем голодные, как там, в поездках по Афганистану. Помнишь, как тогда на реке Кокча?..

Конечно, я помнил и ту жару, и солнцепёк без сантиметра тени, и радость, что у нас была заварка из верблюжьей колючки (хорошее дезинфицирующее и утоляющее жажду средство).

– Вскоре зашли Д. Ф. Устинов, С. Л. Соколов, Н. В. Огарков и тоже с радостью трясли меня, – продолжал рассказывать Сергей Фёдорович и улыбался ахромеевской, по-детски чистой улыбкой.

Энциклопедическая осведомлённость и человеческая сущность маршала Ахромеева удивила и пленила председателя Комитета начальников штабов американских вооружённых сил адмирала Кроу, с которым они готовили документы по сокращению американских и советских наступательных ядерных вооружений для подписания их президентами США и СССР Рейганом и Горбачёвым.

Когда адмирал узнал, что Ахромеев шёл по американской столице в форме и без охраны, без помощников-экспертов, то он пришёл в восторг. А после первого раунда переговоров влюбился в советского маршала за глубокое знание им военных проблем, за искренность и принципиальность в защите интересов своей страны.

Человеческое величие, человеческое достоинство умеет ценить и противник, но, к сожалению, это достоинство поправили наши “вожди” того времени.

Однажды я спросил Сергея Фёдоровича: “Как вы решились пойти в помощники к такому президенту”? Он с обидой ответил: “Кому-то же надо защищать Вооружённые Силы и оборону страны”.

“Он большой переживальщик”, – небрежно скажет потом Горбачёв об Ахромееве.

Разрушителям страны не дано было понять чистую и светлую душу человека, без остатка преданного Родине, жившего только её интересами, поднимавшего своим трудом её военное могущество. У него сердце обливалось кровью, когда он видел, что разрушается всё, чему он отдал жизнь. И боролся с ними до конца. Он был опасен для них, потому что открыто отвергал их разрушительную политику, подготовил тезисы для выступления на предстоящей сессии Верховного Совета СССР, чтобы открыто сказать о грозящей стране опасности (среди документов, изъятых из его сейфа, после трагических событий, этих документов не оказалось).

Он был опасен им и потому, что пользовался большим авторитетом в Вооружённых Силах и в стране...

Вспомнилось, как мы летели с ним из Кабула в Москву. Сидели за столиком и смотрели в иллюминатор, удивляясь разнообразию и красоте природы. Сергей Фёдорович отклонился от окошка и сказал: “Ты знаешь, Петрович, меня прямо трясёт как в лихорадке от радости созерцания бескрайности нашей Родины, осознания её Величия и Могущества”.

Эти его мысли и чувства были созвучны и моим чувствам. Наша беседа перешла в историческое русло. Вспоминали царей, вождей, полководцев – труды, подвиги, пот и кровь предыдущих поколений, создававших Российскую, а потом “Красную Советскую Империю”, поразившую мир взлётом своей силы и своего духа. Как всё собиралось по песчинкам и камешкам, как наши люди шли, падая и вставая, плача и смеясь, орошая землю своим потом и кровью, чтобы на ней зацвели сады и цветы, рождались новые люди и продолжали дело отцов и дедов по возвеличиванию нашей Родины.

“Это всё мне родное и близкое, отчего так легко зарыдать”, – процитировал я Сергея Есенина.

“А мне понравилось и твоё, про Афганистан”, – отозвался на поэтическую ноту Сергей Фёдорович.

*Я, как ведьма на старой метле,
Залетел на Лысую гору
И тоскую о русской земле,
Что в парче золотой в эту пору.*

Мы тогда и подумать не могли, что скоро появятся так называемые “демократы” и вместе со своими заокеанскими “друзьями” разрушат нашу Великую Державу при растерянном безмолвии народа и потворстве политического руководства...

...Прощаясь с Сергеем Фёдоровичем на Троекуровском кладбище в Москве, я шептал: “Пусть его светлая душа летит в космическую даль, а Россия подарит нам второго Ахромеева”.

Да не забудется светлое имя твоё, дорогой Сергей Фёдорович, наш славный Советский Маршал!

Анатолий Петрович Афанасьев,
*генерал-лейтенант в отставке,
г. Москва*

ФОРПОСТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАПАДЕ УКРАИНЫ

Уважаемая редакция журнала писателей России “Наш современник”!

Я, как председатель Русского общества имени Александра Сергеевича Пушкина, работающего с успехом вот уже много лет в центре Западной Украины в старинном городе Львове, хотел бы рассказать о жизни и деятельности нашего общества.

Русское общество им. А. С. Пушкина создано и зарегистрировано в 1988 г. в знаменитом городе Львове, самом крупном городе Западной Украины, её культурном, духовном, экономическом центре. Имея областной статус, общество широко работает по всему Западу Украины, поддерживает обширные дружеские связи с общественными организациями российских соотечественников многих стран мира. Общество приняло активное участие в создании и становлении Международного совета российских соотечественников.

Более 20 лет наше Общество энергично занимается сохранением, популяризацией и развитием русской культуры и русского языка в условиях иноязычной среды, содействием решению социальных вопросов, обеспечению прав человека, гармонизации межнациональных отношений, укреплению и развитию дружеских отношений между Украиной и Россией.

В 1990 г. Общество создало во Львове первый в стране Русский культурный центр, который является собственностью Русского общества имени А. С. Пушкина, его неотъемлемой составной частью. Этот Центр многие годы оставался единственным на всём постсоветском пространстве. Создатель, первый руководитель (в 1988–1993 гг.), а ныне Почётный координатор Русского общества им. А. С. Пушкина – писатель и общественный деятель Сергей Анатольевич Сокуров (с 1994 г. проживает в Российской Федерации, член Союза писателей России).

На протяжении всех лет своего существования Общество, из-за своего специфического статуса, положения, активности, гражданской позиции, наличия у него в самом центре города недвижимости и по другим сопутствующим причинам неоднократно подвергалось как внешним ударам, так и раскольнической деятельности изнутри. Не стали исключением и 2000-е годы, когда на нас с новой силой обрушился град жесточайших, по-иезуитски изощрённых рейдерских атак. В ход пошёл весь комплект современных иуд “в ассортименте” (выражаясь нынешней терминологией). Но наше Общество в жесточайших условиях сумело сохранить своё ядро, укрепиться и организационно, и функ-

ционально, и творчески, стать одной из самых активных и эффективных общественных организаций на Украине.

Необходимость создания и последующего существования нашего Общества, в не всегда, мягко скажем, положительных внешних условиях — всё это самым непосредственным образом крепко связано с историческими особенностями и настоящим нашего региона. Региона, который оказывает мощное влияние на всю Украину, в первую очередь в политической и духовной сферах. Здесь находится перекрёсток культур, место диалога цивилизаций, но зачастую и их противоборства.

Мы хорошо знаем, что в этом регионе слова Русь, русский — исконные, испокон веков относящиеся к этой земле. Именно она, эта земля, называлась с древних времён “Червоная Русь”, “Галицкая Русь”, “Русское воеводство”. Язык, на котором общались её жители, назывался русским (руским, руським), а основателем Львова (по наиболее распространённой версии) был древнерусский князь Даниил Романович Галицкий, Рюрикович по роду своему, как и московские великие князья (по другой версии — его сын Лев). Отец Даниила Романовича — Роман Мстиславович — потомок Владимира Мономаха, княжил в Великом Новгороде, был Великим князем Киевским. Примечательно, что потомки Даниила Романовича, принявшего от папы королевскую корону, а затем порвавшего с папой, именовали себя “Rex Russiae” и “duces totius terrae Russiae, Galicie et Ladomerie”. Даже если написание “русский” зачастую было не с двумя, а с одним “с”, прямая связь “русского” с “руским” и “руським” — очевидна. Поэтому мы, проявляя неподдельное уважение к украинцам, всему украинскому, ко всем многочисленным национальным общностям региона, не считаем себя чужаками для этой земли. Именно на этом и строится многое в деятельности нашего Общества: мы никоим образом не посягаем на ценности других, но и не забываем, не теряем свои, сохраняем их, развиваем и приумножаем.

Об этом свидетельствует наше бережное отношение к образованию на русском языке. Во Львове, в частности, сейчас функционирует 5 школ с русским языком обучения. Для сравнения: в многомиллионном Киеве — “матери городов русских” — школ с русским языком обучения всего 7, а во многих областных центрах Украины, и не только на её Западе, таких школ нет вообще. Защита, опека, содействие набору в школы, их развитию, конкурсы, фестивали, праздники и другие формы работы со школами составляют важнейшее направление нашей деятельности. Большой положительный резонанс среди школьников и их родителей, педагогов вызывают наши фестивали русского языка для школьников, музыкально-театрализованный имени Корнея Чуковского для учащихся младших классов, фестиваль искусств “Школьная весна”, детского творчества “Пасха” (изобразительное искусство; совместно со Львовской епархией Украинской Православной Церкви и Генеральным консульством Российской Федерации в г. Львове), Международные Пушкинские конкурсы, в которых принимают участие школьники из многих городов Украины, России, Белоруссии и Польши, и другие мероприятия.

Но мы стремимся не только сохранить, а и существенно улучшить ситуацию. Именно для этого 18 июня 2010 г. Русское общество им. А. С. Пушкина провело круглый стол “Образование на русском языке в Западной Украине: настоящее и будущее”, в котором приняло участие руководство Общества, деятели образования, в том числе представители администраций школ, преподаватели вузов, а также представители родительского актива, общественные деятели из ряда областей Западной Украины. В ходе откровенного разговора была проанализирована ситуация и поставлены задачи на будущее. В том числе и те, которые необходимо решить собственными силами, и те, решение которых напрямую связано с органами государственной власти и местного самоуправления.

Только за несколько последних лет Общество провело множество мероприятий, посвящённых увековечиванию подвига советских воинов, тружеников тыла, победивших фашизм: встречи с ветеранами, торжественные приёмы, театральные и концертные программы, возложение цветов на воинских мемориалах в День Победы 9 мая и в другие памятные дни, издание книг, посвящённых Великой Отечественной войне, к примеру “Они защищали Москву. Воспоминания участников обороны Москвы, проживающих в западных об-

ластях Украины”, “Боль моя – блокада” и многое другое. 6 мая 2010 г. в старинной Пороховой башне – Львовском Доме архитектора мы провели торжественный приём, посвящённый 65-летию Победы над фашизмом. Чествуя ветеранов, мы вручили нескольким из них свою высшую номерную награду – Почётный знак Русского общества им. А. С. Пушкина. Стоит назвать добрые имена этих замечательных людей: председатель Львовской областной организации ветеранов Украины, участник обороны Москвы, Герой Социалистического Труда, полковник в отставке Т. А. Махонёк (в декабре 2011 г., он достигнув весьма преклонного возраста, покинул председательский пост, но остался в составе ветеранского руководства); участник обороны Москвы и освобождения Украины от фашистских захватчиков, полковник в отставке В. В. Галкин; участник обороны Москвы и освобождения Львова, полковник в отставке А. В. Кирюшкин; председатель Львовской областной организации Украинско-го союза узников-жертв нацизма С. Р. Подольский (бывший малолетний узник фашизма, его отец пал, защищая Сталинград, а мать погибла от рук гестаповцев); житель блокадного Ленинграда, президент Ассоциации дружбы и сотрудничества “Львов – Санкт-Петербург”, кандидат педагогических наук, доцент С. Г. Харабуга; председатель Военно-исторического клуба Русского общества им. А. С. Пушкина, полковник в отставке В. Т. Чалый. Во время концертной части наших юбилейных торжеств мы все, и ветераны, и те, кто родился в послевоенное время, с вдохновением подпевали выступавшим на сцене исполнителям замечательные песни “Тёмная ночь”, “Смуглянка”, “Эх, дороги”, “Нам нужна одна победа”... Эту же песню 8 мая, в День города Львова, на открытой эстраде парка культуры и отдыха имени Богдана Хмельницкого в рамках праздничной программы, представленной публике Русским обществом им. А. С. Пушкина, под шквал аплодисментов спела наша молодая вокалистка, лауреат Первого Международного фестиваля российских соотечественников зарубежья “Русская песня” в Москве Елена Оборина. А 9 мая 2010 г., несмотря на проливной дождь, мы пришли на святые места, к могилам советских воинов-освободителей, поклонились им, возложили цветы, и член Совета Общества протоиерей Николай Баранов совершил здесь поминовение усопших воинов и всех других наших соотечественников, кто внёс свой вклад в Великую Победу, кто погиб во время Великой Отечественной войны.

Увы, в 2011 г. наши великие памятные дни были омрачены провокациями. 9 Мая, в День Победы, я – внук и сын советских фронтовиков, сражавшихся во время Великой Отечественной войны на Украине, на передовой против фашистских захватчиков, – на протяжении многих часов не мог, как и очень многие другие львовяне, возложить цветы на могилы советских воинов-освободителей на Холме Славы и Марсовом поле. Нам нагло, оскорбительно препятствовали в этой благородной, мемориальной, гуманитарной миссии.

В 2000-е годы Общество осуществило капитальный ремонт памятника русским воинам Первой мировой войны на Холме Славы. В начале апреля 2010 г. мы завершили восстановительные работы на памятнике “Жертвам Талергофа 1914–1918 Галицкая Русь” во Львовском государственном историко-культурном музее-заповеднике “Лычаковское кладбище”. Напомню: концлагерь Талергоф был создан в 1914 году властями Австро-Венгерской империи около города Грац в Штирии; во время Первой мировой войны в нём содержались многие тысячи узников-русинов из Галиции и Буковины, обвинённых в русофильстве (москвофильстве), сотни военнопленных Русской царской армии; более 3000 узников погибло там от голода, эпидемических заболеваний, нечеловеческих издевательств.

Ныне мы проводим очень сложную, многоплановую, многолетнюю работу по восстановлению ободранного, разграбленного и уничтоженного в 90-е годы прошлого столетия мемориала выдающегося русского лётчика, основателя искусства высшего пилотажа, автора знаменитой “мёртвой петли” штабс-капитана П. Н. Нестерова. Остатки этого мемориала находятся в районе города Жовква Львовской области. Здесь в 1914 г., в начале Первой мировой войны, в ходе Галицийской битвы П. Н. Нестеров совершил первый в мире воздушный таран (в советское время город Жовква назывался Нестеровым). Мы стремимся к тому, чтобы не просто восстановить памятный знак, доминирующий на местности рядом с международной автотрассой Варша-

ва–Львов (возвышаясь над открытой местностью на 45 метров в высоту, он уже много лет не реставрировался и своим ужасающим видом пугает проезжающих), и восстановить разграбленный музей П. Н. Нестерова. Мы стремимся превратить этот объект в мемориальный, музейный, научно-исследовательский, информационный, просветительский, культурно-туристический комплекс международного уровня. Понятно, что для этого нужны немалые деньги, поиском которых мне сейчас и приходится заниматься, включив в работу возглавляемый мною благотворительный фонд “Миссия прогресса”. Именно эффективное содружество Общества и Фонда позволит успешно выполнить этот сверхсложный проект. При этом мы ориентируемся на то, что в 2014 г. во многих странах будут широко отмечать 100-летие начала Первой мировой войны.

Положительно, что эта наша работа находит понимание и моральную поддержку со стороны Львовской областной государственной администрации. В 2010 г. по нашему ходатайству её профильный совет принял решение о внесении этого места под г. Жовква в реестр памятников истории по критерию объекта культурного наследия. А в конце 2011 года, во многом в результате наших стараний и настойчивости, Министерство культуры Украины внесло этот объект культурного наследия в Государственный реестр недвижимых памятников Украины с указанием вида объекта – “памятник истории”. Это существенный прорыв в нашей деятельности. Положительно, что этой нашей работой в 2011 г. заинтересовалось новое руководство Генерального консульства Российской Федерации в городе Львове. Ранее свою заинтересованность выказывали и некоторые авторитетные российские институты, связанные с авиацией. Заинтересованность выказал и Синодальный отдел по взаимодействию с Вооружёнными Силами и другими воинскими формированиями Украины Украинской Православной Церкви. О готовности оказать научную поддержку мне сообщили и учёные Польши, в том числе профессор одного из университетов, специализирующийся на истории авиации. Положительный интерес проявляет и австрийская сторона. Есть предположки, что интерес будет проявлен и в других странах. В 2012 году мы отмечаем 125-летие со дня рождения выдающегося русского авиатора П. Н. Нестерова, и мы очень надеемся, что в связи с этой юбилейной датой нам удастся сделать новые прорывы в большом благородном деле, связанном с именем этого выдающегося человека. Для этого нам нужна в первую очередь такая “мелочь”, как финансовая поддержка.

Огромную ценность для нас представляет и личность основателя книгоиздания на Украине Ивана Фёдоровца. В 2003 г. мы установили в его честь мемориальную доску в Свято-Онуфриевском монастыре во Львове, где он работал и был похоронен более 400 лет тому назад. В 2008 г. я был одним из трёх соучредителей Международной научной конференции (Фёдоровского семинара) “Рукописная и старопечатная книга”. В декабре 2009 г. Русское общество им. А. С. Пушкина провело мероприятия, посвящённые 500-летию со дня рождения Ивана Фёдоровца, 435-летию издания им во Львове “Букваря” и “Апостола”. К слову, на этих мероприятиях я вручил первый во Львове Почётный знак нашего Общества замечательной подвижнице, заведующей Музеем искусства старинной украинской книги Львовской галереи искусств Л. И. Спасской (в прошлые времена это был Музей Ивана Фёдоровца). Не исключено, что именно эти наши мероприятия и стали началом отмечаемых в мире юбилейных Фёдоровских торжеств.

Но особенно трепетное отношение у нас, конечно же, к личности, к делам великого русского поэта, драматурга, прозаика, историка, философа Александра Сергеевича Пушкина, чьё имя носит наше Общество. Ежегодно 6 июня, в день рождения поэта, мы проводим Пушкинские поэтические праздники в селе Заболотовцы Жидачевского района Львовской области, на площади перед школой, где стоит памятник Пушкину. Здесь собираются ученики и учителя львовских и заболотовской школ, деятели культуры, общественные деятели, звучат великие пушкинские стихи, слова о великом Пушкине. К слову, памятник Пушкину в Заболотовцах был установлен в 1907 г. (ещё на территории тогдашней Австро-Венгрии) по инициативе местного священника о. Иоанна Савюка на его деньги и деньги односельчан, но вскоре был разрушен, а сам о. Иоанн в 1914 г. стал узником Талергофа. В 1988 г. памятник Пушкину в селе был установлен вторично. Но тот, предыдущий памятник, установ-

ленный в Заболотовцах в 1907 г., считается первым зарубежным памятником Пушкину. К слову, есть и другой претендент на зарубежное первенство – обелиск, установленный в память о Пушкине княгиней Зинаидой Волконской на своей вилле в Риме. Но сейчас отвлекаться на аргументацию в пользу первенства того или иного памятника не буду.

В 2011 г. мы провели Пушкинские дни на Львовщине по-новому. Сначала 5 июня, по инициативе члена Совета Русского общества им. А. Пушкина, кандидата филологических наук, доцента А. В. Труханенко возложили цветы на могилу Станислава Любич-Яшовского, недавно обнаруженную на Лычаковском кладбище во Львове. Таким образом мы заложили традицию поминовения в Пушкинские дни удивительного человека, поляка, который был почитателем русской культуры, писателем, критиком, журналистом, издателем, одним из организаторов литературной жизни во Львове первой половины XIX века.

Роль С. Яшовского в галицкой пушкиниане особенная. В 1824 г. ещё совершенно молодой Яшовский опубликовал первую в польскоязычной литературе статью о Пушкине, в которой 25-летнего русского поэта назвал гениальным. В ней самыми добрыми словами охарактеризованы поэма “Бахчисарайский фонтан” и другие великие пушкинские творения. Поистине удивительным является то, что в 1836 г. Яшовский написал сонет “Пушкин” (ещё при жизни великого русского Поэта!), в том же году проанонсировал его, а издал в 1837 г., уже после гибели Поэта. У могилы замечательного поляка Александр Труханенко зачитал собственный перевод этого сонета на русский язык, и все присутствовавшие обратили внимание на сходство сонета со стихотворением “Памятник” Пушкина.

6 июня 2011 г., в Пушкинский день, мы посетили древний город Золочев Львовской области, в котором сохранился памятник А. С. Пушкину, украшающий один из городских скверов. Вместе с коллегами по руководству Русским обществом им. А. Пушкина известным русским филологом Инной Тугай и преподавателем социально-экономических дисциплин Натальей Хлебниковой мы торжественно возложили венок к памятнику великому русскому Поэту. У памятника Пушкину мы сказали добрые слова об этом гениальном Человеке, которого помнят и ценят во многих странах мира. С удовлетворением отметили, что в Золочеве есть улицы, носящие имена Пушкина и Лермонтова, чем, увы, не может похвалиться Львов.

Необходимым и эффективным направлением деятельности Русского общества им. А. Пушкина является проведение многочисленных культурных мероприятий, причём на высоком, конкурентоспособном уровне, с учётом того, что Львов – европейский город, один из главных культурных центров Украины. Речь идёт о спектаклях, театрализованных представлениях, концертных программах, творческих вечерах, лекциях, выставках и другие мероприятиях, в том числе и посвящённых знаменательным событиям, выдающимся деятелям русской культуры: М. Лермонтову, Н. Гоголю, С. Есенину, П. Чайковскому, И. Левитану и многим другим. С огромным успехом, скажем, прошли в 2008-м и в 2011 гг. наши Первый и Второй фестивали имени Сергея Рахманинова, в которых звездой первой величины блистала исполнительским мастерством выдающаяся пианистка, лауреат Международных конкурсов имени Сергея Рахманинова в Москве, имени Николая Лысенко в Киеве, имени Ференца Листа в Будапеште Этелла Чуприк. Большой успех выпал и на долю Форума “Русское слово”, Гагаринского юбилейного форума, посвящённого 50-летию первого полёта человека в космос, художественной выставки “Пушкинское эхо во Львове”, на открытии которой звучала русская, украинская и польская речь. Отмечаю это особо, ведь для нас очень важны добрые отношения со всеми национальными общностями, и на наших мероприятиях присутствуют люди многих национальностей, получая удовольствие, хорошее настроение, укрепляя или же формируя своё доброе отношение к русской культуре, русскому языку. И мы очень ценим дружеские отношения с теми, кто с добрым сердцем воспринимает русскую культуру, русское слово, наши исторические и духовные ценности.

Большой положительный резонанс среди львовских интеллектуалов вызвали и наши юбилейные Ломоносовские торжества, посвящённые 300-летию рождения великого русского учёного-энциклопедиста, поэта, деятеля культуры и искусства М. В. Ломоносова. Украшением Ломоносовских торжеств стало театрализованное представление, в котором перед зрителями предстали

молодой Михайло Ломоносов и его Муза, сыгранные молодыми артистами Львовского русского драматического театра (он известен и как Львовский театр "Арбат") Владимиром Мельниковым и Марианной Березькой.

Этот театр, причём профессиональный театр – ещё одно из важных направлений нашей деятельности. Являясь председателем Правления Львовского русского драматического театра, я ныне занимаюсь его реорганизацией. В содружестве с новым опытным режиссёром Романом Скоровским начато омоложение и активизация театра. За 8 лет существования театр выступал на больших сценах Львова, Киева, Мукачево, Ужгорода, Бреста. Сейчас мы разрабатываем и внедряем новую модель этого театра, которая позволит укрепиться ему на достойном месте в театральном сообществе Львова, а также осуществлять активную гастрольную деятельность по Украине, в России и в других странах. И примечательно, что этот театральный старт 2012 года осуществлён с великим именем Михаила Васильевича Ломоносова!

Всё это и многое другое о нашей деятельности, деятельности наших друзей, коллег и соратников из Западной Украины и других регионов, из зарубежья является основой для материалов, публикуемых в нашем Всеукраинском журнале "Русская культура Западной Украины", который мы издаём с 2006 г.

Мы очень ценим добрые отношения с нашими коллегами в Украине и за рубежом. Этому во многом способствуют обширные, развивающиеся по всему миру дружеские связи, крупнейшие международные мероприятия, в которых мы принимаем активное участие, и в первую очередь те, которые проводятся под эгидой Международного совета российских соотечественников, государственными и общественными инстанциями Российской Федерации. Мне довелось быть руководителем делегаций Украины на трёх международных спортивных юношеских фестивалях российских соотечественников зарубежья в Москве. И делегации Украины занимали на них очень достойные места в неофициальном командном зачёте. Возглавлял я делегацию Украины и на Международном фестивале российских соотечественников зарубежья "Русская песня" в Москве. На всех этих фестивалях активное участие принимали представители нашего Общества, завоевывали медали, становились лауреатами, находили новых, замечательных друзей в различных уголках мира, лучше познавали Россию, Москву, становились ещё большими их друзьями. Для нас это очень важно.

Для нас очень важно, чтобы укреплялись дружба и сотрудничество между Украиной и Россией, и мы делаем всё возможное для этого.

Олег Лютиков,
*член Правления Международного совета российских соотечественников,
председатель Русского общества им. А. С. Пушкина,
г. Львов (Украина)*

УЧИТЬСЯ ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ПРАВА

Уважаемая редакция!

Самый лучший подарок в этом году я получила от своей подруги. Она подарила мне подшивку "Нашего современника" за 2011 год. Читаю всё подряд. Дошла до письма москвича Сергея Соколова (№ 5, "НС", стр. 188) и призадумалась. Называется письмо очень скромно – "Простые люди многое могут".

Чтобы было понятно, почему я ставлю этой публикации высшую оценку, хочу обратить внимание на психологическое состояние огромной части современной русской интеллигенции, к которой отношу и себя.

Когда в России произошли крупные перемены, какое-то время мы, читатели, долго озирались, изучая новую жизнь. За это время, пока присматривались, успели исчезнуть и радость по поводу ухода с политической сцены "застойных коммунистов", а после и надежда на их возвращение. После лёгкого (кто из нас мог предполагать, что нам подsunут "дикий капитализм"?) раскаяния и сожаления об утрате возможности улучшить "ту, прежнюю власть" появилось устойчивое недовольство происходящими переменами. Некоторые учёные считают его одной из главных причин вымирания россиян.

Ещё более острое недовольство чувствовали русские писатели. Как им было не печалиться, если они видели, как вымирает народ? Мы замечали их растущую тревогу по огромному, непрекращающемуся потоку критических материалов. Они приняли формы постоянного срывания масок, разоблачения власть имущих в обманах, жульничестве и разбазаривании России. Всё это передалась и нам, читателям. Общаясь друг с другом, мы тоже разоблачаем чуть ли не людоедские мотивации всех направлений деятельности наших правителей, их притворство и нежелание исправлять содеянное.

Слов нет – наши писатели помогли нам выжить. Они разорвали вязкую паутину русского одиночества, заброшенности. Узнавая сами, мы, читатели пересказывали прочитанное своим друзьям, знакомым и родственникам. Все мои близкие знают наперечёт имена известных публицистов, которые умеют талантливо писать о “суровой неправде жизни”. И не только имена. Некоторые сами сделали читателями. Дело дошло до того, что при встречах теперь не я им, а они мне пересказывают очередную статью из патристической газеты или журнала. Но радости мне это не приносит. Иногда даже хочется спросить, зачем вы рассказываете то, что я и так уже знаю? Да и другие собеседники с некоторых пор начали протестовать: “Довольно политики!”. Или “Хватит высмеивать Тандем Тренда с Брендом!” (Брендом они назвали Медведева за то, что он в полуминутном выступлении по поводу открытия Большого театра ровно 4 раза назвал его “брендом” России). А то ещё: “Довольно травить друг друга негативом, давайте о чём-нибудь позитивном”. Честно признаться, всё чаще и чаще я ловлю себя на ощущении беспомощности, когда речь заходит о “позитивном”...

И вот я набрела на письмо Сергея Соколова. Прочитала и подумала – вот он, позитив-то... Перескажу публикацию близко к тексту. В наше время разговоров о становлении гражданского общества нам сильно не хватает образцов гражданского поведения. Нет у многих из нас и необходимой решительности и вообще культуры обращения к общественности, правительству, какие наличествуют в письме. Читаешь его и учишься – делай и ты так.

Автор рассказывает ещё об одном письме. Оно было написано в 1991 году, когда нависла угроза передачи японцам Курил. Сотрудник одного из подмосковных секретных НИИ В. Д. Кривошеев, узнав о намерении правительственных чиновников “сдать Курилы”, не стал плакаться об этом в жилетки своих близких, а СЕЛ ЗА СТОЛ и НАПИСАЛ обращение к президенту Ельцину с требованием не отдавать Японии Южные Курилы. Дальше Кривошеев дал прочитать письмо своему сотруднику В. П. Шмакову, и тот, прочитав его, сначала не поверил в успех предприятия. Он так и сказал: “Не подпишет никто”. Сказать-то сказал, а ДЕЙСТВОВАТЬ стал так, чтобы создать этот успех. В итоге подписали все. И не только подписали. Дали свои адреса и телефоны.

Письмо, похоже, отослали заказной почтой, с ответом, потому что через некоторое время им стало известно о получении письма канцелярией Президента. Но сам ответ так и не пришёл, несмотря на несколько (вот какие смелые и упористые!) НАПОМИНАНИЙ по телефону.

Ну, не пришёл и не пришёл... Ничего не поделаешь, бесполезно писать – так прореагировали бы некоторые из нас в сложившейся ситуации. Да ещё бы не позабыли погладить себя по головке: мы-то сделали всё, что могли...

Герои соколовского письма не отступили. Они организовали специальный комитет. Неизвестно – зарегистрировали его или нет. Ведь любое важное дело можно делать и без регистрации. Следующим шагом было обращение в СМИ. И письмо к президенту отправилось в газету “Русский вестник”. Уходило оно уже от имени “Комитета защиты Курил”. В сопроводительной записке формулировалось требование Комитета и к правительству, и к Верховному Совету и к Съезду народных депутатов защитить территориальную целостность России. Видать, участники Комитета хорошо изучили Конституцию РФ и подковались теоретически.

Когда “Русский Вестник” опубликовал материал, комитетчики не стали останавливаться на этом. Они разослали письмо веером – сразу в несколько газет. На этот раз оно было опубликовано “Литературной Россией”. Охват читателей, достигнутый очередной публикацией, был не так уж велик, но всё же защитников Курил прибавилось. Прибавилось и мероприятий.

Следующим из них стал пикет возле посольства Японии. Возможно, некоторым покажется, что пикеты малопроизводительны. Ну, подумаешь, не-

сколько человек держат в руках плакаты, а мимо них проходят равнодушные люди. Но это не так. Автор письма Соколов подробно описывает нам, читателям, схему взаимодействия Комитета с японским посольством. Представители комитета вручили сотрудникам посольства дружжелюбное Обращение с разъяснением своих позиций. К пикетчикам вышли четыре японские и российские телевизионные группы. Их материалы были не только показаны по японскому телевидению, но и опубликованы в газетах. Что самое главное – они были показаны в вечерних “Вестях”, а их, согласитесь, смотрит довольно широкая аудитория. В ней могли находиться такие люди, от которых зависело прямое решение курильского вопроса.

Следующий шаг Комитета защиты был направлен в сторону МИДа. Возле него тоже организовали пикет с передачей Обращения работникам МИДа. На пикет были приглашены несколько журналистов. Двое из них опубликовали материалы об этом мероприятии в “Рабочей трибуне” и снова в “Русском вестнике”.

Активисты Комитета старались принимать участие в таких крупных патриотических форумах, как Конгресс гражданских и патриотических сил России, Славянский собор, Российский общенародный союз, Русский собор и другие. Они приходили туда с готовыми резолюциями, и никто ни разу не отказал им в принятии этих резолюций.

Несколько раз они “точечно” обращались к значимым лицам и добивались их участия. Когда число профессиональных участников стало достаточным, решение вопроса полностью перешло в их руки. Решён он был положительно.

А мне с тех пор, как я прочитала письмо о заступниках Курил, захотелось побольше узнать и о них, и об авторе письма. Что они обороняют теперь?

Захотелось узнать и о делах читателей. Необязательно чтобы об успешных, а хотя бы о замыслах или попытках что-то сделать. И ещё захотелось поработать самой, в одиночку ли, либо влиться в готовую группу с опытом, а может, создать её самой и понемногу наращивать опыт, например, общественно-эпистолярной работы.

Недавно слушала доклад на тему “Письменные обращения как средство активизации в деле национальной самозащиты”. Две активистки из патриотического движения рассказали о том, как когда-то они, подменяя друг друга, подсаживались к телевизору и записывали высказывания “писательницы и общественной деятельницы” Арбатовой в передаче для женщин. Им хотелось понять, почему её пересыпанные остротами и юмором речи вызывали у них сердечную боль и отторжение. Когда они свели записи в один текст, вместо весёлой интеллектуалки перед ними предстал портрет идеолога-политика, озабоченного целью объяснить зрителям, что все советские годы они жили в отсталой стране среди неполноценных граждан.

Чтобы опровергнуть писательницу, активистки решили отсылать на телевидение письма каждый раз, когда Арбатова искажала советскую жизнь в пользу “упорядоченной” жизни “цивилизованного мира”. Самым трудным делом оказалось заставить себя сесть за стол и написать первые слова. Но организовались и заставили. Слушать антисоветчицу им стало интересно. Они уже не хватались за сердце и не глотали валидол, когда слышали очередное оскорбление в адрес Родины. Чтобы найти контраргументы и опровергнуть нападки, они рылись в справочниках, звонили в библиотеки, обращались к специалистам. Например, когда “писательница” попыталась убедить зрителей в том, что только в России все “вечные” вопросы между женщинами и мужчинами решаются побоями, а в “цивилизованном” мире они давным-давно решены в кабинетах психологов, контргруппа, порывшись в справочниках, отослала в передачу статистику о домашнем насилии в западных странах. Через некоторое время Мария Арбатова покинула программу.

Группа перенесла внимание на новый объект – на одного из ведущих популярного радио РСН Сергея Доренко. Ничего не имея против программ этого относительно демократичного радио, женщины обнаружили тенденцию Доренко называть и себя, и других нерусских русскими и при этом приписывать нам многие недостатки других россиян. Какое-то время они записывали такие перлы, как “русские придурки”, “русская хамская элита”, “испаскудившаяся русская (!) милиция”, “русская интеллигентная шваль”, “русские паскудные чиновники”, “русский президент Медведев” (вместо “российский прези-

дент”), “русское телевидение” (эх, если бы...), “русская жизнь” вместо “российская жизнь”, “русский парень Абрамович” (ха-ха-ха!). Стараясь понять причину такого недоброжелательного подхода к нам, женщины обнаружили хитрое и преднамеренное желание внушить русским, что им не надо улучшать свою жизнь, ведь всё и так принадлежит им, и даже олигархи в Лондоне русские.

Мне стало грезиться, что я организую небольшую группу из тех самых остроумцев, которые желают “позитива с конструктивом”. Из нерешённых русских проблем я предложу для обсуждения с ними глубокую, как пропасть — нашу национальную неустроенность, запуганность и затравленность. Вот уже сколько лет эта беда продолжает морально зиять и кровоточить на теле русского народа. Те, кто обязаны залечить рану, вместо лекарства, может быть, не ведая того, бросают в неё щепотками соль. Это больно. Лучшие русские люди, их называют “националистами”, пытаются освободить нас от боли, но их пока маловато.

Кто-нибудь из “простых” русских отслеживает “сводки” с поля боя по поводу русского вопроса? Отслеживайте. Чем нас, пусть пока не активных, но осведомлённых, будет больше, тем мы скорее мы сможем помочь нашим и русским, и российским лидерам остановить эту невидимую для многих войну.

Сейчас становится особенно ясно, что у русских нет своего правительства. Так почему же мы молчим? Пора бы сказать своё слово “простому народу”.

Я мечтаю познакомиться с кем-нибудь на митинге, рассказать им, например, о том, какие лиричные письма пишут в правительство и Госдуму главные трезвенники России Жданов В. Г. и В. А. Задерей (Международная Академия трезвости и Народная академия наук), со спасительными для народа требованиями принятия законов против алкоголя и табака.

По данным Росстата, за межпереписной период русских вымерло 4,87 млн (“Комсомольская правда” за 17 декабря 2011 года). Уже не удивляет, что никто из российских правителей ни гу-гу о причинах, объясняющих, почему русских вымерло в 2 раза больше, чем россиян иных национальностей (2,3). Вот в такие моменты становится особенно жутко из-за того, что мы не имеем своего национально-русского правительства и к нам некому обратиться с ободряющим словом. Путин никогда не станет русским президентом, он — общероссийский. Именно поэтому он вот уж который сезон носит маску объективного менеджера всех народов России. Наверное, Путин считает, что ему успешно удаётся относиться ко всем народам одинаково. Но как поверить в его русскость, если он не чувствует наших страданий, какие мы переживаем от многих потерь, дискриминации и неустроенности?..

Вот поэтому защищать себя мы должны сами, объединяясь в группы, комитеты, создавая комиссии по изучению **выходов** из губительной ситуации, в которую попал наш народ. Защита **обиженного** народа — это главное.

От главной раны идут во все стороны трещины. Одна из них проходит по самому уязвимому — здоровью детей, молодёжи и женщин. Здесь на дозоре стоит мощная группа учёных, возглавляющих трезвенническое движение. Когда В. Г. Жданов с В. А. Задереем пишут обращения к правительству со спасительными для народа требованиями против алкоголя и табака, они не стесняются напомнить руководству государства о 41-й статье Конституции, которая гласит: “Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечёт за собой ответственность...”. Вот бы нам познакомиться с их опытом написания писем.

Нерешённая национальная проблема вызвала другие, поменьше, но очень важные. Давно ждёт пересмотра дискриминационная для русских статья о национально-культурной автономии. На общие бюджетные деньги она разрешает всем народам России, а также приезжим представителям других стран организацию культурно-образовательных центров. Всем, кроме русских. Говорят, что некоторые русские добились разрешения организовать центры через суд. Пусть не региональные, не федеративные, а только местные, но восхищает сама активность и мужество. Кто бы нам о них рассказал, а мы бы поучились у них защищать свои права.

Мария Николаевна Сотова,
г. Москва

ЛЕЧИТЬ НЕ ТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, НО И ВСЁ ОБЩЕСТВО

Уважаемая редакция!

Меня как врача-нарколога, волнует ситуация в нашем обществе, давно уже крепко больном недугом алкоголизма. Сейчас государством принимаются меры по борьбе с этим извечным для России злом, но те ли это меры?.. Вот заканчивается “месячник” борьбы с коррупцией, и, кажется, скоро закончится и борьба с алкоголизмом – другой “месячник”, основные положения которого периодически озвучивают президент, премьер и некоторые политики. В их речах содержится немало рациональных предложений; вместе с тем, к сожалению, просматривается тенденция к стандартным действиям типа повышения акцизов, введения запретительных мер и т. д. Между тем проблема алкоголизма у нас назрела, как нарыв, уже давно. По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, страна, потребляющая более 8 литров этилового спирта в год на душу населения, близка к вырождению. Этот показатель в России давно уже перевалил за 18 литров в год при 2,1 млн только официально зарегистрированных алкоголиков (на самом деле их гораздо больше). Правда, штатные оптимисты из СМИ уверяют, что ничего страшного нет, во Францию, дескать, пьют больше. Но это слабое утешение – живём мы всё-таки в России. И меры нужно было принимать ещё позавчера.

Есть серьёзные опасения, что решение такой жизненно важной для России проблемы будет спущено на тормозах, заболтано, искажено и превратится всего лишь в шумную пиаровскую кампанию. К сожалению, чиновничество в стремлении начальству угодить и себя, любимого, показать, успело подхватить “ценные указания” сверху и начало захлёбываться в административном восторге. Одно высокопоставленное лицо поспешило выступить с инициативой повышения цен, мол, в некоторых Европиях бутылка крепкого аж 500 руб. стоит. А некая сенаторша, поднатужившись мозгом, предложила запретить продажу спиртного беременным и алкоголикам. И вот с июля 2012 г. акцизы на продажу алкогольных напитков будут повышены. Однако всё это – путь в тупик.

Неспособность мыслить в государственном масштабе заставляет чиновника судорожно хвататься за лежащие на поверхности меры, давным-давно доказавшие свою неэффективность. Неужели кто-то всерьёз полагает, что страдающий алкоголизмом человек (а это очень тяжёлое заболевание), которого абстинентный синдром тащит в магазин или палатку, увидев новые заоблачные цены, махнёт рукой на водку и чинно направится в случайно уцелевшую районную библиотеку?.. Разумеется, нет – он перейдёт на суррогаты, а те, которые покрепче мускулами, могут и на большую дорогу выйти (и не только алкоголики). И что будет с материальным положением их семей? Далее – как отличить беременную даму от небеременной?.. Разве что по справке из женской консультации, заверенной в ОВД. Мужчинам же придётся предъявлять свидетельство о несостоянии на учёте в наркодиспансере. Чиновничий непрофессионализм давно перестал поражать воображение. Плохо другое – эти бюрократы, похоже, готовятся опять “подставить” нашу страну.

Все неудачные попытки внедрения трезвого образа жизни объясняются нежеланием и/или неумением вникнуть в сущность проблемы. А это не может не привести к традиционному одностороннему подходу: в логической цепи причинно-следственных связей акцент с тупым упорством переносится на борьбу с антиобщественными последствиями употребления горячительных напитков. Постоянно допускается стандартная ошибка: игнорирование причинной обусловленности любого явления. Нельзя успешно воздействовать на следствие, не поняв его причины – почему люди всё-таки пьют и чем обусловлен рост потребления алкоголя? Для этого необходимо уяснить социальную роль алкоголя.

Человек – социальный организм, проживающий в обществе и вынужденный подчиняться его установлениям. При этом интересы человека и общества не всегда совпадают: индивидуум постоянно сталкивается с противоречием – его потребности в удовлетворении нужд и желаний, стремление к самовыражению и самореализации выходят за рамки законодательных, этических, экономических реалий данного общества (типа: “имею потребность купить “Бентли” – не имею возможности”). В итоге конфликта “человек-общество” возникает стресс, способный привести даже к неврозу тревожно-депрессивного характера. Как с этим справиться?

Существуют два пути. Первый – изменить нормы общества и подчинить их себе, – путь несколько затруднительный, это не удалось ни одному из известных в истории диктаторов. Второй способ, казалось бы, прост и легкодоступен – адаптировать себя под каноны общества, но он подразумевает перестройку структуры личности, процесс небезболезненный, зачастую требующий “адаптогена”, в роли которого, как правило, выступает... алкоголь.

Он вызывает эйфорию, подавляет “кратковременную память” (например, позволяет забыть недавнюю обиду и блокирует закрепление негативной информации в “долговременной памяти”, которая через подкорковую эмоциональную сферу формирует в коре головного мозга очаг невроза), вселяет уверенность в собственных силах и т. п. Этиловый спирт не является чужеродным веществом, ксенобиотиком – даже в организме непьющих людей обнаруживается в небольших концентрациях т. н. “эндогенный этанол”. Продукты биологического разложения спирта включаются в естественные процессы обмена веществ. Такие свойства делают его “социальным допингом” с противотревожным и антифобическим действием. Это – почти идеальное антистрессорное и противошоковое средство; **почти** идеальное – потому что хроническое употребление алкоголя рано или поздно приводит к развитию привыкания и пристрастия.

Становится понятным, что уровень стабильности и благосостояния в государстве и обществе будут во многом определять уровень потребления алкоголя (с поправкой на национальные традиции и религиозно-этические нормы). Эти показатели находятся в прямой пропорциональной зависимости: с обострением социальной напряжённости и падением жизненных стандартов, провоцирующими рост стрессорных воздействий, потребление спиртных напитков неминуемо возрастает. Это не только дурная привычка, алкоголизм – типичная социальная болезнь, его частота – барометр неблагополучия социума (то же самое можно сказать и про туберкулёз, но это другая история).

Самой радикальной технологией борьбы с этим социальным недугом является “лечение” самого общества путём реализации программ социально-экономического и духовно-нравственного характера, которые и станут подлинно “этиотропной терапией”, конкретно направленной на “возбудителя” заболевания. Все прочие меры – не более чем “симптоматическое” лечение внешних проявлений болезни: ограничительные и запретительные акции дадут лишь частичный и/или временный эффект. Пример тому – провал “сухих законов” в царской России (с 1914 г.), в США, а также горбачёвской антиалкогольной кампании. И даже такая частичная мера, как повышение цен на алкогольную продукцию, не принесёт положительного результата. В 20-х гг. XX века в каждом отделе милиции висел плакат: “Милиционер! Ты борешься не с проститутками, а с проституцией!” Этот лозунг следовало бы перефразировать: “Чиновник! Ты борешься не с алкоголем и не с алкоголиками, а с алкоголизмом!” и поместить во властных коридорах.

Существует лукавая полумера – попытка снизить заболеваемость алкоголизмом путём перевода потребления на слабоалкогольные. Но и она неэффективна, более того – очень опасна, т. к. ведёт к приросту числа алкоголиков из женского и детского континентов. При приёме слабоалкогольных напитков концентрации спирта в крови невысоки. Подросток или женщина замечают, что могут переносить более высокие дозы и даже переходить на крепкие напитки. К сожалению, в этих группах период “социально приемлемого пьянства” невелик – обычно не более 5 лет (у поздно дебютировавших взрослых мужчин – до 20 лет). Поэтому алкоголизм у подростков и женщин развивается рано и быстро. Статистика показывает, что увеличение алкоголизма обуславливается в гораздо большей степени приростом из подросткового и женского континентов, чем из числа взрослых мужчин.

В собственных экспериментах автора на животных (они тоже пьют, если им создать человеческие кондиции со стрессогенным фоном) в группах половозрелых самцов крыс в условиях изоляции (для крысы, животного социального, это стресс) и свободного доступа к спирту и воде, хронически “запивало” 25–30%, около 25% животных “отвергали”, а 50–55% потребляли эпизодически – в полном соответствии с кривой Гаусса. В группах самок и крысят наблюдался резкий дрейф кривой влево – уровень “алкоголиков” возрастал до 60–80%. Интересно, что в условиях свободного проживания (без изоляции) в социально-семейных группах животные предпочитали... воду.

Подведём итоги. Первый тайм матча Россия – Алкоголизм мы уже отыграли и, к сожалению, проиграли. Но точка невозвращения ещё не пройдена, шансы пока остаются. Что делать во втором тайме?

Первоочередная задача – социальная профилактика алкоголизма – оздоровление общества путём реализации социально-экономических программ, направленных на повышение благосостояния и культурно-нравственное развитие. Когда человек получит не только стабильное “сегодня”, но и сознание уверенности в завтрашнем дне (а это не только набитые до отказа полки магазинов, это доступность и гарантированность лечения, образования, жилья, работы по склонности, пенсионного обеспечения, защиты от преступности и т. д.) – тогда конфликтный фон будет снижаться, что неминуемо отразится на уровне потребления алкоголя.

Не менее важно оградить детей и подростков от ранних контактов со спиртными напитками мерами не только разъяснительными, но и запретительными. Спаивание их недопустимо, вплоть до введения уголовной ответственности виновных. Никакого пивка на детских площадках и в подъездах; нельзя подавать им дурного примера, поэтому никаких безалкогольных “детских шампанских” – детям вообще не место в застольях. Их внимание нужно всячески отвлекать от бутылки, а неуёмная детская энергия и естественное любопытство должны быть направлены на физическое, интеллектуальное и культурное развитие. Возродить забытые формы кружков детского творчества в школах и Домах пионеров, спортивные секции на стадионах. Пусть т. н. “звёзды” искусства и спорта вместо бесконечного отсвечивания на ТВ и пьяных тусовках займутся воспитанием подрастающего поколения. Возвратить на экраны добрые кинофильмы, а в книжные магазины – нравственную литературу для детей и юношества. Летние пионерские лагеря (назовите их как угодно) с линейками, кострами, походами, песнями – вместо престижных поездок на заграничные курорты, тешащих родительское тщеславие.

Необходима также разъяснительная работа среди женщин о последствиях пьянства – в консультациях, “дамских” журналах, на транспорте, в общественных местах, но прежде всего на ТВ, со специальным акцентом на период беременности. Давным-давно известно, что потребление алкоголя в период зачатия и беременности – основная причина врождённого слабоумия и физических пороков внутриутробного развития. Уверен, что демонстрация дебилных детей (старые немецкие педиатры называли их “дитя весёлого ужина”) заставит крепко призадуматься будущую мать.

Рекламирование алкоголя в любой форме должно быть категорически запрещено – в такой стране, как наша, в этом нет необходимости. Реклама спиртных напитков может быть размещена в соответствующих отделах магазинов, этого достаточно. Однако загляните практически в любую газету или журнал – и вы столкнётесь с рекламой не менее 5 марок водки или пива. Задумайтесь – кто платит за это? Тот, кто с этого получает прибыли (и немалые, поверьте!). Поэтому борьба за трезвое поведение невозможна без национализации алкогольной промышленности, хотя бы частичной. Предприятия, ранее принадлежавшие государству, должны быть возвращены ему. Правительство, ответственное за судьбу страны, не может допустить бесконтрольного производства подобной продукции, хотя бы из соображений собственной безопасности.

Профилактика пьянства и алкоголизма может и должна включать в себя ограничительные акты. Любое лекарство в больших дозах – яд, поэтому применение медикаментов строго регламентируется. Алкоголь опаснее, чем лекарства – это психотропный допинг, его потребление нельзя пускать на самотёк. Безусловно, необходимо усиление правовой ответственности за нарушения, допускаемые в состоянии алкогольного опьянения (пьянство не оправдывает, а усугубляет наказание). Сюда же относится запрет не только на публичное распитие, но и на появление в общественных местах со спиртными напитками без маскирующей упаковки, чтобы не подавать дурного примера подросткам и не провоцировать находящихся в ремиссии алкоголиков на рецидив. Недавно введён запрет на продажу спиртного после 10 часов вечера, и это абсолютно правильно, ибо в такое время алкоголь покупают, чтобы добавить к тому, что уже выпито, что ведёт к росту травматизма и антиобщественных поступков. Вместе с тем необходимо ограничить утреннюю продажу водки, пива и др. спиртных напитков, поскольку их приобретают для опохмеления, а это, как известно, прямая дорога к развитию алкоголизма.

Естественно, невозможно будет обойтись без медицинских лечебных мер, прежде всего, расширения сети бесплатных государственных наркодиспансеров (с определённой долей платных услуг со стороны сертифицированных частных лечучреждений). В них нужно предусмотреть создание кабинетов генетического и психологического обследования с целью выявления лиц, предрасположенных к алкоголизму, и проведения с ними соответствующей работы. Развитие алкоголизма предсказуемо! Должна быть возрождена система лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП) для принудительного лечения алкоголиков на стадиях со снижением критической оценки своего состояния и негативизмом к лечению. Право усугублять свою болезнь и погибать от неё не относится к числу неотъемлемых прав человека.

Перечень полезных и эффективных мероприятий можно было бы и продолжить, но ясно и так – борьба за народную трезвость требует тщательно продуманной комплексной общероссийской программы, мощной государственной воли и – огромных капиталовложений. А действительно ли у правительства есть желание, решимость и средства наконец-то взяться за лечение наболевшей язвы общества? Ведь предстоит долгая, кропотливая, нудная и на первых порах неблагодарная работа. А не затеяна ли эта кампания для того, чтобы под барабанный бой попросту повесить тихой сапой акцизы и цены на спиртное для пополнения отощавшего госбюджета? Увы, благие намерения служат лучшим покрытием известной торной дороги в одно развесёлое, густонаселённое и хорошо отапливаемое место, куда с пьяным гоготом испокон веку радостно скатывается человечество.

Однако довольно пессимизма. Хочется верить, что у нового политического руководства нашей страны найдётся достаточно твёрдости и государственной воли для реализации планов оздоровления общества (если, конечно, громкие патриотические заявления не являлись обычным предвыборным пиаром), а у всех нас – желания всемерно содействовать этому; представьте себе, нас это тоже касается. Стоя у прилавков, забытых “злодейками с красивыми наклейками”, не мешало бы подсчитывать не только деньги в кошельке, но и возможные последствия – и не только для своего кармана. К сожалению, факт остаётся фактом: Россия и Алкоголизм вышли в финал турнира по олимпийской системе. Условия там, как известно, жёсткие – проигравший выбывает...

Георгий Иванович Абсава,
кандидат медицинских наук,
г. Москва

ЧЕЧНЯ ДОЛЖНА ВЕРНУТЬ РУССКИХ ИЗГНАННИКОВ

В мае 2011 года в специальном интервью, данном многочисленным представителям СМИ в Сколково, президент Д. А. Медведев выслушал предложение представителя Чечни: присвоить городу Грозному звание “Город воинской славы” за подвиги в годы Великой Отечественной войны. Д. А. Медведев с любезной улыбкой ответил, что готов рассмотреть этот вопрос.

Рассмотрим его и мы. Не был сдан фашистам, хотя частично Чечено-Ингушская АССР, как она тогда называлась, была ими захвачена. Нет сомнения, что многие чеченцы и ингуши доблестно воевали в рядах Красной Армии и по заслугам получили боевые награды. Но в самой республике картина была иной. М. Н. Полторанин, возглавлявший в девяностые годы госкомиссию по изучению и рассекречиванию закрытых документов, в книге “Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса” (М., 2011) называет конкретные цифры:

“За первые три года войны около 63 тысяч вайнахов дезертировали из армии и уклонились от призыва, схоронившись в горах. Они по сути открыли второй фронт на Кавказе против нашей страны: принимали немецких диверсантов-парашютистов и помогали им, грабили тыловые обозы, стреляли из засад в спины красноармейцев (только очень малая часть вайнахов участвовала в войне против фашистов – их семьи, как правило, не подлежали депортации). На захваченной у гитлеровцев карте Чечено-Ингушской АССР на немецком языке были отмечены пункты, куда фашисты поставили своим союзникам-вайнахам крупные партии оружия. Для повстанческой деятельности.

Пещеры с оружием нашли и разорили. Было уничтожено около двухсот крупных банд. Когда Красная Армия оттеснила врага, была проведена операция по выселению с Кавказа чеченцев и ингушей. Было изъято больше 20 тысяч огнестрельного оружия, в том числе около пяти тысяч винтовок, а также 479 пулемётов и автоматов”.

Таким образом, решение о депортации Сталин принял не из-за деспотического каприза, а по необходимости обезопасить тыл воюющей страны. М. Н. Полторанин, прямой свидетель сосуществования русских и чеченцев в Восточно-Казахстанской области, где тогда он жил, описывает голод военного и послевоенного времени. Голодом не специально вайнахов морили, через него прошла вся страна. Сердобольные русские женщины помогали переселенцам. А когда чеченцы обустроились, “тех, кто делился с ними куском хлеба, они стали грабить и насиловать”. Мужчин в обездоленных войной городах и посёлках было мало, какое-то время разбой оставался безнаказанным. Но вот развернулось строительство, появились “вербованные”. В Лениногорске соседи видели, как налётчики убили малолетнюю девочку, дочь погибшего фронтовика, которая не отдавала корову; в Усть-Каменогорске израненного на фронте милиционера обнаружили подвешенным за ноги вниз головой, с перерезанным горлом. Тут уж не поздоровилось чеченцам, начались погромы. На подавление беспорядков властям пришлось бросить солдат. Решение Президиума Верховного Совета 1956 г. “О восстановлении Чечено-Ингушской АССР” М. Н. Полторанин считает миной замедленного действия, заложенной популистом Хрущёвым и близорукими политиками. Вайнахи “хлынули на свою родину и с криками: “Нам Хрущёв разрешил!” – стали вышвыривать из домов русские, осетинские и аварские семьи. Начались кровавые столкновения. Дудаев и поднялся-то как раз на этой волне”.

Помимо книги Полторанина с большим фактическим материалом, есть и другие свидетельства. Например, небольшая книжечка авторского коллектива РИА “Новости”: “Чеченская трагедия. Кто виноват” (М., 1995 г., 112 стр., 50 000 экз.):

“Часть чеченцев влилась в теневую экономику и криминальные группы. Основная часть промышленного потенциала Чечни была создана и обслуживалась русским и русскоязычным населением. В 1991 г. российский парламент издал закон “О реабилитации репрессированных народов”. В марте 1991 г. правительство РФ выделило дополнительные ассигнования для Чечено-Ингушетии. На программу улучшения экологической обстановки в Грозном было выделено сто миллионов рублей – весьма значительная по тем временам сумма”. В результате этих и других “демократических благодетельств”, а также разрушения Советского Союза, власть в Чечне захватил Дудаев. “Национальные гвардейцы” Дудаева ворвались на заседание Верховного Совета Чечено-Ингушетии, избили более 40 депутатов, а председателя горсовета Грозного Виталия Куценко, много сделавшего для благоустройства чеченской столицы, убили, выбросив из окна. 1 ноября 1991 г. Дудаев обнародовал указ “Об объявлении суверенитета Чеченской Республики”. Маршал Е. Шапошников и министр обороны П. Грачёв передали Дудаеву 50% оружия российской армии, находившейся на территории Чечни. Начались массовые нападения на воинские части: “Прикрываясь женщинами и детьми, они врываются на территории (военных) городков, вели беспорядочную стрельбу, разворовывали военное имущество”. Тем временем Егор Гайдар в 1992–93 годах перегазил по трубам из России в Грозный около 20 млн тонн нефти. Переработанные в Грозном нефтепродукты в Россию не попадали, они вывозились за границу. Деньги поступали Дудаеву, а работники завода не получали зарплату. В Чечне был организован грабёж железнодорожных составов, проходивших по её территории, печатание фальшивых денег, организованы хищения астрономических сумм из российских банков с использованием фальшивых авизо и чеков. Пенсионеры не получали пенсий, поступавших из Москвы. “Республику вынужденно покинули сотни тысяч человек. Из большинства станиц было изгнано казачье население. Криминальные структуры стали, по сути, филиалами дудаевских служб. Здесь нашли убежище тысячи опасных уголовников. Масштабы преступности в Чечне в 1992–1994 годах точной оценке не поддаются. Большинство жертв – русские”. Повторим: это пишут не какие-то “русские националисты”, а журналисты РИА “Новости”. По словам председателя Комиссии ГД по расследованию событий в Чечне С. Говорухина, действия дуда-

евцев по отношению к русскому и русскоязычному населению характеризует только одно слово – “геноцид”.

В мае 1994 г. несколько сот жителей станицы Ассиновская, где прежде русские составляли большинство, направили коллективное письмо на имя президента России. В нём приведены некоторые из документальных фактов, потрясающих своей жестокостью:

– “избили, заколотили живьём в ящик, угнали машину; избили, приговаривая: “Дядя, мы работаем по графику. Каждая семья русских у нас в списке”. Угнали машину. Так русских лишали личного транспорта и возможности бежать от террора.

– Похищенная из своего дома восьмиклассница была зверски изнасилована группой из шести человек;

– вооружённые бандиты врываются в дом. Зверски избиты мать и бабушка. Тринадцатилетняя Оксана изнасилована и увезена.

– Изгнана из дома семья: мать, дочь и её трое детей. Их жильё захвачено чеченцами.

Этот выворачивающий душу перечень можно было бы продолжить. Ни один из преступников не был арестован. А ведь прямо на территории станицы размещалось отделение чеченской милиции, где работало около 60 сотрудников”.

В феврале 1995 г. было опубликовано открытое письмо русских жителей Наурского и Шелковского районов, ранее относившихся к Ставропольскому краю, а в 1957 г., без учёта мнения местного населения переданных в состав Чечено-Ингушетии. И снова, помимо экономического разорения до полной нищеты: “забит до смерти; расстрелян за рабочим столом; ранен и ослеп; зарезан и сожжён; зарезана бабушка 72 лет; похищен председатель (потребовали выкуп); похищена и убита; зарезаны; зарезаны”... Слёзная просьба десятков тысяч жителей: “Верните нас в Ставропольский край”.

“Таких обвинительных писем, леденящих душу свидетельств много. Только перечисление этих преступлений, совершённых в одном городе Грозный в 1992–1993 годах, занимает 156 машинописных страниц”. Нет ни сил, ни возможности и дальше цитировать то, что сами журналисты называли “потопом жестокости”.

А где же правозащитники? “Русских грабят, унижают, насилуют, а “правозащитники” почему-то этого не замечают. Но вот в апреле 1995 г. при взятии федеральными войсками села Самашки, в котором проживали члены тейпа Дудаева, боевики оказали отчаянное сопротивление. В результате в ходе операции погибли и мирные жители. Немедленно “общество “Мемориал” и депутаты Госдумы Лев Пономарёв, Анатолий Шабад и Сергей Ковалёв стали толковать у всех микрофонов о “страшных злодеяниях”, будто бы учинённых российскими солдатами. Станислав Говорухин побывал в Самашках. Причём обнаружился поразительный факт. В сообщении организации “Мемориал” Говорухин нашёл текстуальные совпадения с одной из дудаевских пропагандистских листовок! Количество жертв среди мирных жителей на порядок меньше, чем это пытались представить правозащитники. Сообщения же об артиллерийском обстреле села – чистый вымысел. Любопытно всё-таки, брали “правозащитнички” за основу дудаевский текст или сами писали листовки дудаевцам? Так или иначе, эти тартюфы процветают до сих пор.

Особого внимания заслуживает отношение чеченцев к участникам Великой Отечественной войны и их вдовам. В письме президенту приводится скорбный список ограбленных и избитых русских старух. Многие из этих старых женщин – вдовы солдат, погибших в Великую Отечественную войну. Кое-кто из них не выдерживал пережитых потрясений и издевательств, как это случилось, например, с инвалидом А. Климовой. Она умерла. А вот рассказывает вдова Героя Советского Союза Ивана Фёдоровича Сергеева – Екатерина Петровна: “В наш дом регулярно стали приходиться дудаевские боевики, требовать от Ивана Фёдоровича, чтобы он отдал им свои боевые награды, в первую очередь Золотую Звезду Героя. В январе 1993 года во время очередного такого визита мой муж жестоко был избит. Через несколько дней он скончался”... После этого бандиты насильно выселили вдову Героя из дома в сарай. Недаром в 1993 году на стене президентского дворца в Грозном красовалась издевательская надпись: “Не покупайте дом у тёти Маши, все дома и так будут наши”.

Как же тут президенту не призадуматься: уж не присвоить ли Грозному звание “Города воинской славы”?

В 1995 г. издана ещё одна книжка: “Криминальный режим. Чечня, 1991–1995 годы. Факты, документы, свидетельства” (М., изд. “Кодекс”, Объединённая редакция МВД РФ, 96 стр., тираж 30 000). Тем, кому нравится жить, прикрыв глаза на факты, лучше всё-таки узнать, что в интернате Грозного чеченские боевики изнасиловали детей и весь персонал, что они любили отрезать головы и вспарывать животы публично, что морги в Грозном были переполнены трупами, многие из которых были обезображены, а к военнопленным относились с особым садизмом.

Эти жуткие беды, казалось бы, далеки от центральной России. Но вот в московском метро женщина спрашивает дорогу. Желая помочь, подсказываю: указатели вверх. Она поворачивается, указывает на глаз: “Глаз потеряла, ребёнка потеряла в Чечне этой”, – и обзывает Чечню ругательным словом. Дома молоденькая девушка с неожиданной ненавистью нехорошо обругивает кавказцев. Зажигаясь советским интернационализмом и чувством справедливости, читаю ей мораль и узнаю следующее. На углу людного Ленинского проспекта летним солнечным днём она сошла с троллейбуса и пошла по улице. За ней с оскорбительными предложениями увязался молодой человек. Она воспользовалась правом любой девушки: не отвечая, уходила прочь. Он громко обругал её скверными словами. Она побежала. Он орал ей вслед: “Я всех вас, русских”... Это было обещание грубо использовать русских в сексуальных целях. Я ахнула: “Улица была полна людей? И не было ни одного русского мужчины?” Русские мужчины выросли и появились в Москве гораздо позже, на Манежной. По мнению толерантного президента, именно они там “нагадили”.

В настоящее время Наурский и Шелковской районы по-прежнему входят в Чечню. Проследим за изменением национального состава населения. Данные взяты с сайтов: [<http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnchechenia.html>]; [http://ru.wikipedia.org/wiki/Наурский_район]; [<http://www.naurchr.ru/nacionalnyysostav.html>].

В 1989 г. в Наурском районе проживало 27 583 чеченца и 16 589 русских; в 2008 г. – 49 065 чеченцев и 2 733 русских. Доля русских в общей численности населения сократилась в 7 раз. Зато были обнаружены массовые захоронения мирных жителей, а также пленных российских военнослужащих и заложников, содержавшихся в Чечне. Ряд населённых пунктов полностью покинут жителями.

В Шелковском районе в 1989 г. проживало 16 876 чеченцев и 14 180 русских; в 2002 г. число чеченцев составило 37 714, а русских и украинцев – 4 047 человек. В Шелковском районе также обнаружены массовые захоронения.

В многострадальной бывшей казачьей станице Ассиновской осквернена и сожжена церковь, где во время погрома 1992 г. над настоятелем надругались налётчики прямо у алтаря, а в 1997 г. был убит новый настоятель. В 1999 г. были похищены и убиты протоиерей и священник Никольского храма станицы. В письме Ельцину [<http://www.strana.ru/state/security/2001/07/11/994862354.html>] жители Ассиновской писали, что в 1992 г. русское население было 7 200 человек, в 1994 г. осталось 2 400 человек. По данным переписи 2002 г., в Ассиновской чеченцев вместе с ингушами 10 041 человек, русских вместе с украинцами – 163 человека.

В Грозном 1989 года русские с украинцами составляли 25,9% жителей, в 2002 году – 3,8%. В 2010 году в Чечне осталось 24 382 русских, 1,9% от всего населения. Вот что такое русский исход. Незаметно, чтобы такое положение дел заботило наших главных руководителей – президента и премьера, которых то и дело отображает телеэкран осеняющими себя крестами в далёких от Чечни российских церквях.

В России задают тон демократически снисходительные, безгранично толерантные. Они любят и уважают кого и что угодно, кроме собственной истории, своей земли и своего народа. Наша беда в том, что именно эти люди представляют реальную группу поддержки правящей прослойки и являются выразителями её мнения, советниками и носителями спускаемых сверху идей. Применительно к Кавказу это может выглядеть, например, так:

“Кавказ живёт по своим законам. Они всё равно сюда приезжают, у них здесь родственники, родители. Кто-то учится. Но после событий на Ма-

нежной они приезжают очень агрессивные” (“Школа злословия”, 23.05.2011).

Как же они виноваты, эти не стерпевшие беззакония после очередного убийства в столице нашей Родины Москве русские парни, собравшиеся на Манежной! Не понимают, что Кавказ живёт по своим законам.

Чеченцам широко открыт доступ к русской культуре и образованию. Много ли русских могут поступить в элитные вузы, откуда идёт дорога к управлению страной, в политику и дипломатический корпус? Чеченец может стать студентом МГИМО. И вот этот студент въезжает на джипе в Александровский сад и, покатавшись, останавливается у Вечного огня. А ведь сам президент к этому месту приходит пешком, в почтительном поклоне возлагает венок. Но что напишешь: человек из Чечни, у них там свои законы, их культура не обязывает уважать чужие святыни. Приехал, обзавёлся студенческим билетом, джипом — и на колёсах к Вечному огню, куда все ногами ходят. Джигит!

5 июня 2011 г. на радиостанции “Свобода” обсуждались проблемы Кавказа. Подчёркивалось, что “кавказская молодёжь не собирается терпеть антикавказские настроения русской молодёжи”. А через 5 дней прогремело сообщение об убийстве Юрия Буданова. Его тело с четырьмя смертельными ранениями в голову ещё лежало в ожидании ненужных сапёров (убийца среди бела дня, на виду, мгновенно сделал своё дело и немедленно скрылся), а уж Владимир Маркин, официальный представитель следствия, заявил, что “на данный момент никаких свидетельств о причастности к убийству этнических группировок нет. У стрелявшего славянская наружность”. Через неделю чеченские власти уже открыто собирали сведения о федеральных военнослужащих, воевавших в Чечне.

Полковник Буданов принимал участие в двух чеченских кампаниях. Он выделялся целеустремлённостью, твёрдостью характера и военными успехами. Имел боевые награды, в том числе орден Мужества, и две контузии. В недобрый час на него обратило внимание телевидение. Было показано, как Буданов под Рождество стрелял по чеченским позициям, сопровождая “посылки” выразительными словами. После смерти даже этим его укорил гость радиостанции РСН — “Русской службы новостей”. Видимо, он считал, что люди со смертельным врагом воюют без эмоций, стреляют спокойнее, чем в тире. Для боевиков Буданов стал занозой. Нужно помнить, в каких условиях проходила чеченская кампания. Часть российской элиты занималась мобилизацией федеральных войск, другая часть (к примеру, Константин Боровой) связывалась с руководством боевиков. Одни офицеры и генералы воевали, другие продавали боевикам оружие и информацию. Личный состав воинских подразделений полковника Буданова страдал от снайперских выстрелов. В то время среди чеченских боевиков действовали женщины-снайперши. Какое-то время они, нанося большой ущерб, оставались безнаказанными, поскольку русские “мирных” женщин не трогали. После того как снайперши были пойманы с поличным, солдаты их возненавидели и расправлялись с ними особенно жестоко.

Случилось так, что в день рождения дочери выпивший по этому случаю Буданов получил сообщение о женщине-снайпере. Эльза Кунгаева была из семьи человека со связями и ничего не боялась. У себя дома она была мирной жительницей; доказать ничего было нельзя, даже если она говорила, что стреляла и будет стрелять, ещё и до дочки его доберётся. Полковник вспыл и, вместо того чтобы сдать куда следует, увёз её в свою часть. Там её нашли раздетой и задушенной. Это было преступление, Буданова отдали под суд, лишили звания и заслуженных наград, вынесли приговор. С тех пор имя разжалованного полковника Буданова связывали только с именем убитой девушки, заслуг у него как бы не было, одно только преступление. Он отбыл положенный за преступление срок. Чеченцы продолжали угрожать Буданову. Он пережил покушения и через два года после освобождения был убит.

Полковник Юрий Буданов воевал и погиб от рук врага. Он был абсолютно уверен, что убил снайпершу. За то, что обстоятельства сделали его преступником, он ответил, и как воин он войдёт в историю. Вот почему ведущая РСН, лепетавшая о преступнике, на обращённый к слушателям вопрос: “Кто для вас Буданов: преступник или герой?” — получила 93% ответов: “Герой”.

Имеет смысл привести противоположную оценку некоторых известных лиц. Юлия Латынина заявила на радиостанции “Свобода”: “Это омерзительно. Героя сделали из человека, который ничего не делал кроме того, что убивал и насиловал. Потом приплели, что девушка была снайпером”. Его танцевать

пригласили или призвали воевать? Известно, что Буданов со своими подчинёнными по собственной инициативе спас подразделение разведчиков от чеченских боевиков, существ, разумеется, кротчайших. По логике Латыниной, в селе Буданов поехал не потому, что получил сведения о снайпере, который перестрелял его бойцов, а просто прогулки ради. Впрочем, иного ждуть от Латыниной не приходится. Перед началом войны в Южной Осетии она прямо-таки неистово восхваляла ум и политику Саакашвили, суля ему скорую победу в случае военных действий. А уж войска Саакашвили по его приказу никогда и никого не убивали и не насиловали, вся Южная Осетия это подтвердит.

Любопытные нюансы отметил А. Минкин. Когда мать увезённой Кунгаевой бросилась на поиски дочери, нашёлся один генерал, который стал ей в этом помогать. Нашёлся генерал! Сколько безобразий описано в прессе, когда ни одного сочувствующего генерала не сыщешь. А тут, в воюющем краю, когда пули сыплются и солдаты умирают, немедленно обнаружился нужный генерал. Не хочется думать, а приходится, что он был знакомым, этот генерал. С другой стороны, Буданов получил сведения о снайпере, стало быть, не было тайной, что его подчинённые становятся жертвой снайпера. Но если военные действия шли отдельно, а мирные жители к ним не имели отношения, только случайный, похожий на снайпера бандит к ним затесался, почему не проводилось расследование по этому поводу, почему никто не тряхнул, кроме Буданова, и генерала на такой случай не нашлось?

Это ещё не всё. Минкин утверждает, что подозреваемой в снайперской стрельбе была мать Эльзы Кунгаевой, но, поскольку той не было дома, Буданов схватил её дочь. Тем самым градус злодейства значительно повышается. Одно дело – снайперша, другое – её невинные дети. Но кто и когда слышал о матронах, пусть даже и чеченских, шастающих по кустам и пригоркам со снайперской винтовкой в руках? Это дело молодых и ловких. На допросе Буданов признался, говорит Минкин, что когда он хотел снять с девушки блузку, она царапалась и кусалась, – так одежда оказалась разорванной. Но это не допрос, возмущается Минкин. На допросе один сидит по одну сторону стола, другой – по другую, и ведёт допрос. Чувствительной душе Минкина неизвестно то, о чём СМИ давно оповестили население: тяжёлая снайперская винтовка, отдача при стрельбе оставляют след на теле. Так можно опознать снайпера. До чего всё-таки несправедлива жизнь: одни раздувают смертельный огонь, другие вынуждены гасить его противопоалом, сгорая в пламени, а третьи рассуждают об этом, как об игре за столом: “Вы снайпер?” – “Нет, что вы, как можно?”

Всех переплонула В. Новодворская, подруга Бороваго. Радиостанция “Эхо Москвы” предоставила ей возможность высказать своё “особое мнение”. В припадке политического бешенства Новодворская протрубила: “Пока Россия не перестанет быть империей, у неё дороги в будущее нет. Мы преступное государство, мы должны понять, что тут (на Кавказе) мы – гитлеровцы. Надо платить за грехи своих отцов и прадедов: зачем мы завоёвывали Кавказ?” Новодворская, как боевой слон, берёт на себя слишком много. Возможно, ей кажется, что она поспособствует отказу России от Кавказа. Надеется, что слабые души будут рвать на себе волосы и посыпать головы пеплом, ужасаясь грехам своих отцов и прадедов. На самом деле её безумные речи вызывают совсем другие чувства.

Государственная политика не может состоять в потакании одним за счёт других. Национальную рознь нельзя погасить, бесконечно пытаюсь умилистить тех, чьё сознание воспалено чувством национальной исключительности и вседозволенности.

Несмотря на некоторые уступки русским в области национальной идеологии со стороны верховной чеченской власти в обмен на щедрую материальную помощь (признание русских государствообразующим народом, восстановление некоторых разрушенных церквей), воспитание чеченской молодёжи продолжается в направлении её исключительности и противостояния русским. В Грозном 18.02.2011 г. открылась выставка, посвящённая депортации чеченского народа. Она рисует “страшную историю депортации, рассказ о нечеловеческих испытаниях, через которые прошёл чеченский народ, выселенный с родной земли”. О том, что “это был геноцид по этническому принципу, уничтожение чеченского народа”, нам пришлось услышать 26.02.2012 г. в передаче РСН от Рустама Тапаева, председателя “Союза чеченской молодёжи”. Он хотел “донести до россиян все ужасы этой акции”. Контраргументов (массовое дезертирство, бес-

чинство многочисленных банд в Ставрополье, откуда мужчины ушли на фронт, отказ выдавать разбойничьих соплеменников) Тапаев не признавал, о документах слышать не хотел. “Я беру данные от своих родственников. Мне не нужны архивы”, – вот и вся историческая правда. “Вот как жили! В шесть лет чеченец первый раз увидел масло!” – жаловался Тапаев. Смешное совпадение, но я тоже впервые увидела масло в эвакуации в шесть лет, а отец к тому времени уже погиб на фронте. В ответ на упрек в недостойном поведении чеченской молодёжи в России Тапаев бросил: “Чего же вы хотите?”

Нам понятно, в каком духе идёт воспитание чеченской молодёжи, и мы хотим, мы просто обязаны в этих условиях вспомнить недавнюю историю собственного народа. Вряд ли у нас у всех хватит терпения ни в коем случае “не создавать лишних помех в процессе мирного урегулирования чеченского кризиса”, как это некогда сделал председатель Госдумы Иван Петрович Рыбкин, запретивший предавать огласке итоги расследования парламентской комиссии, не передавший собранные документы в прокуратуру. Не все в России Рыбкины. Даже в Страсбурге известно, что “в Чечне с 1991-го по 1999 г. 80% погибших среди мирного населения составляли русские”, – об этом заявил на пресс-конференции 30 марта 2000 года Дмитрий Rogozin. Ужасающие факты русского геноцида, прямое зверство и переселение 131 тысячи человек, которых освободили от налогов, причём 50 тысяч получили дома, – разве это сопоставимо? Причём из ссылки чеченцев вернулось вдвое больше. Посмотрим в лицо фактам, собранным Александром Стреле (“Как это было? Довоенный геноцид русских в Чечне 1991–1994 гг.” [<http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/37-1-0-1060>]).

Число убитых в этот период оценивается комиссией Ст. Говорухина 40 тысячами. Около 90 тысяч русских женщин и детей было изнасиловано. 100 тысяч квартир и домов было захвачено.

Межнациональный мир в стране невозможен при унижении русских. Тем более в условиях, когда мелкие хищники выплещиваются на просторы России с воплями: “Мы всех вас, русских...” Русские – государствообразующая нация. Язык межнационального общения в России, государственный язык – русский. Культура, которая смогла объединить живущие в России народы, русская. Межрелигиозный мир возможен для тех религий, тех религиозных течений, которые на протяжении веков находились в согласии с русским православием. Жить своей, отдельной жизнью, традиции которой коренным образом противоречат русским, на территории России в течение значимого исторического времени никто не сможет и не будет. Ибо земля России прежде всего русская. А уж потом она и татарская, и чеченская, – в зависимости от того, сколько и какого народа на ней живёт.

Вести речь о страданиях, заслугах, славе чеченского народа станет возможным только после того, как в Чечне станут постоянно проживать тысячи изгнанных из неё русских.

Понятно, что с позиций пролитой крови справедливости не добиться. Но межнациональный мир и общее развитие возможны, если оставить распри позади, если исчезнет агрессия в отношении русских и нелепое дикарское чувство превосходства над русскими.

Неверен лозунг “Россия для русских”. Россия для всех её граждан, кто живёт на её территории, подчиняется её законам, служит России, любит и уважает Россию и её народ. Но Россия – русская страна (точно так же, как Франция – французская, а Германия – немецкая, несмотря на другие национальности и расы). Россия русская исторически, геополитически, традиционно, со своей собственной культурой. Россия в первую очередь русская страна, а уж потом многонациональная.

Совсем не обязательно быть русским. Будь хоть татарин, хоть еврей, хоть чеченец. Но жить в России можно только под двумя лозунгами, и оба они равноценны:

Мы – русские, и Мы – с русскими.

Прежде всего это должны понимать те, кто делает в России политику – российское руководство. А если этого руководство страной не понимает, скажите, пожалуйста, русское большинство, на что нам такое руководство?

Если, не дай Бог, не станет России, Чечня исчезнет, её просто сдует, развеет пылью по мировым дорогам. Но Россия наверняка выстоит, и русские вернуться в Чечню. А вот в каком качестве они вернуться, это зависит от чеченцев.

Елена Винокурова,
г. Москва

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“В БОРЬБЕ НЕРАВНОЙ ДВУХ СЕРДЕЦ”

У нас ведь всё от Пушкина...
Ф. Достоевский

Но есть, есть Божий Суд...
М. Лермонтов

Почти все значительные поэты Серебряного века, оставившие неизгладимый след в русской поэзии, вольно или невольно подражая Пушкину, мечтали о памятниках себе, любимым. “Мне бы памятник при жизни – полагается по чину” (В. Маяковский); “Я скоро мраморною стану” (А. Ахматова); “В России новой, но великой поставят идол мой двуликий” (В. Ходасевич); “Чтоб и моё степное пенье сумело бронзой прозвенеть” (С. Есенин); “Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен, кричите, буйствуйте, – его вам не свалить!” (В. Брюсов) и т. д.

Но властителям дум той эпохи мало было подобных напыщенных деклараций, каждый из них ещё претендовал на особое отношение к Пушкину, каждый желал, подобно Цветаевой, сказать “мой Пушкин”, “приватизируя” великого поэта, опуская его, в меру своего таланта (или в меру “своей испорченности”), до себя, до своей злобы дня, до своего положения в суетном мире “Серебряного века”, в мире революции и нэпа. Вспомним хотя бы об амикошонском разговоре “на равных” Маяковского с Пушкиным из стихотворения “Юбилейное”: **“У меня, да и у вас в запасе вечность”**; **“После смерти нам стоять почти что рядом”**; **“Я бы и агитки вам доверить мог”**... Всё вроде бы сказано в шутку, но тем не менее ясно, что с одним великим поэтом своего времени разговаривает другой великий и “талантливейший поэт советской эпохи”, и оба строят после революции новую жизнь.

Молодая Анна Ахматова создавала в своём воображении другого Пушкина, далёкого от “агиток”, но близкого ей:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных бродил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.*

*Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни (1912 г.)*

А позже она восхищалась Пушкиным за то, что он обладал правом “шутить, таинственно молчать и ногу ножкой называть”.

Это был “ахматовский”, но не “маяковский” Пушкин, и томик Парни он держал в руках не случайно, поскольку, как сообщает “Литературная энциклопедия” 1934 г., любимец Вольтера Парни был автор “**эротических и антирелигиозных поэм, которые определили его репутацию крайнего нечестивца и безбожника**”; “Война богов” и другие библейские поэмы П. были запрещены к переизданию во Франции”; “Христинада”, рукопись которой была выкуплена за большую сумму правительством реставрации и предана сожжению”; “Война богов” явилась одним из самых антихристианских произведений мировой литературы”; “Один из всех русских подражателей Парни Пушкин усвоил и эротическую, и антирелигиозную традицию его библейских поэм; некоторые места в “Гавриилиаде” являются почти буквальным переводом из них”. В других энциклопедиях стихи Парни удостоиваются эпитетов “непристойно кощунственные”, “порнографические” и т. д.

Но именно такой Пушкин, поклонник “эротомана” и “нечестивца” Парни, был идеалом поэта, нарисованного пером Ахматовой.

Валерий Брюсов, издавший во время расцвета поэзии Серебряного века в 1914 году стихи того же Парни в России, чрезвычайно высоко ценил ту часть творчества Пушкина, которая, по мнению Брюсова, была близка идеологии “чистого искусства”. Наверное, поэтому Брюсов в 1914–1916 годах дописал якобы недописанную новеллу Пушкина “Египетские ночи”, в которой Александр Сергеевич изобразил стихотворца-импровизатора, выполнившего заказ светской публики и сочинившего на глазах у неё поэму о трёх любовниках Клеопатры. Каждый из них купил право провести с пресыщенной наслаждениями владычицей Египта одну ночь на ложе любви, и каждый из них был обязан по прошествии своей ночи сложить голову на плаху. Поскольку стихотворная часть новеллы Пушкина обрывается на сцене заключения этой сделки трёх мужчин с Клеопатрой, то Валерий Брюсов не нашёл ничего лучшего, как изобразить все три сладострастные ночи со всеми подробностями переживаний участников этой сексуальной трагедии.

Но Брюсов, видимо, не знал размышлений Достоевского, который в разгар либеральных реформ 1861 года, когда в прессе разгорелась полемика по поводу “Египетских ночей” и человеческих достоинств Клеопатры, высказался об одном из участников полемики: “Он называет “Египетские ночи” “фрагментом” и не видит в них полноты, – в этом самом полном, самом законченном произведении нашей поэзии!”

Достоевский, в отличие от Брюсова, восхитившегося величием царственного жеста Клеопатры, называет её “гиеной”, которая “уже лизнула крови”, “самкой паука”, которая “съедает своего самца в минуту своей с ним сходимки”, но самая главная мысль Достоевского заключалась в другом, чего не видели ни Брюсов, ни все знаменитые поэтессы Серебряного века, создавшие такой культ Клеопатры, что петербургские деятели шоу-бизнеса эпохи 10-х годов XX века вылепили восковую фигуру царицы со змеей на груди и поместили её в стеклянный гроб на обозрение толпы. Александр Блок побывал в этом паноптикуме и написал в стихотворенье об этой восковой кукле: “Ты видишь ли теперь из гроба, что Русь, как Рим, пьяна тобой?”

Но вернёмся к Достоевскому:

“Замирая от своего восторга, царица торжественно произносит свою клятву... Нет, никогда поэзия не восходила до такой ужасной силы, до такой сосредоточенности в выражении пафоса! От выражения этого адского восторга царицы холодеет тело, замирает дух... и вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш Божественный Искупитель. Вам понятно становится и слово: “искупитель...” И странно была бы устроена душа наша, если б вся эта картина произвела бы только одно впечатление насчёт клубнички!”

Достоевский вдохновенно и убедительно доказал, что “Египетские ночи” написаны не “любителем клубнички” и не декадентом, не апологетом чистого

искусства, что пытались сделать дети Серебряного века, а православным христианином и человеком, душа которого тянется к евангельским истинам.

Один из отцов-основателей символизма Валерий Брюсов после революции забыл о своей попытке изобразить Пушкина как основоположника “чистого искусства” и в 1919 году составил тощий сборничек на жёлтой газетной бумаге “Стихотворения о свободе” и написал предисловие к нему. Конечно, в сборнике были стихи молодого Пушкина – ода “Вольность”, “Деревня”, “Кинжал”, “Послание к Чаадаеву” и все злые, саркастические и достаточно вульгарные и несправедливые по сути эпиграммы на Александра Первого, министра просвещения Голицына, Карамзина и других известных людей той эпохи. Специальный раздел занимают стихи, “приписываемые Пушкину”, вроде “Народ мы русский позабавим и у позорного столба кишкой последнего попа последнего царя удавим”. Из брюсовского предисловия явствует, что Пушкин **“узнал и глубоко почувствовал чудовищность русского самодержавия”**, что “Гавриилиада” – это **“поэма, высмеивающая религию, а по пути и самовластие”**. Но смешнее всего то, что Брюсов, в своё время возносивший в стихах хвалу скотоложеству, в комментариях к эпиграммам Пушкина, гневно осуждает “грубый разврат” и педерастические наклонности чиновников эпохи Александра I, упоминаемых в эпиграммах Пушкина.

Изо всех знаменитых поэтов Серебряного века самые сложные отношения с Пушкиным были у Александра Блока.

Знаменитая речь Александра Блока “О назначении поэта”, произнесённая 11 февраля 1921 года – в 84-ю годовщину смерти Пушкина, – была насыщена мистическими откровениями о сущности поэзии вообще: “Поэт – сын гармонии”, “на бездонных глубинах духа <...> катятся звуковые волны”. Эти волны хаоса надо заключить “в прочную и осязательную форму слова”, а потом “приведённые в гармонию звуки надлежит внести в мир”, где начинается поединок “поэта с чернью”, с “чиновниками” и “бюрократами” всех времён и народов. “Пушкин закреплял за чернью право устанавливать цензуру”, но, по уверению Блока, “никакая цензура в мире не может помешать этому основному делу поэзии”... К блоковской речи “О назначении поэта” примыкает и последнее стихотворенье Блока “Пушкинскому дому”:

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.*

*Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?*

Но Александр Пушкин не только символ “тайной свободы” и “сладости звуков”. Он много раз отдавал должное и русской государственности, и православию, что было уже чуждо Блоку, написавшему к тому времени “Двенадцать”, “Возмездие” и ставшую знаменитой статью “Интеллигенция и революция”.

Речь Блока исполнена в высоком мистическом стиле, однако он – истинное дитя символизма, – ни слова, к сожалению, не сказал о Пушкине как о народном русском поэте, как о поэте всемирном, как о великом русском историке, как о строителе нашего национального самосознания, как человеку евангелического склада, которому пускай не сразу, но всё-таки открылся свет Нагорной проповеди. Многое из такого Пушкина было чуждо великому поэту Серебряного века. Говоря о цензуре, стеснявшей Пушкина, Блок, естественно, не вспомнил о том, что сам Пушкин, страдавший от цензуры, но ужаснувшись зловонному потоку рыночной переводной литературы, хлынувшей в 30-е годы XIX века в Россию с буржуазного Запада, воззвал к обществу и к государству, требуя цензуры:

“Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская

власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?”

(“О записках Видока”. “Лит. газета”, 1830 г.)

“Тайная пушкинская свобода”, о чём так красиво писал Блок, связана с жертвами, которых “требует” от поэта “Аполлон”. (“Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...”). Но прошло уже 2 тысячи лет с тех пор, как после Аполлона в мир пришёл Христос. Об этом Александр Блок в своей возвышенной речи не вспомнил. Границы “тайной свободы” и “свободы” вообще поставлены поэту не “цензурой”, а евангелическими идеалами. Возможно, что Блок перед смертью вспомнил об этом, потому что разбил кочергой бюст Аполлона, стоявший в его кабинете, со словами: “Я хочу посмотреть, на сколько кусков развалится эта жирная рожа”.

У Александра Блока есть страшное стихотворенье (написанное в 1912 году, в разгар вакханалии Серебряного века), в котором наш великий поэт открывает тайну вдохновения, посещавшего его.

К МУЗЕ

*Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть,
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.*

Блоковская Муза (с большой буквы! – **Ст. К.**) не различает зла и добра (“зла, добра ли? Ты вся – не отсюда”), она служит только идолу красоты и, “соблазняя своей красотой” не только душу поэта, но и “ангелов”, несёт ему и “страшные ласки”, и “мученье”, и “ад”.

В награду за “вальсингамовское” поругание “священных заветов” Муза венчает голову поэта венцом отнюдь не Божественного происхождения:

*И когда ты смеёшься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг...*

Пурпуровой-серый круг над головой Музы – это не золотой нимб святости, а отблеск инога, зловещего пламени.

Ожидание визита Музы к Блоку очень похоже на ожидание Ахматовой ночного гостя, посланца из мира тьмы в стихотворенье “Какая есть. Желаю вам другую...”

Разница лишь в том, что тень из потустороннего мира, приходившая к Блоку, была женского рода, а к Ахматовой – мужского... И не случайно Ахматовой в “Поэме без героя” Александр Блок явился как **“Демон с улыбкой Тамары”**.

Александр Пушкин трезво осознавал свои человеческие слабости, искренне скорбел о своей мирской греховности:

*Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам.
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*

Но тот же самый Пушкин писал о себе: “Духовной жаждою томим” – в то время как большинство поэтов Серебряного века томилась не духовной, а “греховной жаждой”. И, видимо, ощущая эту болезнь, они тянулись к Пушкину, желая найти в его творчестве понимание и хоть какое-то оправдание своего отчаяния или своей греховности. И в этом смысле поучительна драма одного из самых значительных поэтов Серебряного века, который пытался преодолеть духовное отчаянье, хватаясь за античные идеалы красоты, и впал в вальсингамовское упоение чумным пиром:

*Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.*

*Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.*

*Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну а мне — соленой пеной
По губам.*

*По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.*

*Ой-ли, так ли, дуй ли, вей ли, —
Все равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино! (1931 г.)*

Не было рядом с Мандельштамом, когда он сочинял эти нарочито ёрнические стихи, православного батюшки, который сказал бы ему: **“Осип Эмильевич, Вы же хоть и лютеранского толка, но всё-таки христианин, зачем Вам эти эллины и вальсингамы, давайте лучше прочитаем “Отче наш”...**

В этом стихотворении Мандельштам обломки средиземноморского греческо-римского мира в отчаянье перемешал с приметамы нэповского и постнэповского хаоса. Для него, влюблённого в призрачные образы Эллады и Рима, стало настоящей катастрофой осознание реальности 20-х годов. Но в отличие от Пушкина Осипу Эмильевичу не явился “шестикрылый Серафим”, и для него не воссиял свет Евангелия.

Поэты Серебряного века тоже были детьми, участниками и даже творцами Революции, детьми незаконными или полузаконными, её пасынками и падчерицами, её бастардами. Фёдор Сологуб в то время печатал в популярном либеральном журнале “Перевал” свои сочинения о том, как отец соблазнил и сделал своей любовницей дочь, о том, как некая античная красавица выбежала на площадь древнегреческого города и стала отдаваться на глазах всего честного народа всем окружавшим её мужчинам. В результате этого группового секса она скончалась, и к её прекрасному телу подошёл юноша, давно и безнадежно вздыхавший о ней. Он и стал её последним любовником. Вот Фёдор Сологуб своими “афинскими ночами” попытался перешеголять Пушкина Клеопатрой и “ночами египетскими”. Разве знаменитый писатель такого рода картинами Сексуальной Революции не внёс свой вклад в разрушение “до основанья” старого мира?

Когда наступает эпоха Великой Революции, то в её русло — политическое, экономическое, культурное — вливаются и “сексуальная” революция, и “религиозная”, и “бытовая”. Как говорится, всё соединяется “в одном флаконе”.

* * *

Легкомыслие русских поэтов той эпохи порой бывало поразительным.

В конце мая 1919 г. в одном из номеров газеты “Известия” появилась короткая заметка: **“Модным лозунгом дня стало вынесение искусства на площадь <...> 28 мая на стенах Страстного монастыря объявились глазам москвичей новые письма весьма весёлого содержания: “Господи, отелись!”, “Граждане, бельё исподнее меняйте!” и т. д. за подписью группы имажинистов. В толпе собравшейся публики поднялось справедливое возмущение, принимавшее благоприятную форму для погромной агитации”.**

Вскоре после этой кощунственной выходки имажинисты взялись за переименования улиц: Большую Дмитровку назвали именем имажиниста Кусикова, Петровка стала улицей Мариенгофа, Большая Никитская получила имя Шершеневича, ну и самая главная улица Москвы, Тверская, целых три дня носила имя Есенина.

Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Кусиков были тоже детьми Серебряного века. Слова “перформанс” тогда не существовало, Гельман ещё не родился, но настроения среди творческой интеллигенции – вроде тех, которыми охвачены сегодня наши “пуськи-райки”, в годы революции были чрезвычайно сильны. Да что говорить, если крещёная русская женщина Марина Цветаева отвергала существование души (“да её никогда и не было, было тело, хотело жить”), если Владимир Маяковский кричал в своих стихах, словно обращаясь к какой-то уличной шпане:

*Я думал — ты всесильный божище,
А ты недоучка, крохотный божик,
Видишь, я нагибаюсь,
Из-за голенища
Достаю сапожный ножик.*

*Крылатые прохвосты!
Жмитесь в рай!
Ерошьте пёрышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
Отсюда до Аляски!*

Все они были хороши, даже осторожная Ахматова иногда проговаривалась о своих тайнах: “Дьявол не выдал, мне всё удалось...”

Так что почва для появления емельянов ярославских и демьянов бедных, а также для разрушения Страстного монастыря и прочих церквушек и храмов готовилась задолго до появления на исторической арене большевиков-безбожников. Но Есенин хоть покаяться успел:

*Ах, какая смешная потеря —
много в жизни смешных потерь!
Стыдно мне, что я в Бога верил,
горько мне, что не верю теперь...*

*Вот за это веселие мути,
отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
попросить тех, кто будет со мной:*

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
за неверие в благодать
положили меня в русской рубашке
под иконами умирать...*

Впрочем, он уже был в какой-то степени защищён от тёмных сил своими ранними поэмами – “Инонией”, “Иорданской голубицей”, “Сорокоуостом”, “Пантократором”.

В первую половину своей бурной и во многом легкомысленной молодости с пера Александра Пушкина слетели две неосторожные, но яркие сентенции. Одна в письме, написанном в ноябре 1825 г. своему старшему другу и даже в какой-то степени наставнику Петру Андреевичу Вяземскому по поводу сожалений последнего об утрате дневников Байрона: “Зачем ты жалеешь о потере записок Байрона? <...> толпа жадно читает исповеди, записки etc, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе”.

Второе суждение на ту же тему было высказано Пушкиным в том же году в заметках на полях статьи Вяземского “О жизни и сочинениях В. А. Озерова”, в которой Вяземский призывал писателей “согревать любовью к добродетели и воспалить ненавистью к пороку”. Пушкин вспыхнул: “Поэзия выше нравственности – или по крайней мере совсем иное дело. Господи Суси! Какое дело поэту до добродетели и порока? разве их одна поэтическая сторона”.

Один из архитекторов культа “оттепели” и хрущёвского шестидесятиничества А. Вознесенский в своё время с тинэйджерским восторгом ухватился, как за спасительную соломинку, за эти сказанные в полемической запальчивости пушкинские слова:

*Когда писал он Вяземскому
с искренностью пугавшей:
“Поэзия выше нравственности”,
читается — “выше вашей”!*

Стихи из книги, демонстративно названной “Соблазн”. Заодно в этой же книге Андрей Андреевич потревожил тень Пушкина, рассказав о его мимолётном романе с Анной Керн в следующих словах:

*Ах, как она совершила
Его на глазах у всех —
Россию завороживший
Смертельный грех.*

Особенно пикантно звучит здесь строка о “грехе”, “совершённом” “Аннушкой” (так называет её наш плейбой) “на глазах у всех”, словно действие происходило в скандальной в своё время передаче “За стеклом” на канале TV-6, ныне, слава Богу, исчезнувшей с экрана. Пушкин мог позволить себе поёрничать и в стихах и особенно в письмах, но до пошлостей он не опускался никогда. Конечно, соблазны мира сего велики, но особенно соблазнительны и живучи во все времена богоборческие соблазны. Почти все наши поэты Золотого века проходили через их горнило. Вспомним “Гавриилиаду” Пушкина, лермонтовского “Демона”, а заодно и его гусарские поэмы, пантеизм Тютчева и Фета. Но нельзя забывать о том, что все они завершали жизненный путь со словами и чувствами Нового завета. И эта грань была водоразделом между Золотым и Серебряным веком русской литературы. “Духом высокой средневековья” (по словам Юрия Кузнецова) было аскетичным до предела. Вплоть до костров инквизиции. Однако Возрождение, столь мощно повлиявшее на мировую жизнь и, в сущности, создавшее религию “прав человека”, отринув аскетизм средневековья, оживило все языческие начала, возвращавшие, направлявшие человеческую историю в дохристианские времена, окропило живой водой все ветхозаветные грехи и пороки. Нравы, утвердившиеся во время Ренессанса при дворе какого-нибудь Цезаря Борджиа, были похлеще, нежели нравы при дворе царя Ирода...

Духовное созревание Пушкина проходило с невероятной быстротой. В нём, казалось, одновременно жили, спорили друг с другом и искали взаимопонимания две ипостаси — чистого художника, для которого “поэзия выше нравственности”, и одновременно духовного пастыря общества. После рокового 25 декабря 1825 года Пушкин словно бы перерождается, осознав свою великую ответственность за каждый свой поступок, за каждую свою мысль и перед Богом, и перед Россией. Но основания к этому перерождению существовали и раньше. Почти одновременно с утверждением о том, что избранные (“Байрон”) могут быть “мерзки” и “подлы” — “но по-другому”, нежели “люди толпы”, поэт уже в поэме “Цыганы” (1824 г.) пришёл к осуждению такого рода гордыни, когда герой поэмы Алеко — человек из байронической породы избранных, вынужден признать высшую правоту старика-цыгана, человека “толпы”, сына “простонародья”:

*Оставь нас, гордый человек,
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Ты для себя лишь хочешь воли.
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел, — оставь же нас...*

В словах старика-цыгана, у которого “душа-христианка”, живёт евангельская истина о том, что для Бога все равны — и гении и простолюдины, и что кроме общественной нравственности миром правит другая, высшая сила, именуемая совестью.

Тайная связь нравственности и совести, совести и красоты, искусства и совести всю жизнь волновала Пушкина.

Вспомним, как простодушный Моцарт спрашивает своего коварного друга:

“Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?” – И сам с негодованием отвергает это предположение:

*Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство
Две вещи несовместные. Не правда ль?
(выделено мной. – Ст. К.)*

В финале трагедии Сальери, ошеломлённый внезапным пониманием того, что он не гений, поскольку замыслил убийство, в своём монологе растерянно повторяет Моцарта:

*Ты заснёшь
Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные.*

Но не выдерживает и срывается:

*Неправда!
А Бонаротти? или это сказка
Тупой бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?*

“Не правда ль?” – простодушно спрашивает Моцарт своего коварного друга, на что последний, уже попотчевавший друга смертельным ядом, то ли шепчет, то ли кричит самому себе: “Неправда” и цепляется за легенду, судорожно вспоминая, что Микеланджело Бонаротти якобы умертвил натурщика, чтобы естественнее изобразить умирающего Христа. Трагедия заканчивается вопросительным знаком, но поставлен он не Пушкиным, а Сальери.

На разных отрезках своей недолгой жизни Пушкин по-разному понимал соотношение красоты и совести, добра и зла. И всё-таки он, изначально осознавая различия между нравственностью и совестью, понимал, что “нравственность” есть нечто преходящее, развивающееся, отражающее условности общественной жизни, нечто меняющееся в связи с изменениями жизни человечества. “О, времена! О, нравы!” Эта латинская поговорка навсегда соединила нравственные начала с временами. То, что считалось обычным и естественным в языческие времена (рабство, бои гладиаторов, любовные развлечения Клеопатры, отношения между людьми в эпоху Декамерона и Бенвенуто Челлини, лозунги революции и гражданской войны вроде того, что “нравственно всё, что способствует победе пролетариата”), то неизбежно превращалось с течением времени в отработанный шлак истории. Помещик Троекуров и его крепостной крестьянин жили по разным нравственным установлениям. Совесть же, как Божественный дар всему человечеству, всем “временам и народам” и каждому человеку лично, является неиссякаемым источником высшего понимания жизни и вечной нашей надеждой на спасение.

Борис Годунов в трагедии Пушкина как государь и как покровитель всех своих подданных ведёт себя безупречно, то есть нравственно.

*Я думал свой народ
В довольствии и в славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать <...>
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы <...>
Я выстроил им новые жилища...*

И всё равно народ почему-то не принимает щедроты и благодеяния царя, в глубине души осознающего свою драму нечистой совести:

*Ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда!*

Годуновский монолог заканчивается знаменитыми словами: “Да, жалок тот, в ком совесть не чиста!”. Попробуем заменить в монологах Годунова “совесть” на “нравственность” – и почувствуем бесконечную разницу между этими вроде бы родственными понятиями.

“Угрызания совести”, “ни стыда ни совести”, “проснулась совесть”, “поступить по совести”, “моя совесть чиста” – ни в одном из этих примеров невозможно поменять “совесть” на “нравственность”.

Законы совести не пишутся отдельно для Пушкина и для Арины Родионовны, для великого Моцарта и скромного трактирного скрипача, для Бориса Годунова и безымянного юродивого. Поэзия выше нравственности? Мысль спорная. Однако “выше совести” поэзия быть не может. Нравственность может быть пособницей ханжества, или лицемерия, или резонёрства. Совесть же, как благородный металл, не вступает ни в какие соединения с этими “кислотами”.

Весьма своеобразно, но убедительно понимал нравственность Василий Васильевич Розанов:

“Я не враждебен нравственности <...> “Правила поведения” не имеют химического сродства с моей душою; и тут ничего нельзя сделать <...> Люди “с правилами поведения” всегда были мне противны, как деланные, как неумные <...> Но разве не в этом заключается мой восторг, что когда увидишь великодушного “нравственного” человека, которому тоже его “нравственность” не приходит на ум, а он таков от Бога”.

Нет никаких сомнений в том, что в данном случае Розанов говорит о совести, и его взгляд близок взгляду другого персонажа Серебряного века о том, что “книга есть кубический кусок горячей дымящейся совести – и больше ничего” (Б. Пастернак, 1922 г.)

Приблизительно в то же время (1918 год) Иван Бунин, осуждавший бессовестность и безбожность Серебряного века, напишет стихотворенье-молитву о России:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья
и лазурь, и полуденный зной.
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
“Был ли счастлив ты в жизни земной?”*

*И забуду я всё — вспомню только вот эти
полевые цветы меж колосьев и трав —
и от сладостных слёз не успею ответить,
к милосердным коленям припав.*

Вот такими молитвами-стихами Иван Бунин спасал свою душу от соблазнов Серебряного века.

* * *

Но дело даже не в том, что в своих статьях, письмах, заметках Пушкин последекабрьского периода выступает как защитник или даже как поборник нравственности. Это можно объяснить естественным после декабрьских потрясений 1825 г. изменением его взглядов на благотворную роль государства в смягчении общественных нравов, на его усилившийся скептицизм по отношению к революциям и бунтам, на его постепенное, но прочное вхождение в религиозно-духовный мир России. Однако, может быть, самым надёжным свидетельством пушкинского преображения является его творчество. Всё чаще и чаще в его поэзии, прозе, драматургии появляются герои, которые побеждают, овладевают любовью читателей, вознаграждаются за своё смирение, доброту, за верность чести и долгу, за то, что живут по совести. Это отец Гринёва и сам Гринёв, это вся семья Мироновых – сам комендант Белогорской крепости, его жена Егоровна, их дочь Маша*. Даже Савельич – верный крестьянский слуга молодого барина – своей преданностью весьма взбал-

* Изощёрнейший читатель и истолкователь пушкинского творчества В. В. Розанов писал: “Есть вид работы и службы, где нет барина и господина, владыки и раба: а все делают дело, делают гармонию, потому что она нужна <...> это понимал Пушкин, когда не ставил себя на капельку выше “капитана Миронова” (Белогорская крепость), и капитану было хорошо около Пушкина, и Пушкину было хорошо с капитаном”.

мошному барчуку симпатичен нам, как и трогательный в своём простодушии житель села Горюхина Иван Петрович Белкин.

Но как нам отвратителен коварный предатель Швабрин, человек без чести и без совести! Восхищаясь широтой души Пугачёва, мы одновременно ужасаемся его жестокости, его бесчеловечной способности проливать кровь людскую, как водицу... В конце концов, когда перед казнью он возвышается до покаяния и просит у православного народа прощения за своё «окаянство», мы скорбим, но понимаем, что так и должно было случиться. Много невинной крови пролил этот «сверхчеловек» из народа. Терпят жизненное поражение люди гордыни и власти – Годунов с Самозванцем, авантюристка Марина Мнишек, и в этом противостоянии добра и зла наши чувства обращены к смиренным евангельским людям русской истории – к летописцу Пимену, к юродивому Василию.

Чеченец с христианской душой Галуб терпит оскорбления от отца и от матери, но не желает жить по племенным законам кровной мести. Христианская кротость старика из сказки о золотой рыбке побеждает тщеславную алчность старухи. О маленьких трагедиях и говорить нечего. Судьба суперменов – Вальсингама, Дон Жуана, Сальери – печальна. Они, дерзнувшие восстать против совести, получают от сил тьмы по своим заслугам. Терпит поражение «в борьбе неравной двух сердец» убийца своего друга Онегин, а Татьяна выходит из этой драмы как идеал русской женщины для всех будущих времён. Герман из «Пиковой дамы», по злой воле которого погибает Лиза, кончает жизнь в сумасшедшем доме... Верность долгу Татьяны Лариной обезоруживает гордыню коллекционера женских сердец Онегина.

Одним словом, все сверхчеловеческие герои, живущие в алчности, в сознании своей избранности, в брезгливой неприязни к смиренным и кротким людям совести, остаются так или иначе наказанными судьбой, обстоятельствами жизни и высшей волей. Русская литература вышла отнюдь не из гоголевской «шинели», потому что ещё до Гоголя Пушкин определил и узаконил нравственную её линию, по которой дерзкие и своевольные натуры – Наполеон, Раскольников, Чичиков, Волохов, Базаров, чеховский Солёный из «Трёх сестёр» – и т. д., несущие в жизнь зло, мошенничество, насилие и кровь, в конце концов завершают свои судьбы по Священному писанию: «Мне отмщение и аз воздам». Да и с «Медным всадником» всё не так просто. **«Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?»** Слово «гордый», конечно, относится не к коню, а к всаднику, **«чьей волей роковой великий город основался»**... А что двигало всадником – гордыня или историческая необходимость – историки спорят до сих пор.

Пушкин в молодости добродушно иронизировал над европейскими романами XVIII века, которые читала Татьяна (а до Татьяны читала её матушка), за то, что в них герои и героини олицетворяли пороки и добродетели, за то, что они грешили наивным морализаторством:

*Питая жар чистойшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.*

Но Пушкин последекабрьского периода начинает утверждать в своём многожанровом творчестве изображение жизни с такими присадками дидактики и нравоучительности, над которыми он сам посмеивался в молодости, когда он разделал Вяземского, написавшего, что «искусство должно осуждать пороки и воспевать добродетели!» Так начинался его разговор о нравственности, которой закончился простыми и великими словами из «Памятника»: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал». О том, как стремительно развивалось мировоззрение Пушкина, как менялись его взгляды на свою судьбу, на историю России, свидетельствует сравнение двух важнейших в его эпистолярном наследии писем. Одно из них брату Льву, написанное в начале января 1824 года из Одессы:

«Ты знаешь, что я дважды просил о своём отпуске через его министров и два раза воспоследовал всемилоудивший отказ. Осталось одно – писать

прямо на его имя – такому-то в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости, не то взять трость и шляпу и поехать смотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпёж. *Ubi bene, ibi patria*. А мне bene там, где растёт трин-трава, братцы! Были бы деньги, а где мне их взять? Что до славы, то ею в России мудрёно пользоваться”.

Другое, знаменитое, сочинилось им в октябре 1836 года и предназначалось Чаадаеву: “Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

За эти годы, с 1824-го до 1836-го, Пушкин коренным образом изменил свои взгляды на историю России, на религию, на нравственность, на французскую революцию и революцию вообще, на политическую борьбу, на, говоря сегодняшним языком, семейные и традиционные ценности, на признание поэта в России и в мире. Более того, многие имена и события русской истории, которые в молодые годы были талантливо, но несправедливо осмеяны и унижены им в его запальчивых эпиграммах, письмах, беглых литературных заметках или разговорах (Александр Первый, Екатерина Вторая, Николай Первый, Карамзин, граф Уваров и т. д.), в более поздних размышлениях и сочинениях получали иную, исторически объективную и реабилитирующую их в глазах потомства оценку. Хотим мы этого или не хотим, но знаменитая идеологическая формула николаевской эпохи и вообще русского XIX века “Православие. Самодержавие. Народность” так или иначе была связана с этой тектонической эволюцией пушкинских взглядов. Но именно этой эволюции не хотели в упор видеть все незаурядные таланты Серебряного века, от Блока до Цветаевой, от Маяковского до Ходасевича. А между тем эта духовная эволюция ещё при жизни Пушкина была ясна пусть не многим, но самым пронзительным умам пушкинской эпохи – Вяземскому, Жуковскому, Гоголю, Смирновой-Россет и даже человеку, ставшему впоследствии политическим врагом Пушкина – Адаму Мицкевичу, который вскоре после смерти поэта вспомнил:

“Пушкин увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарён необыкновенною памятью, суждением верным, вкусом утончённым и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентарных прений. Я довольно близко и довольно долго знал русского поэта; находил я в нём характер слишком впечатлительный, а иногда легкомысленный, но всегда искренний, благородный и способный к сердечным излияниям. Погрешности его казались плодами обстоятельств, среди которых он жил: всё, что было в нём хорошего, вытекало из сердца. В этой эпохе он прошёл только часть того поприща, на которое был призван, ему было тридцать лет. Те, которые знали его в это время, замечали в нём значительную перемену. Вместо того, чтобы с жадностью пожирать романы и заграничные журналы, которые некогда занимали его исключительно, он ныне более любил вслушиваться в рассказы народных былин и песней и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву. Одновременно разговор его, в котором часто прорывались задатки будущих творений его, становился обдуманнее и степеннее. Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели. Очевидно, поддавался он внутреннему преобразованию”.

Другими словами писал в “Опавших листьях” об этом нравственном и необыкновенно питательном для души человеческой свойстве пушкинского творчества В. Розанов:

“Пушкин... Я его ел. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтёшь вновь; но это еда. Вошла в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов его, “когда для смертного умолкнет шумный день” – одинаково с 50-м псалмом (“Помилуй меня, Боже”). Так велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда”. И недаром высокомерные дети Серебряного века исключили Розанова из своего сектантского религиозно-философского общества. Такой Розанов и такой Пушкин им были не нужны и даже враждебны.

Марина Цветаева, несомненно, искренне любила и почитала Пушкина, преклонялась и перед его гением, и перед памятником на Тверском бульваре. Но тем не менее запах и очарование “цветов зла”, взращённых на серебряно-вековой почве, настолько властвовали её душой, что она в своём монологе “Искусство при свете совести” уравнила Пушкина с Вальсингамом, вернее, “опустила” его до Вальсингама, то есть на уровень Серебряного века:

“Пушкину, чтобы написать “Пир во время чумы”, нужно было быть Вальсингамом”; “Я самовольно отождествляю Пушкина с Вальсингамом и не отождествляю его со священником”; “Мы в песне – апогее Пира – уже утратили страх, мы из кары – делаем пир, из кары делаем дар <...> не в страхе Божьем растворяемся, а в блаженстве уничтожения”; “Гений Пушкина в том, что он противовеса Вальсингамову гимну, противостояя чуме не дал”...

Как все Сивиллы и Кассандры Серебряного века, Цветаева была зачарована высшими (или низшими) силами, которые и у неё, и у Александра Блока, и у Ахматовой назывались “стихиями”. **“Блаженство полной отдачи стихии, будь то Любовь, Чума – или как их ещё зовут”**. Но жить в стихиях и управляться со стихиями, когда они “накатывают”, могут только одержимые натуры. Поэтому **“одержимость”** (слово Цветаевой) – высшее свойство гения: **“В человека вселился демон. Судить демона (стихию)? Судить огонь, который сжигает дом?”** Но дойдя до этого рубежа, Цветаева понимает, что нужно дать последний бой той духовной силе, которая называется “совесть”, и бросается на неё в психическую атаку: **“Художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимость атрофии совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть. Чтобы быть хорошим (не вводить в соблазн малых сих), искусству пришлось бы отказаться от доброй половины всего себя”**; **“Само искусство – тот гений, в пользу которого мы исключаемся (выключаемся) из нравственного закона”**... Но тут, как говорится в русской народной пословице, “коготок увяз – всей птичке пропасть”, – Цветаевой приходится в угоду “стихиям” сделать последний шаг: **“Многобожие поэта. Я бы сказала: в лучшем случае христианский Бог входит в сонм его богов”**... Рубикон перейдён, и одержимым остаётся только с жестоковывным упорством умирать на этом рубеже, поскольку впереди бездна и отступить некуда. **“Права суда над поэтом никому не дам”**. **“Единственный суд над поэтом – само-суд”**...

Сам Пушкин, в отличие от “бесовской одержимости”, точно изображённой им в сновиденьи Гришки Отрепьева, говорил о “божественном глаголе”, о “слезах вдохновенья”, не более того. Одержимость (термин Цветаевой) была идеалом для избранников и избранниц Серебряного века. “Словно та, одержимая бесом, я на Брокен ночной неслась”; “Я пила её в капле каждой и бесовскою чёрной жаждой одержима, не знала, как мне разделиться с бесноватой”... (А. Ахматова) Христос относился к “одержимым” как к больным, как к “бесноватым”, исцелял их, изгонял из них бесов, которые вселялись в свиней и бросались в пропасть.

Пушкин не хуже наших сивилл знал, что поэтическое откровение рождается из особого состояния души:

*Пока не требует поэта
к священной жертве Аполлон,
в заботы суетного света
он малодушно погружён.
Молчит его святая лира,
душа вкушает холодный сон
и меж детей ничтожных мира,
быть может, всех ничтожней он.
Но лишь Божественный глагол
до слуха вещего коснётся...*

Серебряный век, лукаво склонявшийся перед Пушкиным, в сущности, бросил ему вызов устами Ахматовой:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Александр Сергеевич “знал”, что “сор” не заменит “Божественного глагола”, без прикосновения которого “молчит его святая лира”. Он не искал вдохновения ни в каком “соре”. Пушкин мог заявить в частном письме, что “поэзия должна быть глуповата” (а точнее — “простодушна”), но он никогда бы не написал своей рукой, что она должна быть (или может быть) “бесстыдной” и “бессовестной”. Помнится, что Цветаева в эссе “Искусство при свете совести” восхищалась тем, что в какой-то школе ученики старших классов пришли к выводу, что наиболее привлекательный герой в пушкинском “Борисе Годунове” — это Самозванец.

Пусть меня растерзают “фанаты” Марины Цветаевой и специалисты-профессора по Серебряному веку, но когда я увидел пляску наших “кассандр” перед алтарём в Храме Христа Спасителя, то подумал: “Одержимые!” “Накатило!”... “Стихия”, доведённая до площадного идиотизма. Какая-то чёрная частица этой бесовской одержимости есть и в жутком одновременном всплеске рук над головами тысячных залов во время концертов отечественных и зарубежных “поп-идолов”...

Ахматова обо всём этом сказала проще: “Поэтам вообще не пристали грехи”... Правда, Лермонтов мыслил иначе: **“Но есть, есть Божий Суд, наперсники разврата”**, поскольку он был из Золотого века...

Вот что ответил бы по этому поводу Марине Ивановне Цветаевой “Вальсингам-Пушкин”. **“Безнравственное сочинение есть то, коего целью и действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая её божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидлю”** (“Опровержение на критики”, 1830 г.)

“Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении. Но нравственное чувство, как и талант, даётся не всякому (...). Мысли, как и действия, разделяются на преступные и на не подлежащие никакой ответственности (...). Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности. Закон постигает одни преступления, оставляя слабости, пороки на совесть каждого. (...) Но французские писатели поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразие может быть целью поэзии, т. е. идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели, наказание порока были непремненным условием всякого их вымысла; нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие”. (“Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной так и отечественной”. 1836 г.)

“Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал своё имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием её была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека (...) наконец и он однажды в своей жизни становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободой излился в циничной поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана...” (“О ничтожестве литературы русской”. 1834 г.) В сущности, мысли, высказанные в этих отрывках, являются приговором Пушкина Серебряному веку.

Несомненно, что, размышляя об “Орлеанской девственнице” Вольтера, Пушкин имел в виду и свою поэму “Гавриилиада”. Возможно, что поэт вспоминал о ней же, когда писал: **“Многое желал бы я уничтожить, как недо-**

стойное и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрёк, на совести моей”.

Возможно, что и великое его стихотворение “Когда для смертного умолкнет шумный день” заканчивается строфой, в которой Пушкин говорит об этом тяжком грехе молодости:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

(выделено мной. — Ст. К.)

Совесь, власть которой над творцом отвергала Цветаева, мучила Александра Сергеевича. А потому о “Гавриилиаде” надо поговорить поподробнее.

* * *

В 1828 году слуги одного петербургского офицера написали жалобу петербургскому митрополиту Серафиму, что их хозяин читает им “развратное сочинение” под заглавием “Гавриилиада” и тем самым отвращает их от православной веры. Митрополиту была передана и рукопись поэмы, под которой стояла фамилия Пушкина. Скандал достиг ушей императора, который приказал разобраться в происшедшем. По указанию государя Пушкина допросили, чтобы выяснить, им ли была написана поэма, если им, то в каком году, имеется ли текст поэмы при нём. Пушкин ответил кратко: “1. Не мною; 2. В первый раз я видел Гавриилиаду в Лицее в 15-м или 16-м году и переписал её; не помню, куда дел её, но с тех пор не видел её. 3. Не имею. 10-ого класса Александр Пушкин”. Но государь остался недоволен подобным ответом и призвал члена комиссии, образованной для расследования дела о “Гавриилиаде”, вновь спросить у Пушкина: “От кого получил он в 15-м или 16-м году, находясь в лицее, упомянутую поэму, изъяснив, что открытие автора уничтожит всякое сомнение по поводу обращающихся экземпляров сего сочинения под именем Пушкина”. На этот вопрос Государю было отвечено так:

“1828 года, августа 19, нижеподписавшийся 10 класса Александр Пушкин вследствие высочайшего повеления, объявленного г. главнокомандующим в С.-Петербурге и Кронштадте, был призван к с.-петербургскому военному губернатору, спрашиваем, от кого именно получил поэму под названием Гавриилиада, показал: — Рукопись ходила между офицерами гусарского полка, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомяну. Мой же список сжёг я, вероятно, в 20-м году. Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне произведение жалкое и постыдное”.

28 августа Государь прочитал ответ Пушкина, после чего приказал: “Гр. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем”.

Измученный допросами поэт 1 сентября 1828 г. написал в письме П. Вяземскому: “Ты зовёшь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее, — “прямо, прямо на восток”. Мне навязалась на шею преглупая штука. До правительства дошла, наконец, Гавриилиада; приписывают её мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дм. Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами”.

Продолжение дела изложено в протоколе комиссии так: “Главнокомандующий в С.-Петербурге и Кронштадте, исполнив вышеупомянутую собственноручную его величества отметку, требовал от Пушкина, чтобы он, видя такое к себе благоснисхождение его величества, не отговаривался от объявления истины, и что Пушкин по довольном молчании и размышлении спрашивал: позволено ли будет ему написать прямо государю императору, и получив на

сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо и, запечатав оное, вручил графу Толстому. Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству, донося и о том, что графом Толстым комиссии сообщено”.

Письмо Пушкина государю хранилось в тайне в императорских, а потом в советских архивах более 160 и лет и лишь недавно было найдено и опубликовано в начале нашей перестройки. Пушкин признал в письме свое авторство. . .

Итак, Александр Пушкин трижды отрёкся от “Гавриилиады” и сообщил Вяземскому, что автором поэмы был якобы покойный к тому времени князь Дм. Горчаков. Но это было вынужденным лукавством.

Валерий Брюсов, справедливо посчитавший, что автором “Гавриилиады” всё-таки является Пушкин (“до подвига, совершённого самим Пушкиным, никто не мог написать такой поэмы по-русски: не существовало для того ни языка, ни стиха”), полагает, что причины к “несознанке” были вескими: Пушкина только что государь вернул из ссылки, а тут новое обвинение. Кроме того, он был влюблён в Гончарову и готов был сделать ей предложение – а тут его обвиняют, что он автор богохульной поэмы. . . “Рушилась надежда на брак с Гончаровой”. Но на мой взгляд, в этой истории больше всего Пушкина терзали не опасности, грозящие ему со стороны императора или семьи Гончаровых, а угрозы собственного стыда и собственной совести за совершённое по молодому легкомыслию кощунство. О том свидетельствуют многие современники поэта. **“Я помню, как Пушкин глубоко горевал и сердился при всяком, даже нечаянном напоминании об этой прелестной пакости”** (из воспоминаний С. А. Соболевского). “Я помню, как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме и стал было читать из неё отрывок; Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой тупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости. И ежели у него ещё иногда прорывались наружу неумеренные страсти, то мировоззрение его изменилось уже вполне и бесповоротно. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий” (М. Ю. Юзефович. Воспоминания о Пушкине).

Из воспоминаний А. Никитенко:

“Авр. С. Норов рассказал мне следующий анекдот о Пушкине. Норов встретился с ним за год или полтора до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина Туманский. Он сказал поэту: “Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжёг твою рукописную поэму”. Дело в том, что Туманский дал Норову прочесть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина. В комнате тогда топился камин, и Норов по прочтении пьесы тут же бросил её в огонь. – “Нет, – сказал Пушкин, – я этого не знал, а узнав теперь, вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такую гадостью, настоящий мой враг”.

И вообще, размышления о своей греховности и о болящей совести являются своеобразным завещанием Пушкина потомкам. На публикацию “Гавриилиады” с пушкинских времён и до февральской революции 1917 года был наложен и светской и церковной цензурой строжайший запрет. Но сразу после Февраля семнадцатого, как и положено после любой революции, начиная с той и кончая революцией 1991–1993 гг., цензура отменяется и начинается вакханалия “свободы слова”. И как по сему торжествовал сын Серебряного века Владислав Ходасевич в своей статье “О “Гавриилиаде”!

“Осенью 1822 г. в Кишинёве Бессарабской губернии Россия в лице Пушкина, создавшего “Гавриилиаду”, пережила Ренессанс”.

“Только через восемьдесят один год после смерти Пушкина вышла “Гавриилиада”, отпечатанная в России, без сокращений и пропусков. Она была под запретом, и читали её полностью лишь немногие, кому удавалось достать экземпляр заграничных изданий поэмы”.

“Всемирно русскому обществу пора, наконец, знать Пушкина, а чтобы знать поэта, его раньше надо прочитать всего, без изъятий”.

“Она объявлялась, во-первых, кощунственной, во-вторых, непристойной”.

“Пушкин, когда писал “Гавриилиаду”, не веровал вовсе”, “как художник он равнодушно внимал “добро и зло”.

“Счастливы тот, кто в самом грехе и зле мог обретать и ведать эту чистую красоту”.

Пушкин стыдился своего тяжкого греха – “Гавриилиады”, Ходасевич радуется бесстыдству времени, позволившего “богохульное и непристойное” произведение сделать достоянием общества. Отцы-основатели Серебряного века, а потом их дети и внуки, вся цепочка имён вплоть до Вознесенского, нащупав болезненные, греховные изъяны в пушкинском творчестве, словно мухи, облепили его незаживающие раны, не понимая, что самым строгим цензором по отношению к себе был сам Пушкин. Он пытался вычеркнуть из истории и из своей памяти “Гавриилиаду”, но во времена всех последующих революций каждая новая “волна литературной черни”, игнорируя волю поэта, устраивала свои шабаши, в который раз опуская Пушкина до самих себя. Можно ещё вспомнить о том, что и гусарские поэмы Лермонтова, более непристойные, нежели “Гавриилиада”, впервые были в России опубликованы в 1913 году – в разгар “серебряновекового” аморализма с большими купюрами, а полностью в наше подлое время – в 1991 году под названием “Эротические стихи Лермонтова”. Поневоле, думая о разнице между Пушкиным и его апологетами из Серебряного века и “оттепели”, радуясь, что он, как и они сами, “мал и мерзок”, приходится вспомнить завершение его мысли: **“врёт, подлецы; он и мал и мерзок не так, как вы – иначе”**. В первую очередь хотя бы потому, что его душа была открыта для покаяния.

В 1921 году в Петербурге вышел маленький сборничек, составленный из выступлений литераторов Серебряного века, посвящённый 84-й годовщине со дня смерти Пушкина, в котором были опубликованы стихи Кузмина, речь Блока “О назначении поэта”, речь В. Ходасевича “Колеблемый треножник”, речь Эйхенбаума о поэтике Пушкина. Но все они, вольно или невольно, умолчали и не решились сказать в эпоху революционного террора и гражданской войны, в преддверии ленинского гонения на церковь о том, что бесстрашно сказал самый старший из выступавших – знаменитый адвокат, юрист и православный человек А. Ф. Кони: **“Своим пронизательным умом и чутким сердцем Пушкин сознавал, что в осуществлении справедливости в связи с деятельной любовью нравственный долг сливается с руководящим велением христианства, предписывающего возлюбить ближнего, как самого себя”**. Говоря это, старик Кони скорее всего вспоминал одно из последних пушкинских стихотворений – переложение молитвы Ефрема Сирина, читаемой в Великий пост, и в то грозное время не нужное ни коммунистам, ни символистам, ни футуристам, ни акмеистам, ни всем прочим революционерам из разных сфер великой и жёсткой эпохи:

*Отцы пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем возлететь во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья.
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи...*

Эти волшебные по простодушию строки могли бы сочинить – Пимен-лептописец, Иван Петрович Белкин, безымянный священник из “Пира во время чумы”, старик рыбак из “Сказки о золотой рыбке” и многие другие персонажи пушкинской вселенной, если бы они обладали его гениальностью.

“Поэма без героя” наполнена предчувствием того, что на бал-маскарад “творческой интеллигенции” 1913 года должен вот-вот явиться “владыка мра-

ка”, “князь тьмы”, “Воланд той эпохи”. Но является всего лишь Блок, похожий на “Демона”, за ним Кузмин — “Сам изящнейший Сатана”, ряженные “содомские Лоты”, “Калиостро” с “Мефистофелем”, а настоящего хозяина шабаша всё нет и нет. . .

Но Александр Сергеевич знал, где он обитает и что его место отнюдь не на земных шоу “во время чумы”. Пушкин не опускался до того, чтобы кокетничать и играть с Владыкой тьмы в маскарадные игры:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диавол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геены жадной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожжёт уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*

Именно такой Пушкин, написавший незадолго до смерти такие стихотворенья, был не нужен и даже чужд Маяковскому, Ахматовой, Кузмину, Цветаевой, Ходасевичу. И даже Блоку.

Что же касается “красоты, которая спасёт мир” и которой поклонялись поэты Серебряного века, то соблазны этой языческой и греховной красоты были ведомы Пушкину более, чем кому-либо. Он знал цену этой красоте, освобождённой от совести, когда вспоминал свои первые “впечатления бытия”, свои прогулки по аллеям в окружении мраморных фигур в садах Царскосельского лица:

*Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.*

*Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.*

*Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.*

Один из этих “идолов” (“бесов”, “демонов” и т. д.) — Аполлон. Другой то ли Дионис, то ли Афродита. . . Пушкин знал, что дохристианский мир купался в море красоты, которое одновременно было морем крови, зла, растления и порока. И эта красота не могла **спасти** мир, а поэтому и произошло чудо — явление **Спасителя**. Мир спасла совесть.

* * *

В пятидесятые годы, когда я заканчивал среднюю школу, мы изучали Пушкина вроде бы неплохо: учили наизусть стихотворенья и отрывки из поэм, за что я до сих пор благодарен своим учителям; писали сочинения на самые разные темы, сочинения, может быть, не особенно оригинальные, но в то же время и необходимые; не говорю уже о том, что читали мы Пушкина в несравненно большем объёме, нежели нынешние школьники. . . И однако, однако был один очень большой минус в добротном изучении Пушкина тех лет: все учебники и все учителя, вся методика внушала нам, что Пушкин необычайно светел, понятен, общедоступен настолько, что и раздумывать о его творчестве нечего: он сам всё нам разжевал, сам всё объяснил, и наша задача лишь усвоить это общедоступное знание.

И помнится, что я был крайне поражён, когда впервые прочитал у Достоевского: “**По-моему, Пушкина мы ещё и не начинали узнавать: это гений, опередивший русское сознание ещё слишком надолго**”. А несколько по-

зднее мою школярскую самоуверенность смутило глубокое пророчество Гоголя о том, что **“Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа; это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет”**. Всё вроде бы солнечно, ясно, просто — и вдруг аж через двести лет только всё определится: вырастет русский человек до идеала, очерченного Пушкиным, или нет...

* * *

Сколько бы раз я ни перечитывал Пушкина — всегда заново в моей душе из каких-то неведомых глубин поднимается волна восторга, рождаемого вещными строками:

*Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущённые народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.*

Это сказано не только о Великой французской революции, не только об Отечественной войне 1812 года, не только о пушкинском времени — но о судьбах всех времён, всех революций, всех поколений. Пушкин — угадчик, толкователь неясного и таинственного гула, сопровождающего исторические сдвиги, выразитель сверхчеловеческих идей, которыми движется история. Он чувствовал её ход и движение, как гениальный геолог чувствует подземное перемещение земных материков, на которых живут обычные люди, не подозревающие того, что ни одна точка земной тверди не находится в полном покое.

В мировой истории, по Пушкину, герои и великие люди величественны не сами по себе, не потому что они сильные натуры, деятели и авантюристы — нет, каждый из них есть воплощение некой мировой идеи, сосредоточившей волю народа или волю государства, волю искусства или волю фанатизма, волю зла или волю добра. Таковы у него владыка Запада Наполеон и Магомет, Емельян Пугачёв и Моцарт, Борис Годунов и Пётр Великий, превращающийся на протяжении пушкинского творчества в Медного Всадника, христианин Тазит и супермен Герман.

И вот это не механическое, а живое проникновение в недра человеческой истории, в глубины народного духа, в “святая святых” есть урок нашему искусству, упрощающему ради сиюминутных интересов (злоба дня, массовая культура, классовые догмы, узкопартийные страсти, демагогия “народных витий”) сложнейшие отношения духа и материи, вождя и народа, человека и общества.

*Смотри, вокруг тебя
Всё новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколенья.
Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свести приход.*

Нет, торопливо свести с расходом приход невозможно, как невозможно, глядя в прошлое и рассуждая, кто прав, кто виноват, на уровне узкого юридического мышления постигнуть сущность “игралища таинственной игры”, когда свобода, защищаясь и проливая кровь, перерождается в тиранию, гений — в злодейство, справедливость — во зло и насилие. А Пушкин понимал это уже в свои двадцать пять лет, когда в год Декабрьского восстания в стихотвореньи “Андрей Шенье” писал:

*Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство.
И мы воскликнули: Блаженство!*

*О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари...*

И это не просто мозаика из взаимоисключающих воззрений и картин, не пресловутый плюрализм, а художественно цельное исследование громадного Тела Человечества, где всё органически взаимосвязано перетекающими и перерождающимися друг в друга потоками энергии, воли, крови и духа.

Объять всё многообразие стихийной жизни человечества, остаться цельным, не впадая в соблазнительную односторонность, можно лишь беспристрастным научным анализом либо художественным взором. Кем был Пушкин? Певцом государственности? Избранником чистого искусства? Странником народной жизни? Апологетом декабристов? Кто его любимые сердцу герои? Воины 1812 года? Аполлон? Чиновник Евгений? Пимен-летописец? Капитанская дочка?

Я не раз вспоминал, как известный пушкинист Сергей Михайлович Бонди, желая озадачить нас, желторотых первокурсников филологического факультета МГУ, на первой же лекции по Пушкину поднялся на трибуну и с вызовом обратился к аудитории: “Ну как вы считаете: Пугачёв – патриот?” – “Патриот!” – раздалось несколько нестройных голосов. “А капитан Миронов патриот?” – “Патриот!” – “Ну теперь объясните мне, почему один патриот повесил другого патриота?..”

Толкование истории как процесса, развивающегося по какому-либо “ведомственному” руслу – классовому, групповому, партийному, сектантскому – опасно тем, что упрощает смысл человеческого бытия. Его носители высокомерно полагают, что для избавления от бед есть простые и эффективные пути, чаще всего насильственного свойства, вступают на них без сомнений и тем самым быстро увеличивают количество бед и несчастий, от которых мечтали вроде бы избавить мир. Именно о носителях таких взглядов с горьким чувством сказал в своё время Пушкин: “Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка”.

Цельность взгляда на мир была для Пушкина неразрывно связана с красотой сего мира. Пушкин, конечно, понимал, что, допустим, Петр I – не меньший тиран, нежели все другие, что его указы написаны кнутом крепостника, что Петербург построен на народных костях, что под копытами Медного Кентавра погиб не один Евгений, а много ему подобных. И тем не менее, подводя окончательный исторический итог деятельности Петра, преодолевая соблазны осуждения или оправдания с той или иной частной точки зрения, поэт создаёт облик героя как бы с точки зрения вечной.

*Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
— За дело, с Богом! — Из шатра,
Толпой любимцев окружённый,
Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.*

Проходит время, и, любуясь сокровищами Грановитой палаты либо египетскими пирамидами, мы не мучим свою совесть вопросом: а чего это стоило? Мы просто любуемся ими.

Потому-то у Пушкина прекрасно всё, что касается Петра: и “**царский пир его прекрасен**”, и прекрасен город, возведенный им с “**однообразной красотью пехотных ратей и коней**”, прекрасен и памятник герою Полтавы:

*Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?*

Но в обоих отрывках – из “Полтавы” и “Медного Всадника” – рядом со словом “прекрасен”, как близнец, стоит слово “ужасен”. Даже в этом, словно в капле воды, отразилась пушкинская воля к изображению цельности мира, роковой взаимосвязи свободы и тирании, личности и государства гуманизма и бесчеловечия. Пушкин наслаждается, восхищается, поражается тайной взаимосвязью внешне враждующих исторических сил, и на наших глазах происходит нечто подобное чуду, когда человеческий гений изящным художественным усилием постигает импульсы мировой истории. *“Так тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат”*. Под пером Пушкина история ведёт себя, словно булат под ударами тяжкого молота: не разлетается вдребезги, а становится текучей, ковкой и принимает единственно необходимые формы, выражающие её сущность. Разве это не урок для нашего сознания, упрямо желающего сегодня постичь исторические события лишь в одной выгодной для нас ипостаси, когда злорада прошедшего дня лишь на время опровергается злобой дня настоящего. . .

Инстинкт Совести всегда спасал Пушкина от соблазна выбрать какой-либо простой и удобный, понятный для общественного мнения вариант толкования истории. Он никогда не хотел и не умел потрафлять вкусам моды, желаниям толпы, диктату сильных мира сего. Недаром, когда его философия истории окончательно сформировалась, и сознавая, что её глубина – глубина “Медного Всадника” и “Бориса Годунова” – не по плечу общественному мнению, окружавшему его, сознавая, что его не поймут – и что это неизбежно, Пушкин в 1829 году писал в набросках предисловия к “Борису Годунову”: *“Я выступаю перед публикой, изменив свою раннюю манеру. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ишу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда её любимцев. . .”* Для такого шага необходимо – мужество. Мужество это может быть рождено лишь любовью к истине. И вот этот завет Пушкина – служить Истине, а не моде, остаётся вечным уроком для русских поэтов.

* * *

Богатство, цельность, гармоничность, таинственность пушкинского мира, собственно, и были главной причиной того, что в разные периоды нашей истории всяческие разрушительные силы объявляли ему войну, ибо этот мир никак не вписывался в их узкое и всегда ущербное понимание жизни.

Очередной (после нападков нарождающейся буржуазной журналистики в лице Булгарина, Греча, Сенковского) натиск пушкинскому наследию пришлось выдержать со стороны нигилистов-шестидесятников, наиболее ярким и талантливым идеологом которых был публицист Д. Писарев. “Польза”, “прагматизм”, “ближайшие социальные задачи” – вот что было написано на знамёнах этого яркого, но культурно неполноценного поколения. Однако его “архиреволюционность” не выдержала творческого спора с гигантами русской художественной мысли – Достоевским, Тургеневым, Тютчевым, Львом Толстым, которые и в практике, и в теории продолжили и укрепили пушкинскую традицию. Венцом этой борьбы стала речь Фёдора Михайловича Достоевского, произнесённая им в год открытия памятника Пушкину в Москве. Достоевский высмеял прагматиков, утверждавших, что Пушкин – апологет чистого искусства, и, заглянув в будущее, объединил явление Пушкина со всемирно-историческим предназначением всей грядущей русской истории: *“Не было поэта с такой всемирной отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов. . . Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо. . . тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила”*. Достоевский, что стало ясно сейчас, переоценил духовную мощь человечества, но тогда речь эта как бы подытожила поражение волны антипушкинских сил середины прошлого века. Однако прошло всего несколько десятилетий – и следующая волна цивилизованного варварства обрушилась на, казалось бы, надёжно защищённую всей русской классикой наследие Пушкина.

“Сбросим Пушкина с парохода современности” – таков был расхожий лозунг многих “революционеров от культуры” Серебряного века. Поэзия всё бо-

лее и более теряла свою цельность, дробилась на узкие кастовые агрессивные течения — футуристов, акмеистов, символистов, скоропалительно теряя при этом общенародные черты и неуютно чувствуя себя рядом с материком пушкинской культуры. Да и писателям, близким социал-демократии, также не хватало понимания пушкинской широты. Но ниспровергатели гения добились лишь того, что сейчас, листая газеты и журналы тех времён с лихими выпадами против Пушкина, мы вспоминаем лишь его слова, как будто специально оставленные им потомству для подобных случаев: *“Легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве”*. Но и после революции двадцатые и тридцатые годы не сулили пушкинскому наследию ничего хорошего.

И дело не только в том, что узкоклассовый, вульгарный подход безмерно умалял величие и значение пушкинского творчества. А это упрощение Пушкина было узаконенным в двадцатые-тридцатые годы; даже такой образованный человек, как нарком просвещения А. Луначарский, в своих статьях всячески втискивал Пушкина в вульгарно-классовое прокрустово ложе: *“Пушкин не покинул до конца аристократических позиций”*; *“переход с барских позиций на буржуазные”*; *“Пушкин... поднимается, в сущности, до гегелевской постановки вопроса...”*. Но это ещё, как говорится, полбеда. Не такие бури пролетели над пушкинским миром! Вся беда в том, что ни Ходасевич, ни Блок, ни Есенин, предвидя одичание культуры, цензурные козни нарождающейся чиновничьей бюрократии, не предвидели одного: что в ближайшие годы будет осуществлена попытка буквального разрушения пушкинского мира, его материальных форм, попытка полного пересмотра русской истории, служившей фундаментом всему пушкинскому творчеству...

Дело в том, что к концу двадцатых годов в нашей идеологической системе сформировались антинациональные силы, создавшие концепцию, по которой за все многовековые грехи феодально-самодержавного, крепостнического периода нашей истории предъявлялся политический и идеологический счёт русскому народу и русской культуре. Они как бы объявлялись ответственными за всё несовершенство минувшего тысячелетия. Эта антирусская, антинациональная в своих крайних формах идеология оправдывала жестокие репрессии по отношению к русскому крестьянству как к реакционному классу, оправдывала разрушение великих памятников русской культуры и истории, якобы обслуживавших идеологию самодержавия, объявляла русский национальный характер консервативным, бездеятельным, неспособным к строительству нового общества. Вот, к примеру, какую программу культурного строительства развёртывала перед читателем массовая пресса того времени:

“Пора убрать исторический мусор с площадей. В этой области у нас накопилось немало курьезов. Ещё в прошлом году в Киеве стоял (а может быть, скорее всего и по сей день стоит) чугунный “святой” князь Владимир.

В Москве напротив Мавзолея Ленина и не думают убираться восвояси “гражданин Минин и князь Пожарский” — представители боярско-торгового союза, заключённого 318 лет тому назад на предмет удуренья крестьянской войны. Скажут: мелочь, пустяки, ничему не мешают эти куклы, однако почему-то всякая революция при всём том, что у неё были дела поважнее, всегда начинается с разрушения памятников. Это вопрос революционной символики, и её надо строить планоно, рационально. Уцелел ряд монументов, при идеологической однозности не имеющих никакой художественной ценности или вовсе безобразных — ложно классический мартосовский “Минин-Пожарский”, микешинская тумба Екатерина II, немало других истуканов, уцелевших по лицу СССР (если не ошибаюсь, в Новгороде как ни в чём не бывало стоит художественный и политически оскорбительный микешинский же памятник 1000-летию России) — все эти тонны цветного и чёрного металла давно просятся в утильсырьё. Если сама площадь “требуется” монумента, то почему бы с фальконетовского Петра I не сцарапать надпись “Петру Первому — Екатерина Вторая”, и останется безобидно украшающий плац, никому не известный стереотипный “Римский Всадник” и т. д. Улицы, площади — не музеи, они должны быть всецело нашими”.

Это отрывок из статьи известного марксистского критика тех времён В. Блюма, опубликованной в газете “Вечерняя Москва” в 1930 году.

Обратим внимание, что в своём призыве к тотальному разрушению памятников русской истории и культуры нигилист тридцатых годов, в сущности, по-

кушается на наследие Пушкина. Ведь все монументы и реалии, недостойные, по его мнению, существования в новую эру, — это герои пушкинского мира. Владимир Святой, отождествляющийся в русском былинном эпосе с Владимиром Красное Солнышко, — персонаж из “Руслана и Людмилы”; на фоне имён Минина и Пожарского развивается действие “Бориса Годунова”, вспомним мысль Пушкина о том, что “имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят, может быть, все наши старинные родословные”; “микешинская тумба” Екатерина II — действующее лицо “Капитанской дочки”; ну, а о “Медном Всаднике” и говорить нечего... Словом, покушаясь на русскую историю, пигмей тридцатых годов покушался на Пушкина так, как ещё никто не покушался на него. Скепсис современников в конце жизни поэта, критика Писарева, невежественные призывы футуристов или догматические рассуждения Луначарского рядом с этой тотальной программой выглядят безобидным детским лепетом.

Но грянул 1937 год — столетие со дня смерти Пушкина, ставшее и государственным, и общенародным праздником, и мечты Блюма о разрушении Пушкинского мира окончательно развеялись. В 1937 году множество городов и посёлков получили имя поэта, по всему пространству Советского Союза возникло множество улиц, домов культуры, парков имени Пушкина. Было издано Полное академическое собрание его сочинений, со страниц советской прессы целый год не сходило его имя, дети в школах наизусть учили его стихи, повсюду целый год проходили вечера памяти поэта.

А что же делал в это время идеолог борьбы с историческим наследием России В. Блюм, в своё время приложивший много усилий, чтобы не допустить на сцену МХАТа пьесу М. Булгакова “Дни Турбиных”, которую он назвал “сплошной апологией белогвардейцев”? Он с ужасом видел, что на экраны страны вышли фильмы “Пётр I”, “Александр Невский”, а на сцене — опера “Иван Сусанин”, пьеса “Богдан Хмельницкий”, что страна от интернационализма поворачивала не просто к патриотизму, но к “русскому великодержавному шовинизму”. И Блюм садится писать письмо Иосифу Сталину.

“Москва. 31.1.39 г. Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Люди нашего с Вами поколения воспитались в обстановке борьбы за интернациональные идеи — и мы не можем питать вражды к расе, к народам: мы всегда будем считать “своими” Мицкевича, Гейне, немецкого рабочего <...> бить врага фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизмом), а оружием гораздо лучшим — интернациональным социализмом”. “Всесоюзный Комитет по делам искусств берёт ставку на всякий “антипольский” и “антигерманский” материал <...> несмотря на то, что мы видели антигерманский характер нашей белогвардейской контрреволюции”. Полностью пересказывать это письмо дело неблагодарное, и Сталин, конечно же, не ответил “члену партии с июля 1917 года”. Товарищ Блюм был вызван на беседу в ведомство Жданова, которое констатировало, что “В. Блюм считает, что идёт пропаганда расизма и национализма в ущерб интернационализму”, что “исторический Богдан Хмельницкий подавлял крестьянские восстания и являлся организатором еврейских погромов”. “В. Блюм недоумевает — почему сейчас так много идёт разговоров о силе русского оружия, которое служило в прошлом средством закабаления и угнетения других народов”. “В отделе пропаганды ЦК ВКП(б) В. Блюму было указано на ошибочность его теоретических положений <...> С этими указаниями В. Блюм не согласился”... .

Ну, не согласился, и ладно. Главное в том, что беседа была проведена и что письмо к тов. Сталину стало последним сочинением ничего не понимавшего, “какое время на дворе”, еврея-интернационалиста, искренне не любившего мир исторической России, мир Александра Пушкина. Возможно, что В. Блюм стал “жертвой незаконных политических репрессий”. Но логика истории той эпохи была такова, что количество блюмов, ратовавших за дружбу с “немецкими рабочими”, после 1937 года значительно сократилось, что могло нам выиграть войну.

Однако ирония судьбы заключалась в том, что все усилия нигилизма двадцатых-тридцатых годов с первых же шагов были тщетными, потому что русская культура и пушкинский мир уже давно преобразовались из форм материальной жизни в духовные формы, уничтожить которые практически невозможно ввиду их неуязвимости. Ну какой смысл в том, чтобы “стереть надпись с “Медного Всадника”? Ведь всё равно, написав свою великую поэму, вошедшую в сердца и души нескольких поколений, Пушкин как бы выдал вечную

“охранную грамоту” и Петербургу, и монументу Петра – и, всем своим творчеством, многим другим узловым моментам русской истории! Чиновные моралисты, “неистовые ревнители”, вульгарные социологи забывали о том, что уже несколько поколений русских людей выросли в мире Пушкина, что уже с первых уроков в какой-нибудь самой захудалой церковноприходской или земской школе в душу ребёнка на всю жизнь западали и “Лукоморье”, и “Сказка о рыбаке и рыбке”, и “Буря мглою небо кроет...” Пока в течение столетия над бронзовой головой поэта проносились социальные страсти, споры, дискуссии, народ медленно и неустанно, как бескрайнее поле влаги, впитывал пушкинские мысли и чувства, пушкинскую музыку, пушкинский дух. Вот почему антипушкинские силы всегда были обречены на поражение и забвение. Пушкин спасал русскую историю, а самого Пушкина – не задумываясь об этом, безотчётно и естественно спасал народ, уже не мыслящий без Пушкина своего существования. Поэтому, кто бы ни говорил о Пушкине – Гоголь, Белинский, Достоевский, Блок, Есенин – никто из них не обходится без эпитета “русский”. А потому волна разрушений, хулы, надругательств разбилась о пушкинские твердыни и откатилась вспять. Мир русской истории, сохранённый его десницей и его волей, словно “град Гвидона”, вновь восстал из пучин и хлябей, ибо он уже окончательно вошёл в сферу духа.

Не счесть уроков Пушкина, которые нам ещё предстоит усвоить...

Незадолго до смерти Пушкин оставил нам несколько мыслей, без понимания которых невозможно понять многое из политики, культуры, истории сегодняшнего времени.

К примеру, тот, кто размышляет о роли Соединённых Штатов Америки в нынешнем мире, конечно же, оценит проницательность Пушкина, писавшего почти 175 лет назад:

“С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; <...> со стороны избирателей алчность и зависть; <...> богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно восставленная перед нами”.

(“Джон Теннер”. 1836 г.)

*Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной глубине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая душу мне...*

Обратите внимание на это слово – “мне”. Пушкин, как всякий гений, ощущал присутствие в мире злой воли, бесовщины, великого “инквизиторства”, но, сталкиваясь с тёмной стихией, он никогда не впадал в душевную прострацию, в соблазн тут же освободиться от этого мучительного знания, в “художественную” истерию.

Нет, он мужественно брал “на себя” тьму мира, как бы фильтруя её собственной душой, проделывал огромную работу в поисках иных сил, побеждающих или нейтрализующих тьму.

И лишь услышав в хаосе мировой метели светлые голоса, увидев, что в результате его усилий вспыхивает колеблющийся зыбкий отблеск идеала, на который может, не сбиваясь с пути, двигаться человек, Пушкин решался выпустить в читательское море тех, кого он называл “питомцы давние, плоды мечты моей”. Пушкин обладал духовной силой, позволяющей ему брать “на себя” напор всей бездуховной, тёмной мировой нечисти. Он не перекладывал эту работу на плечи читателей, простых людей, “слабых мира сего” и этим отличается от современных кумиров массовой культуры, которые, наоборот, концентрируют в себе всю бесовщину мира, чтобы выплеснуть её на мятушущуюся, потерявшую ориентиры добра и красоты душу сегодняшнего “маленького человека”, бедного Евгения... И как тут не вспомнить евангельскую истину: горе тому, кто соблазнит малых сих... А ведь в своей коллективной

ипостаси души простых людей образуют ту мировую или народную душу, “аукаться” с которой необходимо творцу. Когда-то Александр Блок в речи о Пушкине говорил о том, что “любезные чиновники” уже находят способ замутить гармоническую стихию в душе поэта. Сегодня дело зашло ещё дальше: выискиваются и находятся способы замутить “мировую душу”, чтобы в грядущем душе поэта не с кем было перекликнуться в бездуховной пустыне, чтобы она была отрезана от мировой стихии, чтобы её “божественный глагол” не мог бы достучаться до человека. А потому поможем Пушкину, Блоку, искусству вообще. Оправдаем надежды великих на нас, малых. В 1984 году, к 185-й годовщине со дня рождения Пушкина русский поэт Анатолий Передреев написал вдохновенное стихотворенье “Дни Пушкина”:

Духовной жаждою томим...

А. Пушкин

*Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша.*

*И всё дороже, всё слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.*

*Звучи, божественный глагол,
В своём величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной.*

*Ты светлым гением своим
Возвысил душу человечесю,
И мир идёт к тебе навстречу,
Духовной жаждою томим.*

Томиться духовной жаждой, ощущать её как нечто личное, чтобы выстрадать рождение души... “Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя” (Ф. Тютчев).

Вот ещё какая громадная цель возникает перед нами сегодня; цель эта связана и со всемирными заботами человечества, потому что “тёмная власть барыша” в нашу эру – дело всемирное. Но эта цель связана и с нашими национальными заботами, ибо пророчество Гоголя о том, что Пушкин – “**это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет**”, имеет сроки: оно явлено миру в 1832 году, а значит, в нашем распоряжении ещё есть 20 лет. Так постараемся же оправдать пушкинские и гоголевские надежды, а осуществим их только тогда, когда вспомним, чьи мы наследники, когда поймём, что томление духовной жаждой – может быть, единственный путь для спасения человечества от “темной власти барыша” и от “всемирной пошлости безбожной”.

Хотел я ещё продолжить заключение к своим заметкам о Серебряном веке, о хрущёвской оттепели и горбачёвско-ельцинской перестройке, но стал перечитывать воспоминания Георгия Свиридова и нашёл у него слова, которыми и закончу эту работу:

“Искусство нашего века несёт большую ответственность за то, что оно действительно и талантливо проповедовало бездуховность, гедонизм, нравственный комфорт, кастовую интеллигентскую избранность, интеллектуальное наслажденчество и ещё того хуже: упоённо воспевало и поэтизировало всякого вида зло, служа ему и получая от этого удовлетворение своему ненасытному честолюбию, видя в нём освежение, обновление мира. Всё это, несомненно, нанесло огромный вред человеческой душе”... Лучше и точнее не скажешь.

Основные источники:

- М. В. Суров. Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства. Вологда, 2006.
- М. В. Суров. Рубцов. Факты, воспоминания, посвящения. Вологда, 2011.
- Н. Рубцов. Видения на холме. М., Сов. Росс., 1990.
- Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л-д, 1976.
- Н. Мандельштам. Воспоминания. Т. 1, 2. ИМКА-пресс, 1972.
- М. Цветаева. Сочинения в 2-х томах. М., Худ. лит., 1980.
- Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой. М., Сов. пис., 1989.
- Анастасия Цветаева. Воспоминания. М., Сов. пис., 1983.
- “Мы жили тогда на планете другой”. Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990, в 5-ти томах. Моск. рабочий, 1995.
- Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Atheneum, 1990.
- Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. М., Захаров, 1999.
- Ю. Карабчиевский. Воскресение Маяковского. СП, 1990.
- Э. Герштейн. Мемуары. Инапресс, С.-Петербург, 1998.
- А. Вознесенский. Ров. М., Сов. пис., 1987.
- Сергей Куняев. Жертвенная чаша. М., Голос-Пресс, 2007.
- М. Кралин. Артур и Анна. Ленинград, 1990.
- Г. Свиридов. Музыка как судьба. М., Мол. гвард., 2002.
- Д. Нечаенко. История литературных сновидений. М., Университетская книга, 2011.
- “Имя этой теме – любовь”. Современницы о Маяковском. М., Др. народов, 1993.
- В. В. Маяковский. Сочинения в одном томе. М., Худ. лит., 1941.
- Протоиерей Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу. С.-Петербург, 1905.
- С. И. Фудель. Сочинения в трёх томах, 1994.

Уважаемые читатели “Нашего современника”! Сообщаем вам, что вышло в свет второе, расширенное и дополненное издание книги Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Обращаться по телефону: (495) 621-48-71 или по адресу: 127994, Москва, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

КАПИТОЛИНА КОКШЕНЁВА

доктор филологических наук

“ВСЁ ИСПЫТЫВАЙТЕ...”

Современные этнокультурные конфликты и стратегия их преодоления

Распад СССР и мировой социалистической системы привел к изменению не только политического языка, но и языка культурного. Как в политике “тоталитаризму” противопоставили термин “демократия”, так и в культуре иерархическому центризму противопоставили одновременно толерантность и культурный национализм. “Толерантности” наши посткоммунистические соседи требовали, прежде всего, от русской культуры и ее носителей: советская унификация понималась теперь как насилие над другими культурами, но “советское” и “русское” преднамеренно объединялось в культурном смысловом поле как нечто единое. Тоталитаризм приписывался не просто советскому, но уже всей русской культуре. “Русский фашизм хуже немецкого” – эта провокативная теза, примененная М. Швыдким в его передаче “Культурная революция”, тем не менее, отражала реальное культурное сознание “передовой” (либеральной) части интеллигенции 90-х годов XX века. Русский культурный империализм представлялся не менее опасным, чем тоталитаризм и нацизм. В реальности вместо культурной толерантности как требования **всеобщего** понимания и установки на терпимость, таковой стали требовать **исключительно** от русской культуры. Это она должна была “каяться в грехах” этнокультурного подавления всех иных национальных культур как внутри России, так и за ее пределами.

Теоретическую установку на толерантность по сути сменила **практика** культурного конфликта. Толерантность как ложная практика культурного ненасилия терпела стремительный крах. Советский культурный язык в постсоветском пространстве стал восприниматься (не без усилий культуртехнологов) как язык силы и даже насилия. (Он до сих пор является объектом травестирования и пародирования – журнал “Русский пионер”, финансируемый М. Прохоровым, сплошь построен на стилевом отталкивании от “совка”. Достаточно прочесть названия разделов и рубрик: “Первая четверть”, “Клятва главного редактора”, “Сбор металлолома”, “Пионер-герой”, “Следопыт”, “Урок труда”, “Урок мужества” и т. д. – все из пионерии и комсомолии, правда содержание ультрасовременное – так, в “Дневнике наблюдений” можно прочесть о садизме и мазохизме в интимной жизни.)

Сдерживать конфликт мировоззрений в состоянии взаимной терпимости не удалось, поскольку толерантность предполагала некое активное действие от всех сторон: однако и этой способности – сдерживать себя – требовали только от русских. Только они должны были контролировать собственные действия, в то время как иные сограждане иных этнических групп и национальных сообществ не всегда “прилагали” к себе данные требования.

Безусловно, толерантность предполагала и “сдерживание чужого” на своей культурной территории (европейцами – арабского инокультурного элемента; русскими – бывших соотечественников из Средней Азии), но она же подразумевала, что “чужое” способно измениться и изменить себя, свои культурные нормы и привычки под воздействием “русского”, “французского”, “немецкого” как определенной системы норм и правил. Увы, для такой красивой теоретической схемы реальные основания оказались и не такими оптимистичными, и не такими прочными, что отразилось в признании многими европейцами тезиса о “крахе мультикультурализма” (от политиков высшего эшелона до обывателей). Толерантность в реальности, как мы видим, сегодня терпит одно поражение за другим, и, напротив, популярными становятся идеи-предупреждения типа “мечети Парижской Богородицы” (одноименный роман Е. Чудиновой).

Всё оказалось сложнее.

И сегодня совершенно ясно, что культурные конфликты и культурное насилие имеют **иную природу**, нежели конфликты политические или военные.

О конфликте культур

Толерантность как реакция на “практики насилия” (политического, идеологического), очевидно, должна иметь свои пределы. Где они и есть ли они в современном мире? Кто и что сопротивляется (и сопротивлялся) американцам во Вьетнаме, Афганистане, Ираке? Только ли военно-политические кланы и национальные сообщества? Кто и что сопротивлялся и сопротивляется русским на Кавказе не только в этом веке, но и в прежние времена?

Совершенно очевидно, что это было и **сопротивление культурных традиций**, то есть, говоря иным языком, сопротивление “локальных форм жизни”, противостоящих “чужому” как глобальному. Однако способность к сопротивлению и способы сопротивления культурных традиций разным формам насилия часто трудно уловимы и не поддаются никакой формализации – они проявляются как феномены и действуют до тех пор, пока носители их сохраняют в самих себе идентичность.

Так, в советской рамочной культуре некоторые культурные традиции преследовались – в определенные годы это были и Достоевский, и Есенин, и Лесков, и Булгаков, и Платонов, и Шаламов и т. д. как носители не советской и не официальной культуры. Христианские смыслы русской культуры изымались из трактовок русской классики, но мы же стали свидетелями того, как они – культурные традиции – оказались способны демонстрировать быстрое и реальное **возрождение** при возникновении благоприятных условий. Если посмотреть на проблему насилия с этой, культурной стороны, то можно сделать такой вывод: **“последним пределом насилия является полное исчезновение способности к воспроизведению культурной традиции у ее носителей”***. Так, в настоящее время русские почти полностью потеряли культуру пения – семейного, застольного. Потеряли культуру **своей** мелодики, своего мелодического лада (народная песня непременно была двухголосна, иногда и трехголосна), вытесненного ритмами современной афроамериканской культуры. Именно этим (тотальной потерей) и объясняется популярность творчества, например Елены Ваенги или Игоря Растеряева (частично восстанавливающих в пространстве массовой культуры “свой” культурный код).

Советский культурный универсум опирался на ценности интеркультуры: братство народов, руководящая роль бодрых партийных установок о развитом социализме, выдвижение героического характера, проявляющегося в стройках тех или иных пятилеток (литература даже массовая обладала высокими качествами мобилизационности). Интеркультурные ценности реализовывались через систему всечеловеческих ценностей (все люди – братья), все хотят мира и мирной жизни (символ – белый голубь мира), все хотят мате-

* Представления о понимании пределов культурного насилия наиболее полно даны в работе, на некоторые формулировки которой я опираюсь в своей статье, хотя выводы делаю принципиально иные, чем данный автор. Быстрицкий Е. К. Конфликт культур и философия толерантности // Казахская цивилизация. – 2007. – № 4 (28). – С. 18–32.

риальных благ, впрочем, вполне “равных” и вполне умеренных. Чешский фарфоровый сервиз “Мадонна” и чешский хрусталь, книжные собрания сочинений и тома “Библиотеки всемирной литературы” демонстрировали благополучие – и социальное, и культурное. Все хотели работать на общую цель – светлое будущее.

Не будем уничтожать советскую культуру и полагать ее исключительно примитивной – это было бы и неверно, и не корректно. И массовая советская культура, и элитарная были и достаточно человечны, и достаточно художественно-талантливы (как были, естественно, написанные “по поводу” “датские” книги, спектакли, фильмы). Проблема в другом – **локальные формы жизни** не ценились именно в русской культуре. Мир крестьянской деревни, например, с его повседневным ладом-укладом, с его историческим “выпадением” из рамок советской колхозной России, с его природным и нравственно-историческим циклом жизни, с личностными переживаниями, с пониманием смысла своей жизни через призму собственно русской культурной идентичности – всё это вдруг стало в естественную и неизбежную оппозицию советской официальной литературной традиции и родилось именно как “деревенское направление” в культуре. “Деревенщики” были локальным культурным островом-пластом в море советского положительного искусства реализма. Они были значимы и продемонстрировали своим появлением тот факт, что культурный советизм не был столь тотален, как принято было его представлять в постсоветские годы, не был настолько тоталитарен, чтобы напрочь уничтожить русскую сущность. Именно культурное сопротивление и культурные конфликты уже в советское время были более значимы и наполнены, чем конфликты идейные и политические (которые в большей степени были контролируемыми и подавляемыми).

Однако в постсоветское время произошли заметные изменения в области массового насилия: борьба социальных систем завершилась, но началась эпоха межнациональных и этнокультурных конфликтов. Представления о культуре стали включать в себя всё большую идентификационную составляющую: интеркультура преобразовывалась в мультикультурность, а локальные культуры – в этнические. При этом этничности культур придавались уже более объемные – цивилизационные – черты: возникают такие понятия, как “русская цивилизация”, “казахская цивилизация”, “украинская цивилизация”, “якутская цивилизация” и т. д., при одновременной особой выделенности цивилизаций “православной” и “мусульманской” (наряду с гораздо ранее оформившимися определениями цивилизаций как “западной” и “восточной”). Национальное как локальное стало претендовать на центральное место в культурах постсоветского пространства. Национальное, собственно, активно вытесняет все прочее – в постсоветском пространстве, как и на национальных территориях внутри России “русское” перестает восприниматься как нечто обязательное. “Русское” внутри России понимается как некий административный ресурс культуры, не более того. Русская классика еще занимает некоторое место в культурном сознании. Но отнюдь не обязательное место.

“Локальное” в культуре сегодня понимается как “сущностно-особенное”, но отнюдь не “малое” и не “географическое”. Не случайно мы, например, говорим о “русском православии” как “своей вере” в рамках собственного жизненного мира, понимая при этом, что христианство является мировой религией. Еще Ф. М. Достоевский указывал, что у русских есть “свой Христос” (традиция “своего Христа” ярко выражена и в иконописи, и церковных фресках). Но при этом следует понимать, что и принятое сегодня определение “локальный конфликт” глубже политического – это конфликт уникальных миров, особенных способов бытия, это конфликт “онтологий разных культур”.

Посткоммунистические сообщества, окружающие современную Россию, и национально-культурные общины внутри нее наглядно показывают, что, апеллируя к национальной экзистенции, идеологи и политики пользуются ею как “санкцией” на насилие (я не рассматриваю сейчас насилие политическое, но говорю исключительно о гуманитарном и культурном насилии). Так, будто бы защищая “свою” национальную идентичность, на Украине активно переписывалась и переписывается история. **Этнизация истории*** произошла на всем

* На эту тему написана очень толковая статья И. Б. Орловой “Этнизация исторического знания в постсоветских государствах”.

постсоветском пространстве и представляет собой новейшего образца конфликт культур! Собственно, уже в 90-е годы XX века был сформирован так называемый “этнический историзм”, – любые факторы, прежде полагающиеся действенными, в данном случае изгоняются из круга внимания исследователя (будь то социальные, политические), зато делается попытка всё в истории называть и понять, исходя из этничности. Вместо марксистско-ленинского типа историка на первый план выдвинулся “национальный историк” (как “этнически свой”), который единственно только и может написать якобы реальную, подлинную историю страны. Роль “врага” отводилась, естественно, России.

Реальная историческая ситуация была такова, что имперским советским окраинам не пришлось **бороться** за свою независимость, не пришлось **совершать героических подвигов** за свое освобождение, – именно поэтому так нужны стали мифы о веках притеснения со стороны России. Ясно, что такие паркетные историки, шаркающие ножкой перед своими новыми политическими элитами, готовы были подвести под историческое знание этнический “фундамент” (естественно, именно миф); об антироссийской и антирусской направленности мы уже говорили; далее – как правило, пересматривается исторический календарь: одни даты меняются на другие (красное на белое, красное – на черное), одни личности выбрасываются из пантеона героев и выставляются иные. И, наконец, усиленная героизация собственного “независимого” прошлого, “вытягивание” истории в сторону древности, поиск альфы и омеги – корней в древних цивилизациях.

При этом всегда получается, что будто бы сам народ (украинцы, например) выступает в данном культурном (и историческом) конфликте на стороне политиков, защищающих национально-культурную идентичность украинцев. Легитимизация конфликта происходит отнюдь не на поверхности, а именно на очень **глубоком бытийном уровне** – на уровне **личностного** переживания украинцем “гибели национального мира” от сопричастности к нему “москалів”. И этот мир украинцы готовы защищать “до конца”, то есть “до смерти” (понятно, что речь идет только о тех, кто ставит перед собой некие культурно-этнические задачи, и “до смерти” – это тоже фигура мифа). Нынешний конфликт на Украине, связанный с русским языком и его статусом – еще одно ярчайшее тому подтверждение.

Таким образом, мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что конфликты культур наиболее глубоки, поскольку они, в конечном счёте, связаны с представлением нации в целом или конкретного человека о возможности “полной утраты смысла своего существования”. И это – принципиально иное измерение конфликта, когда человек теряет смысл жизни, теряя **свою культуру, собственный жизненный мир**.

Отметим сразу, что угроза потери может быть истинная, но может быть и мнимая. Типичным примером мнимой угрозы является сопротивление на Украине закреплению за русским языком статуса государственного (это якобы приведет если не к уничтожению, то к приостановке **развития** украинского языка). Но, вместе с тем, учитывая большую процент населения, говорящего на русском языке (в Киеве, например, до 50%), политики Украины не раз привлекали голоса русских на свою сторону обещаниями легализации статуса **родного для них** русского языка. Но потом эти обещания забывались – так проявляет себя современное экзистенциальное насилие, в котором не просто обнаруживает себя некая “тоталитарная воля” носителей всеобщей политической культуры (как это было в советское время), но напротив, мы видим серьезную претензию на руководство именно уникальным, особенным в человеке, – его способом жить и говорить на родном языке. Сеем предположить, что такая стратегия гуманитарной силы более тотальна и тоталитарна, чем советская культурная стратегия. Культурные конфликты сегодня содержат в себе всеобъемлющий потенциал бытийственного (экзистенциального) насилия, – таков вывод конфликтологов.

Разрешение конфликта – возможно ли оно?

Современное понимание конфликта культур требует и особых способов их разрешения, учитывая при этом их сугубую важность для практики. Рождение науки конфликтологии на постсоветском пространстве не случайно, но она

в большей степени опирается на изучение проблем в социально-психологическом ключе с опорой на научные экспертизы. В сущности, конфликтология по-прежнему не может обойтись без старых понятий о веротерпимости и толерантности как системе **изменения взгляда** при изучении подходов и сущностей конфликтующих сторон. Но может ли конфликтология поставить такую задачу как главную и как реальную: “Научить отказу от собственного (локального) понимания или предубеждения в пользу более общего осмысления ситуации конфликта”*. Из чего же будет складываться это поле “общего осмысления”?

Наверное, из воли к взаимному диалогу.

Возможно ли равенство воли? Равенство, так сказать, вкладов в это общее пространство разрешения конфликта. Но для этого нужно уметь от многого воздержаться: от имеющихся у каждой из конфликтующих сторон принципиальных суждений; от психологических предубеждений, от ряда культурных норм и культурных фильтров – тех, что опираются на исторический, социальный и культурный опыт (или даже псевдоопыт). “Действительного” и “объективного понимания мира” некоторые исследователи полагают возможным достичь с помощью “воздержания от имеющихся суждений”, с помощью “заключения в скобки” любых знаний (помня всякий раз о неполноте любого знания); предлагают участникам конфликта встать в позицию “чисто теоретического наблюдателя”. Мы видим, что здесь конфликты и кризисы предлагают преодолеть через особую сознательную рациональность. Но этот тип рациональности как раз и не учитывает того, о чем говорилось выше: не учитывает специфической ценности того культурного и “жизненного мира”, который человек готов защищать “до смерти”. Надконфликтная, нейтральная и рациональная позиция такого идеального и холодного наблюдателя-переговорщика в реальности вряд ли достижима, хотя, естественно, и у такого наблюдателя могут быть некоторые практические успехи в деле продвижения толерантности. Исходить из понимания **универсальности** человеческой культуры, полагаем мы, явно недостаточно. Именно и прежде всего культуры **самобытно-индивидуальной**. А потому постановка вопроса о “равенстве культур” неправомерна и утопична. Хотя нельзя не оценить усилий этой научной традиции (универсализма), связанной с упорными поисками основ человеческого взаимопонимания, куда входят методы самокритики, самоограничения, общего желания “понять другого”, критически переосмыслить свои предпосылки тех или иных предубеждений культурно-психологического характера. Да, чисто теоретически конфликта можно избежать. И сам исторический факт сосуществования народов и нерастворения их друг в друге говорит о том, что есть **традиция** (и именно она выступает регулятором) этно-культурного диалога. Конфликты чаще всего, о чем тоже свидетельствует опыт, возникают в эпохи неустойчивые, переломные, связанные с потребностью **интерпретаций исторического процесса** и оценки совместного существования.

Но можно ли до конца избежать “конфликта интерпретаций”? Современные этноконфликты культур говорят о другом – о радикальном **непонимании**: как найти **меру для примирения** на фоне катастрофического разрушения памятников культуры и веры в сербских землях? Или в современной Сирии (с разрушенными древнейшими, например, христианскими монастырями)? Даже далеко не все в русском зарубежье приняли объединение РПЦ и Русской зарубежной Церкви! И можно ли считать взаимным “примирением” нынешнее сверхусиленное восстановление города Грозного русской стороной? В любом случае, существующие здесь некие толерантные договоры не решают пока никаких иных (кроме **удерживания от взаимокасания**) важных вопросов. Но почему же возможна только эта, достаточно формальная и внешняя функция – возможности “договора о невозможности договориться”, то есть ситуация отъединенности конфликтующих сторон друг от друга, существование вне общей “истины” и вне общей культуры?

Сами эти вопросы фиксируют уже ситуацию не постсоветскую, а постмодернистскую (именно ее философии соответствует эта разорванность общего культурного и смыслового поля). Так, в последней публикации И. Бродского (“Новый мир”, 1996, № 5) поэт констатирует, что мир не просто лишен объективного смысла, но главным содержанием бытия является пустота:

* Быстрицкий Е. Там же.

Истина состоит в том, что истины не существует. Это не освобождает от ответственности, но ровно наоборот этика — тот же вакуум, заполняемый человеческим поведением, практически постоянно.

Перед нами этическая концепция, которая противоположна христоцентричной традиции русской литературы, уверенной в истинности критериев добра и зла. Идея постоянного “смешивания политики и искусства”, когда “качество политических идей измеряется выполняемой ими эстетической миссией”, завершается вполне постмодернистским умозаключением, например, о терроре, который видится в данном контексте “как отчаянная попытка создать тотальное произведение искусства из людских тел”^{*}.

Постмодерн традиционную мировоззренческую веротерпимость (императорской России или России советской, опирающейся на исторический опыт, — с одной стороны, но и потенциально-формирующей национальные эгоизмы, — с другой) превратил в толерантность. И мы видим, что новейшая “толерантность” и не равна веротерпимости, и существенно изменила смысл прежних традиционных договоренностей. По мнению исследователя, “современная толерантность есть терпимость в ситуации параллельного существования со всем культурно и общественно иным без насильственного уподобления или отождествления. **Толерантность** — это, скажем так, **несовместимость навсегда**”^{**}.

Можно ли договориться разным народам до того, что толерантность станет общей культурной универсалией? Можно, но только исключительно на поверхностном (чаще политико-социальном) уровне. Принять ее как единую культурную ценность в разных народных культурах (под которыми мы понимаем разные жизненные миры и разные типы самосознания) пока не удавалось. Именно потому “толерантность” остается идеей и проблемой конференций — научное сообщество еще и еще раз свидетельствует, что **не существует** единственного и всеобщего бытийственного (экзистенциального) фундамента. Толерантность нужна скорее как то, чье существование связано с отрицанием, отрицательным фоном, на котором происходит понимание себя “как иного”. Не случайно территория общесоветских культурных смыслов мгновенно сузилась и стала местом, где преобладает культурная концепция “травмированности общей историей”, в результате которой русским был выставлен крупный счет культурных претензий без учета их культурных вкладов и заслуг. Национально-культурные эгоизмы успешно преодолели даже элементарный здравый смысл.

Активное внедрение “толерантности” за постсоветский период XX века и начала нового тысячелетия в качестве культурного рычага и в виде бытийственно-культурной универсалии, привело не к наполнению ее важными (для всех общими) смыслами, а, напротив, доказало еще и еще раз “несовместимость навсегда”. Для кого-то осознание сего факта будет прискорбным, а для кого-то, напротив, стимулом для личных рефлексий и началом неизбежного углубления в метафизику “своего” (личности, народа-нации) как подлинного, не нуждающегося в гуманитарном насилии — в унижении и разоблачении “чужого” ради сотворения собственного “героического” мифа. А основным культурным инструментом остается все та же “старая и добрая” **традиция веротерпимости**, в основании которой лежали не столько буквы закона, сколько культурно-регуляторные функции предания и способности к добрососедству — способности не переходить невидимую, но точно ощутимую черту: со своим уставом не вторгаться в чужой монастырь.

* Михаил Рыклин. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 87.

** Быстрицкий Е. Там же.

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

МИЛЫЕ ЧЕРТЫ ЗНАКОМОГО ПОРТРЕТА

К 200-летию Ивана Александровича Гончарова

Разговаривая однажды со студентами Литинститута о творчестве И. А. Гончарова, услышал суждение: “Что, Гончаров? Ну-у, это слишком несовременно и толсто...” Я не стал уточнять, что подразумевалось под словом “толсто”: то ли объемность последнего романа И. А. Гончарова “Обрыв”, то ли дородность Ильи Ильича Обломова при его солидном рационе, то ли весь XIX век, который выглядит при нынешнем уровне стипендий и питания студентов значительно полнее, чем начало века XXI, – словом, “толстость” меня не занимала, а “несовременность” – да. Пришлось возражать, действуя по принципу “каков спрос – таково предложение”: пустить в ход цитаты из статей и писем классика.

Вот, к примеру, о нравах: “...в общих понятиях людских совершается что-то странное, почти небывалое, по крайней мере небывалое в таких размерах! Какое-то глубокое, всемирное разложение!” (Это из “Необыкновенной истории”.) Как видите, очень современно!

А теперь посмотрим, какими злободневными и меткими остаются мысли И. А. Гончарова об ученых, о науке. В правоте его слов убеждает сама действительность: взгляните-ка на экономический блок нашего правительства: все в нем доктора да академики, а подавляющая часть населения тянет от зарплаты до зарплаты. И строки И. А. Гончарова из письма к К. Д. Кавелину (1874 г.) очень подходящи: “Сколько академиков, профессоров, литераторов притворяются ежедневно знатоками...” Такие бы слова на первую полосу наших газет!

Или вот несколько цитат И. А. Гончарова о любви, о половых отношениях, это сейчас сверхактуально, когда повсюду в СМИ – о парадах каких-то извращенцев. В письме к П. А. Валуеву (1878 г.) И. А. Гончаров приводит слова “одного талантливого писателя” (подразумевается М. Е. Салтыков-Щедрин), который “начал было читать “Анну Каренину”, но на второй части бросил: “всё половые отношения, да половые отношения, – говорил он (С.-Щ. – **Прим. автора**), – далась им эта любовь, потчуют ею во всех соусах: ужели нет других интересов, страстей”. “А если нет, – возразил я (И. А. Гончаров. – **Прим. автора**), – ужели же художник не вправе изображать то, что есть и как оно есть?”. Под такими словами, прочитанными в контексте наших времен и нравов, пожалуй, многие бы кино-телережиссеры и модные сочинители подписались. Где уж тут несовременно?!

И еще об одних суждениях писателя, об этом сейчас говорить тоже очень модно и даже скандально: о национальности, о русскости. На страницах письма к С. А. Толстой (1870 г.) И. А. Гончаров рассуждает о русском языке, и не только о нем: “Никогда Россия, говоря по-французски и по-английски, не займет следующего ей места, то есть центра и главы славянских народов, как у нас многие надеются, а с ними и я, конечно...” Как видим, И. А. Гончаров надеялся... И в том же письме несколько ниже: “Все народы должны прийти к общему идеалу человеческого конечного здания — через национальность, т. е. каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал”. Стало быть, и в умственные, и в нравственные силы русского народа писатель верил, да и капитал, видать, всегда в России был немалый, а жирующих на Западе олигархов не так много, как теперь.

Это лишь малые крохи высказываний И. А. Гончарова, которые легко подвести под современность, придав им направленность и соответствующий тон. Я умышленно использую слова “подвести под современность”, так как приводимые выше суждения вырваны из работ писателя весьма вольно. Это сделано сознательно и полушутя — лишь бы пооригинальнее возразить молодым литераторам, потому что в конечном счете значение И. А. Гончарова для русского и мирового читателя не в цитатах, которые свежи и угодны моменту, а в доброте и обаянии его романов, в благородности его писательских устремлений, в силе его художественных образов. И. А. Гончаров, быть может, как никто другой из классиков современен и, смею сказать, чрезвычайно полезен для молодого поколения читателей (хотя бы из познавательных целей — каков “Фрегат “Паллада”!)

В заметках о личности В. Г. Белинского И. А. Гончаров вспоминал, что критик говорил ему в свое время, ставя это в заслугу: “Вам все равно, попадаете мерзавец, дурак, урод или порядочная, добрая натура, — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому!” В. Г. Белинский считал его бестенденциозным писателем, “...это признак художника!”, да и сам романист охотно соглашался с этим. Хотя о тенденциозности литераторов стоит, наверное, кое-что сказать. Бестенденциозных писателей, строго говоря, вообще быть не может: если ты писатель, то уже тенденциозен тем, что выбираешь именно эти события, а не другие, что рисуешь именно этих героев, а не других и т. д. — и в конце концов рассказываешь именно о том, к чему клонится душа. И. А. Гончаров ведь не по заказу писал, а “только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил...” Но вот когда речь заходит об отношении к своим персонажам, то тут романист старался быть беспристрастен, объективен и высоко ценил мнение известного критика.

И все же, несмотря на бестенденциозность, любое произведение крупного художника создает вокруг себя особую атмосферу, пропитанную чувствами, настроением автора, магнетизмом его слога. Писатель может умело маскировать свое отношение к персонажам, оставлять открытыми финалы произведений, лишать страницы всяких намеков на выводы и приговоры, но лишить свое произведение этой атмосферы он, и к удивлению, и к счастью, не в силах. Читатель, беря в руки знакомую книгу или даже только увидев ее, уже эмоционально испытывает ее влияние на себе. Книга — отчасти как икона: не мы берем ее, а она притягивает нас, не она — перед нами, а мы — перед ней.

Перечитайте удивительное начало “Обломова”: “В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало быть на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов...” Не мы подходим к Обломову, а он к себе постепенно подпускает, вырастая при этом в фигуру огромного масштаба. “Вы совершенно переноситесь в тот мир, в который ведет нас автор” — это слова Н. А. Добролюбова. Мало того, Обломов настолько привлекателен, что и самого автора “ведет”... Не случайно И. А. Гончаров писал о создании этого образа: “...не ведал, что творю!..”

Заметим попутно, что в произведениях И. А. Гончарова отсутствуют сцены жестокости: нет убийств, самоубийств, насилий, войн, погромов и т. п., — это тоже создает весьма характерный гончаровский фон. В его книгах люди едят, лежат, безобидно спорят, мирно гуляют, ходят на рыбалку — все обыденно, никаких вроде бы взрывов, но за этой обманчивой, многоплановой обыденностью происходит борьба героев, глубокий драматизм. Обыденность жизни у И. А. Гончарова описана, кстати, очень тепло, заинтересованно,

образно, — тут он развивает традиции замечательного учителя своего Н. В. Гоголя.

И все-таки какой же главный компонент атмосферы гончаровских романов?

Доброта. По-моему, именно доброта. “...ни любви, ни ненависти ни к кому!” — с этим согласиться можно, тем более с литературоведческой точки зрения и тем более относительно романа “Обыкновенная история”, о котором высказывался В. Г. Белинский; но ведь доброта — это несколько иное. Доброта — чувство не менее значительное, чем любовь или ненависть, но более спокойное, более продолжительное. И эта доброта преобладает в атмосфере всех романов И. А. Гончарова, сочетаясь порой то с мягкой иронией, в которой никогда нет издевки, то с некоторой грустью, то с некоторой беспомощностью: невозможностью уберечь своих героев от бед.

В эпизоде рокового свидания Веры и Марка в романе “Обрыв” чувствуется беспомощность не только Райского и непосвященной бабушки, но и самого автора, об этом свидетельствует напряженность, с которой описана сцена у беседки, и слова, которыми он ее заканчивает: “Боже, прости ее (Веру), что она обернулась!...” Тут уж автор не удерживается и переходит границу бестенденциозности: ведь призыв его и к Богу, и к читателю. Писатель беспомощен, но в открытую добр и человечен.

И. А. Гончаров был христианином. Но у любого художника, помимо религиозной, есть и другая вера, которая выражается идеалом, принципами, чувствами и т. п. Художественные произведения всегда являются носителями, проповедниками этой веры. Писатели золотого века русской литературы при всем том колоссальном поэтическом даре и взаимопризнании имели разную веру (тут не только грубое деление на западников и славянофилов). Гончаров и Белинский, Гончаров и Салтыков-Щедрин, Гончаров и Тургенев, Гончаров и Некрасов — как много связывает имя романиста с именами собратьев по перу: талант, любовь к литературе, желание служить Отечеству и т. п., — и все же веры они разной. У И. А. Гончарова нет замашек революционера, увлеченный новыми европейскими теориями, духа различия, вверия к ломке общественного устройства, хотя при всем том он смотрит вперед и желает перемен. Он здраво консервативен... Органичное, ровное развитие истории, разумность и гуманизм в политике, доброта и порядочность в отношениях между людьми — вот в такой плоскости располагается гончаровская вера, — в плоскости, далекой от “бесовских” настроений, от нигилизма и бунтарства “новых” людей.

Говоря о вере И. А. Гончарова, приведем последние слова из его последнего романа “Обрыв”: “За ним (Райским, когда он был в Италии. — **Прим. автора**) все стояли и горячо звали его к себе — три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе — еще другая исполинская фигура, другая великая “бабушка” — Россия”. И это заключительная фраза романа! Разве в этих строках мало веры?!

Еще в недавнем прошлом советская критика уделяла чрезмерное внимание тем порокам русского общества, которые обнажали, изобличали или высмеивали мастера литературы XIX века. (Сейчас время этой критики прошло, но появилась еще более оголтелая критика с обратным знаком.) Да, несомненно, большая душа русского писателя не могла не откликнуться на зло, несправедливость, убогость, нищету. Русского талантливого писателя с иной душой и представить трудно, да и литература сытости, литература увеселения, развлечения, как правило, наднациональна, нивелирована; а И. А. Гончаров признавался, что у него “все действующие лица, нравы, местность, колорит — слишком национальные, русские” (даже слово “слишком” употребил). Но рассуждая об обличительном пафосе произведений писателей, можно проследить некую закономерность: как правило, новым поколениям читателей становится все менее интересно обличительство. Этот самый пафос утекает как вода сквозь песок, а на поверхности остается яркий художественный образ (как тут не выделить замечательный образ Ильи Обломова!), богатый мастерский язык (а язык гончаровский сочен), смелая новаторская идея (не забудем, что И. А. Гончаров был в ряду родоначальников русского романа). Иллюстрацией тому, что обличительный пафос недолговечен, может служить и литературная ситуация последнего времени. Сколько “гениев” в перестройку народилось! И сколько их, “гениев” этих, уже преспокойненько и незаметненько “умерло”!

Рассматривая с этих позиций творчество И. А. Гончарова, отметим, что политика не подыгрывала ему, не прибавляла популярности. Его книги не отличались какой-то напряженной злободневностью, колючестью, хотя признать то, что они не затрагивали общественных движений русской жизни, никак нельзя. В “Обыкновенной истории” показана наивность и выпренность романтизма. В “Обломове” автор рисует сказочно-милый, но вместе с тем большой сон Обломовки. В “Обрыве” изображает довлеющий романтизм бабушки. И все же И. А. Гончаров не есть обличитель и тем более революционный борец... И его относительная пассивность пошла лишь во благо. Ведь борцы, разные “новые” люди с новыми идеями и “новым мышлением” и т. п. лишь отчасти являются ускорителями прогресса. При внимательном рассмотрении их деятельности можно прийти к невеселому выводу: ох, и натерпелась же Россия от революционеров разных мастей! И в дни нынешние терпит...

Родом А. И. Гончаров из Симбирска, то есть из провинции. Провинциал, сколько бы ни жил в столицах, все-таки не может полностью избавиться от комплекса провинциала: некоторой настороженности, застенчивости, — между ним и коренным столичным жителем сохраняется некоторая дистанция. Ощущение такой дистанции и даже отчасти неполноценности испытывает в какой-то мере всякий, кто поменял место жительства: деревню — на город, провинцию — на столицу (а люди гончаровского склада, наверное, испытывают в особенности). Тут могут быть возражения: человек человеку рознь. Взять хотя бы Александра Адуева из “Обыкновенной истории”, вот, мол, каков провинциал! Да такой любого столичного льва стоит! Однако вспомним, сколько ему пришлось прожить и пережить, чтобы из него выветрились провинциальная прямота, искренность и т. д. Да и разве автор, поставив точку в конце романа, поставил точку на образе героя? Динамика характеров И. А. Гончарову свойственна, и нет уверенности, что Александр безнадежно “исправился”. К тому же в конце романа даже закаленный Петр Иванович оказывается надломленным. Не ждет ли чаша сия Адуева-младшего?

Что ни говори, а выходец из русской провинции несколько иного типа человек, нежели коренной житель столицы. Провинциализм И. А. Гончарова проявился и в характере его героев, и в описаниях природы, и в характере самого автора, который унаследовал лучшие черты этого провинциализма: честность и порядочность в первую очередь. Однако посмотрим, как сам писатель относился к своей малой родине. Вот выдержка из статьи “На родине”: “И по приезде домой, по окончании университетского курса, меня обдало той же “обломовщиной”, какую я наблюдал в детстве. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя”. Да, из провинции можно навсегда переехать, никогда не бывать там, даже разлюбить, но вытравить из себя дух, вложенный провинцией, очень трудно, а дух этот, как правило, дух незлобивости, покорности, доброты, человеколюбия, несмотря даже на тот “сон и застой”, о котором упоминал писатель.

Творчество любого большого художника, его личность, его жизнь всегда интересны, всегда поучительны. Натура И. А. Гончарова очень неоднородна: тут и мнительность, которую отмечали все его современники; тут и “честность и благородство” (слова С. А. Никитенко); тут и отстраненность, и равнодушие: “С летами и с опытом мне даже стало все равно, что у меня нет друзей, нет симпатий, что никто не любит меня...”; тут и доброта: “он умел делать добро” (из воспоминаний М. М. Стасюлевича, когда он рассказывал о воспитании И. А. Гончаровым приемных детей). Творчество И. А. Гончарова уникально, оно являет пример трепетного служения литературе, писатель в свое время признавался: “. . . Я откровенно люблю литературу, и если бывал счастлив в жизни, так это своим призванием. . .” Имя И. А. Гончарова стоит в первом ряду русских классиков, его труд, его вера глубоко уважаемы читателями разных поколений.

И еще один штрих: нам, нынешним соотечественникам писателя, его жизнь и творчество могут служить образцом доброты и порядочности, — тех качеств, которых так не хватает в наше, чрезвычайное для России время.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

“ЕСЕНИН” БЕЗ ЕСЕНИНА, ИЛИ ПУТЬ В БЕСПУТЬЕ

Новая книга Аллы Марченко “Есенин: путь и беспутье” (М., 2012) многим отличается от “Поэтического мира Есенина” (М., 1972, 1989), одной из первых попыток этого исследователя постичь творчество русского гения. Отличается, прежде всего, тем, что это *другая* книга о поэте, не дублирующая предыдущую, как часто бывает в подобных случаях. В новой книге упор сделан на жизнь Есенина, на её идейно-любовные стороны. Неизменной же осталась позиция Марченко – неприятие Есенина как одного из человеческих и творческих воплощений русского мира первой трети XX века.

Ещё в середине 80-х годов минувшего столетия Алла Марченко в статье “Обещает встречу впереди...” (“Новый мир”, 1985, № 9), ставшей впоследствии заключительной главой книги “Поэтический мир Есенина”, попыталась отлучить своего героя от русского мира. Она, объясняя причины успеха поэта в северной столице, прибегает к испытанному методу, пуская в ход обветшалые легенды: поэт попал в Петербург – славянофильский центр, охваченный русоманией и пользовавшийся “монаршим покровительством”. Такой контекст, видимо, должен дискредитировать творчество С. Есенина, и не его одного. “Блок, – утверждает А. Марченко, – только что переживший “Поле Куликово” и мучившийся поздней и трудной любовью к “нищей” России, принял Есенина как её полномочного посла...”. Но, во-первых, любовь А. Блока к России нельзя назвать поздней. Во-вторых, каким “аршином” измеряет жизнь и творчество поэта А. Марченко, говоря, что “Блок только что пережил “Поле Куликово”? Семь лет, отделяющие этот цикл от 1915-го года (года встречи С. Есенина и А. Блока), – срок большой во всех отношениях.

Итак, с точки зрения А. Марченко, неизвестный поэт явился к прославленному писателю как посол России, славянофильства, русомании, поддерживаемой монархом. Такое понимание вопроса объясняется отношением исследователя к главной теме творчества Блока и Есенина – теме Родины. О ней прямо и косвенно говорится явно без симпатии, например, как о “старом национализме”. В этом, конечно, А. Марченко не оригинальна. Подобные взгляды доминировали на протяжении многих лет, начиная ещё с 20-х годов. Правда, А. Марченко идёт дальше своих предшественников. Она свела человеческую и творческую судьбу Есенина к драме самолюбия. Непризнанность поэта новой властью, обиды на неё привели к следующему: Есенин “решил, что обиделся вместе с русским мужиком и за него тоже. Драматическое положение усугублялось тем, что при этом он не желал ни быть, ни слыть ходяком по рязанским делам”. Ларчик, оказывается, просто открывался, но эта та простота, которая хуже воровства.

Эгоцентризм Есенина А. Марченко доказывает цитатой из автобиографии поэта: “Крайне индивидуален”. Неудобно напоминать азбучные истины известной исследовательнице: крайняя индивидуальность присуща любому настоящему художнику, а между индивидуальностью и эгоцентризмом – пропасть, а не тождество, возникающее лишь тогда, когда индивидуальность – индивидуалист.

Книгой “Есенин: путь и беспутье” Марченко продолжает свою антиесенинскую линию. Наиболее показательна в этом отношении первая глава. Она из 22-х глав книги – самая последняя по времени написания, о чём свидетельствуют и факт её первой публикации (“Вопросы литературы”, 2011, № 5), и цитируемые в ней источники. Сия глава, значительно превосходящая по объёму все другие, является наиболее принципиальной. Поэтому уделим ей особое внимание.

С первых страниц книги Марченко создаёт мифы, рассчитанные на людей легковверных и далёких от литературы. Воссоздавая, например, атмосферу появления версии об убийстве Есенина, Марченко утверждает: “К середине 70-х годов Есенин перестал быть всего лишь Поэтом. С тяжёлой руки Станислава Куняева (“Добро должно быть с кулаками”) и стоящей за ним “русской партии” Есенина торжественно возвели в новый чин – персонифицированную национальную идею, в результате чего он и оказался в пантеоне неприкасаемых”. И как следствие: “Такой Есенин не имел права наложить на себя руки” (с. 13).

Однако в работах Станислава Куняева 70-х годов названные Марченко акценты (“персонифицированная национальная идея” и подобные) отсутствуют вообще. А версия исследовательницы о возведении в чин и о попадании в неприкасаемые, да ещё с подачи “русской партии”, порождена безудержной фантазией Аллы Максимовны. Отмечу лишь, что все есениноведы (неоднократно почему-то называемые Аллой Марченко “есениноведами”) того времени (Юрий Прокушев, Пётр Юшин, Евгений Наумов и т. д.) стремились сделать из Есенина советского поэта, и русское ими понималось в духе времени – с атеистических, партийных, космополитических позиций. Например, Юрий Прокушев, которого Марченко уважительно называет “главным специалистом по Есенину” (с. 27), так характеризует комиссара Рассветова из “Страны негодяев”: “патриот и верный сын России”, человек “со многими замечательными чертами характера коммуниста” (Прокушев Ю. Сергей Есенин. – М., 1973). Невыдуманный Рассветов, как остальные и большевики “первой волны”, “ленингогвардейцы” – специфичный патриот, советский патриот с ярко выраженной русофобией. Своё отношение к Родине он формулирует вполне определённо: “Вся Россия – пустое место. // Вся Россия – лишь ветер да снег”. Невольно вспоминается признание, адресованное России, другого “патриота”, русскоязычного поэта-руссофоба Владимира Маяковского: “Я не твой, снеговая уродина”.

Солидарна Марченко с есениноведами советского разлива и в категоричном признании факта самоубийства Есенина. Обсуждение версии убийства поэта является главным сюжетом первой главы. Конечно, Марченко не признаёт убийства Есенина и в качестве одного из аргументов в пользу официальной точки зрения приводит следующий: “Если бы в двадцатые годы хоть кто-нибудь усомнился в том, что Есенин повесился, а не “найден повешенным”, мне бы на это хотя бы намекнул Илья Ильич Шнейдер, коммерческий директор московской школы Айседоры Дункан” (с. 15).

Что за универсальный критерий – коммерческий директор школы Дункан? Вполне очевидно, что Шнейдер не мог знать всех усомнившихся. А если и знал таковых, то ему по разным причинам могла быть ближе или удобнее официальная версия. К тому же усомнившиеся всё-таки были. Это Николай Браун и Борис Лавренёв, вызванные в “Англетер” подтвердить факт самоубийства Есенина и отказавшиеся подписать протокол. А Всеволод Рождественский, сделавший это, объяснил свой поступок весьма своеобразно: “Мне сказали – нужна ещё одна подпись” (Браун Н. Я не инакомыслящий, я – мыслящий, это опаснее... // “Посев”, 2009, № 4). Отказалась признать самоубийство Есенина и мать поэта, которая, по свидетельству А. Берзинь, “отпевала его заочно”.

Отсутствуют в размышлениях Марченко и ссылки на показания секретаря есенинской похоронной комиссии Павла Лукницкого. Алла Максимовна, многократно цитирующая книгу П. Лукницкого “Встречи с Анной Ахматовой” как авторитетный источник, “не замечает” следующий фрагмент её: “Есенин мало был похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но всё

же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза – желвак, на переносице – ссадина и левый глаз – плоский: он вытек”. Обходит стороной Марченко и показания санитаров К. Дубровского, рисунки В. Сварога и другие свидетельства, подтверждающее версию об убийстве Есенина.

В трактовке смерти поэта Алла Максимовна последовательна, её позиция не изменилась с течением времени. В конце книги “Поэтический мир Есенина” в числе причин самоубийства поэта Марченко называет обиду, болезнь, галлюцинации, манию преследования, неприютность, невезение. “Словом, – заключает Марченко, – образовался такой тугий узел, что распутать его казалось невозможным, легче было оборвать”. И далее, явно не с христианских позиций, с большой дозой оригинальничания, за которой – душевная глухота и неправда, тотальное непонимание ситуации и судьбы Есенина, Марченко подводит итог: “Человек, у которого в жизни не осталось ничего, кроме стихов, мог принести им (друзьям и близким. – Ю. П.) и эту, последнюю, жертву. Смертью выиграть победу, как выиграл проигранный Амундсену Южный полюс капитан Скотт”.

В рецензируемой книге называются новые причины смерти: психическое расстройство – меланхолия (с. 42), преследовавшее чувство смерти, которое могло и не реализоваться, если бы не безденежье, простуда Тихонова, иное поведение Эрлиха (с. 573). Появляется и новая версия смерти – несчастный случай (с. 40–41). Эту версию, по мнению Марченко, “начисто исключить” невозможно.

Я готов опровергнуть эти и многие другие утверждения, оценки, версии Аллы Максимовны. Всего таких “пунктов” для полемики я насчитал в книге более ста пятидесяти. Но, понятно, такого длинного спора никакой читатель не выдержит, не говоря уже об определённом журналом объёме публикации. Поэтому отмечу лишь некоторые, типичные особенностями данной книги, вызывающие возражения.

На большинстве суждений автора “Есенин: путь и беспутье” лежит отпечаток его идеологических пристрастий. Либеральная партийность довлеет над исследовательской объективностью и элементарной человеческой порядочностью. Вот, например, Марченко выговаривает редакции “Посева”, “редакции солидного либерального журнала” (с. 26), за публикацию интервью с Н. Н. Брауном. Он, поэт и бывший политзаключённый, приводит свидетельство своего отца, выносившего мёртвого Есенина из “Англетера”. Факты, сообщённые Н. Л. Брауном, и его оценки подтверждают версию об убийстве поэта.

Конечно, Марченко привыкла к тому, что все либеральные авторы и все либеральные журналы признают официальную советскую версию самоубийства Есенина. Одни лишь сомнения в справедливости данной версии, по мнению другого либерального критика, Валерия Шубинского (“Новое литературное обозрение”, 2008, № 1), есть уже свидетельство неадекватности сомневающегося. Вот и Алла Марченко, пытаясь дезавуировать интервью Брауна, находит у него возрастную неадекватность, о которой сообщает так: “престарелый сын Н. Л. Брауна” (с. 26). Уточним, что Николаю Брауну в момент интервью был 71 год, и нет никаких причин сомневаться в его памяти и адекватности. Сама Марченко многократно приводит свидетельства людей ещё более почтенного возраста, нигде не называя их престарелыми и не ставя под сомнение эти свидетельства. Да и самой Алле Максимовне, много раз предающейся воспоминаниям в книге о Есенине, в этом году исполняется 80 лет.

Не менее характерен сюжет первой главы – рассуждения Аллы Максимовны о схожести обстоятельств, спровоцировавших трагедии Владимира Маяковского и Сергея Есенина (с. 42–43). Вполне предсказуемо, что в числе причин, обусловивших самоубийство Маяковского, не называется главная – “роман” с Вероникой Полонской. Не называется потому, что Алла Максимовна смотрит на трагедию поэта глазами “заинтересованных лиц” – Лили Брик и семейства Катанянов. Давно пора нашим либеральным авторам от трансляции чуть подрумяненных мифов 30–70-х годов минувшего столетия обратиться к реальной истории взаимоотношений Владимира Маяковского с его возлюбленными. И на фоне Элли Джонс, Татьяны Яковлевой, Вероники Полонской Лили Брик займёт подобающее ей место блудницы (Об этом см. мою статью “Случай эстетствующего интеллигента” // “Наш современник”. – 2008. – № 5).

Приведённые примеры показательны: использование грязных приёмов, сознательная ложь – это неотъемлемые составляющие творческого “я” авто-

ра рецензируемой книги. К тому же, выражения Алла Максимовна любит крепкие. Вот как характеризуются противники официальной версии смерти Есенина: “особенно дремучим и мрачным выглядят участок, приватизированный патриотами” (с. 12), “стайки шарлатанов да толпы невежд, к умственным усилиям не приученных” (с. 26), “материал с самыми дремучими вымыслами” (с. 26), “беспрецедентное по безграмотности сочинение” (с. 26), “неизлечимый дилетантизм, а то и прямое мракобесие” (с. 27), “неистовые мстители” (с. 31) и т. д.

Приведу несколько аргументов Марченко из её полемики с “невеждами”, сторонниками версии убийства Есенина. Алла Максимовна ставит себе в заслугу то, что она находит объяснение общепризнанному факту: в списках зарегистрированных постояльцев в “Англетере” Есенина не было. Как утверждает Марченко, Есенин дал управляющему В. М. Назарову “денежку” (с. 32). Эта гипотеза ничем не подтверждается, кроме воспоминаний Ольги Ваксель, которая сообщает, что её якобы в 1924 году принимал в “Англетере” Осип Мандельштам. А он, как и Есенин, в списках постояльцев не значился (с. 31). Гипотеза Марченко, как видим, не находит фактологического подтверждения. А её “логика” в очередной раз удивляет отсутствием таковой. К тому же, Алла Максимовна на странице двадцать третьей утверждает, что Есенин уехал из Москвы без денег. Ответ на вопрос, откуда поэт взял деньги на взятку, в книге отсутствует, да и сам этот вопрос у Марченко не возникает.

Ещё один аргумент автора “Есенина” звучит так: “Они же (Власть) запросто могли Есенина арестовать, скажем, по делу его давнего, ещё с дореволюционных лет приятеля, “крестьянского поэта” Алексея Ганина, связавшегося по дурости с “русскими фашистами”, да и прикончить на законных основаниях в подвалах Лубянки?” (с. 19). Таким образом, мало того, что Алла Максимовна признаёт факт существования “ордена русских фашистов” — её солидарность с ЧК симптоматична и умилительна. Более чем странным выглядит и марченковский “диагноз” — “связался по дурости”. Не знаю, что называет дуростью Марченко, но знаю другое: тезисы Ганина “Мир и свободный труд — народам”, написанные в 1924 году, стали для Агранова и чекистской компании одним из главных обвинительных пунктов по делу “ордена русских фашистов”. Приведу цитату из тезисов Ганина, а выводы о глупости русских фашистов и сентенциях Марченко пусть делает сам читатель: “. . . В лице ныне господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушения, разрушения и смерть. Достаточно вспомнить те события, от которых всё ещё не высохла кровь многострадающего русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооружённые с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население, всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда при малейшем намёке на отказ всякий убивался на месте, а у осиротевшей семьи отбиралось положительно всё < . . . > когда за отказ от погромничества поместий и городов выжигались целые сёла, вырезались целые семьи” (“Наш современник”, 1992, № 1).

В последние лет пятнадцать явно набирает силу тенденция сделать из Льва Троцкого заботливого друга Есенина, к которому поэт относился с нежностью и восхищением. Вот и Алла Марченко в разделе о Троцком “Мне нравится гений этого человека. . .” прилагает большие усилия, чтобы представить Льва Давидовича как умнейшего и достойнейшего политика, с редким пониманием относящегося к Есенину, человеку и поэту. Здесь, как и в случае с Колчаком (глава четырнадцатая), автор особенно подчёркивает свою роль первооткрывателя. В первую очередь через полемику “со своим” Олегом Лекмановым и “чужими” Станиславом и Сергеем Куняевыми.

Лекманов характеризуется Марченко как “серьёзный исследователь” (с. 17), как “автор подробно документированной биографии Есенина” (с. 45). Как видим, рецензия Наталья Шубниковой-Гусевой “И это — биография?” (“Литературная газета”, 2009, № 5), в которой убедительно выявляются многочисленные серьёзные просчёты книги О. Лекманова и М. Свердлова “Сергей Есенин. Биография”, на мнение Марченко не повлияла. И понятно, почему. . .

Фактологическая же неточность, допущенная Лекмановым в приводимом Марченко случае, оценивается не как “промах памяти, а вещей знак, свидетельствующий: даже люди редкой книги, а не только люди полужёлтых СМИ, весьма приблизительно представляют себе и конкретику политического бытия двадцатых годов, и характер отношений между действующими лицами происходящей драмы” (с. 46).

Полемика же с Куняевыми примечательна, прежде всего, тем, что даёт наглядное представление о творческой лаборатории Аллы Марченко. По её мнению, Куняевы “как бы и не приклеивают” (с. 46) Троцкого к смерти Есенина по следующей причине: “Чтобы сообразить (и заявить) компромат на его (Троцкого. – Ю. П.) “Слово о Есенине” <...>, пришлось бы объявить во всеуслышание, что Есенин “солгал сердцем”, написав (в 1924 году) “Русь бесприютную” (с. 46). И далее приводимую большую цитату из “Руси бесприютной” Марченко обрывает словами: “В них даже Троцкий” (с. 47).

Во-первых, заданность цитирования очевидна, ибо у Есенина после слова “Троцкий” стоит запятая (а не точка, как у Марченко), а затем следуют слова “Ленин и Бухарин”. Во-вторых, в таком есенинском варианте Троцкий никак автором не выделен, он назван в ряду других советских руководителей. В-третьих, почему очевидная констатация – в “бесприютных” мальчишках живут Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Есенин, Троцкий, Ленин, Бухарин – даёт основание утверждать, что поэт “солгал сердцем”? В-четвёртых, как приведённая строчка из “Руси бесприютной” может компрометировать “Слово о Есенине” Троцкого и наоборот?

И дальнейшая полемика Марченко с Куняевыми оставляет всё то же впечатление редкой бездоказательности, абсурда. Алле Максимова кажется почему-то странным, что Куняевы не оспорили статью Сергея Кошечкина “Смерть Есенина: две версии”, нам же странным видится изначальный посыл Марченко. Если бы Куняевы откликнулись на каждый “чих”, на любую публикацию о Есенине, с которой они не согласны, то тогда бы им всю жизнь пришлось заниматься только этим. К тому же, Кошечкин, представитель традиционного советского есениноведения, в своей статье ничего принципиально нового не говорит.

“Молчание” Куняевых получает у Марченко пикантную интерпретацию. Станислав и Сергей Куняевы могли бы оспорить одно из утверждений Кошечкина, ссылаясь на приводимый Марченко эпизод из воспоминаний Романа Гуля. Но он – “мемуарист неудобный”, “ибо наводит подозрительного читателя (другим эпизодом, где Есенин исполняет частушки о Ленине. – Ю. П.) на мысль о сервилизме Есенина. Дескать, и просоветские “Стансы”, и “Русь бесприютная”, и очень правильный Ленин в “Капитане земли” – не что иное, как “циничный карьерный маскарад” (с. 48).

Тот, кто не читал книгу Станислава и Сергея Куняевых о Есенине, может подумать, что для исследователей эпизод из воспоминаний Романа Гуля о его встрече с поэтом летом 1923 года в Берлине – это козырный туз, которым они не могут воспользоваться в силу “неудобности” мемуариста. Однако именно эти авторы одними из первых ввели данный эпизод (с выпадом Есенина против Лейбы Бронштейна) в читательский обиход. А в их книге “Жизнь Есенина” (М., 2001), в главе “Молю Бога не умереть душой...”, этот отрывок из мемуаров Романа Гуля цитируется, в отличие от Аллы Марченко, в полном объёме. К тому же воспоминания якобы неудобного Гуля называются Куняевыми “чрезвычайно важными”. И ещё: в этой же главе авторы приводят большой отрывок из мемуаров Лолы Кинел о том, как Есенин разыграл женщину в 1922 году, сообщив ей, что Ленин – год как умер... А через двадцать страниц в книге Куняевых полностью цитируется сегодня широко известное письмо Есенина Кусикову об отношении поэта к Октябрю и Февралю...

На фоне “весьма рискованной” (Ст. и С. Куняевы) шутки о Ленине и самого крамольного письма поэта эпизод с исполнением частушки (на нём, собственно, строит свою концепцию Марченко) видится почти безобидным. Проецировать же чужой текст частушки на произведения Есенина и делать выводы о сервилизме поэта – это, конечно, вне логики и вне филологии. Либеральные ЧК и ЦК должны учиться у Марченко тому, как стряпать “дела”. И, наконец, видеть в “Стансах”, “Капитане земли”, “Руси бесприютной” “циничный карьерный маскарад” можно только в таком состоянии, когда “в лоб ударила моча” (слова из частушки о Ленине). Во-первых, выражение “карь-

ерный маскарад” предполагает, что карьера состоялась, а это к Есенину никакого отношения не имеет. Во-вторых, названные произведения поэта есть отражение сиюминутных представлений автора о людях и времени, это искренняя попытка Есенина на уровне разума примириться с властью большевиков, попытка стать советским поэтом.

Ещё одна причина “ухода” Куняевых от полемики с Кошечкиным видится Марченко в том, что ссориться с “Правдой”, где статья есениноведа была опубликована, “в 1995-м ещё и опасно, и невыгодно” (с. 47). Данное утверждение, не аргументированное ничем, вызывает, по меньшей мере, недоумение. На основании чего Марченко решила, что точка зрения Кошечкина отражает позицию “Правды”? И существовала ли такая позиция вообще? Напомню, что в этот период газета стала во многих отношениях другой, чем была, скажем, в 60–80-е годы. В ней, например, публиковал свои статьи пламенный антикоммунист Владимир Максимов... То есть создаётся впечатление, что Алла Максимовна судит о “Правде” первой половины 90-х годов советскими мерками. К тому же нелепо и смешно смотрятся тезис о боязни Станислава Куняева “Правды” в 1995 году. Куняев не боялся “Правды” и ЦК КПСС в 70–80-е годы XX века, не боялся и не боится власти и её обслуживающих СМИ в постсоветский период, а “Правды”, малотиражной оппозиционной газеты в середине 90-х годов, вдруг испугался... Да и вообще, полемика – всё равно с кем и в какое время – с позиции “выгоды-невыгоды” – это не о Станиславе Куняеве.

Сюжет с Троцким мог и должен был получить продолжение в главе шестнадцатой “Возвращение на Родину”, события в которой датируются так: август 1923 – март 1924. В этот период помимо встречи со Львом Давидовичем, о чём “вокруг да около” рассказывает Марченко в первой главе, было более судьбоносное событие в жизни Есенина – “дело четырёх поэтов”. В связи с этим “делом” имя Троцкого возникало неоднократно в разных контекстах. Однако Алла Максимовна, с явной симпатией относящаяся ко Льву Давидовичу, с неподдельным интересом пишущая о самых разных мелочах и не мелочах, не имеющих к биографии Есенина никакого отношения, уходит от разговора о существе “дела четырёх”. Она применяет приём, за который в литературной критике выносят вердикт о крайней предвзятости и элементарном непрофессионализме.

Итак, по версии Аллы Максимовны, Есенин после заграничной поездки в пьяном состоянии стал вести себя неадекватно, превращаясь в “другого, чужого человека”. Он “и говорил, и делал то, чего у трезвого Есенина не только на языке, но и в уме, в сердце не было!” (с. 473). Как свидетельствует Галина Бениславская, на которую ссылается Марченко, в таком состоянии поэт становился своеобразным эхом своих “собутельников”: Алексея Ганина, Сергея Клычкова, Петра Орешина и других.

Именно с этих позиций в рецензируемой книге оценивается “дело четырёх” как “некрасивый скандал”, учинённый “в какой-то пивной” (с. 473), и противопоставляется ему “реальная, нешуточная угроза”, исходящая от редактора газеты “Беднота”. Он, как сообщает Алла Максимовна, проживающий в одной квартире с Бениславской, поставил её перед выбором: или выписать из квартиры Есенина, или самой лишиться работы в “Бедноте”.

Пожалуй, впервые в современном есениноведении предлагают нам относиться к “делу четырёх” как к шуточному, как к нереальной угрозе. Все резкие оценки, возникающие в этой связи, опуцу. О “деле” же, в отличие от Марченко, не промолчу.

Как известно, в “деле” поэтов Есенина, Ганина, Клычкова, Орешина обвинение в антисемитизме было главным. По данной статье наказание предполагалось не “шуточное” – вплоть до расстрела. Обсуждалась история “четырёх писателей” широко, живо, на самых разных уровнях. Только одна газета “Правда” дважды откликнулась на сие событие.

Встреча Есенина с Троцким своеобразно реконструируется Марченко в первой главе. Сама Алла Максимовна в этой связи признаётся: “...Ничего достоверного о беседе поэта с почти первым лицом страны Советов нам неизвестно” (с. 60). “Дело четырёх” даёт реальные возможности для постижения логики дальнейшей судьбы Есенина. В сюжете “дела”, от которого отмахивается Алла Максимовна, есть и интересные показания, суждения разных сторон, и реакция на “историю” в печати, и письмо Есенина Троцкому. Оно, впервые опубликованное Натальей Шубниковой-Гусевой в “Литературной газете” (2008, № 3–4),

вошло в её книгу “Сергей Есенин и Галина Бениславская” (СПб., 2008), неоднократно цитируемую Марченко. Однако о письме Есенина Троцкому, вызванном травлей поэтов в печати, Алла Максимовна даже не упоминает.

Ещё один документ, имеющий прямое отношение к вопросу “Есенин–Троцкий”, найден недавно в Российском государственном архиве и опубликован Валерием Артёмовым в той же “Литературной газете” (2010, № 11). Это письмо “В Президиум ВЦИК. Копия т. Троцкому” написано Михаилом Семёновичем Грандовым 20 ноября 1923 года. Именно он фигурирует в рецензируемой книге как безымянный редактор “Бедноты”, от которого якобы исходила реальная угроза Есенину.

Вообще-то Грандов был не редактором, а заместителем ответственного редактора “Бедноты”. Но главное в другом: именно он сообщает в своём письме о бедственном положении бездомного Есенина, что, по словам заботливого Грандова, “подготавливает обильную почву для тяжёлой жизненной драмы этого талантливого человека”. Заключительную часть письма процитирую полностью: “Меж тем при современном жилищном законодательстве и жилищном голоде он бессилён разрешить для себя квартирный вопрос без содействия государственных органов. Об этом содействии я и прошу Президиум ВЦИК. Конкретно дело сводится к тому, чтобы предписать соответствующему учреждению предоставить С. Есенину и его семье (живущей на его иждивении <сестры поэта>) квартиру из трёх комнат с кухней”.

Главной причиной, не позволившей положительно решить квартирный вопрос Есенина, Валерий Артёмов называет “ограничения властных полномочий Троцкого в результате его поражения во внутривластной дискуссии”. Публикатор письма находится в плену тех же мифов о Троцком, что и Алла Марченко. Об отношении Льва Давидовича к Есенину точнее судить по делам его, а не по “словам”: поведению во время августовской встречи, по смертной статье, мемуарам... Именно на этом и не только на этом делает ударение Марченко в своей книге. Дела же Троцкого расходятся с его “словами”.

Нежелание Льва Давидовича помочь Есенину объясняется одним: он не принимал русскости творчества поэта, той русскости, которая Советской властью в 1920-е годы выкорчёвывалась целенаправленно и беспощадно в жизни и литературе. К тому же Есенин был одним из немногих писателей в СССР, кто ещё в первой половине двадцатых годов показал в своём творчестве антирусскую, античеловеческую сущность новой власти. Не мог Троцкий не обратить внимание и на историю с “делом четырёх” по разным причинам – от личной (его имя звучало не раз) до политической (речь шла о сущности Советской власти).

О “деле четырёх” сказано подробно и объективно во многих работах. Я же обращаю внимание лишь на особенность этого “дела”, имеющую прямое отношение к смерти Есенина и к книге Аллы Марченко. Думаю, суд над Есениным, Ганиным, Клычковым, Орешиним стал своеобразным сюжетным продолжением “Страны негодяев” и прологом к гибели всех фигурантов “дела”, гибели, подчеркну, предсказуемой.

Насильственная смерть Ганина, Есенина, Клычкова, Орешина угадывается в той интерпретации “истории в пивной”, которая давалась стороной обвинения в широком смысле. Назову хулителей Есенина: инициатор-провокатор М. Родкин, милиционер И. Абрамович, беспринципный куплетист Демьян Бедный, влиятельнейшие партийные журналисты, редакторы Л. Сосновский, Б. Волин, М. Кольцов.

Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую влиятельность Льва Сосновского, неистового ниспровергателя Есенина, следующими фактами его биографии: член РСДРП(б) с 1903 года, один из лидеров журнала “На посту”, ответственный редактор “Бедноты”, член президиума ВЦИК, постоянный автор “Правды”, который и после смерти Есенина опубликовал на её страницах статью “Развенчайте хулиганство” (1926, № 216).

Я акцентирую внимание на этом ещё и потому, что все либеральные авторы, Алла Марченко в том числе, утверждают: Есенина как идейного противника никто всерьёз не воспринимал, ему симпатизировало партийное руководство, поэт был просоветски настроен, он – человек слабый, сломленный, больной...

Итак, названные обличители “четырёх поэтов” “историю в пивной” и за её пределами оценивали как выступление против “засилья жидов” в литературе, против советской – “жидовской” – власти и её представителей Троцкого и Ка-

менева. Срежиссированная кампания против Есенина и его друзей была первой публичной попыткой сфабриковать политическое “дело” против русских писателей. Первая попытка не удалась, но сценарий для будущих “дел” был написан. Особенно показательна в этом отношении публикация Михаила Кольцова.

30 декабря 1923 года – через семнадцать дней после решения суда, после снятия с поэтов обвинения в антисемитизме – вдруг (конечно, не вдруг!) на страницах главной газеты страны “Правда” появляется статья “Не надо богемы” одного из самых идеологически чутких журналистов. В этой публикации Есенин, Клычков, Орешин, Ганин ставятся в один ряд с дореволюционными славянофилами из “Славянского базара” с репутацией антисемитов и даже с немецкими фашистами. Итог же кольцовского “шедевра” есть смысл процитировать: “В мюнхенской пивной провозглашено фашистское правительство Кара и Людендорфа, в московской пивной основано национальное литературное объединение “Россияне”. Давайте будем грубы и нечутки, заявим, что всё это одно и то же...” (цит. по: Есенин С. А. Полн. собр. соч. В 7-ми тт. Т. 7. Кн. 2. Дополнения к 1–7-му томам. Комментарии. – М., 2000).

Неудивительно, что через год с небольшим после публикации статьи Кольцова по делу “Ордена русских фашистов” был расстрелян Алексей Ганин. Закономерно и то, что в 1934 году на I съезде писателей СССР в разряд фашистов, “изменников человечества” попал уже Фёдор Михайлович Достоевский. Виктор Шкловский (его по другому поводу Марченко почтительно называет “человеком не робкого десятка”) вынес сей приговор писателю, руководствуясь всё той же логикой Михаила Кольцова.

Но не стоит заикливаться на персоналиях (М. Кольцов, Л. Сосновский и т. д.) или сводить проблему к еврейскому происхождению хулителей Есенина. То, что озвучивали Кольцов и компания, не просто висело в воздухе, а было кислородом той эпохи. Сосновские, бухарины, кольцовы выражали линию партии в русском вопросе. И смерть Есенина нужно рассматривать именно в этой национально-политической плоскости. Тогда станет очевидным, что конфликт Есенина с Троцким и Советской властью вообще неизбежен и, более того, неразрешим, ибо это был конфликт русского человека, поэта с антирусской властью. С Есениным произошло то, что рано или поздно должно было произойти.

В ещё одной “оригинальной” четырнадцатой главе “А если это Колчак?” речь формально идёт о поэме Есенина “Пугачёв”. Это произведение уже рассматривалось Марченко ранее в упоминавшейся книге “Поэтический мир Есенина”, в главе “Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего”. “Пугачёв” анализируется Аллой Максимовной, как тогда говорили, с верных методологических – партийных – позиций и на высоком научном уровне. Видимо, поэтому так разительно отличается “Пугачёв” в интерпретации Марченко от “Пугачёва” Есенина. Особенно впечатляют предложения, подобные следующему: “Струение корабельных образов – не единственный формообразующий элемент, использованный Есениным в “Пугачёве”.

В постсоветское время Алла Максимовна настолько прозрела, что переплюнула всех, кто анализирует есенинскую поэму сквозь призму событий XX века. Ещё в 60-е годы минувшего столетия Пётр Юшин выдвинул следующую версию прочтения “Пугачёва”: “Взяв в качестве сюжета пьесы исторический факт, Есенин перенёс его в послереволюционные условия, заполнил монологи героев характерными для первых советских лет авторскими переживаниями, ассоциациями и оценками” (Юшин П. Сергей Есенин. – М., 1969). В последние два десятилетия некоторые авторы привязали есенинского “Пугачёва” к конкретным событиям и историческим персонам: Махно и крестьянское движение на Украине (В. Мусатов и большая часть исследователей), Антонов и Тамбовское восстание (Ст. и С. Куняевы).

Самую оригинально-фантастическую версию высказала в 2006-ом году Алла Марченко в статье “А если это Колчак?” (“Вопросы литературы”, 2006, № 6). Эта статья через шесть лет стала четырнадцатой главой рецензируемой книги. В ней Алла Максимовна утверждает: адмирал Колчак – “второй Пугач”, его личность и деятельность на посту Верховного Правителя России нашли зашифрованные отклики в поэме Есенина. Приведу показательный довод Марченко: “Есенинский Пугачёв, предлагая сподвижникам план спасительного отступления, упоминает Монголию, что, согласитесь, выглядит довольно стран-

но. (Где Монголия, а где заволжские степи и Яицкий городок?) Зато в рассуждении Колчака ничуть не странно” (с. 435). Однако нигде в поэме Монголия как вариант убежища не называется. В последней главе Пугачёв и его сподвижники говорят о бегстве в Азию через Гурьев и Каспий. То есть обсуждается идея, которую действительно высказывал реальный Пугачёв, стремившийся в Персию или на Кубань.

Монгольские же орды, упоминаемые в монологе самозванца, – это условное название всех кочевых азиатских народов в поэме, включая башкир, татар, калмыков, воевавших на стороне Пугачёва. Доказательством тому являются слова самозванца в четвёртой главе, речь Зарубина в шестой главе и следующий ответ Крямина Пугачёву:

*Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд,
Под Самарой ударился в бегство?*

В аннотации к книге Марченко нас уверяют, что её автор “строит свою убедительную реконструкцию” трагического пути Есенина. Выражение “строит <...> реконструкцию”, мягко говоря, смущает, а оценка книги вызывает возражения, ибо никакой убедительности в ней нет уже потому, что Марченко за пределами вольно обращается с историческими фактами, событиями, людьми. Они для автора лишь материал для иллюстрации идей, нередко экстравагантных. И глава о Пугачёве–Колчаке в этом отношении показательна.

В ней Алла Максимовна демонстрирует свои знания истории, демонстрирует довольно часто без необходимости и очень навязчиво. Например, она, желая подчеркнуть единственность судьбы Колчака, сообщает: “Все остальные фигуранты “белого сопротивления” “красному террору” либо убиты при попытке к бегству (Антонов), либо самовольно пустили себе пулю в лоб (Каледин), либо благополучно ретировались за границу (Деникин, Юденич, Врангель, Краснов). В истории устранения Махно момент торга, конечно, наличествовал, но расплатились с батькой не червонцами” (с. 423).

Во-первых, невозможно понять, почему фигурантами “белого сопротивления” у Марченко являются Махно и Антонов, не имеющие к нему никакого отношения. Во-вторых, где в списке Аллы Максимовны Лавр Корнилов и Михаил Алексеев – те, с кого, собственно, “белое сопротивление” начиналось?

Правда, имя Корнилова возникает в книге Марченко в другом контексте (с. 425–426). Здесь, думаю, Алле Максимовне следовало бы отметить явную фактическую ошибку, допущенную Есениным в “Песне о великом походе”, а не повторять её вслед за ним. То есть не мог Колчак посылать отряды на помощь Корнилову, ибо Лавр Георгиевич погиб 17 апреля 1918 года, а Колчак в первой половине этого года был “никем”, искал применения своим силам, передвигаясь по маршруту Япония–Сингапур–Китай.

Алле Марченко, с увлечением пересказывающей биографию Колчака в объёме, значительно превышающем разговор о поэме “Пугачёв”, всё-таки следовало бы знать элементарные факты из биографии адмирала. Например, Верховным Правителем России Колчак стал не в январе 1919 года, как убеждают нас на странице 425-й, а в ноябре 1918 года. Адмирал в своём обращении “К населению России” писал: “18 ноября 1918 года Всероссийское Временное правительство распалось.

Совет Министров принял всю полноту власти и передал её мне – Адмиралу Русского Флота, Александру Колчаку”.

Марченко, транслируя мифы о Колчаке, не видит главного, того, что, собственно, и делает адмирала личностью трагической. Он, выступивший “против чудища насилия”, во многом стал сродни этому “чудищу”. Общеизвестно: против собственного народа воевали не только “красные”, но и “белые”, Колчак в том числе. О перерождении “белых” в “красных”, о тождестве противоборствующих сторон в отношении к мирным жителям писали такие “добровольцы”, как Василий Шульгин, Антон Деникин, Роман Гуль. У Марченко, конечно, ни о чём подобном речи не идёт. Не говорится и о карательных акциях колчаковцев против гражданского населения, и о массовом сопротивлении сибиряков Верховному Правителю России, и о многом другом, мешающем восприятию адмирала как “единственной трагической (и романтической) фигуры в истории Белого движения” (с. 428).

Не менее “политических” глав удивляют главы “любовные”. Если в главах “политических” всё и вся подгоняется под либеральные взгляды Марченко и её фантазию, то в “любовных” главах Алла Максимовна своеобразно обнажает кажущуюся ей сущность героев книги. Сущность, чаще всего, неприглядную, низменную, животную. Именно повествование об этой сущности является ключевым в главах с семнадцатой по двадцатую.

Вполне очевидно, что особый интерес у Марченко вызывают те свидетельства современников, в которых выливается “грязь” на женщин С. Есенина и на него самого. Уточню, под “грязью” я понимаю предвзятые, несправедливые оценки и характеристики, не дающие или дающие очень искажённое представление о человеке. Например, не было никакой необходимости приводить такое высказывание Анатолия Мариенгофа о Зинаиде Райх: “Я обычно говорил о ней: “Эта дебёлая еврейская дама”. Щедрая природа одарила её чувственными губами на лице круглом, как тарелка. Одарила задом величиной с громадный ресторанный поднос при подаче на компанию. Кривоватые ноги её ходили по земле, а потом по сцене, как по палубе корабля, плывущего в качку” (с. 486).

И всё же среди цитатной “грязи”, в изобилии собранной Марченко, особую роль в книге играет “грязь” сексуальная. Вот в главе девятнадцатой “Молодая, с чувственным оскалом...” цитируется большой отрывок из дневника Корнея Чуковского, где характеризуется Софья Андреевна Толстая. Приведу только некоторые слова и фразы (по причине гигиенической в том числе) из этого, по словам Марченко, “чрезвычайно интересного” якобы психологического портрета: “сладострастна, честолюбива, вздорна, ветрена”; “тело всё в волосах, от чего её прозвали “Сонька – меховая нога”; “Тогда она пустилась в разврат – сошлась с каким-то, как говорят, жидом”; “А ей всего 23 года – и все вокруг благоговейно пред её чистотой” (с. 512).

Весьма характерно то, какой отклик вызывает у Марченко цитата из Чуковского. Если это не автопортрет Аллы Максимовны как создателя книги, то довольно впечатляющие штрихи к нему. Судите сами: “Сонька – меховая нога” была штучкой совсем иного сорта. Чтобы раскусить столь крепкий орешек, надо было обладать не есенинским здоровым смыслом, а феноменальной (не человек, а томограф) сверхзрячестью Чуковского. В одном ошибался проницательный Корней Иванович: Софья Андреевна была, может быть, и не совсем глупа, но недостаток ума усугублялся поразительной чёрствостью, я бы даже сказала, душевной бездарностью” (с. 513).

Далее Толстая характеризуется как “беспутная скромница”, “искательница острых ощущений” (с. 516), “испорченная и развратная” (с. 518). Её же интерес к Есенину объясняется с позиции “ниже пояса” – универсальной для Марченко позиции. Оказывается, Толстую интересовал ответ на вопрос: что Дункан, “заморская секс-бомба”, “великая блудница”, нашла в Есенине? Великий поэт был для Софьи Андреевны “прежде всего “сексуальным феноменом” (так странницей ранее Марченко характеризует отношение Толстой к Григорию Распутину).

Нет смысла комментировать эту нелепую “сексуальную” версию и многие другие, ей подобные. Выражу лишь своё удивление, вызванное таким живым, сладострастным, болезненным интересом женщины к сексуальности в столь почтенном возрасте.

Фёдор Михайлович Достоевский, обращаясь к Николаю Ивановичу Костомарову, сказал: “Чтобы быть русским историком, нужно быть, прежде всего, русским. Вы... не русского духа...” (цит. по: Селезнёв Ю. В мире Достоевского. – М., 1981). Перефразируя классика, можно утверждать: чтобы написать полноценную работу о Есенине, нужно быть русским по духу. По сути, о том же говорит Юрий Мамлеев. Он, рассматривая тему России в лирике М. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина, верно замечает: “Чтобы понять это, надо иметь такой ток” (“Советская литература”. – 1990. – № 1).

Русский “ток”, дух в Алле Марченко отсутствует. Поэтому и её новая книга – это повествование не о Сергее Есенине, а о человеке и поэте, внешне похожем на русского гения. И не более того. Зато автопортрет Аллы Максимовны получился выразительный, законченный, запоминающийся. И, конечно, жаль тех читателей, которые примут многочисленные авторские “выпукления” (С. Есенин) за правду о поэте, о его современниках и времени. Новая книга Марченко есть очередное свидетельство того, что путь либеральных исследователей русской литературы – это путь в беспутье, путь в никуда.

Большое спасибо, Алексей Валерьевич!

Прочел с огромным интересом Вашу вдохновляющую статью. Вдохновляющую видеть автора и его слушателей. Удивительно, как это Вы сами увидели!

Я тоже убежден, что перед князем и дружиной постоянно что-то пелось, т. е. была традиционная живая творческая “устность”. Как и в других принявших христианство странах, лет через двести после крещения и у нас начала происходить встреча “устности” и “письменности”. Но у нас эта встреча по-настоящему так и не состоялась — из-за разгрома и раздела страны в XIII в. Вот “Слово” и осталось практически единственным “стыком” двух сфер, или полей, словесного творчества.

От души желаю Вам столь же вдохновенного продолжения работы.

С глубоким уважением Ваш Гелиан Михайлович Прохоров.*

АЛЕКСЕЙ АРТЕМЬЕВ

СЛОВО О “СЛОВЕ”

“Слово о полку Игореве”. Какая удивительная судьба! Подобно таинственному морскому животному, всплывало оно из темных глубин истории, приводило в изумление свидетелей и опять уходило в небытие.

В 80-е годы XII столетия оно было создано в Киеве при загадочных обстоятельствах и затем исчезло на двести лет. В 80-е годы XIV столетия всплыло в Северо-Восточной Руси, как в зеркале, отразилось в “Задонщине” и снова погрузилось во тьму на четыреста лет. В 80-е годы XVIII столетия вновь появилось, уже в совершенно иной культурной среде, в Москве, успело пройти через типографию, было издано тысячным тиражом и вскоре окончательно, таинственно и бесследно исчезло. Навсегда ли?!

Но и после своего издания в 1800 году судьба его выглядела странной. Дерзну сказать, что за эти два последних столетия “Слово о полку Игореве” так и не стало желанным, понятным чтением народа, на языке которого оно написано. Поэты сочиняют стихи и поэмы, композиторы создают оперы, художники пишут живописные полотна. Переводят, переиздают, иллюстрируют, штурмуют многочисленными научными исследованиями, однако смею утверждать, что истинного содержания поэмы, то есть того, о чем она написана, так до сих пор никто и не понял. На первый взгляд, такое утверждение может показаться странным и даже спорным. Дело в том, что поэма состоит по меньшей мере из двух планов. Первый достаточно ясен — это повествование

* Прохоров Г. М. — доктор филологических наук, профессор, крупнейший специалист по древнерусской и византийской литературам, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

о самом походе Игоря. Но другие планы темны и загадочны. В них отразились события, происходившие тогда во всей политической жизни Руси. И здесь уже нужен не читатель, а следователь. Вот попытку такого расследования мы и предлагаем в помощь читателю.

1. Рукопись. Текст

Принимая во внимание известную эзотерическую закрытость текста поэмы, а также острое содержание, относящееся исключительно к жизни политической элиты, невольно приходишь к убеждению, что и тогда, сразу после своего создания, поэма вряд ли могла стать хоть сколько-нибудь популярной. Если сегодня мы вынуждены признать, что многие поколения профессиональных ученых, оснащенные огромными историческими и филологическими знаниями, за два столетия так и не смогли прийти к согласию и ясности в понимании поэмы, то о каком ее всеобщем понимании могла идти речь тогда, в XII веке? Поэма была создана в замкнутой среде придворной знати, которая, вместе с автором поэмы, пребывала – скажем так – в едином информационно-политическом поле. Эта среда представляла собой некую военно-политическую касту. Политическая конъюнктура в те времена быстро менялась, и поэма в скором времени, утратив свою актуальность, так двести лет и пролежала где-то в единственном экземпляре. Кому и зачем надо было переписывать этот малопонятный текст, да еще в тяжелые времена ордынского ига?

Но вот на исходе XIV века рукопись, как “Наутилус”, всплыла вдруг в качестве исторического и литературного материала для написания “Задонщины”. При этом совершенно очевидно, что автор “Задонщины”, взявшийся воспеть победу русского войска на Куликовом поле, не имел ни малейшего представления ни о событиях на Каяле, ни о других реалиях, описанных в “Слове”, не мог оценить подлинных художественных достоинств древней поэмы. Однако начитанный в священных текстах средневековый книжник сразу почувствовал промыслительность находки. Найденный текст удивительным образом был созвучен только что совершившимся событиям – тоже русичи, тоже пошли на Дон воевать с “погаными”, но тогда потерпели поражение, а сегодня – победа! Автор “Задонщины” трактует это как единую цепь событий, которая началась поражением, а закончилась победой... Возможно, именно автор “Задонщины” и переписал ставшую ветхой за двести лет рукопись на свежие листы, а старую (скорее всего, это был автограф), как и полагалось, уничтожил. Разумеется, переписывая он все это аккуратно, буква в букву, без малейших корректур, так как абсолютно не понимал подлинного содержания поэмы. То, что у автора “Задонщины” был именно тот самый текст “Слова”, который дошел до нас, позволяет утверждать то, что во всех многочисленных цитатах и аллюзиях, заимствованных из “Слова”, нет ни малейших расхождений с единственным текстом, дошедшим до нашей эпохи, нет ни одного незнакомого слова, которое позволило бы заподозрить, что автор “Задонщины” пользовался какой-либо другой рукописью древней поэмы.

Скорее всего, именно этот список конца XIV века в XVIII веке и попал к А. И. Мусину-Пушкину, был тщательно, но тоже со смутным пониманием, воспроизведен в издании 1800 года, а еще через двенадцать лет был окончательно утрачен.

И, наконец, если принять во внимание, что дошедший до нас текст сохранил в себе тончайшие и при этом проходящие через всю поэму единые художественные особенности, то есть все основания предположить, что по крайней мере, сознательно поэма не подвергалась никаким чуждым внедрениям, и ее текст дошел до нас в уникальной первозданности.

2. Автор

Вот уже более двух столетий исследователи бьются над поисками имени автора “Слова о полку Игореве”. За двести лет возникло множество различных версий. Однако более существенно и, конечно же, более плодотворно попытаться услышать живой голос автора в самом тексте и наметить очертания его личности.

Прежде всего, совершенно очевидно, что автор был причастен к упомянутой военно-политической касте, которую он называет “братья”. Затем все

исследователи единодушно признают его исключительный поэтический талант и образованность. Но, кроме того, его личности были присущи качества, которые с трудом укладываются в наши представления о средневековом человеке. Из текста видно, что он обладал остроумием, юмором, иронией, развитым интеллектом, артистизмом и виртуозностью, поэтической изобретательностью, пользовался богатым спектром профессиональных поэтических приемов. Все перечисленные качества рисуют портрет, более всего похожий на профессионального поэта-импровизатора.

Этот факт крайне важен для понимания “Слова”.

3. Придворная поэзия

Но если был профессионал, значит, была и профессия, значит, был соответствующий культурный пласт. “Слово” — это не какое-то одиночное, кем-то случайно созданное произведение, а одна из многих, постоянно звучавших на княжеских собраниях песен аристократически развитой воинской, придворной поэзии, профессиональной, но при этом по-архаичному, по-средневековому устной. На подобных собраниях звучали исполнявшиеся, возможно, под гусли, старые песни — “старые словеса”, которые певцы “помнили”, а также и вновь создаваемые поэтические импровизации на темы “былин — событий — сего времени”, которые песнотворцы “творили”, слагали прямо перед слушателями.

Уникальность “Слова” состоит лишь в том, что эта блестящая импровизация, в силу каких-то обстоятельств, оказалась записанной.

4. Как было записано “Слово”

В дошедшем до нас тексте знаменитой поэмы с исключительной наглядностью просматривается, как “Слово” сначала было устно, импровизированно произнесено, пропето, а потом записано. О причинах, побудивших записать устный текст, мы еще будем говорить, а пока задумаемся, как это могло тогда происходить.

Прежде всего, несомненно, что такой изысканный и замысловатый текст мог записать только сам автор. Но, как обнаруживается, автор плохо владел чисто литературной, книжной формой. Обладая профессиональной памятью, он пытается записать все сказанное буквально так, как оно прозвучало, то есть обращаясь к “братьям” с той же разговорной свободой и непосредственностью, с которой он привык вести речь в своем устно-поэтическом жанре перед живыми, хорошо знакомыми ему слушателями. Обращаться же к некоему виртуальному, неведомому читателю он явно не привык, не умеет, не представляет себе, каким образом живой разговор, понятный слушателям, можно превратить в литературно-рукописный текст, понятный читателю. Но, тем не менее, произнесенный текст решено записать, и письменная форма заставляет автора преодолевать серьезные трудности. Что-то ложится на бумагу сравнительно легко и просто, что-то требует литературных усилий, а что-то так и повисает в воздухе и потом будет вызывать у читателей недоумение. Но автор не контролирует свой текст глазами читателя.

Текст, дошедший до нас, родился в два этапа. Сначала устно, а потом еще раз, как бы заново — письменно. Эти два противоречивых творческих акта, наложившиеся один на другой, и создали в тексте поэмы ту самую трепетно-химерическую форму, которая вызывает у нас одновременно и восхищение, и недоумение, не укладываясь в наши понятия о литературной форме, о привычных литературных жанрах.

5. Ключ к прочтению

Все перечисленные особенности поэмы, с одной стороны, казалось бы, непреодолимо затрудняют чтение ее текста, но, с другой — могут дать своеобразный ключ, помочь обнаружить в ней удивительные, неожиданные, говоря по-современному, скрытые за кадром реалии давно ушедшей жизни, выявить неизвестные доселе явления культуры.

6. Двухвековые неудачи “переводчиков” “Слова”

Наверное, ни одно произведение древнерусской литературы не имеет такого количества переводов, причем, что замечательно, — с русского на русский. Можно, конечно, объяснять этот факт привлекающими переводчиков художественными красотами поэмы. Однако основная причина кроется в другом. Просто ни один перевод не достигает своей главной цели — не делает произведение понятным. За перевод “Слова” брались крупнейшие русские ученые и поэты, которых не упрекнешь в отсутствии вкуса или мастерства, однако необходимого результата и они не добивались. В чем же причина этих неудач? Сблaзн взяться за перевод “Слова” — это своеобразная литературная ловушка. Перевод поэмы в свое время уже был сделан самим автором. Он перевел свой гениальный устный текст на сравнительно неумелый письменный. И вот уже более двух столетий переводчики нового времени, на полном серьезе, силятся сделать вразумительным этот от рождения литературно невразумительный текст.

Чтобы “Слово” по-настоящему начало раскрываться, надо попытаться реконструировать именно картину рождения поэмы. Задача, разумеется, тоже не из легких, но, по крайней мере, работа обретает реальную цель, становится по-настоящему плодотворной и, к тому же, захватывающе интересной.

Так давайте же попытаемся!

7. Рождение поэмы

Прежде всего надо осознать, где происходит реальное действие поэмы. Да, в ней необыкновенно ярко описан поход Игоря в половецкую степь, однако некое закадровое пространство, в котором фактически совершается рождение поэмы, — это отнюдь не половецкое поле, а княжеская гридница, куда собирается княжеская знать, “братья”, к которым автор в своей поэме постоянно обращается. Подобные собрания сопровождаются трапезой и прочими увеселениями. Туда традиционно приглашаются и придворные певцы. Певцы-песнотворцы должны быть не просто поэтами, но еще и некими ходоками, хоббщиками, ходынами по Русской земле, а может быть, и за ее пределы, должны все видеть, слышать, запоминать, осмысливать, а затем красочно и правдиво рассказывать об этом на княжеских пирах. Если же на собрании присутствуют хотя бы два певца, то между ними может возникнуть состязание, подобное описанному И. С. Тургеневым в рассказе “Певцы”. На таких собраниях обсуждаются главные события дня — “былины сего времени”.

На данном собрании прошел слух о поражении Новгород-Северского князя, которое он потерпел от половцев при попытке втайне от других князей выйти в степь и захватить легкую добычу. Войско погибло. Князя оказались в плену.

И вот пирующая братия предоставляет слово певцам. Первым начинает некий Боян — скорее всего, уже немолодой певец, прославленный и любимый в княжеской среде. Он начинает с исполнения любимых “братьями” старых песен о подвигах их предков, старых князей. Затем Боян, видимо, не владея достоверной информацией о последних событиях, а лишь манипулируя заученными штампами, что-то поет и об Игоре в походе. И заканчивает свою песнь “рокотанием славы” в адрес присутствующих “братьев”. Судя по всему, собравшиеся были вполне довольны его началом. Оно было им “лепо”, любо, лестно.

Рассказы же о бедах в соседних княжествах их, видимо, меньше волновали.

На том же собрании присутствует и другой певец. Скажу сразу, имя его, или прозвище, — Ходына. Дальше мы убедимся в этом со всей очевидностью, а пока будем следить за ходом собрания.

После Бояна настает очередь Ходыны. Для оживления сценария можно даже представить себе, что он, подобно тургеневскому Якову, бледен и долго молчит, закрыв лицо руками. Он не придворный краснбай, он поэт другого склада, другого масштаба. Однако Ходына понимает, что собравшейся братии нравятся льстиво-развлекательные речи Бояна, нравятся его “замышления”. И он обращается к “братьям” с тонкой иронией: “Не лепо ли (не ладно ли) нам было, братья, начать словами старых ратных повестей (речь) о по-

ходе Игоря (и подчеркивает) Игоря Святославича”. Таким образом, Ходына, слегка иронизируя, указывает “братьям” на нелепость того, что Боян начал речь о событиях “сего времени”, о походе Игоря Святославича, “старыми словами”. Именно “начал”, то есть пропел первым.

Вот, кстати, прямо-таки умильный пример литературного инфантилизма поэта-импровизатора Ходыны. С этого своеобразного редакторского курьеза сразу и начинается дошедший до нас письменный текст поэмы. Автор записывает, разумеется, только то, что произнес перед слушателями сам. Он начинает с обращения к неким “братьям” – слушателям, иронизируя по поводу каких-то, только что происшедших событий, абсолютно не думая о читателе, который там не присутствовал и знать об этих событиях никак не может. Более того, на свое обращение к “братьям” автор сам же довольно подробно отвечает. А читатель так и остается в неведении, о чем же идет речь, кто такой этот Боян, личность которого автор почему-то так подробно обсуждает с “братьями”? В конечном счете читатель оказывается введенным в заблуждение: если Боян пел о “Старом Ярославе, Храбром Мстиславе...”, значит, речь идет о каком-то певце, якобы жившем в то “старое время”, задолго до Игорева похода. Хотя можно ли себе представить, что в конце XII века на княжеских пирах не пели старых песен “о Старом Ярославе, о Храбром Мстиславе...” и т. д.

Как литературный редактор Ходына по-детски наивен, однако в своей профессии поэта-импровизатора он мастер высочайшего класса. Чтобы утвердиться в своем поэтическом намерении, ему нужен возбуждающий его идейный противник, и вот он перед ним, он уже пропел свою песнь. Теперь надо раскрыть его творческое лицо перед “братьями”. И Ходына с блеском, которому может позавидовать любой современный интеллигент, анализирует певческую манеру соперника. Он делит его песнотворчество на три проявления. Первое – мыслительно-сочинительское, второе – исполнительское и третье, скажем так, – конъюнктурное.

Первое, мыслительно-сочинительское – “замышления Бояна” Ходына сразу отрицает и характеризует его в иносказательных выражениях и образах, о которых современные ученые написали множество исследований. Блистая эрудицией, они вкладывают во все эти образы непременно какой-то магически-символический смысл, глубокомысленно связывая их с мировой мифологией и эпосом, хотя “Слово” не имеет ни малейшего отношения ни к мифологии, ни к эпосу. Но вот если эти выражения применить, например, к самим этим ученым мужам и сказать, что они, подобно вещицу Бояну, “растекаются и скачут мыслию по древу”, “рыщут серым волком по земле через поля на горы”, высокопарно “летают умом под облаками” и, наконец, “щечочут соловьем”, то все встанет на свои места, и никаких сомнений в привычном, разговорном значении этих выражений не останется. Именно в таком значении их употребил и острый на язык, ироничный Ходына.

О втором проявлении Боянова песнотворчества, исполнительском, Ходына говорит в несколько ином тоне. Видимо, этим Боян и был славен – он “помнил” много старых песен о славных старых временах и самозабвенно их исполнял, чем и заслужил признание “братьев”. Однако Ходыну просто исполнение старых, кем-то прежде сочиненных песен не вдохновляет, он мыслитель, для него важно раскрыть внутренний смысл событий, как современных, так и прошлых, связать их в единый исторический процесс. Он явно иронизирует над умственной ограниченностью Бояна, над неуверенностью его мысли, которой Боян “растекается”, но при этом пытается компенсировать свою слабость пальцами-соколами, которыми он уверенно “дотекает” до струны-лебеди, подменяя трудное мыслительное творчество – “замышления” – более легкомысленно-развлекательным исполнительством уже известных старых песен.

Еще А. С. Пушкин с удивлением заподозрил во всем этом “иронию, пробивающуюся сквозь пышную хвалу”. Может быть, эта “пышность” к тому же еще является пародией на высокопарный стиль самого Бояна?

И наконец, третья часть репертуара “вещего Бояна”. Ходына развивает свой иронический пафос, сквозящий через “пышную хвалу”: “то не десять соколов на стадо лебедей... то Боян свои вещи персты на живые струны воскладал”. “Живые струны” – это обращение к живым князьям и боярам. Тут уж

до живых-то струн угодливому Бояну своими “вещими перстами” и “дотекать” не надо — “они же сами князьям славу рокотали”.

Вот в таком изысканно-ироническом стиле Ходына дает характеристику своему сопернику и коллеге, придворному краснобаю Бояну и приступает к собственному повествованию: “Почнем же, братья, повесть сию...” Но вот еще одна неожиданность: Ходыне будто не понравилось собственное начало. Может быть, попросту говоря, не завелся с первого раза, а может, так и было задумано. Но, так или иначе, в скором времени он пытается начать поэму заново, а для этого ему вновь требуется Боян, видимо, в качестве некоего поэтического детонатора. На сей раз Ходына обращается уже не к “братьям”, а к самому Бояну: “О, Боян, соловей старого времени, когда бы эти ты полки ущекотал...” Ходына практически повторяет все аргументы первой тирады, но уже без скрытой иронии, а с открытой насмешкой. Если там струны Бояна, как никак, все-таки “рокотали”, то теперь этот “соловей” “скачет мыслию” и “щекочет”, да еще “рицет в тропу Троянову через поля на горы” — через пень-колоду, через пятое на десятое и т. д.

Детонатор сработал — поэт взлетает на мощную энергетическую волну.

Как стрелы, пущенные с натянутого лука, срываются короткие громоподобные строфы:

*Комони ржут за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят стяги в Путивле.*

Ни одному средневековому книжнику не пришло бы в голову придумать нечто подобное и применить как осознанный литературный прием, то есть сочинить в уме соответствующий сценарий, а потом вот так, нарочито стенографически, его записать. Такое могло осуществиться только неосознанно, само собой, как литературно-наивная попытка записать живую устную импровизацию.

Зато сегодня мы имеем совершенно уникальную, беспрецедентную в мировой литературе возможность — через восемьсот с лишним лет, каким-то чудом, оказаться в княжеской гриднице и наблюдать волнующий момент рождения поэтического вдохновения, рождения гениальной поэмы.

И вот наконец: “Игорь ждет милого брата Всеволода...” Действие поэмы из княжеской гридницы переносится на необозримые просторы русских княжеств и половецкого поля. Однако автор время от времени вдруг опять обращается к “братьям”, и мы невольно вспоминаем, что эту песнь он “творит” перед слушателями, что они тут постоянно присутствуют.

8. Финал

Надеюсь, мы уже убедились в блестящем поэтическом мастерстве, уме и профессионализме автора на примере его полемики с Бояном в начале поэмы, поэтому мы вправе ожидать, что и завершение этой полемики в конце прозвучит с такой же осмысленной ясностью. По всем законам здравого смысла в финале поэт непременно должен вернуться к изначальной теме, подвести итог. Вот с такими ожиданиями и взглянемся в этот небольшой, но трудно читаемый текст:

*Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля пестворца,
Стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти.*

В тексте присутствуют пять имен собственных. Четыре из них — кроме Ходыны — принадлежат ключевым персонажам поэмы — Боян, Святослав Киевский, Старый Ярослав, Олег “Гориславич”. Кто же такой этот Ходына, имя которого стоит в паре с Бояном, но прозвучало в поэме впервые? Неужели это какой-то персонаж, который в поэме никак не участвовал и вдруг появился в финальной фразе, причем в одном ряду с ключевыми фигурами поэмы? Если это так, то это абсолютная бессмыслица, что, как мы убедились, не свойственно высокому умственному уровню нашего поэта. Остается только

один ответ: поэт поставил свою подпись в конце поэмы*. Он заявил, что оба они, вместе с Бояном, Святославовы песнотворцы (двойственное число), то есть находятся на службе у Киевского князя. Оба пропели и о “старом времени” — Боян о времени Старого Ярослава, а Ходына об Олеговом старом времени. О старом времени “...коганя хоти” — буквально о князем хотении, о княжьей любви. Ходына замыкает смысловое кольцо поэмы. Вспомним начало: “Не лепо ли нам было, братья, начата старыми словесы...” Вот важнейшая мысль всей поэмы: старое время было не только “лепо” и славно, поэт показывает “братьям”, что современные княжеские крамолы, междоусобицы и нестроения в Русской земле берут свое начало тоже в старом времени, во времени Олега “Гориславича”, когда слава Русской земли стала “горькой”, когда “в княжьих крамолах век людской сократился”.

Вот такой в высшей степени лапидарной концовкой завершает Ходына идейно-политическую линию своей поэмы, а затем сообщает о возвращении Игоря из плена и поет ему традиционную славу.

9. “Слышал звон...”

У нас осталось еще одно упоминание имени Бояна в середине поэмы. Мы увидим, как опытный боец Ходына наносит виртуозные удары своему противнику, но, к сожалению, их полный смысл остается для нас закрытым.

Заканчивая рассказ о старом князе Всеславе, который княжил в XI веке и был одержим какой-то безумной страстью передвижения из одного княжества в другое — “Из Киева дорыскивал до Кир-Тмутороканя, Великому Хорсу волком путь прерыскивал”, Ходына произносит некий замысловатый пассаж: “Потому, — продолжает он, — в Полоцке звонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он (Всеслав) в Киеве звон слышал”. То есть, будучи Полоцким князем, Всеслав уже спозаранку почему-то оказывался в Киеве. И сразу же, вслед за этим, Ходына проводит какую-то неожиданную параллель между Всеславом и Бояном: “Потому и вещей Боян...”, причем параллель очевидная — оба “вещи”, оба “рыщут волком по земле” и оба, видимо, по этой причине, “потому” “слышат звон не там, где он”. Только Полоцкий князь Всеслав слышал звон “к ранней заутрене” в Киеве, а Боян, “смысленный” (как это он, вдруг стал “смысленным”?) “потому” же “припевку рече”. Припевку, разумеется, можно было понять только в контексте всей песни Бояна, но читатель-то этой песни не слышал. Остается лишь догадываться, что в связи с этой “припевкой” Боян продемонстрировал свою позорную неосведомленность о каких-то событиях, то есть “слышал звон, да не там, где он”. Можно предположить, что Боян, говоря в этой “припевке” о “неминуемости Божьего суда”, вынес мрачный приговор Игорю, и Ходына, в ответ на это, тут же начинает рассказ о победе Игоря из плена и о благополучном его возвращении домой.

10. В княжеской гряднице

Мы рассмотрели главную, основополагающую тему “Слова о полку Игореве — политическую полемику автора поэмы со слушателями и связанную с ней поэтическую со своим коллегой и соперником, певцом Бояном. Дух этой полемики незримо пронизывает всю ткань поэмы, наполняет ее высоким патриотическим пафосом, вызывает у читателя скрытое ощущение присутствия где-то в закадровом пространстве поэмы аудитории слушателей, создает эффект и нашего присутствия в этой аудитории, нашего участия в этой живой, феноменально стенографически записанной полемике, которая, надо полагать, действительно прозвучала однажды, в конце XII века, в Киеве, на очередном собрании придворной знати.

* Обратим внимание — имена обоих певцов, Бояна и Ходыны, появляются в тексте поэмы совершенно аналогично — ниоткуда. Вернее, из закадрового пространства слушателей. Но если слушатели — это некие призрачные участники реального нерасчлененного действия, то читатель обречен быть наблюдателем лишь отрезка этого действия, обрубленного началом и концом письменного текста.

11. Снова о рукописи

Мы вплотную подошли к вопросу, который неизбежно вытекает из очевидного факта: поэма была записана, иначе сегодня мы бы даже и не подозревали о существовании той жизни, которая в ней отразилась. Это записывание, судя по всему, не было привычным занятием поэта-импровизатора, значит, были какие-то внешние обстоятельства, которые заставили поэта выполнить этот непривычный для него труд. Кроме того, так ли уж стенографически все было записано? Не появилось ли в рукописи что-то такое, что не могло прозвучать перед слушателями?

Мы видим, что сам поход Игоря описан в поэме очень последовательно, ясно, цельно: выход в степь, зловещие предзнаменования, утром – легкая победа и добыча, ночевка в степи, затем окружение половцами, трехдневная жестокая битва, поражение и пленение. Затем бегство из плена, уход от погони, возвращение домой. Повествование о походе Игоря прерывается двумя, тоже повествовательными, историческими отступлениями о “старых временах” – о времени Олега Святославича (“Гориславича”) и Всеслава Полоцкого. Эти отступления, так же как и рассказ о походе, явно были обращены к публике, к слушателям, к “братьям”.

Но вот в середину повествования буквально врезается довольно большой текст, занимающий значительную часть всей поэмы, – это персональные обращения к конкретным князьям с призывом встать на защиту Русской земли. Большинство из них звучат как некие императивы, так что остается даже не совсем ясно, от чьего имени они произносятся. Трудно себе представить, чтобы столь конкретные обращения к столь конкретным княжеским персонам прозвучали бы перед аудиторией без расчета на какие-то ответные действия этих персон. Но тогда они должны были или присутствовать среди слушателей, или эти обращения появились только в рукописи.

Но в композиции поэмы есть еще одна серьезная странность. Перед обращениями к князьям мы читаем довольно длинную прямую речь. Это рассказ Киевского князя Святослава своим боярам о своем “мутном сне”, в котором князь видит собственные похороны, затем бояре что-то говорят по этому поводу и, наконец, Святослав “изронил” “золотое слово со слезами смешано”.

Невольно встают следующие вопросы. Первый. Какую роль в идейном замысле поэмы играет этот довольно пространственный репортаж о некой преступной беседе князя Святослава со своими боярами, о беседе, на которой поэт будто присутствовал и теперь он, будто дословно, от лица Святослава и бояр воспроизводит речи, на этой беседе прозвучавшие? Второй. Являются ли все эти речи исторически достоверными? И, наконец, третий. Кто должен был стать слушателем (или только читателем) этого репортажа?

Вряд ли самого Святослава так уж должны были привлекать якобы свои же рассказы о собственных мрачных снах и его старческие, слезливые слова по поводу своей же немощи! Больше похоже на то, что где-то за кадром находится какое-то лицо или группа лиц, которым вся эта информация и была предназначена. В репортаже раскрывается политическая обстановка при киевском княжеском дворе. Святослав видит во сне собственные похороны – предвестие скорой кончины. Бояре пытаются утешить старого князя: дескать, это “оттого, что два сокола слетели с отчего злата стола...”, напоминают ему о поражении и пленении Игоря, но заканчивают свое “утешение” жалобой на собственную невеселую жизнь. И “тогда” Святослав произносит свое слово, хотя по-княжески “золотое”, но полное старческих слез. Он тоже сетует на своих непокорных племянников – “сыновча” Игоря и Всеволода, а еще и на своего брата, Черниговского князя Ярослава, пытается подбодрить самого себя, дескать, я еще сокол, “не диво и старому помолодиться”. Однако заканчивает совсем безысходно: “да вот зло – князья мне не в помощь, на ниче ся години обратиша”, то есть Святослав признается, что князья ему больше не подчиняются, и времена обратились в ничто, в никчемные, в ничьи.

А затем тут же, после короткого сообщения о бедственном положении Переяславского князя Владимира Глебовича, автор обращается к Великому князю Владимиро-Суздальскому Всеволоду и о чем-то его как-то прикровенно просит. То, о чём просит автор молодого тридцатилетнего Великого князя, вряд ли вообще тогда могло прозвучать громко и открыто. Вот о чём автор

просит Всеволода: "... Не мыслию (значит, "мысль" такая известна) перелететь издалече (то есть из Владимира) отчего злата стола поблюсти" ("отчий злат стол" — разумеется, Киев). Затем автор восторженно говорит о бесчисленном войске Всеволода, которое может и "Волгу веслами раскропить и Дон шеломами вылить" (вычерпать). И, наконец, автор самозабвенно восклицает: "Когда же бы ты был (здесь, в Киеве, на "отчем златом столе"), то была бы чага по наготы, а кощей по резани". Вожделенная мечта киевского аристократа — дешевые рабы на киевских рынках. И заканчивает: "Ты ведь можешь посуху живыми шерширами удалыми стрелять сынами Глебовыми". Не будем докапываться до полной ясности этой метафоры, очевидно одно: если Святославу "князя не в помощь", то могущественный Всеволод с легкостью управляет своими вассалами.

Вот для чего в рукопись об Игоровом походе был вписан этот репортаж с рассказом Святослава о его "мутном сне" и его "золотое слово со слезами смешанное", и даже тревожная весть о смертельно раненном Владимире Глебовиче — родном племяннике Всеволода. Последовавшее за всем этим обращение к Всеволоду — это отнюдь не поэтическая риторика, это решительный и, возможно, тогда очень рискованный политический шаг, вряд ли предпринятый лишь самим поэтом. За его спиной могла стоять целая политическая группировка, которая мыслила реалистично и понимала, что вывести Русскую землю из политического кризиса княжеских междоусобиц может только сильная власть одного князя. Именно такой фигурой и был тогда Великий князь Всеволод Юрьевич. Идея эта возникает в поэме настолько неожиданно и, вместе с тем, столь же однозначно и очевидно, что вся поэма начинает казаться лишь камуфлирующим фоном этого политического послания, направленного на осуществление огромной значимости для всей Русской земли политического замысла.

Попало ли это предложение, вписанное в рукопись поэмы, к самому Всеволоду? Точного ответа на этот вопрос мы пока не имеем.

Известно только, что в XVIII веке рукопись находилась в Спасо-Ярославском монастыре, который был основан в 1213 году, сразу после смерти Всеволода, его старшим сыном Константином Всеволодовичем. Кроме того, не будет ничего удивительного, если окажется, что и "Задонщина" в конце XIV века писалась в том же монастыре.

12. Песни войны

Принадлежность к воинскому сословию — ратник — и к сословию пахарей — ратай — обозначалась в Древней Руси почти одним и тем же словом. Воинское служение в жизни народа было занятием ничуть не менее важным, чем труд пахаря. Без этого служения мирный труд пахаря в те времена был просто невозможен. Во главе воинства стоял князь. Выполняя столь важную функцию в жизни общества, княжеская дружина представляла собой в веках сложившийся живой организм со своим устройством, иерархией, историческим опытом, навыками, культурой, традициями и т. д. Весь уклад воинской жизни того времени, постоянно наполненный огромным эмоциональным напряжением, риском, личными подвигами, удачью и отвагой, сильными впечатлениями от дальних походов, от побед и поражений, не мог не вызывать к жизни целый поток поэзии — песен, рассказов, воспоминаний, легенд, которые не только развлекали, но и передавали из поколения к поколению многолетний опыт, хранили историческую память. Нам хорошо известны целые пласты такой воинской поэзии, рожденные Великой Отечественной войной, войной 1812 года, целая стихия казачьих песен. Военно-исторических песен было много, и они были всегда, но далеко не все были записаны. Двухстрочное мнение о том, что "Слово о полку Игоре" — это одинокая скала в степи древнерусской литературы, опровергается самим "Словом". Во-первых, в нем упоминается много исторических имен, а за ними явно стоят события, о которых известно через песни, повести, рассказы об этих героях: Старый Ярослав, Храбрый Мстислав, Красный Роман, юноша князь Ростислав, Борис Вячеславич, Святополк, Старый Владимир, Ярослав Осмомысл, Шарукань, Кобяк и многие другие. Исследователи привыкли говорить и писать о широких исторических познаниях автора "Слова о полку Игоре". И это, безусловно, так. Но вряд ли поэт получал эти познания через книжное чтение. При кня-

жеских дворах постоянно, и может быть, веками, звучали песни, предания, повести, рассказы о событиях, происходивших и происходящих по всей Русской земле. Само “Слово о полку Игореве” – это ведь не только рассказ о походе Игоря, это целый букет самостоятельных рассказов-песен. Чего стоит, например, рассказ о трагическом одиночестве на поле брани юного князя Изяслава Васильковича, который, так и не дождавшись помощи от кровных братьев своих, от родной крови, ни от Брянчислава, ни от Всеволода, произносит трогательные прощальные слова, обращенные к собственной крови, пролитой на “кровавую траву”: “Дружину твою, княже, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали”. Эта виртуозная, еле уловимая поэтическая игра смыслами – и есть неповторимый, ни с чем не сравнимый стиль блестящего древнего поэта Ходыны. “Слово” буквально наполнено подобными блестящими поэтического остроумия, изысканной воинской лексики, которые предстоит еще извлекать из трудного текста, как крупницы золота.

Однажды русское общество взяло некий культурно-амбициозный кредит, назвав свою древнюю поэму “золотым словом русской литературы”. Сегодня надо посмотреть правде в глаза и признать, что за двести лет “золото” это никак не может заблестеть своим полным, истинным блеском, вплоть до того, что кто-то, по сей день, имеет основания подозревать в нем фальшивый сплав. Да, за двести лет некая псевдонаука замылила, залакировала, засорила, умертвила восприятие этого поистине диковинного поэтического шедевра. Но пришло время погашать культурные долги, избавляться от двухвековых блужданий. Пришло время с удивлением обнаружить, что “Слово земли Русской” не только золотое, но живое, духовно дышащее, что в нем по сей день бьется пульс непреходящей, немеркнувшей, неисчерпаемой жизни, любви и поэзии.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Его стихи, баллады, песни да весь его облик и рокочущий голос – веяли оптимизмом, жадной жизни, неуёмной страстью к новым дорогам и открытиям. В 67 лет широко признанный поэт-песенник, профессор Литинститута Лев Ошанин закончил стихотворение задорной строфой:

*В ладонях друзей согревал я ладони.
Навстречу взрывались снега и дожди.
Весь мир обошел, поседел я и понял,
Что я еще молод и всё впереди.*

Да, стихи и песни Ошанина дышат молодостью и влюбленностью в мир, дорогу, песню, что поневоле заражают всякого, кто прикоснется к его творчеству. Недаром благотворительный творческий фонд имени Л. Ошанина в Рыбинске называется “Солнечный круг” по первой строчке знаменитой песни “Пусть всегда будет солнце!”. Ярославские земляки (позывные радио здесь – первая строчка песни “А вокруг меня – Ярославия”) к 100-летию со дня рождения Ошанина объявили конкурс молодых литераторов в честь круглого юбилея. Руководитель семинара, где учились Василий Белов, Геннадий Касмынин, Владислав Артемов, снова собрал вокруг себя молодых поэтов – 168 откликнулось из разных краев России. Как-то будет отмечен юбилей в общероссийском масштабе?

На набережной в Рыбинске был установлен памятник славному уроженцу, увы, неудачный. Вот что написал тогда единственный в городе член Союза писателей России Сергей Хомутов: “Сходства нет, да плюс к тому же и красоты великой, олицетворяющей символ города, тоже не наблюдается. В том, что происходит, вины скульптора из Средней Азии нет, он просто не был знаком с Л. И. Ошаниным. Но вина ляжет на людей, благословивших установку нелепой скульптуры в одном из самых красивых уголков Рыбинска”. Дискуссия отшумела, памятник был установлен на Волжской набережной, где любил бродить Ошанин, где довелось и мне стоять рядом с учителем по Литературному институту и старшим товарищем по многим дорогам и общественным писательским делам. Достаточно сказать, что вслед за Ошаниным я стал и председателем Фатьяновского комитета, и председателем творческого объединения поэтов Москвы, и руководителем “Поэтической студии на Никитской”.

Предисловие к своему избранному в библиотечке “Молодой гвардии” Лев Иванович предложил написать двадцатилетнему Феликсу Чуеву, чем вызвал

недоумение многих мэтров: как? — почти неизвестному мальчишке! Но в этом — весь Ошанин. Вот и в 1977 году, когда Политехнический проводил большой вечер в честь его 65-летия, он попросил вести его... меня, своего недавнего семинариста. Хотя столько громких имен и фигур за честь бы сочли! Я страшно волновался, и на пике какого-то эмоционального подъема сочинил стихотворение:

*Говорил один ценитель строгий,
Низвергать привыкший — не любить,
Что поют все меньше “Эх, дороги...”
Я ответил: “Так должно и быть!”.*

*Может, это — высшая награда
Песне, остающейся живой
И пропетою столько, сколько надо
Для великой песни фронтовой.*

*Нас по мирным тропам носят ноги,
Мы легки на споры, на подъем,
Но не дай Бог, если по тревоге
Час дадут на сборы,
и в дороге
Все мы “Эх, дороги...” запоем...*

Увы, я угадал — вскоре запели. Афганистан, потом “горячие точки” от Таджикистана до Приднестровья, наконец, кошмар Чечни:

*Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...*

“Неживой” — страшный, пронзительно точный эпитет, относящийся не только к трупам молоденьких солдат, к потерявшим сознание от горя матерям и подругам, но ко всем нам — свидетелям и жертвам страшных времен. Великая и пророческая песня!

Последняя книга Льва Ивановича “Вьюга смешала землю с небом...” писалась в Америке, где жил он несколько месяцев, оторвавшись несколько от жизни любимой, разрушаемой Россией в самый, может быть, переломный момент. Я стал одним из первых читателей свежей рукописи, которую Ошанин предложил издательству, где я был тогда главным редактором, по благодущию думая, что такая книга может пойти на изменившемся диком книжном рынке по реальной стоимости издания. Но это уже было невозможным даже для книги сокровенных воспоминаний, лучших стихов и песен Ошанина — автора более семидесяти сборников, которые в советские времена расходились миллионными тиражами.

Прочитав рукопись, я сделал только одно принципиальное редакторское замечание — на правах давней дружбы: “Лев Иванович, уберите, пожалуйста, тот абзац, где вы сокрушаетесь, что посвятили всю жизнь идее социализма, которая оказалась несостоятельной (или “исчерпала себя” — точно не помню). Не при нас она возникла; и умрет, может быть, тогда, когда воплотится в реальную, несхематичную жизнь...”. Мастер слушал недоверчиво и рукопись забирал, по-моему, с обидой. Через некоторое время в вышедшей при помощи спонсоров книге (что в принципе было унижительно для автора всенародно любимых песен) я прочитал уже совсем иной абзац: “Я готов отвечать за свою веру и за всё, что было со мной много лет назад и что ушло безвозвратно”.

Верю, что песенный стих Льва Ивановича Ошанина не уйдет безвозвратно, как и его притягательный образ, пока живы мы, близкие поэта, его ученики, все любители истинно поэтической песни. Да не померкнет солнечный круг!

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

О НЕОЦЕНЁННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Один из первых своих популярных очерков, посвящённых Индии – “На земле Махабхараты”, – Наталья Романовна Гусева опубликовала в “Нашем современнике” ещё в 1969 году. Мы печатаем статью Александры Баженовой в память о нашем давнем авторе, замечательном исследователе, удивительном человеке.

Редакция

Не стало члена Союза писателей России Натальи Романовны Гусевой (21.03.1914–22.04.2010). Она прожила непростые, но счастливые 96 лет. Доктор исторических наук, учёный-санскритолог, индолог, драматург, переводчик (с санскрита, английского, французского), автор книг по религиям, истории и культуре Индии, книг о древнейших взаимосвязях культур, религий, языка, истории Индии (индийских арьев) и России, ведущая телепередачи “Клуб кинопутешествий” (работала с В. А. Шнейдеровым в самом её начале) – всё это разнообразие (здесь ещё неполное) профессиональных гуманитарных занятий было воплощено в одной хрупкой, нежной, мудрой и очаровательной женщине, между прочим, пережившей две грандиозные российские катастрофы в 1917-м и 1991 годах, две войны – гражданскую и Великую Отечественную, – голод, карточки, разруху, эвакуацию, смерть близких.

Говорят, что дети, юные создания все одинаково прекрасны, но с возрастом на лице человека проступает душа. Поэтому одни пожилые люди – с вечно недобрыми, недовольными лицами, брюзгливыми голосами. Другие, несмотря на морщины-отметины десятилетий, – светлые лицом, с ясными очами и мудрым взором. Они похожи на ангелов или просветлённых мудрецов. Они легко видят невидимое другим, знают нечто необыкновенно далёкое, спрятанное в глубинах тысячелетий. Безусловно, к этим последним относилась Наталья Романовна Гусева, всю жизнь упорно отстаивавшая на деле гражданскую и этическую позицию русского патриота как достойного потомка древних индоевропейцев – наших далёких предков. Таких знатоков индийской культуры и связей её с русской культурой в России просто больше нет.

Родословная Натальи Романовны, урождённой Четыркиной, уходит в глубь веков служения её предков России. Её прадед Роман Сергеевич Четыркин родился в семье священника в уездном городе Рославле Смоленской губернии. Талантливый военный врач – практик и учёный, автор десятков книг и статей, получил потомственное дворянство. Дед и отец были юристами, мама умерла, когда Наталья Романовне было два года. Все её предки знали по нескольку европейских языков, были переводчиками, музыкантами, людьми тончённой культуры.

Наталья Романовна родилась 21 марта 1914 года в с. Рубежовка Киевской губернии. В 1922 году она с оставшимися членами семьи переехала в Ленинград. Сестра мамы, бывшая классная дама в Петербургском сиротском институте, воспитывала Наташу и брата Никиту строго и многогранно, например, сама обучила их французскому и немецкому языкам. В 1928 году Наталья Романовна поступила на работу на ленинградский шинный завод “Красный треугольник”, с 1930-го параллельно училась в техникуме резиновой промышленности и работала лаборантом в НИИ резиновой промышленности. В 1934-м, отлично сдав экзамены, казалось, без проблем, поступила в Ленинградский университет на индийское отделение филфака, осуществив свою заветную мечту. Однако... её тут же исключили. Причина? – она честно написала в анкете, что происходит “из дворян”. В 1934 году жизнь при такой анкете могла повернуться круто. Положение спас брат Никита, отслуживший в РККА, много лет проработавший на заводе, он уверенно доказывал, что они с сестрой советские люди, родительского воспитания лишились рано, сестра много лет работала, перейдя в положение вполне пролетарское. Доводы оказались убедительны. Наталья Романовна осталась в университете.

Загадочная Индия стала страстью Натальи Романовны, навеянной чтением приключенческих романов. В Советском Союзе об Индии знали немного, ведь она тогда была английской колонией. Позже Индия вошла к нам романтическими фильмами, своим простодушием, музыкальностью, очаровавшими и покорившими многих. Простые русские люди интуитивно чувствовали внутреннюю близость индийскому миру, где существовали прекрасные духовные идеалы, благородные жертвенные герои.

На 2-м курсе Ленинградского государственного университета Наталья Романовна встретила с инженером-изобретателем В. Н. Гусевым, стала его женой, в 1937-м у них родилась дочь Ира. В этом же году супруги расстались. Наталья Романовна с отличием окончила университет, а когда началась война, – с дочерью эвакуировалась в Пермь. Там пришлось работать не по специальности, а, по требованию военного времени, – лаборантом в институте микробиологии, где изготавливали необходимую фронтную сыворотку. Одновременно работала в госпитале по уходу за ранеными.

Однако тоска по любимой индологии была так велика, что в 1944 году Н. Р. Гусева, без вызова и документов, отправилась в Москву в Институт этнографии проситься на работу. Как не принять отлично окончившего университет специалиста, к тому же владеющего немецким, французским, английскими языками и санскритом?! Её приняли и направили в качестве преподавателя в Военный институт иностранных языков – военные специалисты тогда были нужнее. Там она нашла настоящую свою любовь – курсанта индийского отделения этого вуза С. И. Потабенко, он был также индологом, ещё и художником. В 1946 году они стали мужем и женой.

Наталья Романовна закончила аспирантуру в Московском институте этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук (1952), затем – докторскую (1978). Святослав Игоревич тоже защитил диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук, служил в Институте востоковедения.

В 1962–1964 годах Наталья Романовна проживала в Индии, работая при советском посольстве, изучала историю, культуру, ремёсла, религии Индии, о которой русская наука тогда ещё мало знала. Результатом её трудов стали около 200 научных работ, среди которых особенно заметны научно-популярные книги: “Современное декоративно-прикладное искусство Индии” (1958); “Джайнизм” (1968); “Художественные ремёсла Индии” (1982); “Раджастханцы (народ и проблемы)” (1989) – “Индуизм” (М., “Наука” 1999, “Вече”, 2003); “Индия в зеркале веков” (М., “Наука”, 1999, “Вече”, 2003) и другие. Ценны художественно очаровывающие переводы-пересказы Н. Гусевой на русский язык эпических поэм “Махабхарата”, “Рамаяна”. По “Рамаяне” (впервые в западных странах) Наталья Романовна написала одноимённую русскую пьесу, которая 20 лет (1960–1980) с неизменным успехом шла в Центральном детском театре в Москве, а с 1977-го – в Ленинграде. Для кукольных театров ею созданы пьесы: “Царь-скиталец” по мотивам “Махабхараты” (сюжет о Нале и Дамаянти), спектакль по которой шёл в Иванове и Томске; “Индийская легенда” по мотивам “Рамаяны” – в Уфе. Пьеса “Десять царевичей” написана по первому в мире роману в прозе “Похождения десяти царевичей” индийско-

го автора VI века. Таким образом, Наталья Романовна во многом открыла Индию для русских детей и взрослых.

Н. Р. Гусева относилась к числу тех учёных, которые писали не “только для учёных”, она заменяла большинство санскритских слов и принятых в науке латинских и прочих терминов адекватными их переводами на русский язык, стараясь сделать доступными для всеобщего понимания даже сложные научные проблемы и загадки древнейшей истории индоевропейцев.

Углубляясь в изучение языка, она обратила внимание (это подтверждено и высказываниями индийских учёных), что санскрит из индоевропейских языков ближе всех к русскому. Натальей Романовной выявлено несколько сотен слов, почти полностью или близко совпадающих в двух языках. Например: по-русски *Бог*, а на санскрите *бхага*; *брат*, соответственно, *бхратрь*; *вал* – *вал*; *ветер*, *веющий* – *ватар*, *ваю*; *волна* – *валана*; *вякать* (говорить) – *вак* (*Вак*, *Вас* в ведах – богиня речи); *грива* – *грива*; *дверь* – *двар*; *дева* – *деви*; *диво* – *дива*; *дом* – *дом*; *другой* – *друха*; *дырка* – *дрька*; *калоша* – *калоша* (грязь); *когда* – *када*; *куча* – *куча*; *ладить* – *лад*; *латка* – *лата*; *лепка* – *лепа*; *мать*, *мать*, *мама* – *матрь*, *мата*, *ма*; *новый* – *нава*; *огонь* – *агни*; *род* – *раса*; *папа* – *папа*; *простор* – *прастра* и т. д.

Многочисленные совпадения и похожести в языке, мифологии и проч. славян и индийцев не могли быть случайными. Чувствуется, что в древности эти два народа жили бок о бок друг с другом.

Ведущей линией творчества Н. Р. Гусевой стало исследование прошлого индийских ариев и славян: существование у них общих предков в эпоху палеолита, подтверждение общности проживания на Русском Севере, у истоков Волги, в более южных широтах. Она писала, что формированию “славянского мира посвящено много трудов, но почти все их авторы не переступали предела начала I тысячелетия до н. э. Да и до этого предела доходили не все... Так писали и о русских, о народе, который уже знал в середине I тысячелетия государственные объединения, возводил так много городов, что на Западе стали Русь именовать Гардарикой, то есть “страной городов”... Нам интересно – кто наша родня сегодня, вчера, позавчера? И не только позавчера, но и в те далёкие эпохи, когда прорастали в историю первые побеги народа... И когда мы читаем у историков, что, например, балто-славянская общность распалась в V тысячелетии до н. э., то понимаем, что, значит, славяне существовали уже издревле как группа племён”.

Веды (а позже и Авеста), безусловно, начинали создаваться ещё на Русском Севере в период единой общности индоевропейских народов и отдавались на хранение уст жрецов. Весть не случайно в них вошли упоминания о зиме, снеге, льде, полярной ночи, полярном дне, северном сиянии, Полярной звезде, “тёплом загоне” для скота и другом, чего не было потом в Средней Азии, где веды продолжали дополняться, в Индии, где веды и другие предания индоариев были лишь записаны на санскрите.

Что характерно, наиболее известные, изученные истории, культуры, мифологии Европы – греческие и римские. А **народы большей части Европы – славяне** историками представляются как бы пришедшими неизвестно откуда, не имеющими никаких исторических прав, случайным сочетанием этнических групп. Никто “не видит” устойчивое во времени и однородное генетическое ядро славянского этноса, схожесть традиций, поразительную сохранность на протяжении тысячелетий однородного антропологического типа славян. Термин “славяне” появился в VI веке. Славяне считаются молодыми, поздними народами. А до VI века где они были? Где их прародина? Кто их предки?..

А их предки **всегда** жили в Европе.

Прародина индоевропейцев была за Полярным кругом и в периоды межледниковья имела благоприятный климат. Об этом писали: учёный-санскритолог Индии Б. Г. Тилак в книге “Арктическая родина в Ведах” (1903; перевод на русский язык – М., 2002); русский учёный Е. Елачич в книге “Крайний Север как родина человечества” (СПб., 1910); американский исследователь У. Ф. Уоррен в книге “Найденный рай на Северном полюсе” (пер. с англ. – М., 2003); индийский учёный Р. Санкритьяна “От Волги до Ганга” (1953, М., 2002) и другие. После наступления последнего ледника – около 18–12 тысяч лет до н. э. – прашуры индоевропейцев стали переселяться в более южные широты: в Среднюю и Южную Сибирь, на Волгу, Дон, Днепр, Дунай, в Северное Причерноморье, Крым...

Наталья Романовна находила и находила в книгах учёных родственные ей самой мысли о том, что у всех индоевропейских народов была некогда одна прародина на Севере Евразии, и очень сожалела, что редкому читателю доступна информация о древнем происхождении индоарьев и их близких родственников славян. Тогда она решила перевести на русский язык книги *Санкритьяны, Тилака, Уоррена*. Это было не так-то просто. Например, книга Уоррена “Найденный рай на Северном полюсе” выдержала на западе 10 изданий, а в России её, не переведённую, трудно было найти даже в значительных книгохранилищах, пришлось через знакомых получить её в библиотеке Дьюковского университета штата Северная Каролина, США. Переводы трёх названных книг, осуществлённые к 2002–2003 годам и вышедшие в России, — факт огромного исторического, культурного и духовного значения для этносов славян, русских, балтов, ибо в них содержится доказательная база **одинаково древнего происхождения всех индоевропейских народов**. Все предки современных европейцев вышли с Севера Русской Земли, с севера Евразии. Но в Западной Европе основное внимание уделяется изучению истории древних египтян, греков, римлян, романцев, германцев, англосаксов, скандинавов, кельтов, а **славяне**, которые **по территории и численности (даже не включая русское и славянское население азиатской части России) занимают больше половины Европы, оттираются на периферию** истории. Они якобы неизвестно откуда и когда появившиеся люди второго сорта. Но это не так! Более того, славянские народы стараются искусственно разъединить. Чего стоит, например, чудовищное разъединение восточных славян в 1991 году!

Популяризируя и разъясняя арктическую теорию происхождения белого человечества, Наталья Романовна писала статьи и книги (привлекая и других историков и филологов энтузиастов), лучшие из которых “Русский Север — прародина индо-славов” (М., “Вече”, 2003) “Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория” (М., “Белые альвы”, 1998, 2007); “Славяне и арьи” (М., “ФАИР”, 2002).

Русские всегда жили в Евразии: и двенадцать тысяч лет назад, и сейчас, их история столь же древняя, как сам континент. Но кому-то очень не хочется считать русских и славян древними народами, кто-то любит “кричать на всех перекрёстках”, что лишь он сам и его соплеменники древний народ... Только не русские, создавшие мощнейший среди всех индоевропейских народов язык, тесно связанный и перекликающийся с санскритом. Если кто сомневается и думает, что нам не более одной тысячи лет, что мы “отсталая” цивилизация, — читайте книги и переводы Н. Р. Гусевой и вы поймёте, что от нас скрывали, какие тысячелетия нашей древней культуры предавались забвению, какую яркую память о трудолюбивых талантливых предках замалчивали. То, что сделала Н. Р. Гусева в этой области, не сделал никто из учёных.

Я считаю, что труды выдающегося учёного, писателя и общественного деятеля Н. Р. Гусевой ещё недостаточно оценены и осознаны русскими. Хотя книги её написаны архидоступным языком простой и понятной народной мудрости, они издавались небольшими тиражами, дальше Москвы распространялись редко, их знают немногие, а учёные, большинство из которых — не русские, предпочитают ничего “не замечать”. Многие вопросы древнейшей истории русских и славян ещё ждут исследовательского энтузиазма русских учёных. Вот парадокс: мы о стомиллионнолетних динозаврах знаем порой больше, чем о наших предках, живших десять-пять тысяч лет назад. Учёные реконструируют облик динозавров, а дизайнеры и фантасты создают возможные варианты облика инопланетян. Почему же не изучить историю, мировоззрение своих собственных древних предков, не взглянуть в их суровый и прекрасный облик сквозь толщу веков?! Видимо, мы в вопросах древнейшей этнической истории ещё слабы, младенчески наивны, не досрели... не созрели... Бог ещё не дал нам прозрения... Но оно грядёт! Н. Р. Гусева не покладая рук трудилась, не покладая дум, окормляла нас разносторонними знаниями о нас самих и верой в энергию цивилизаторской способности русских людей. И Бог ей дал возможность разменять десятый десяток лет на благородные деяния. Бог дал ей невероятное терпение на этом поприще, мощную силу трудолюбия, необычайную организованность, нежную любовь к многострадальному русскому народу и веру в его прозрение относительно правдивых знаний о своих корнях.